

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 6/2015

ISSN 0131-2812

Эволюция отношений Китая с
государствами Восточной Азии

●
Китайский лоббизм в США

●
«Японский фактор»
в модернизации Тайваня

●
Особые экономические зоны
на Дальнем Востоке России

●
К 330-летию православия в Китае

●
Пейзажная живопись в Корее

1-й жкз

28 октября 2013 г. была достигнута договоренность об обменах и сотрудничестве между журналами «Проблемы Дальнего Востока» (РФ) и «Форум Северо-Восточной Азии» Цзилиньского университета (КНР). Соответствующее соглашение подписали главный редактор ПДВ, доктор экономических наук, профессор В.Я. Портяков и главный редактор «Форума Северо-Восточной Азии», профессор Чжу Сяньпин.

Журнал «Форум Северо-Восточной Азии» основан в 1992 г. и является одним из основных китайских журналов, освещающих вопросы политики, экономики, международных отношений, историко-культурного и межрегионального сотрудничества в регионе Северо-Восточной Азии. С 2012 г. финансируется государственным социально-научным целевым фондом, входит в индексы ведущих китайских научных журналов.

Журнал руководствуется в своей деятельности лозунгом «опоры на политику реформ и открытости, расширение сотрудничества с сопредельными странами, популяризацию региона Северо-Восточной Азии». Он вызывает широкий интерес во многих странах мира. Журнал нацелен на освещение различных точек зрения и теоретических новшеств в исследуемой области, в частности, проблем региональных «горячих точек» и актуальных острых тем.

В 2014 г. основными темами «Форума Северо-Восточной Азии» станут исследование Азиатско-Тихоокеанской стратегии США и вопросов региональной безопасности СВА, проблемы межрегионального сотрудничества и экономического развития в бассейне реки Тумэнь и экономика между сопредельными странами, тематики «нового Шелка», проблем Корейского полуострова, путей сообщения в Северо-Восточной Азии, международной безопасности и строительства энергетической системы, международного права в СВА, проблем экономики, демографии и окружающей среды в различных странах региона и вопросов

Руководящий орган: Министерство образования КНР

Учредитель: Цзилиньский университет

Редакция: «Форум Северо-Восточной Азии» (г. Чапчунь, г.

Телефон: 0431-85168728

Сайт: <http://dbyl.cbpt.cnki.net>

E-mail : dbylt2009@qq.com

Единый государственный номер: CN 22-1180/C

Международный стандартный номер: ISSN 1003-7411

Зарубежное издание: Международная книжная торговая корпорация
(Пекин 399 почтовый ящик)

Иностранный код: BM715

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

6/2015

Ноябрь — Декабрь

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
РАН

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

Бергер, д.и.н., (зам. главного редактора), О.Н. Борох,
А.В. Виноградов, д.полит.н., А.Д. Воскресенский,
ит.н., проф., С.А. Горбунова, д.и.н., А.С. Давыдов, к.и.н.
(главного редактора), В.Г. Дацышен, д.и.н., проф.,
Кебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф.,
Карнеев, к.и.н., В.О. Кистанов, д.и.н., Я.В. Лексютина,
ит.н., А.В. Ломанов, д.и.н., С.Г. Лузянин, д.и.н., проф.,
Лазырин, д.э.н., О.И. Мальцева (ответственный
за редакцию), Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик
Л.В. Новоселова, д.э.н., А.В. Островский, д.э.н., проф.,
Береломов, д.и.н., В.Е. Петровский, д.полит.н.,
Самойлов, д.и.н., С.С. Суслина, д.э.н., М.Л. Титаренко,
мик РАН.

Члены редколлегии

Григорьев, проф., директор Института китайских
исследований (Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф.,
национальный центр исследований по общественным наукам
(Париж, Франция), У Эньюань, проф., Академия
наук Китая (Пекин, КНР), Ху Аньган, проф.,
Институт Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу Сяньпин, проф.,
Пекинский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов зав. отделом Кореи
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. редакцией
Г.П. Манчча редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии
А.В. Шлыцков зав. отделом Японии

Содержание

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- В.Я. Портяков.* Эволюция и особенности международных отношений Китая в Восточной Азии..... 4

ПОЛИТИКА

- А.В. Волошина.* Северо-Восточная Азия в современной внешнеполитической стратегии Китая..... 12
- Д.Б. Графов.* Китайский лоббизм в США 25
- Ю.А. Шелетова.* Дракон и кондор: развитие чилийско-китайских отношений на современном этапе 33

ЭКОНОМИКА

- Ю.М. Шиганова.* Особенности регионального развития Китая на примере провинции Гуандун..... 39
- Д.Д. Лебедева.* Эволюция макроэкономического планирования в КНР: поиск оптимального соотношения между планом и рынком 47
- Е.И. Левицкая.* Экономика Южной Кореи на перепутье: вызовы и шансы..... 54
- В.А. Перминова.* «Японский фактор» модернизации Тайваня 64
- П.П. Эм.* Влияние развития метрополитена на качество жизни и равномерность размещения населения в столичной агломерации Республики Корея..... 71

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- А.Е. Савченко.* Между «желаемым» и «возможным»: особые экономические зоны на Дальнем Востоке в 1987–2015 гг. 83
- П.А. Гудев.* Охотское море: успех или уступка? 92

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- Ю.А. Грачева.* Положение народа наси в КНР в первое десятилетие политики реформ и открытости 102
- О.И. Завьялова.* Лингвистические новации и внешняя политика Китая 116

ИСТОРИЯ

- А.С. Ипатов.* «То дело зело изрядно...». К 330-летию православия в Китае и 300-летию основания Российской духовной миссии в Пекине..... 120
- В.А. Пушкарев.* «Родственные связи утрачены». Сводная биография казачьей семьи Гуровых..... 142
- Ю.И. Дин.* Первая политическая организация корейцев Сахалина в борьбе за репатриацию на родину 148

КУЛЬТУРА

- Е.А. Хохлова.* Теории возникновения пейзажной живописи *чингёнсан-сухва* в Корее 156
- И.А. Дябкин.* Культурные традиции китайцев в восприятии дальневосточного писателя-эмигранта: повесть П.А. Северного «Фарфоровый китаец качает головой» 161

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- VIII международная научно-практическая конференция «Россия — Китай: история и культура» (Казань, 8–11 октября 2015 г.)..... 167

РЕЦЕНЗИИ

- А. Старостина.* Журавлева В.П. Библиография Китая: Философия и общественно-политическая мысль. М.: ИД «Форум», 2015. 704 с. 171
- Е. Баялиева.* Чудодеев Ю.В. Советский стажер в Китае: дневниковые записи о стажировке в университете Фудань (Шанхай) в 1985–1986 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. 346 с. 174

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- Юбилей Татьяны Васильевны Лазаревой..... 176
- Юбилей Елены Александровны Лапшиной 178
- Юбилей Е.В. Бирюлина 179

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2015 год..... 180

Contents..... 186

Summary 188

Теория и методология

Эволюция и особенности международных отношений Китая в Восточной Азии

© 2015

В.Я. Портяков

В статье на основе методологии, предложенной учеными Института современных международных отношений Университета Цинхуа (КНР), рассмотрена эволюция уровня отношений Китая с ведущими государствами Восточной Азии. Сделан прогноз возможных подвижек в характере взаимодействия КНР с Вьетнамом, США, Японией, Россией, Республикой Корея на период пребывания у власти пятого поколения лидеров страны во главе с Си Цзиньпином.

Ключевые слова: КНР, международные отношения, США, Япония, Россия, Республика Корея, Вьетнам, количественные оценки, эволюция.

С приходом к власти пятого поколения лидеров КНР во главе с Си Цзиньпином заметно усилился глобальный характер внешнеполитического курса страны. Существенно расширилась география контактов китайского руководства на международной арене. Внешняя политика Пекина стала намного более инициативной по сравнению с предыдущим десятилетием. Большой резонанс вызвали предложения Си Цзиньпина по укреплению безопасности в Азии. Всеобщее внимание привлекает идея развития многостороннего сотрудничества на обширном пространстве нового сухопутного и морского Шелкового пути.

Пекин все активнее артикулирует собственное видение глобальных процессов и тенденций развития международной обстановки. Так, на центральном совещании по внешнеполитической работе 28–29 ноября 2014 г. Си Цзиньпин назвал «китайскую мечту» мечтой «мира, развития, сотрудничества, общего выигрыша». Была подчеркнута необходимость «создания нового типа международных отношений, ориентированных на сотрудничество и общий выигрыш в качестве ядра». По словам Си, надлежит внедрять понятие кооперации и общего выигрыша во все сферы международного сотрудничества в политике, экономике, безопасности, культуре¹. По сути дела, прежняя оценка современной эпохи как эпохи «мира и развития», данная тридцать лет назад Дэн Сяопином, дополняется новыми элементами — «сотрудничеством и общей выгодой».

Портяков Владимир Яковлевич, д.э.н., проф., заместитель директора ИДВ РАН, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока». Тел. 8-499-1290866.

Статья подготовлена в рамках совместного исследования РГНФ—ВАОН, грант № 14-27-09001 «Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии».

В то же время набирающий силу все более глобальный характер деятельности КНР на международной арене не отменяет, а скорее подчеркивает приоритетность для Пекина тех или иных конкретных географических направлений его внешней политики. В этом плане одним из основных приоритетов для КНР остается Восточная Азия. Здесь находится Япония — по сути дела, основной соперник Китая за лидерство в регионе. Сюда повернута своим тихоокеанским фасадом Россия, стремящаяся укрепить позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом и, в первую очередь, в Восточной Азии. Наблюдаются попытки самой мощной мировой державы — США укрепить свои позиции в регионе, в том числе военные. Восточная Азия является «адресатом» таких основополагающих векторов внешнеполитического курса Пекина, как выстраивание нового типа отношений Китая с великими державами и создание сети партнерских отношений с соседними государствами. Здесь же расположен Тайвань, остающийся пока вне юрисдикции КНР.

За годы существования народного Китая его отношения с основными государствами региона претерпели существенную, подчас драматичную эволюцию. Понимание ее причин помогает точнее оценить современное состояние и возможные перспективы развития связей Пекина с тем или иным государством.

Уникальным инструментом ретроспективного анализа уровня отношений КНР со странами Восточной Азии служит методика, разработанная в Институте современных международных отношений Университета Цинхуа, и сделанные на ее основе количественные оценки. Характер отношений здесь оценивается в диапазоне от -9 до 9. Выделено шесть типов отношений: «конфронтации» соответствуют количественные оценки от -9 до -6, «напряженности», соответственно, от -6 до -3, «дисгармоничности» — от -3 до 0. Положительный спектр оценок представлен «обычными отношениями» — от 0 до 3, «хорошими» — от 3 до 6 и «дружественными отношениями» — от 6 до 9. Каждая из шести градаций имеет свои подуровни (высокий—средний—низкий), отличающиеся количественно друг от друга на один пункт (например, «высокая напряженность» от -5 до -6, «средняя» от -4 до -5, «низкая» от -3 до -4 и так далее). Минимальное учитываемое значение составляет 0,1 балла².

Подготовленные учеными Университета Цинхуа оценки уровней двусторонних отношений Китая с рядом государств за период 1950–2013 гг. показывают, что предложенная методика позволила вполне адекватно отследить как общую эволюцию, так и резкие колебания их амплитуды в случае каких-либо неординарных событий.

Оценки китайско-американских отношений³ вполне закономерно отражают враждебное отношение Вашингтона к КНР с первых месяцев ее существования (-7,5 в январе—июне 1950 г.), которое достигло максимума (-8,3) в разгар Корейской войны. С ее окончанием конфронтация между КНР и США снижается до уровня «высокой напряженности» (между -5 и -6), однако после 1960 г. отношения вновь обостряются: по оценке, до -7,8 балла в разгар «культурной революции». С марта 1969 г., когда Пекин стал готовить почву для некоторого сближения с США, уровень напряженности понемногу снижается, активно реагируя на визит Г. Киссинджера (снижение с -6,7 в июне до -6,1 в июле 1971 г.) и особенно сильно — на визит Р. Никсона (с -5,8 в январе до -4,7 в феврале 1972 г.). Создание миссий связи (январь 1975 г.) отмечено оценкой в -3,3 балла, а визит Дэн Сяопина в США и последовавшее за ним полное установление дипломатических отношений — настоящим скачком с -2,1 (декабрь 1978 г.) до 0 (январь 1979 г.). Далее до середины 1989 г. оценки двусторонних отношений стабильно находятся в зоне положительных значений, достигая максимума в 3 балла в середине 1987 г. Санкции США против Китая, введенные после Тяньаньмэньских событий 4 июня 1989 г., резко ухудшают двусторонние отношения — с 2,5 в мае до 0,3 в июне, а затем их уровень до сентября 1994 г. уходит в минусовую зону, не превышая, впрочем, уровня «некоторой дисгармоничности». Еще один всплеск негатива в 1995–1996 гг. был вызван жесткой реакцией Пекина на сепаратистские действия Ли Дэньхуя на Тайване и последовавшее вмешательство в ситуацию Вашингто-

на. «Медовый месяц» в двусторонних связях в 1998 г., ознаменованный визитом президента Клинтона в Китай, нашел отражение в наивысших оценках уровня китайско-американских отношений за всю их историю (3,3 балла в сентябре). Бомбардировка в мае 1999 г. посольства КНР в Белграде и гибель китайского пилота в начале 2001 г. при столкновении с американским самолетом-разведчиком надолго отодвинули отношения Пекина и Вашингтона в район нулевой отметки. Более-менее стабильная повышательная тенденция возникла с 2007 г. Заметный сбой — до уровня 0,4–0,6 балла — имел место в марте—мае 2009 г. в связи с инцидентом с судном *Impressable*. На момент прихода к власти Си Цзиньпина (ноябрь 2012 г.) отношения между КНР и США оценивались в 1,7 балла. К концу 2013 г. их уровень повысился до 2,3 балла.

Отношения Пекина с Советским Союзом⁴, первым признавшим только что провозглашенную Китайскую Народную Республику, стартовали с весьма высокой оценки в 8,1 балла (январь 1950 г.). Союзнические отношения двух государств наглядно проявились в Корейской войне 1950–1953 гг., а затем и в масштабной помощи Москвы Китаю в годы первой пятилетки (1953–1957 гг.). Количественная оценка их уровня составила 8,2 балла с февраля 1950 г. по сентябрь 1954 г. и 8,3 балла в период с октября 1954 г. по май 1958 г. Затем, как известно, в советско-китайских отношениях началась полоса охлаждения, причины которого по сей день видятся в Москве и в Пекине не вполне одинаково. До середины 1960 г. количественные оценки двусторонних связей остаются на высоком уровне (8,2–8,1–8,0), но быстро понижаются после заявления Москвы об отзыве советских специалистов из Китая: 7,7 балла в июне 1960 г., 6,5 в июле, далее 6,4 балла по сентябрь 1961 г. и 6,2 балла по апрель 1962 г.

Ожесточенная полемика по широкому кругу вопросов между двумя правящими коммунистическими партиями, КПСС и КПК, стала главным «триггером» быстрого ухудшения двусторонних отношений: 5,2–5,1 с мая 1962 г. по май 1963 г., затем 3,9 балла в июне (полемика вокруг китайских предложений о генеральной линии международного коммунистического движения), 2,0 в июле с быстрым выходом на «нулевой» показатель в декабре 1963 г. — январе 1964 г. (известные «девять статей», адресованные Китаем советскому руководству). С февраля 1964 г. оценка уровня двусторонних отношений уходит в зону отрицательных значений, которые растут с развертыванием в КНР «культурной революции»: в 1966 г. -1,5 — -1,6, в 1967 г. -3 — -3,5, в 1968 г. -4. Столкновения на границе в марте и августе 1969 г. отразились в снижении уровня отношений соответственно до -5,1 и -5,9 балла. Затем наступила полоса своеобразного застоя: с сентября 1969 г. (встреча А.Н. Косыгина и Чжоу Эньлая в аэропорту Пекина) и по апрель 1978 г. включительно уровень отношений оценивается в -5,6 балла.

Новое ухудшение было вызвано осложнением отношений Китая с Вьетнамом на фоне отстранения от власти в Камбодже режима Пол Пота. Оценки уровня китайско-советских отношений снизились с -5,8 балла до -6 к концу 1978 г. и до -6,2 балла в апреле—августе 1979 г. Далее, до февраля 1982 г. они находились на уровне -6,1 балла. С марта 1982 г. (ташкентская речь Л.И. Брежнева) они начинают постепенно улучшаться, но выходят из минусовой зоны только в мае 1989 г. (0 — визит М.С. Горбачева в КНР и нормализация межгосударственных и межпартийных отношений).

В наследство от СССР ельцинская Россия получила уровень отношений с Китаем, оцениваемый в 2,8 балла (декабрь 1991 г.), который возрос до 3,6 балла к концу 1992 г. Далее имело место поступательное улучшение двусторонних китайско-российских отношений: 4,6 балла в конце 1994 г.; 5,1 балла в конце 1995 г.; 5,9 балла в конце 1996 г.; 6,4 балла в конце 1997 г.; 6,9 балла в конце 1998 г.; 7,5 балла в конце 1999 г. Подписание В. Путиным и Цзян Цзэминем 16 июля 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР нашло отражение в повышении оценки уровня отношений между двумя странами до 8 баллов. С того времени и до конца 2013 г. эти оценки оставались стабильно высокими, варьируясь в диапазоне от 7,8 до 8,1 балла.

Возникает вполне естественный вопрос о сопоставлении количественных оценок уровня отношений Китая с США и с СССР/Россией. Формально картина здесь достаточно ясная: отношения Пекина с Вашингтоном были стабильно лучше его отношений с Москвой в период с февраля 1972 по июнь 1989 г., остальное время — наоборот. Вместе с тем следует принять во внимание, что подчас в самом Китае высказывают сомнения в величине разрыва в уровнях его отношений с Россией и с США (на конец 2013 г. это 8,0 и 2,3 баллов). Вполне возможно, что в связи с огромными масштабами китайско-американских торгово-экономических, образовательных и научных связей уровень отношений КНР с США воспринимается населением как более высокий, нежели представленный в оценках Университета Цинхуа. В то же время, на мой взгляд, эти оценки выглядят достаточно объективными и убедительными, если сопоставить реальное состояние сегодняшних политических отношений Пекина с Москвой и Вашингтоном: в первом случае это подлинно «дружественные отношения», во втором — пока все еще «обычные отношения», не дотягивающие, несмотря на все усилия китайской стороны, до более высокого уровня «хороших отношений».

Важное значение для оценки общей международной ситуации в Восточной Азии неизменно имеет состояние китайско-японских отношений⁵. До начала 1970-х годов они устойчиво носили «конфронтационный» (1950–1955 гг.) или «напряженный» (1956–1971 гг.) характер, что вытекало из высокой степени близости Японии к США. Нормализация отношений Пекина и Токио подняла оценку с уровня -5,2 балла в августе 1972 г. до -1,7 в сентябре (один из наиболее резких скачков во всем комплексе двусторонних отношений КНР), однако в положительную зону эти оценки вышли только в августе 1978 г. в связи с подписанием китайско-японского Договора о дружбе.

Активное участие Японии в модернизации Китая — кредитами, оборудованием, специалистами — обусловило постепенное повышение уровня китайско-японских отношений до статуса «хороших», сохранившихся в этом качестве даже после июня 1989 г. и вплоть до конца 2002 г. Наивысшего уровня в 5 баллов они достигли в июне—августе 1994 г. Недовольство Пекина некоторыми аспектами политики лидеров Японии, особенно Дз. Коидзуми, обусловило постепенное охлаждение двусторонних отношений начиная с 2003 г. В период с февраля 2005 г. по август 2007 г. они вновь попали в зону отрицательных значений (с минимумом в -2,7 балла в апреле 2006 г.). В следующие пять лет китайско-японские отношения находились в зоне положительных оценок, но до уровня «хороших» на сей раз не дотянули. Более того, коллизия с затянувшимся арестом капитана рыболовецкого судна в акватории оспариваемых двумя странами островов Дяюйдао послужила основанием для существенного снижения оценки уровня отношений: с 2,9 балла в августе 2010 г. до 1,5 в сентябре. После решения японской администрации выкупить часть оспариваемых Китаем островов у частного владельца оценки отношений с сентября 2012 г. ушли в минусовую зону и достигли к концу 2013 г. довольно высокого уровня «напряженности» в -4,5 балла.

Отношения КНР с Республикой Корея⁶ — одним из ключевых государств Восточной Азии — в силу исторических обстоятельств долгие годы носили конфронтационный характер. В период Корейской войны 1950–1953 гг. оценки двусторонних отношений варьировались в диапазоне от -6,5 до -7,8 балла. С конца 1953 г. по апрель 1983 г., т.е. фактически на протяжении 30 лет, они характеризовались оценкой -6,6 балла, то есть на уровне «конфронтации низкой степени». Только в конце 1991 г. они перешли в новое качество — «напряженных» (-5,7 балла в ноябре—декабре), однако уже в 1992 г., ознаменованном установлением дипломатических отношений между КНР и РК, произошло скачкообразное улучшение оценки уровня двусторонних связей: до -2,5 в августе и -1,5 в декабре. В 1994 г. оценки выходят из минусовой зоны («дисгармоничность») и переходят в разряд «обычных» (0,8 балла в 1995 г.; 1,3 балла в 1996 г.; 1,7–2,2 балла в 1997 г.; 2,2–2,8 балла в 1998 г. В конце 1999 г. китайско-южнокорейские отношения удостаиваются стату-

са «хороших» (3,1 балла), а с 2008 г. — «дружественных» (6–6,3 балл). Признавая высокий уровень торгово-экономического и гуманитарного сотрудничества Китая и Республики Корея, следует в то же время отметить, что их высокая оценка, по сути дела, игнорирует факт сохраняющихся тесных союзнических отношений Сеула с Вашингтоном.

За годы существования КНР китайско-вьетнамские отношения⁷ неоднократно проходили через серьезные испытания. Они важны и интересны не только сами по себе, но и как фактор, в разные годы заметно влиявший на отношения Пекина с Вашингтоном и Москвой.

Образование КНР стало весомым элементом поддержки антиколониальной борьбы вьетнамского народа и создания в 1954 г. на севере Вьетнама Демократической Республики Вьетнам. С середины 1960-х годов в течение десятилетия Пекин оказывал Ханюю существенную материальную помощь в борьбе против американской агрессии и за объединение Севера и Юга страны. Вполне логично, что эксперты Университета Цинхуа оценили отношения КНР с ДРВ в период 1954–1974 гг. как дружественные с нахождением в диапазоне 7–7,5 баллов. Однако окончательная победа Севера и объединение страны в мае 1975 г. сопровождалось быстрым охлаждением отношений Вьетнама с Китаем, получивших в мае—июне 1975 г. оценку лишь в 4,7 балла по сравнению с 7 баллами в апреле.

Охлаждение было вызвано комплексом факторов: определенной переориентацией Вьетнама на Советский Союз, неприятием в Ханое режима «красных кхмеров» в Камбодже, выселением сначала из Сайгона, а затем и из страны значительного числа лиц с китайскими корнями. Китай явно не устраивало и не скрываемое в тот период стремление Ханоя играть роль ведущего государства Индокитая. Больно ударило по самолюбию китайцев то обстоятельство, что Вьетнам первым из разделенных государств Азии смог добиться национального единства.

Как бы то ни было, двусторонние отношения КНР и СРВ в конце 1970-х годов ухудшались стремительно: 1,4 балла в декабре 1978 г.; -0,5 в январе 1979 г. С началом Пекином военных действий против Вьетнама в феврале 1979 г. отношения вошли в фазу конфронтации: -6,2 балла в феврале, -6,7 в марте с последующим нахождением на уровне ниже -6 баллов до сентября 1990 г., когда «конфронтация» наконец сменилась «напряженностью» (-5,5 балла).

В 1990-е годы, с началом переговоров между СРВ и КНР об урегулировании двусторонних отношений, уточнении линии прохождения сухопутной границы и т.п. отношения довольно быстро улучшались: -5,2 балла в июле 1991 г. и только -1,8 балла в октябре, -0,6 балла в декабре 1992 г. и -0,3 балла в октябре 1993 г. С ноября 1993 г. оценки уровня китайско-вьетнамских связей покидают отрицательную зону, переходя в стадию «нормальных», а с января 1999 г. — и в стадию «хороших» (3,2 балла). С мая 2008 г. по май 2011 г. китайско-вьетнамские отношения квалифицируются как «дружественные», их уровень оценивается в 6–6,2 балла. Однако обострение противоречий между Ханоем и Пекином по вопросу о принадлежности островов в Южно-Китайском море приводит к определенному охлаждению: с июня 2011 г. уровень отношений Китая с Вьетнамом оценивается ниже 6 баллов, опускаясь в первые месяцы 2013 г. до 5 баллов.

В качестве вывода из вышеизложенного можно констатировать, что в отношениях Китая с основными акторами системы международных отношений в Восточной Азии имелись как длительные периоды стабильности отношений, так и довольно резкие смены тренда с положительного на отрицательный и наоборот. То есть, по крайней мере, формально оба эти варианта развития событий возможны и в обозримой перспективе. Однако конкретная эволюция отношений КНР с Японией, Республикой Корея, Вьетнамом, Россией и США на период пребывания у власти пятого поколения руководителей КПК и КНР во главе с Си Цзиньпином, то есть до 2022–2023 гг., будет зависеть не только от «наследия»

в виде сложившегося уровня связей, но и от таких определяющих факторов, как подвижки в ситуации в регионе и общий характер внешней политики Вашингтона и Пекина.

Таблица 1.

Оценки уровня отношений Китая с рядом государств Восточной Азии и США

Год	США	СССР/Россия	Япония	Респ. Корея	Вьетнам
1950	-8,2	8,2	-7,0	-7,2	6,9
1955	-5,9	8,3	-6,4	-6,6	7,1
1960	-6,5	6,4	-5,5	-6,6	7,2
1965	-7,7	-1,5	-5,4	-6,6	7,3
1970	-7,0	-5,5	-5,4	-6,6	7,6
1975	-2,8	-5,6	-1,1	-6,6	4,6
1980	2,1	-6,1	3,0	-6,6	-6,6
1985	2,6	-4,2	4,3	-6,4	-6,9
1990	-0,7	1,6	3,4	-6,1	-5,5
1995	0	5,1	4,5	1,2	1,6
2000	0,4	7,5	3,7	3,5	4,6
2005	0,6	7,9	-2,4	5,5	5,5
2010	1,2	8,0	1,2	5,9	6,2
2011	1,9	8,0	1,8	6,1	5,9
2012	1,7	7,9	-3,3	6,1	5,0
2013	2,3	8,0	-4,5	6,3	5,3

Примечание: составлено по данным Института современных международных отношений Университета Цинхуа (Пекин, КНР).

Приведены оценки уровня отношений за декабрь каждого упомянутого в таблице года. Оценки в диапазоне от -9 до -6 соответствуют «конфронтации» Китая с тем или иным государством, в диапазоне от -6 до -3 — «напряженности» в двусторонних отношениях, от -3 до 0 — «дисгармоничности», от 0 до 3 — «обычным отношениям», от 3 до 6 — «хорошим» и от 6 до 9 — «дружественным отношениям».

На наш взгляд, вероятность кардинального решения существующих ныне наиболее острых проблем межгосударственных отношений в Восточной Азии в ближайшие 7–8 лет невелика, причем речь идет как о силовом варианте, так и о достижении удовлетворяющего оппонентов результата путем переговоров. Иными словами, мы предполагаем, что до 2023 г. не будут решены проблемы денуклеаризации Корейского полуострова, объединения Кореи, достижения согласия относительно суверенитета над островами Сенкаку/Дяояйдао и островами Южно-Китайского моря, а также возвращения Тайваня под юрисдикцию КНР. Пойти на силовой вариант решения споров в свою пользу Китаю отчасти мешает его официальная приверженность мирному пути развития, а также маловероятность его подтягивания в обозримой перспективе к уровню США по военной мощи. При любой администрации Вашингтон сохранит в арсенале своей «китайской политики» элементы сдерживания, особенно наглядные и эффективно подкрепленные военными союзами как раз в Восточной Азии.

Пользуясь градацией характера межгосударственных отношений, предложенной Институтом современных международных отношений Университета Цинхуа, можно предположить следующее.

В ближайшие 7–8 лет китайско-американские отношения с большой вероятностью останутся в разряде «обычных» (0–3 балла). Настойчивые усилия Пекина по установлению с Вашингтоном «междержавных отношений нового типа» могут дать результат в виде повышения уровня двусторонних связей до категории «хороших» (свыше 3 бал-

лов). Вместе с тем представляется практически невероятным, чтобы США пошли на *официальное признание* уважения «суверенитета, территориальной целостности и коренных интересов» Китая, *резервируя тем самым за собой возможность вмешательства* во внутренние дела Китая⁸. Так что ожидать повышения уровня китайско-американских отношений до категории «дружественных» (6 баллов и выше) не приходится.

Китайско-российские отношения «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» квалифицируются обеими сторонами как свидетельствующие об исторически самом высоком уровне двусторонних связей. Еще более повысить сегодняшние оценки этого уровня, варьирующиеся у отметки в 8 баллов, могли бы лишь два обстоятельства: практическое заключение военного союза и/или доведение двусторонних торгово-экономических связей до масштабов, сопоставимых с параметрами китайско-американского и китайско-европейского сотрудничества. Первое с позиций сегодняшнего дня выглядит маловероятным (хотя бы потому, что идет вразрез с официальной позицией руководства КНР и РФ), а второе — технически недостижимым за срок в 7–8 лет. Напротив, как раз определенное отставание объема торгово-экономических связей от ожиданий лидеров и населения двух стран, усугубляемое обострившимися проблемами в экономиках России и Китая, может привести к некоторому снижению оценки уровня китайско-российских отношений, которые, впрочем, сохранят характер «дружественных».

Китайско-японские отношения имеют, как признается многими экспертами из КНР, существенный потенциал стабилизации, а затем и улучшения⁹. Нынешний уровень связей этих двух государств представляется аномально низким. С завершением длительной полосы подготовки к празднованию в КНР 70-летия победы китайского народа в антияпонской войне, потребовавшей надлежащего пропагандистского обеспечения, уровень напряженности между Пекином и Токио должен заметно снизиться. Вместе с тем маловероятно, что отношения между двумя государствами, достигнув уровня «нормальных», плавно перейдут далее в разряд «хороших» (3–6 баллов). Этому по-прежнему будет препятствовать соперничество Пекина и Токио за лидерство в регионе.

Перспективы развития *отношений Китая с Республикой Корея* и впредь будет во многом определяться подвижками в своеобразном «параллелограмме сил», составленном из двух корейских государств, КНР и США. Китайские эксперты констатируют, что Вашингтон добивается от Пекина «урегулирования» его политики по отношению к Пхеньяну, представляя такой шаг в качестве некоего «пробного камня» в строительстве нового типа междержавных отношений¹⁰. Однако китайская сторона на самых разных уровнях декларирует, что «Китай не может бросить Северную Корею»¹¹. Поэтому отношения Пекина с Сеулом все в большей степени приобретают относительно самостоятельный характер, базируясь в первую очередь на крупномасштабном торгово-экономическом взаимодействии и гуманитарных обменах. Их уровень будет незначительно колебаться в районе отметки в 6 баллов — на грани «очень хороших» и «дружественных».

К числу наиболее неопределенных относятся перспективы *китайско-вьетнамских отношений*. Камнем преткновения по-прежнему останется спор о территориальной принадлежности островов Южно-Китайского моря. Не исключена вероятность существенного охлаждения между КНР и СРВ, особенно в случае дальнейшего сближения Ханоя с Вашингтоном. В Пекине стремятся не допустить этого, убеждая Ханой, что «Китай не представляет стратегической угрозы Вьетнаму» и что «вмешательство внешних сил не принесет ничего хорошего народам двух государств и лишь преследует цель толкнуть их на путь соперничества»¹². В любом случае, однако, отношения между Китаем и Вьетнамом в следующие 7–8 лет не должны опуститься до зоны отрицательных значений, хотя снижение их уровня с нынешнего статуса «хороших» до разряда «обычных» полностью исключать нельзя.

В целом можно констатировать, что в среднесрочной перспективе Восточная Азия останется для внешней политики Пекина одним из наиболее важных и одновременно наиболее сложных регионов.

1. Чжунъян вайши гунцзо хуйн цзай цзин цзюйсин: [В Пекине состоялось Центральное совещание по внешнеполитической работе] // Жэньминь жибао. 30.11.2014.
2. Чжунго юй даго гуаньси шуцзюй ку шиюн фанфа: [Методика использования базы данных об отношениях Китая с великими державами] / Разработка Института современных международных отношений Университета Цинхуа, Пекин, 2014. URL: www.imir.tsinghua.edu.cn.
3. 1950–2013 нянь Чжун Мэй гуаньси фэньчжи: [Количественная оценка китайско-американских отношений в 1950–2013 гг.] — Таблица, составленная Институтом современных международных отношений Университета Цинхуа, Пекин. URL: www.imir.tsinghua.edu.cn.
4. 1950–2013 нянь Чжун Э (Су) гуаньси фэньчжи: [Количественная оценка китайско-российских (советских) отношений в 1950–2013 гг.] — Таблица, составленная Институтом современных международных отношений Университета Цинхуа, Пекин. URL: www.imir.tsinghua.edu.cn.
5. 1950–2013 нянь Чжун Жи гуаньси фэньчжи: [Количественная оценка китайско-японских отношений в 1950–2013 гг.] — Таблица, составленная Институтом современных международных отношений Университета Цинхуа, Пекин. URL: www.imir.tsinghua.edu.cn.
6. Чжунго юй да го гуаньси фэньчжи бяо: [Таблица оценок отношений Китая с ведущими державами] / Институт современных международных отношений Университета Цинхуа, Пекин. URL: www.imir.tsinghua.edu.cn.
7. Там же.
8. Подробнее см.: Ван Цзисы, У Шэцзи. Чжун Мэй дуй синьсин да го гуаньси дэ жэньчжи чан цзи Чжунго дуй Мэй чжэцзэ: [Различия в понимании Китаем и США отношений нового типа между державами и политики Китая в отношении США] // Дандай шицзе: [Современный мир]. Пекин, 2014. № 10. С. 2–7.
9. См., например: выступления участников дискуссии о китайско-японских отношениях в пекинском журнале «Современные международные отношения». Аньбэй чжэньфу юань-хэ цзюйю моуцзю гайшань Чжун Жи гуаньси?: [Почему правительство Абэ стремится спешно улучшить китайско-японские отношения?] // Сяньдай гоцзи гуаньси. Пекин, 2014. № 10. С. 53–62.
10. Ван Цзисы, У Шэцзи. Указ. соч. С. 5.
11. Гоуцзянь Дунбэйя хэпин аньцюань цзичжи сюйяо шэньмояндэ Чжун Чао гуаньси: [Какие отношения между Китаем и Северной Кореей нужны для создания механизма мира и безопасности в Северо-Восточной Азии]. Раздел дискуссии ученых Китая, России и Кореи о создании механизма безопасности в Северо-Восточной Азии // Шинцзе чжиши. Пекин, 2015. № 12. С. 18.
12. How close can Washington and Hanoi be? // Global Times. Beijing, 2015. June 3.

Политика

Северо-Восточная Азия в современной внешнеполитической стратегии Китая

© 2015

А.В. Волошина

В статье рассматриваются основные аспекты внешнеполитической стратегии КНР в отношении Северо-Восточной Азии. Автор подчеркивает значение, которое имеет этот регион для успешного развития Китая. Рассмотрен формат двусторонних и многосторонних отношений КНР со странами региона, проанализированы основные проблемы, с которыми сталкивается Китай при реализации внешнеполитических задач в СВА.

Ключевые слова: Китай, стратегия, Северо-Восточная Азия, территориальные споры, сотрудничество, балансирование.

Северо-Восточная Азия (СВА) — один из ключевых регионов в международной политике. Мощный экономический, производственный центр, обладающий колоссальным потенциалом для сотрудничества и совместного развития входящих в него государств, сегодня стал местом столкновения их стратегических интересов. Синяя книга по международной ситуации и внешней политике Китая, опубликованная Китайским институтом международных проблем в 2015 г., говорит о том, что регион превращается в «арену борьбы между державами», по мере того, как «силовое давление в китайско-американских и китайско-японских отношениях становится все более жестким»¹. Вызовы внешней среды требуют от Китая тщательно продуманной внешнеполитической стратегии.

На данный момент цели Китая в СВА относительно определены. Они включают в себя увеличение национальной мощи, ограничение влияния претендентов на лидерство и утверждение себя в качестве гаранта безопасности и стабильности в регионе.

В формировании и реализации своей стратегии в отношении СВА Китай учитывает позиции следующих игроков: США, стремящихся активно участвовать в делах региона и во многом определяющих там среду международных отношений; Японии, соперничающей с КНР за региональное и отчасти мировое влияние; государств Корейского полуострова, имеющих стратегическое значение для формирования миропорядка в СВА; России, выходящей сюда тихоокеанским рубезом и заявившей о своем «повороте на Восток».

Основные принципы формирования внешнеполитического курса КНР в отношении СВА до недавнего времени оставались практически неизменными. Китайская политика носила взвешенный, сбалансированный характер и опиралась на идеи независимости и са-

мостоятельности внешней политики, мирного характера развития Китая, принципы мирного сосуществования и построения гармоничных взаимоотношений между странами.

На протяжении трех последних десятилетий приоритетной задачей, поставленной перед внешнеполитическим ведомством КНР, было обеспечение благоприятного, мирного международного климата и такого же ближайшего окружения. Наличие безопасной среды в СВА позволяло направить ресурсы государства на внутреннее развитие, выполнение приоритетных задач модернизации страны. Стратегические просчеты были непозволительны, учитывая непростое международное положение, в котором оказалась страна в 1989 г. после событий на площади Тяньаньмэнь и после распада СССР в 1991 г., кардинально изменившего расстановку сил в мире. Краеугольным камнем внешней политики Китая в СВА и за ее пределами в то время стали заветы Дэн Сяопина, суть которых соответствовала выражению *«таогуан янхуэй, юсо цзювэй»* — «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя, однако при этом делать что-то реальное»². Эта стратегия оказалась успешна. Проводя гибкую, многовекторную дипломатию, Китаю удавалось балансировать между такими государствами СВА, как США и Япония, США и Россия. Курс на построение «пояса добрососедства» вокруг своих границ привлек инвестиции и способствовал развитию торговли, помог установить стабильные и продуктивные отношения с соседями, обеспечить благоприятную для развития среду. Одним из важнейших внешнеполитических успехов стало обретение России в качестве стратегического партнера на своих северных рубежах³.

Экономическая мощь, которой добился Китай в результате дальновидной политики, позволила ему в начале XXI в. претендовать на более активную роль в мире и, в первую очередь, в СВА. Теперь страна стремилась не просто реагировать на происходящие вокруг нее процессы, а принимать участие в формировании региональной системы международных отношений.

Так начиная с 2008 г., происходит постепенное смещение внешнеполитических приоритетов Китая в СВА. Принципиальным моментом становится наращивание Пекином своих военных расходов, запуск амбициозной программы строительства военно-морского флота. В дипломатическом лексиконе появляется понятие «красных линий» (*хунсянь вайцзяо*): Китай заявляет о готовности занять жесткую позицию по ряду вопросов, твердо отстаивая коренные интересы страны. Это касается спорных территорий (например, спора об островах Дяоюйдао / Сэнкаку с Японией), поставок оружия Тайваню, вопроса о приеме зарубежными странами Далай-ламы и ряда других «болевых точек». В печати высказываются такие мнения: «КНР следует очень твердо относиться к защите интересов страны, нельзя пускать дела на самотек: как только кто-то переступает черту, необходимо тут же принимать ответные сдерживающие меры. Это должно стать правилом, которое твердо уяснит себе весь мир»⁴.

Быстрое усиление Китая вызвало опасения у государств СВА, получили распространение теории «китайской угрозы». Теоретик международных отношений Дж. Най в своих трудах отмечал, что подъем новых развивающихся держав всегда вызывает беспокойство и страх существующих держав. Ключевым способом развеять такие опасения является, во-первых, ответственный подход к действию, а во-вторых, использование «мягкой силы»⁵. Сделав «мягкую силу» одним из инструментов реализации своей внешнеполитической стратегии, Китай заявил о желании укреплять мир, гармонию и сотрудничество в отношениях между государствами. Подчеркивался мирный характер развития Китая, заявлялось, что его сила и могущество не принесут ущерб соседям и миру. По словам Ху Цзиньтао, «...чем больше развивается Китай, тем больше благоприятных возможностей он создает и тем больше он делает для мира. Развитие Китая — это возможность, а не угроза миру. Вне зависимости от того, насколько сильным он может стать, Китай никогда не будет стремиться к гегемонии, расширению границ и запугиванию других с помощью силы»⁶. Нужно признать, такая позиция не могла не снискать симпатию России,

КНДР и других соседей по региону. Потерпела крах доктрина однополярности, неудачными оказались американские попытки «экспорта демократии». Принцип невмешательства в дела государств, многополярность, продвигаемые Китаем, выгодно отличались от «стремления силой навязать другим странам американскую или «западную» модель демократии без учета исторических, традиционных, социально-экономических, религиозных особенностей стран-объектов такой политики»⁷.

С приходом к власти пятого поколения руководителей КНР курс на активизацию внешней политики утвердился окончательно. Си Цзиньпином была провозглашена идея осуществления «китайской мечты», великого возрождения китайской нации, подразумевающая создание сильного и богатого государства. Встала задача обновления и дополнения национальной стратегии в соответствии с уже достигнутым уровнем развития страны и его ожидаемым ростом в будущем⁸. В ноябре 2014 г. Си Цзиньпин подчеркнул, «что Китаю обязательно нужна дипломатия великой державы с собственной спецификой»⁹. Во внешнеполитическом курсе Китая появляется все больше новых элементов, теперь он не сторонний наблюдатель происходящих вокруг него процессов, а их активный участник с энергичным и практичным подходом к международным делам, готовый как ответственная держава принимать участие в решении проблем регионального и глобального масштаба и способный твердо отстаивать свои коренные интересы, защищать свой суверенитет. С важнейшей в этом отношении речью Си Цзиньпин выступил на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 г., позиционируя Китай в качестве сильного, независимого участника международной системы. Глава китайского государства представил собравшимся концепцию «международных отношений нового типа», в которых «главенствует диалог, а не конфронтация, на первый план выходит партнерство, а не альянсы»¹⁰.

Поставив цель реализации китайской мечты о великом национальном возрождении, Китай осознает, что без поддержки со стороны соседей по региону не сможет осуществить свое возвышение. Поэтому дипломатическая работа со странами СВА входит в число приоритетных направлений. Северо-Восточная Азия — это зона непосредственных интересов Китая, регион, на который проецируется экономическая и политическая мощь растущей великой державы. Однако ситуация здесь складывается отнюдь не самым благоприятным для Китая образом. Внешняя среда несет в себе ряд структурных вызовов для страны. Во-первых, это связано со стратегией «возвращения» (или «перебалансировки») США в АТР — ключевого элемента американской внешней политики, провозглашенного Б. Обамой еще во время его первого президентского срока. В ноябре 2013 г., выступая в Джорджтаунском университете, помощник президента по национальной безопасности Сьюзан Райс подтвердила, что «перебалансировка в АТР остается краеугольным камнем внешней политики администрации президента Обамы»¹¹, и что Америка продолжит проводить курс, направленный на все более активное участие в делах региона. Продвижение Соединенными Штатами своих интересов в СВА, укрепление системы их двусторонних союзов с Японией и Южной Кореей, наращивание военной мощи странами-соседями Китая, потенциальные очаги нестабильности (ситуация вокруг Корейского полуострова, Тайваня) формируют сложную среду для подъема Китая и в какой-то мере сужают его пространство для маневра.

Таким образом, усиление Китая, его военного потенциала и жесткости политики является, с точки зрения китайских политиков, закономерным ответом на вызовы внешней среды и ее неустойчивое состояние. Подтверждая свою приверженность ранее провозглашенным принципам мирного развития, страна вместе с тем заявляет, что «мирному Китаю нужна защита в виде сильной армии и твердой политики»¹². Следствием растущей озабоченности Пекина ситуацией в регионе стало выдвигание целого ряда инициатив (не ограничивающихся территорией СВА), направленных на выстраивание взаимовыгодных отношений с сопредельными странами и создание благоприятного климата для своего дальнейшего развития. Это, например, идея «выстраивания между великими державами

отношений нового типа», «экономический пояс Шелкового пути», «морской Шелковый путь XXI века», создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), поддержка идеи формирования зон свободной торговли (например, в рамках треугольника Китай — Япония — Южная Корея) и ряд предложений по созданию равноправной и справедливой структуры безопасности в Азии.

Для реализации своей внешнеполитической стратегии в СВА КНР активно использует формат двусторонних и многосторонних отношений. Рассмотрим эти элементы по отдельности.

Важнейшим аспектом стратегии Китая в Северо-Восточной Азии являются отношения с Соединенными Штатами Америки. Крепнет ощущение, что именно эти отношения становятся определяющим фактором безопасности в Восточной Азии, хотя географически Америка и не принадлежит к этому региону. Через призму американского присутствия в регионе Китай рассматривает возникающие проблемы безопасности и вырабатывает свои подходы к ним.

Исследователи Эндрю Натан и Эндрю Скобелл говорят о так называемых «четыре кольца безопасности» Китая. Они образно изображают спектр проблем в области безопасности, которые беспокоят Китай, в виде четырех колец: первое кольцо «внутреннее», касающееся политической стабильности и территориальной целостности государства; второе — это государства-соседи, ближайшее окружение; третье кольцо образуется при выходе за рамки двусторонних отношений и имеет дело с шестью геополитическими регионами, непосредственно окружающими Китай: Северо-Восточная Азия, Океания, континентальная и приморская Юго-Восточная Азия, Южная Азия, Центральная Азия; четвертое кольцо выходит далеко за границы непосредственного окружения Китая и затрагивает такие сферы, как получение доступа к рынкам и инвестициям, диверсификация источников энергоресурсов и т.п. Исследователи приходят к выводу, что США присутствуют во всех четырех кольцах безопасности: это актер, пытающийся влиять на внутренние дела Китая, гарант статус-кво в отношении Тайваня, официальный или неофициальный союзник многих соседей КНР, обладающий военно-морским превосходством в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях и, наконец, основной «творец и защитник» существующих международно-правовых режимов¹³.

Эта «вездесущность» Америки предопределяет то, что китайское видение политической ситуации в Северо-Восточной Азии преломляется через представление о целях и мотивах США. Америка продолжает продвигать стратегию «возвращения» в Азию, пытаясь по-своему сформировать внешнее окружение Китая. Несмотря на бюджетные сокращения, США усиливают свое военно-морское присутствие по всему региону. В Северо-Восточной Азии США продолжают укреплять стратегические партнерства с региональными союзниками: Японией и Южной Кореей.

По мнению председателя Комитета по международным делам ВСНП Фу Ин, в том, что касается безопасности, доминирование США не может преодолеть общие политические недуги. «Создается впечатление, что... Соединенные Штаты уделяют больше внимания интересам безопасности своих союзников, вплоть до того, что ставят их выше интересов таких стран, не входящих в альянс, как Китай»¹⁴. Также, по ее словам, еще более тревожным является то, что США не могут предложить эффективного решения многих практических проблем. Китай критикует Америку за то, что она часто оказывает дестабилизирующее влияние на ситуацию в СВА. Она поддерживает японское правое крыло, которое вносит поправки в мирное законодательство и отменяет запрет на коллективную самооборону, периодически подтверждает обязательства защищать административные права Японии на острова Дяюйдао (Сэнкаку) в соответствии с Договором о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между двумя странами. Китай считает, что Америка нарушает свое обязательство не принимать чью-либо сторону в территориальном конфликте. «Получается, что США сами подстрекают Токио бросить вызов Пеки-

ну»¹⁵. В случае с КНДР США также не стабилизируют ситуацию: фактически, они не смогли эффективно использовать площадку шестисторонних переговоров для решения ядерной проблемы полуострова. Конечной целью действий США Китай видит не стабилизацию обстановки на Корейском полуострове, а дальнейшее продвижение политики сдерживания КНР. Любые попытки США создать региональную систему ПРО в Северо-Восточной Азии Китай также оценивает с точки зрения того, какой урон это может нанести его стратегической безопасности, в частности, рассматривая такие планы как направленные против его интересов в отношениях с Тайванем. Проблемой двусторонних отношений является и атмосфера недоверия между странами.

Вместе с тем, рассматривая эти отношения в более широком контексте, мы видим, что руководство КНР осознает необходимость контроля «соревновательной стороны» двусторонних отношений и недопустимости углубления существующих противоречий. Пекин не стремится к нагнетанию напряженности с США. Не всегда заинтересована в этом и Америка. Одной из причин этого является глубокая экономическая взаимозависимость двух стран. Товарооборот между США и Китаем в 2014 г. достиг 555 млрд долл. по китайским данным, 590,7 млрд долл. — по данным американской статистики¹⁶. Свою речь в Вашингтоне 25 сентября 2015 г. президент Б. Обама начал с констатации огромного значения двусторонних экономических отношений: «Со времени моего вступления в должность американский экспорт в Китай практически удвоился и сейчас обеспечивает наличие почти миллиона рабочих мест в Америке. Китайские инвестиции в США помогают сохранять рабочие места по всей стране»¹⁷. Необходимость поиска «общего знаменателя» ставит вопрос, на каких условиях будет происходить согласование интересов двух стран. Китай отказался от продвигаемого Американкой формата отношений G2, «большой двойки» (концепции, выдвинутой бывшим советником Белого дома по национальной безопасности Збигневом Бжезинским), опасаясь того, что он займет подчиненное положение в этом возможном альянсе. Встречной инициативой китайской стороны стала идея выстраивания «отношений нового типа между великими державами». Как заявил Си Цзиньпин в интервью «The Wall Street Journal», это отношения «без конфронтации, ориентированные на взаимоуважение и взаимовыгодное стратегическое сотрудничество»¹⁸. При выстраивании отношений следует отказаться от логики игры с нулевой суммой, они должны носить партнерский характер, странам следует относиться друг к другу как к равным, уважать суверенитет, не вмешиваться во внутренние дела друг друга и признавать право выбора общественных систем и путей развития. Договоренность о решимости двух стран строить «отношения нового типа» была достигнута в июне 2013 г. в Калифорнии на неформальной встрече президента Б. Обамы и председателя КНР Си Цзиньпина. В конце сентября 2015 г. Си Цзиньпин совершил свой первый государственный визит в качестве главы государства в США, в ходе которого был подписан ряд соглашений о сотрудничестве в экономической, энергетической сферах, в авиации и интернет-сфере, в области гуманитарных обменов. Стороны обсудили такие актуальные проблемы региональной безопасности, как денуклеаризация Корейского полуострова, территориальные споры в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, возможные направления сотрудничества военных кругов США и Китая. Подводя итоги переговоров на совместной пресс-конференции, президент Б. Обама и председатель Си Цзиньпин подтвердили приверженность курсу «полной, поддающейся проверке денуклеаризации Корейского полуострова мирным путем»¹⁹. Часть их выступлений, посвященная ситуации в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, свидетельствует о том, что каких-либо подвижек по этим острым проблемам достигнуто не было.

Таким образом, стороны пытаются выработать новый формат отношений, придающий им большую управляемость и стабильность. Однако силовое балансирование в регионе становится все отчетливее, присутствие США с их системой союзов в Северо-

Восточной Азии представляет серьезнейший вызов для Китая, на который он усиленно ищет ответ.

Важное место во внешнеполитической стратегии Китая в СВА занимают отношения с Японией. В настоящее время наблюдается обострение проблем между странами, обусловленное глубинными процессами перестройки системы региональных отношений и борьбой за влияние в регионе.

До последнего времени стратегия КНР была направлена на то, чтобы, активно развивая сотрудничество с Японией, ослабить ее тесную привязку к США. Эта линия принесла свои плоды: во второй половине первого десятилетия XXI в. отношения удалось вывести из тупика, в котором они находились при японском премьер-министре Дзюньитиро Коидзуми. Проблемы не исчезли полностью из политической повестки, но позитивные тенденции в развитии двусторонних отношений возобладали, страны пытались найти точки соприкосновения по актуальным вопросам. В мае 2008 г. в ходе официального визита Председателя КНР Ху Цзиньтао в Японию было подписано Совместное японо-китайское заявление о «Всестороннем развитии взаимовыгодных отношений, основанных на общих стратегических интересах»²⁰. Этот период отмечен сотрудничеством в деле морской безопасности, урегулировании кризисных ситуаций. Были начаты переговоры о заключении соглашения об освоении ресурсов в Восточно-Китайском море. Развивалось сотрудничество в экологии, в гуманитарной и экологической сферах.

Однако с течением времени противоречия между странами стали обостряться. Основной причиной стало нарастание конкуренции в китайско-японских отношениях, однако свою роль сыграли и США, поспособствовавшие смене политиков Демократической партии в управлении Японией, которые стремились «придать более равнозначный характер союзу Токно с США, улучшить отношения с Китаем и Россией, придав японской политике большую самостоятельность и сбалансированность»²¹, на проамерикански настроенных представителей Либерально-демократической партии.

Пришедшее к власти в 2012 г. правительство С. Абэ взяло курс на укрепление союзнических отношений с США, усиление военного потенциала страны, а именно: был создан Совет национальной безопасности, призванный выступать «контрольным центром» политики в сфере безопасности, разработана «Стратегия национальной безопасности», на ее основе приняты «Основные направления программы национальной обороны» и «Среднесрочная программа развития оборонного потенциала на период 2014–2018 гг.». Выдвинутая формула «активного пацифизма» предусматривает более широкое толкование права Японии на коллективную оборону, модификацию оборонного потенциала государства как в количественном, так и в качественном отношении. наращивание возможностей для «отпора нападению» и быстрого развертывания сил обороны. Еще одним аспектом дипломатии администрации Абэ стало формирование так называемого «Пояса свободы и процветания»²². Суть этой стратегии заключается в создании вокруг Китая пояса дружественных Японии государств. Китай расценивает эти действия, как попытки «привлечь другие страны к противостоянию, блокаде и принуждению Китая»²³.

В последние годы проведение конструктивного диалога между Пекином и Токио по актуальным проблемам двусторонних отношений, среди которых особо выделяются территориальные споры и разногласия по проблемам исторического прошлого, заметно осложнилось. Китай весьма жестко отстаивает свои интересы, что проявилось в ходе двух кризисов, связанных со спорными островами Дяоюйдао (Сэнкаку). Первый кризис произошел в 2010 г. в связи с задержанием японской стороной экипажа и капитана китайского рыболовецкого судна на основании «незаконной ловли рыбы» в районе спорных островов; второй — в сентябре 2012 г., когда японским правительством было принято решение о покупке трех островов группы, ранее находившихся в частной собственности. В ходе последнего кризиса китайское «контрнаступление» на Японию не остановилось на дипломатическом уровне. Что более важно, Китай усилил свое присутствие и контроль

над водами вокруг островов Дяоюйдао (Сэнкаку), наблюдалась эскалация противостояния на море и в воздухе. В заявлении китайского правительства говорилось, что «давно прошли дни, когда китайская нация была объектом запугивания и унижения для других государств. Китайское правительство не будет сидеть, пассивно наблюдая, как посягают на его территориальный суверенитет»²⁴. Жестко ответив на национализацию островов, Китай, тем не менее, осознает опасность возникновения непредвиденных ситуаций в зоне напряженности. В развязывании конфликта не заинтересована ни одна из сторон. Поэтому в 2014 г. стало возможным возобновление диалога между Японией и КНР. В результате переговоров в Китае главы японского Бюро по национальной безопасности Сэтаро Яти, 7 ноября 2014 г. стороны приняли документ из четырех пунктов. В нем признается различие во взглядах сторон на ситуацию в Восточно-Китайском море и, в частности, вокруг островов Дяоюйдао (Сэнкаку), но одновременно констатируется желание Токио и Пекина постепенно вернуться к диалогу в политической, дипломатической сферах и по вопросам безопасности²⁵. В ходе первой за два года встречи лидеров двух стран, премьер-министра Японии С. Абэ и председателя КНР Си Цзиньпина, 10 ноября 2014 г. «на полях» саммита АТЭС были достигнуты важные договоренности. Они касаются создания механизма коммуникации при чрезвычайных ситуациях на море с участием судов двух стран и организации горячей линии между оборонными ведомствами с целью снижения риска возникновения вооруженного столкновения между КНР и Японией. Эта встреча создала предпосылки для нормализации двусторонних отношений.

Есть, однако, еще одна группа проблем между двумя странами. Это вопросы исторического прошлого. Сюда относятся попытки Японии «переписать» учебники истории, искаженно трактовать некоторые трагические события Второй мировой войны, а также посещение высшими японскими должностными лицами синтоистского храма Ясукуни, являющегося в глазах Китая символом японского милитаризма. Вышеописанные разногласия актуализируют тему публичных извинений японского правительства за причиненные азиатским народам страдания и негативное историческое прошлое. Внимание уделяется формулировке заявления, его тональности и искренности. В пятидесятилетнюю годовщину поражения Японии 15 августа 1995 г. премьер-министр Томити Мураяма сделал заявление, формулировку которого старались повторять последующие японские руководители. В его речи признавался факт причинения неисчислимых страданий азиатским странам, была подчеркнута необходимость для Японии раскаяния, осмысления своего исторического прошлого, а также принесения извинения пострадавшим государствам²⁶. 14 августа 2015 г. премьер-министр С. Абэ выступил с заявлением по случаю семидесятилетия окончания Второй мировой войны. Китай обвинил С. Абэ в неискренности, отходе от формулировки Мураямы, использовании «языковых трюков»²⁷. Знаковым моментом в речи С. Абэ стала следующая часть: «Поколение японцев, родившихся после войны, в настоящее время превышает 80% населения. Мы не должны позволить, чтобы нашим детям, внукам и даже будущим поколениям, которые придут на смену, не имеющим ничего общего с той войной, было суждено продолжать извиняться»²⁸. Это заявление соответствует объявленному правительством С. Абэ курсу по превращению Японии в «нормальное государство». Предполагают, что недовольство Китая усилено тем, слова С. Абэ о Японии прошлого как о государстве, «бросившем вызов международному порядку», перекликаются с его риторикой по поводу Китая, проявляющего готовность активно отстаивать свои интересы в США. Последовавшее затем проведение Китаем 3 сентября 2015 г. грандиозного парада в честь празднования нового государственного праздника — Дня победы над Японией — также, надо полагать, не способствовало потеплению двусторонних отношений.

В настоящее время отношения Китая и Японии демонстрируют сложную динамику, поскольку страны далеко не всегда готовы жертвовать своими амбициями ради установления стабильных партнерских отношений. Тем не менее, в 2015 г. наметился опре-

деленный прогресс. В ходе второго раунда политического диалога Японии и Китая на высшем уровне в октябре 2015 г. Ян Цзечи констатировал, что двусторонние отношения «в целом развиваются в направлении стабилизации и улучшения»²⁹.

Огромное значение во внешнеполитической стратегии КНР имеют государства Корейского полуострова. Китай стремится сохранить, а по возможности и усилить свое влияние на Корейском полуострове, понимая, что контроль здесь любого другого государства создает стратегическую угрозу для него. Укрепляя свои позиции в регионе и развивая двустороннее сотрудничество с Южной Кореей, Китай рассчитывает постепенно ослабить ее союз с США. Сейчас сложились благоприятные условия для реализации внешнеполитических целей Китая. Две страны связывают отношения стратегического сотрудничества и партнерства. Правительство президента Пак Кын Хе, пришедшее к власти в феврале 2013 г., сохраняя ориентацию в своей политике на американо-корейский союз, придает беспрецедентное значение развитию партнерских отношений с Китаем. В июне 2013 г. во время пребывания президента Пак Кын Хе с государственным визитом в Китае стороны достигли согласия расширять экономические отношения, а также активизировать диалог в политической сфере по вопросам безопасности³⁰. Торговый оборот РК с КНР уже превысил общий объем торговли РК с США и Японией. Торговля двух стран возросла с 6,4 млрд долл. в 1992 г. до 235,4 млрд долл. в 2014 г. Прорывом в двусторонних отношениях стало подписание 1 июня 2015 г. соглашения о создании зоны свободной торговли, которое является крупнейшим для Китая по объему торговли среди всех его двусторонних оглашений такого рода³¹.

У Китая есть возможность сближаться с Южной Кореей на основе ее традиционно непростых отношений с Японией. Южная Корея также оказывает давление на японское правительство по вопросам оценки исторического прошлого двух стран, в частности касательно военных преступлений Японии и проблематики «женщин комфорта» (comfort women). Примечателен тот факт, что сама президент Пак Кын Хе присутствовала на военном параде 3 сентября в Пекине при отсутствии лидеров США и Японии.

Традиционно близкие отношения Китай поддерживает с Северной Кореей. Китай является крупнейшим торговым партнером КНДР (в 2014 г. — 6,4 млрд долл.), на него приходится около 70% общего объема торговли Северной Кореей. КНР предоставляет своему соседу продовольственную и энергетическую помощь, что фактически является «спасательным тросом» для режима в Пхеньяне. Важнейшая цель стратегии КНР — предотвратить коллапс Северной Кореей. Пекин утверждает, что он опасается дестабилизирующих эффектов гуманитарного кризиса и значительных потоков беженцев. Китай также придерживается мнения, что конечной целью политики США на Корейском полуострове является смена северокорейского режима для усиления системы американских союзов и дальнейшего сдерживания Китая.

Однако с 2010 г. возросло количество китайских исследователей, призывающих к определенной коррекции связей с КНДР с учетом материальных затрат и «издержек» для репутации КНР. В феврале 2013 г. КНДР провела третьи ядерные испытания, появились данные о повторном запуске ядерного реактора в Йонбёне. Для разрешения кризисной ситуации, сложившейся после ядерных испытаний, Китай начал оказывать давление на Пхеньян с целью смягчения его позиции.

Однако несмотря на некоторое охлаждение в отношениях с Северной Кореей, Пекин, несомненно, остается препятствием для планов США в отношении этого государства. Америка оказывает давление на режим в Пхеньяне, требуя от него принять на себя обязательства по денуклеаризации в обмен на нормализацию отношений и значительную помощь. США настаивают на том, чтобы перед возвратом к переговорам КНДР заморозила свою ядерную программу и ввела мораторий на испытания ядерного оружия³². Для достижения своих целей Америка тесно сотрудничает с союзниками, Японией и Южной Кореей, периодически проводя с ними широкомасштабные военные учения, через приме-

нение санкций оказывает давление на Пхеньян, а также предпринимает попытки убедить Китай занять более жесткую позицию в отношении Северной Кореи.

Судя по всему, позиция США в отношении КНДР — это часть стратегии сдерживания Китая. Поэтому разрешение северокорейской проблемы и превращение шестисторонних переговоров в новую основу для регионального сотрудничества будут возможны лишь в результате фундаментальных изменений в самих китайско-американских отношениях.

К несомненным успехам стратегического планирования Китая можно отнести российское направление его внешней политики. В течение почти двух десятилетий китайско-российское партнерство выступает как мощный фактор глобальной и региональной стабильности. «Китайско-российские отношения всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства можно назвать образцовыми. И эти связи не только отвечают интересам обеих стран, но и имеют стратегическое значение», — отметил Чжан Дэцзян, председатель ПК ВСНП 12-го созыва, выступая на торжественном приеме в Пекине по случаю 65-летия установления дипломатических отношений между двумя странами³³.

Визиты В. Путина в Пекин в мае 2014 г. и в сентябре 2015 г., Ли Кэцзяна в Москву в октябре 2014 г., встреча лидеров двух государств в рамках саммита АТЭС в ноябре 2014 г. и визит Си Цзиньпина в Москву в мае 2015 г. показали, что двусторонние отношения вышли на новый уровень.

Важное значение для обеих стран имеет совпадение их позиций по ключевым международным проблемам. Зачастую это обусловлено общей заинтересованностью в создании противовеса влиянию Вашингтона, поскольку обе страны стремятся уйти от однополярной модели мироустройства во главе с США. Китай и Россия регулярно налагали вето или значительно ослабляли силу лоббируемых США резолюций в ООН, например, по Сирии.

В свою очередь Россия выступает важнейшим стратегическим партнером Китая, не приемля какие бы то ни было попытки окружить КНР по периметру границ. Выступая 4 февраля 2012 г. в Мюнхене на конференции по вопросам безопасности, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров заявил: «Мы не будем участвовать в конструкциях, имеющих целью сдерживание Китая, который является нашим добрым соседом и стратегическим партнером»³⁴.

Экономическое сотрудничество занимает особое место в отношениях двух стран. В «Совместном заявлении о новом этапе китайско-российских отношений всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства» лидеры России и Китая наметили увеличение объема двустороннего товарооборота к 2020 г. до 200 млрд долл.³⁵ Подписан контракт на поставку в течение 25 лет из РФ в КНР 360 млн т сырой нефти, общая стоимость контракта достигает 270 млрд долл. Во время визита Путина в Китай в 2014 г. стороны также подписали газовый контракт на 30 лет общей стоимостью в 400 миллиардов³⁶. Президент Владимир Путин пригласил китайскую государственную нефтяную компанию CNPC участвовать в разработке огромного Ванкорского месторождения в Восточной Сибири, что стало знаковым событием в развитии двусторонних энергетических отношений³⁷. Достигнуто соглашение о сопряжении строительства Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути».

У обеих стран имеется серьезная заинтересованность в обсуждении и активном участии в решении вопросов региональной безопасности и обеспечения стабильности, в сотрудничестве по противодействию таким трансрегиональным угрозам, как терроризм, наркотрафик, морское пиратство, природные катастрофы, изменение климата. Заинтересованный отклик стран региона встретила совместная российско-китайская инициатива (осень 2010 г.) в пользу формирования в АТР региональной архитектуры безопасности. Ее ключевые принципы были определены как верховенство международного права, внеблоковость, равенство, открытость, неделимость безопасности, мирное урегулирование споров, неприменение силы и угрозы силой, отказ от конфронтации³⁸.

События, связанные с украинским кризисом, сложность выстраивания отношений с западными коллегами естественным образом направляют вектор российской политики на Восток. Однако, представляется, что расширяя связи с Россией, Китай будет избегать того, чтобы Россия использовала его как «козырь» на современном витке противоборства с США и ЕС³⁹. Занимая умеренную позицию, КНР будет стараться использовать появляющиеся стратегические шансы, не жертвуя своими интересами и избегая нежелательного обострения отношений с США. В СВА в условиях нестабильной обстановки и углубляющихся трений между державами Китай будет использовать Россию в качестве «балансира» американского превосходства.

Кроме выстраивания отношений в двустороннем формате, Китай уделяет большое внимание многостороннему взаимодействию в СВА.

В частности, большое значение придается инициативам по укреплению региональной безопасности, так как роль гаранта безопасности и стабильности укрепила бы положение Китая. Кроме существовавшего формата шестисторонних переговоров, одним из эффективных способов работы является механизм трехсторонних встреч представителей КНР, Японии, Республики Корея. В рамках трехстороннего Секретариата по сотрудничеству между КНР, Японией и РК, учрежденного в 2011 г. в Сеуле, три страны продолжают взаимодействие, проводя различные межправительственные консультации, разрабатывая проекты по сотрудничеству. Так, в марте 2015 г. после трехлетнего перерыва была проведена седьмая встреча глав МИД КНР, Японии и Республики Корея, на которой стороны обсудили вопросы безопасности в СВА, в частности, проблему денуклеаризации Корейского полуострова. Особым пунктом переговоров стал вопрос проведения саммита глав трех государств, так как последний раз встреча лидеров в таком формате проходила в мае 2012 г. в Пекине.

С точки зрения развития формата многосторонних взаимодействий представляет интерес выдвинутая в 2014 г. президентом Южной Кореи Пак Кын Хе инициатива по укреплению мира в Северо-Восточной Азии, которая дополнила бы трехсторонние механизмы, так как позволяет включить в обсуждение проблем безопасности в СВА остальные страны: КНДР, США, Россию⁴⁰. Китай выразил свою поддержку этому проекту.

Еще одним важным направлением многостороннего сотрудничества является экономика. В рамках того же трехстороннего формата Китаем, Японией и Республикой Корея было начато обсуждение плана расширения торгово-экономического сотрудничества и формирования основы для создания в СВА зоны свободной торговли, которая объединила бы их экономики. Для выработки общей политики в апреле 2011 г. была создана трехсторонняя аналитическая группа, куда вошли правительственные чиновники, представители бизнеса и экономисты трех стран. Предполагается, что создание ЗСТ позволит не только обеспечить экономический рост трех государств, но и в значительной мере укрепит положение Китая в регионе и станет вероятной угрозой для американского рынка, который будет вынужден столкнуться с высокоинтегрированным рынком стран СВА⁴¹. Противоречия между Китаем и Японией препятствуют продолжению переговоров по этой инициативе, но, как показывают события прошлого десятилетия, при наличии должной политической воли в этих странах их сближение и сотрудничество возможно даже при наличии проблем в отношениях.

В США подчас высказываются оценки, что экономическая интеграция в СВА на базе трехсторонней ЗСТ была бы крайне выгодна Китаю. Так, Г. Розман утверждает, что с помощью экономической интеграции Китай стремится добиться преимущества, так как это приведет к формированию экономической зависимости других стран от него, которую затем можно перевести из сферы экономики в политическую область. Думается, что здесь достаточно четко прослеживается стремление США затормозить интеграцию экономик Китая, Японии и Республики Корея. В этом же направлении будет действовать и одобренное в начале октября 2015 г. соглашение о Транстихоокеанском партнерстве.

Культура также играет большую роль в стратегии Китая в отношении США. Права на культурное многообразие дополнено понятием «восточной цивилизации». Подчеркивается ее кардинальное отличие от западного мира. Предполагается, что это понятие может стать общим идеалом стран США, способным укрепить регионализм.

Подведем итоги. Система международных отношений в Северо-Восточной Азии вступила в период трансформации. Всеобъемлющий региональный порядок еще только предстоит сформировать. Меняется баланс сил ключевых держав, что повышает нестабильность и непредсказуемость развития ситуации. В этих условиях внешняя политика государств должна быть результатом очень тщательных размышлений над состоянием отношений между странами региона.

Сейчас Китай стоит перед стратегическим выбором: стоит ли заявлять о себе более уверенно и даже агрессивно, или отложить на некоторое время амбиции и сосредоточиться на внутренних реформах. Потребуется искусство дипломатии, чтобы найти баланс между продвижением своих интересов и региональной стабильностью, «делая то, что выполнимо, и останавливаясь там, где нужно остановиться»⁴².

КНР осознает, что разрыв с США по военной мощи остается значительным. Присутствие же Америки в США, ее шаги, предпринимаемые для сдерживания Китая в жизненно важном для него регионе, укрепление системы альянсов под эгидой Вашингтона лишают КНР чувства безопасности и представляют серьезнейший вызов развитию страны. Растущая держава маневрирует среди других государств региона, чтобы стать ядром реорганизации в Азии. Требуя от своих соседей по США соблюдения принципа невмешательства во внутренние дела, уважения китайских коренных интересов, стремясь стать региональным лидером, Китай, тем не менее, на данный момент пока не может предложить четкой модели регионального порядка, которая встретила бы поддержку его окружения. Представляется, что стратегической задачей КНР должно стать увеличение потенциала «мягкой силы», приложение усилий для обретения большей поддержки в регионе и установление нормальных отношений с США. Политики «должны исходить из понимания, что складывается мироустройство... должно просматриваться через призму способности удовлетворять потребности мирового сообщества в укреплении стабильности и безопасности на международной арене»⁴³. Надеемся, что политическим лидерам США хватит мудрости следовать этому принципу.

1. Гоцзи синши хэ чжунго вайцзю ланьпишу. 2015: [Синяя книга по международной ситуации и внешней политике Китая. 2015] // Чжунго гоцзи вэньти яньцзю юань чжу: [Труды Китайского института международных исследований]. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2015. Т. 3. С. 4.
2. *Портяков В. Я.* Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 14–27.
3. 16 июля 2001 г. в Москве руководителями РФ и КНР был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.
4. Чжунго ин цзяньцзю фань чжи мэи-жи куа хунсянь: [Китай должен решительно противостоять попыткам США и Японии пересечь черту] // Хуанью шибао. 16.12.2013. URL: <http://mil.huanqiu.com/observation/2013-12/4664334.html>.
5. *Лю Ц.* «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 149–155.
6. Цит. по: *Yang Jiechi.* China's Interaction with the Outside World in the New Era — On the Occasion of Upgrading of the International Studies // China Institute of International Studies (CIIS). URL: http://www.ciis.org.cn/english/2011-11/18/content_4634820.htm.
7. *Примаков Е. М.* Мысли вслух. М.: Архитектура-С, 2012. С. 154.
8. *Титаренко М., Ломанов А.* Политические и культурные аспекты стратегии становления Китая как великой державы // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 18.
9. Там же.

10. Си Цзиньпин цзай ди цинши цзе лянхэго дахуэй ибаньсин бяньлунь ши дэ цзянхуа (цюаньвэнь): [Выступление Си Цзиньпина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (полный текст)] // Синьхуа. 29.09.2015. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2015-09/29/c_1116703645.htm.
11. "America's Future in Asia". Remarks As Prepared for Delivery by National Security Advisor Susan E. Rice. At Georgetown University, Gaston Hall, Washington, D.C. Wednesday November 20, 2013 // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/11/21/remarks-prepared-delivery-national-security-advisor-susan-e-rice>.
12. Чжунго ин цзяньцзюэ фань чжи мэи-жи куа хунсянь: [Китай должен решительно противостоять попыткам США и Японии пересечь черту] // Там же.
13. Andrew J. Nathan and Andrew Scobell. How China sees America // Foreign Affairs. 2012. Sept.-Oct. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2012-08-16/how-china-sees-america>.
14. Мэйго чжудао дэ цюаньшо чжисюй ю лянда чжимин цюэсянь: [В мироустройстве, возглавляемом Америкой, есть два несправимых недостатка] // Хуаньцю шиэ. 04.08.2015. URL: http://www.globalview.cn/html/global/info_4962.html.
15. Ван Хайюнь. Боцытань гунгао 70 нянь хоу дэ сяньши ин: [Истинное значение Потсдамской декларации 70 лет спустя] // Хуаньцю шибао. 25.07.2015. URL: <http://opinion.huanqiu.com/1152/2015-07/7096629.html>.
16. Цит. по: *Портяков В.Я.* Доклад на круглом столе в ПДВ «Отношения КНР и США на современном этапе: состояние, перспективы и вызовы для России» // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 4. С. 38.
17. Remarks by President Obama and President Xi of the People's Republic of China in Joint Press Conference. Rose Garden. September 25, 2015 // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/09/25/remarks-president-obama-and-president-xi-peoples-republic-china-joint>.
18. Full Transcript: Interview With Chinese President Xi Jinping // The Wall Street Journal. 22.09.2015. URL: <http://www.wsj.com/articles/full-transcript-interview-with-chinese-president-xi-jinping-1442894700>.
19. Remarks by President Obama and President Xi of the People's Republic of China in Joint Press Conference. Rose Garden. Sept. 25, 2015 // Там же.
20. Чжун-жи гуаньси: [Китайско-японские отношения] // Синьхуа. URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2006-03/27/content_4350074.htm.
21. *Панов А.Н.* О Японии. Очерки и исследования дипломата. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. С. 281.
22. Глобальное мышление как ключ к дипломатии премьера Абэ — интервью с Яти Сётаро, особым советником при Кабинете министров Японии. 21.10.2013. URL: <http://www.nippon.com/ru/currents/d00089/>.
23. Комментарий: Попытки Синдзо Абэ добиться «блокады Китая» не увенчаются успехом // «Жэньминь Жибао» он-лайн. 14.06.2013. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8284391.html>.
24. Цит. по: *Qi Xing.* Four Features of the International Situation in 2012 // The CIIS Blue Book on International Situation and China's Foreign Affairs (2013) / China Institute of International Studies (CIIS). URL: http://www.ciis.org.cn/English/2013-06/04/content_6002574.htm.
25. Чжун-жи гуаньси: [Китайско-японские отношения] // Синьхуа. URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2006-03/27/content_4350074.htm.
26. Экс-премьер Японии Томинти Мураяма выразил озабоченность состоянием отношений с Китаем // «Жэньминь жибао» он-лайн. 26.06.2006. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/4532199.html>.
27. Japanese PM Shinzo Abe stops short of new apology in war anniversary speech // The Guardian. 14.08.2015. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/aug/14/shinzo-abe-japan-no-new-apology-second-world-war-anniversary-speech>.
28. Statement by Prime Minister Shinzo Abe. Friday, August 14, 2015// Prime Minister of Japan and His Cabinet. URL: http://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201508/0814statement.html.
29. В Токио состоялся 2-й китайско-японский политический диалог на высоком уровне // «Жэньминь Жибао» он-лайн. 14.10.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/1014/c31520-8961594.html%22,%22originalUrl%22:%22http://yandex.ru/search?clid=1923018&text=russian.people.com.cn/n/2015/1014/c31520-8961594.html>.

30. Си Цзиньпин назвал президента Республики Корея Пак Кын Хе «старым другом» китайского народа // «Жэньминь Жибао» он-лайн, 28.06.2013. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8302709.html>.
31. Китай и Южная Корея подписали соглашение о свободной торговле // Южный Китай. 01.06.2015. URL: <http://south-insight.com/node/1655>.
32. North Korea: US Relations, Nuclear Diplomacy, and Internal Situation. CRS Report. Prepared for Members and Committees of Congress. Jan. 4, 2013 / Congressional Research Service // U.S. Department of State. URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/202881.pdf>.
33. В Пекине отметили 65-летие установления дипломатических отношений между Китаем и Россией // CNTV, Центральное телевидение Китая. 24.09.2014. URL: <http://cctv.cntv.cn/2014/09/25/VIDE1411575844738479.shtml>.
34. Цит. по: *Портяков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН, 2013. 240 с.
35. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 20 мая 2014 г. // Администрация Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/1642.
36. *Ли Хуэй.* Китайско-российское экономическое сотрудничество обладает большим потенциалом // «Жэньминь жибао» он-лайн, 01.09.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0901/c95181-8777066.html>.
37. *Guo Chazan.* Sanctions help Russia overcome its China paranoia // The Financial Times. 07.09.2014. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/4c04e91c-34f3-11e4-ba5d-00144feabdc0.html#axzz3FRJuQ0ZP>.
38. *Панов А.Н.* О Японии. Очерки и исследования дипломата. М.: ОЛМА Медиа групп, 2014. 608 с.
39. Дисбалансы транстихоокеанского пространства / под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко; ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2014. С. 282–283.
40. См.: Инициатива по укреплению мира и сотрудничества в Северо-Восточной Азии // Министерство иностранных дел Республики Корея. MOFA. URL: http://www.mofa.go.kr/ENG/North_Asia/res/rus.pdf.
41. *Петрунина Ж.В.* Внешняя политика Китая по отношению к государствам Корейского полуострова // Современный Китай в системе международных отношений / Отв. ред. Д.В. Буяров. М.: КРАСАНД, 2012. С. 38.
42. *Yang Jiechi.* Указ. соч.
43. *Примаков Е.М.* Указ. соч. С. 156.

Китайский лоббизм в США

© 2015

Д.Б. Графов

Статья посвящена анализу лоббирования американских интересов в КНР и встречному лоббированию китайских интересов в исполнительной и законодательной власти США. Особое внимание уделяется взаимной увязке этих интересов и механизмам, с помощью которых власти Китая стараются оказывать влияние на принятие политических решений в Конгрессе и президентской администрации. Приводятся конкретные примеры взаимодействия американских и китайских лоббистов.

Ключевые слова: США, КНР, китайское лобби, Конгресс, администрация президента США, лоббистская кампания, группы интересов.

Китайский лоббизм в США является, пожалуй, одним из наиболее эффективных на Капитолийском холме. С 70-х годов XX века выделялись две группы китайских лоббистов в США. К первым относились сторонники гоминьдановского режима, действовавшие в интересах Тайваня. Вторые были связаны с Пекином и работали на углубление сотрудничества США и КНР. Однако за последнее десятилетие именно лоббирование в интересах Пекина вышло по своим объемам и по геополитическому значению на первое место по сравнению «тайваньским» лоббизмом.

Последние четверть века китайский лоббизм развивался параллельно с углублением экономических и политических отношений между США и КНР. Первыми лоббистами в пользу Китая в США оказались американские компании, работавшие в сфере высоких технологий. Они были заинтересованы в снятии торговых барьеров и проникновении на необъятный китайский рынок. Именно они последовательно продавливали в конгрессе США закон нормализации торговых отношений с КНР, который президент США Билл Клинтон подписал 11 октября 2000 г. Введение режима нормальных торговых отношений фактически означало отказ от экономических санкций против Пекина, введенных в связи с тяньаньмэнскими событиями 1989 г.

Аргументы руководителей крупнейших компаний «силиконовой долины», которые они пытались донести до законодателей, были достаточно откровенными: увеличение экспорта в Китай даст сотни миллионов дополнительного дохода и новые рабочие места в США. Корпорация «Интел» послала на Капитолий председателя правления Э. Грува и исполнительного директора К. Баретта. Законодатели получали сигналы не только от конкретных компаний, но и от всей так называемой группы специальных интересов. «Промышленность поддержит людей, которые поддерживают высокие технологии», — заявил, обращаясь к законодателям, президент Союза производителей электроники, бывший конгрессмен от Демократической партии Д. Маккерди¹. Это был недвусмысленный намек на помощь в избирательных компаниях тем конгрессменам, которые услышат голос корпораций, заинтересованных в китайском рынке. Лоббистская кампания

Графов Дмитрий Борисович, соискатель Дипломатической академии МИД РФ по специальности «Политология», журналист. E-mail: graftvc@mail.ru.

охватила СМИ, размещавшие материалы в поддержку разрушения торговых барьеров в торговле с КНР. Одновременно участниками непрямого лоббирования стали тысячи сотрудников высокотехнологичных компаний, отправляя в них свои письма законодателям. Фактически сформировался настоящий лоббистский фронт, успех которого объяснялся тем, что эти компании не имели определенной привязанности к демократам или республиканцам, и он был как бы «двухпартийным». Это облегчало контакты лоббистов со всеми ключевыми акторами конгресса. К лоббистской борьбе за снятие санкций с КНР была привлечена Торговая палата США, обслуживавшая интересы компаний, сталкивавшихся с проблемами в торговле с Китаем. К лоббированию присоединился и Американско-китайский деловой совет. Законодателям был предложен тезис о том, что продвижение в КНР американской продукции означает продвижение в эту страну демократии.

Встречное лоббирование

Спустя десять с лишним лет картина «китайского лоббирования» серьезно изменилась. Оно перестало быть «улицей с односторонним движением». Произошло взаимопроникновение лоббистских сил США в госаппарат КНР и лоббистов из Поднебесной в законодательную и исполнительную ветви американской власти. Так, компания «Дженерал электрик» 14 лет назад запустив программу «корпоративного лидерства», ежегодно приглашает 25 высших китайских менеджеров для стажировки в США. По признанию руководителей компании², цель этой программы — подготовить союзников в освоении большого и динамично растущего китайского рынка, на который «Дженерал электрик» поставляет авиадвигатели и ветряные электростанции. Стажировку через эту программу по договоренности с Организационным отделом ЦК КПК прошли уже более 200 китайских специалистов высшего управленческого звена, которых затем назначают в китайские компании.

Экономика Китая обогнала японскую и вышла на 2-е место в мире. В связи с этим растут не только возможности, но и проблемы. Те иностранные компании, которые не учитывают интересы китайских властей, могут столкнуться с «предвзятым» отношением с их стороны. В то же время при «правильном» подходе к китайским чиновникам их «правила игры» сулят большой конкурентный потенциал.

По мере того, как Китай продвигает собственные госкомпании, ограничивая свободный доступ на свой рынок, лоббирование интересов американских компаний в Поднебесной становится настоящей индустрией. Американские лоббистские и консалтинговые фирмы расширяют деятельность в КНР, чтобы помочь клиентам из США ориентироваться в коридорах китайской власти. Так, Albright Stonebridge Group, которую возглавляют бывшая госсекретарь США М. Олбрайт и бывший помощник президента по вопросам национальной безопасности С. Бергер, привлекают для работы в пекинском филиале 8–10 бывших китайских чиновников. У «Дженерал электрик» в пекинском офисе работают до 30 лоббистов. По словам С. Бергера, они помогают убедить китайских официальных лиц в том, что «все, что хорошо для бизнеса — хорошо для Китая»³. Таков один из принципов лоббирования — «упаковка» своего интереса в форму общественного или интереса того, кто этому лоббированию может помешать.

В частности, благодаря привлечению бывших влиятельных чиновников министерства торговли КНР Albright Stonebridge удалось обеспечить для своего клиента, американской компании First Solar, положительный результат переговоров о строительстве крупнейшего в мире завода по производству солнечных батарей во Внутренней Монголии. История вовлечения многих представителей американской политической элиты в процесс лоббирования в коридорах власти Поднебесной может считаться также и китайским «ноу-хау». Власти КНР фактически деидеологизировали этот процесс. Они делают вид, что исповедуют либеральный подход, думают в первую очередь не об идеологии, а об экономической выгоде, и с ними можно иметь дело. И американский бизнес в это по-

верил. Общее правило американских лоббистов в Пекине — представить свой проект так, чтобы цели (политические, экономические, личные) китайских чиновников тоже были учтены и достигнуты.

Китайские лоббисты на подступах к Капитолию

С середины 2000-х годов стал нарастать и обратный процесс: появился спрос на лоббистские услуги с китайской стороны для решения проблем в исполнительной и законодательной ветвях власти США. Лоббистские и консалтинговые фирмы в Вашингтоне стали нанимать бывших американских чиновников с опытом работы в Китае и связями в госаппарате США. Бывший торговый представитель США в Китае Т. Стрэтфорд стал работать в крупнейшей лоббистской фирме Covington & Burling, которая в 2008 г. открыла свой офис в Пекине. Одним из клиентов Covington & Burling является Фонд китайско-американских обменов и взаимодействия (China-US Exchange Foundation). С ним работал лоббист М. Голд, который начинал помощником в сенатском Комитете по разведке, в 1993–1995 гг. был руководителем кадровой службы Комитета по регламенту сената США, потом сменил две лоббистские фирмы и в 2002–2003 гг. возглавил аппарат лидера сенатского большинства Б. Фриста. Затем М. Голд работал в «Вашингтон пост», а в 2008 г. пришел в Covington & Burling. Всего с 2009 по 2015 г. Фонд китайско-американских обменов и взаимодействия израсходовал на лоббирование в США 2,569 млн долл.⁴. В отчетах, подаваемых в соответствии с американским законодательством, круг лоббируемых вопросов сформулирован максимально кратко: «китайско-американские отношения». Инстанции, в которых осуществляется лоббирование — Сенат и Палата представителей конгресса США. Фонд пользуется также лоббистскими услугами других фирм.

Еще одна лоббистская фирма, Wilson Global Communications, нанятая Фондом китайско-американских обменов и взаимодействия, наоборот, указывает весьма широкий круг лоббируемых вопросов: «Поиск новых возможностей в углублении международного торгового сотрудничества для взаимной финансовой выгоды, включая обмен студентами, взаимодействие с американским бизнесом, гражданскими организациями, контакты с избранными и назначенными чиновниками, а также лидерами местных общественных организаций»⁵.

О лоббировании экономических интересов можно судить по неудавшейся попытке China National Offshore Oil Corporation поглотить в 2005 г. американскую Unocal Corporation. На лоббирование она потратила 2,2 млн долл. Но палата представителей выразила мнение, что государственная китайская энергетическая компания, получив контроль над одним из важных элементов энергетической инфраструктуры США, может ослабить национальную безопасность⁶.

В списке китайских клиентов американских лоббистов присутствуют в основном бизнес-структуры: Американская торговая палата в Китае, Китайская национальная нефтегазовая корпорация, Китайская ассоциация железа и стали, Китайская национальная шельфовая нефтяная корпорация и др. До 2009 г. одной из лоббистских компаний, с которой работали китайские официальные заказчики, была фирма Hogan & Hartson⁷. В 2007–2008 гг. она получила за свои услуги от правительства КНР 664 тыс. долл. В отчете говорится о консультациях относительно того, насколько конгресс, правительственные и другие структуры политической системы США могут влиять или иметь отношение к интересам КНР⁸. Другая крупная американская лоббистская компания — Patton Boggs⁹ обслуживала Торговую палату Китая по экспорту и импорту металлов, минералов и химической продукции, обеспечив в 2010 г. 15 контактов в комитетах по налогам сената и палаты представителей¹⁰. Торговая палата Китая по экспорту и импорту машиностроительной и электронной продукции в том же 2010 г. благодаря Patton Boggs получила 23 контакта в тех же налоговых комитетах, а

также в сенатском комитете по финансам¹¹. Все это примеры того, насколько активно Китай использует инструментарий американской лоббистской системы.

Китайская диаспора

Качественное изменение в китайском лоббизме произошло 6–7 лет назад, когда власти Поднебесной осознали, что полагаться на американских лоббистов можно лишь до определенного предела. Некоторые проблемы требовали работы с конгрессом без этих посредников и через другие механизмы. Одной из главных проблем для Китая на Капитолии является постоянное муссирование тем «защиты свободы», преследования участников событий на площади Тяньаньмэнь и современных диссидентов. За 25 лет было принято 79 резолюций конгресса, осуждавших убийство мирных демонстрантов, призывающих освободить узников совести, признать и возместить им ущерб, включая тех, кто был арестован на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. Американские законодатели осуждали также практику использования человеческих органов после казни, не ограниченное сроками содержание под следствием без суда, трудовые лагеря по перевоспитанию. Но резолюции не только осуждали, но и обязывали президента США использовать различные санкции — от торговых, включая оружейное эмбарго, до политических, например, призыва к Международному олимпийскому комитету перенести из Пекина столицу Олимпийских игр 2008 г.¹²

Одним из наиболее активных на Капитолии борцов с китайским тоталитаризмом была Н. Пелоси, выступавшая против принятия Китая в ВТО, автор поправки в законопроект от 18 октября 1990 г., лишившей КНР режима благоприятствования в торговле с США, а также ряда резолюций, осуждавших преследование участников событий на Тяньаньмэнь и прочих китайских инакомыслящих¹³.

Став спикером палаты представителей, Н. Пелоси продолжала поддерживать все антикитайские резолюции. Особенно болезненным для КНР был призыв конгресса к правительству США бойкотировать Олимпиаду в Пекине в качестве ответной меры за преследования китайскими властями правозащитников, а также представителей тибетского и уйгурского меньшинств. Н. Пелоси призвала президента Буша не приезжать на открытие Олимпиады¹⁴. Она демонстративно посетила в Индии духовного лидера буддистов далай-ламу, заявив, что у США нет морального права говорить о правах человека в мире, пока они не добьются прекращения притеснений в Тибете¹⁵.

Для посольства КНР Ratton Voggs обеспечила в 2008 г. 16 встреч с влиятельными американскими конгрессменами, включая Н. Пэлоси, лидера демократического большинства в сенате Г. Рида, конгрессменов Дж. Клиберна, Г. Бермана, Э. Марки, С. Хойера, Дж. Кроули и др.¹⁶ Китайское лоббирование дало результат. Президент Буш приехал на открытие Олимпиады в Пекин, хотя и призвал китайские власти улучшить ситуацию с правами человека. Сама Н. Пелоси приехала в Поднебесную в мае 2009 г. и ни слова не сказала о нарушениях прав человека. Более того, на конференции по проблеме климатических изменений она заявила, что глобальное потепление «меняет правила игры» в отношениях США и Китая, чего от нее никто не ожидал.

Возможно, не в последнюю очередь смягчение ее позиции произошло потому, что в округе Сан-Франциско, откуда она была избрана в конгресс, китайская диаспора является одной из самых крупных и влиятельных в США¹⁷.

Влияние китайской диаспоры на выборные кампании в США является серьезным рычагом лоббирования Китаем своих интересов. По данным Бюро переписи населения за 2013 г. в США насчитывалось 4,3 млн китайцев¹⁸, т.е. 1,3% населения страны. Они проживают во многих штатах, однако основными районами их проживания являются Калифорния — 43%, Нью-Йорк — 13% и Техас — 7%. В Калифорнии проживает около 55% тайваньской диаспоры в США, а в Нью-Йорке — около 20% выходцев из КНР¹⁹. Значи-

тельная часть китайской диаспоры сосредоточена в Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, Бостоне, Чикаго. Есть «чайна-тауны» и в других крупных городах страны. Китайская диаспора в США считается «старой», большинство китайцев оказались там после 1980 г., и этот процесс продолжается. Китайские власти активно работают со своей диаспорой. Последние 5–8 лет китайская партийная пропаганда уделяет огромное внимание теме возрождения и возвышения Поднебесной. На этой теме консолидируется и китайская диаспора. Культивируется лояльность к родине под лозунгом «консолидировать сердца, объединить умы, развивать возможности для возрождения великой китайской нации». Объединяющее начало чувства гордости за родину, готовность послужить ей за рубежом присущи в том числе и многим выходцам с Тайваня.

Для тех, кто родился за пределами Китая, Пекин активно осуществляет программы «возвращения к историческим корням», организуя поездки на родину. В 2008 г. в них участвовали более 5 тыс. человек²⁰. Тема свободного перемещения («культурных», учебных обменов) между Китаем и США упоминается китайской стороной всякий раз, когда речь идет об отношениях между Пекином и Вашингтоном.

Второй рычаг влияния — скрытое финансирование Китаем избирательных кампаний в США. Впервые об этом стало известно в 1996 г. в связи с так называемым Чайнагейтом. Тогда подозрения пали на Билла Клинтона. Он противостоял давлению конгресса по вопросу предоставления визы для выступления в Корнельском университете тайваньскому президенту Ли Дэньхуэю, хотя потом был вынужден уступить. Затем вскрылось, однако, что на счета Демократической партии поступали значительные суммы пожертвований от компаний, связанных общими интересами с континентальным Китаем. В 1996 г. посредником выступил глава фирмы Loral Corporation, который сделал самое большое индивидуальное пожертвование на нужды Демократической партии США в размере 1.1 млн долл. Ключевой фигурой выступал американский предприниматель тайваньского происхождения Джон Чун, близкий к военным кругам Китая. Все это квалифицировалось как незаконное финансирование избирательной кампании со стороны иностранных агентов. Вторым эпизодом «Чайнагейта» было обвинение демократической администрации в том, что она «закрывает глаза» на продажу армии КНР американских спутниковых технологий²¹.

Характерно, что продолжающийся рост китайской диаспоры в США носит организованный характер. Она открывает для властей Поднебесной эффективный механизм влияния через пожертвования в избирательные фонды политиков. В США пожертвования от частных лиц тому или иному кандидату или в комитет его поддержки жестко ограничены суммой в 2,7 тыс. долл.²² Взносы до 100 долл. могут делаться наличными. С учетом этого дисциплинированная китайская диаспора является идеальным каналом поддержки на выборах нужных политиков.

Специальный отряд по работе с конгрессом

Всего 10 лет назад Китай игнорировал конгресс и не пытался лоббировать через законодателей. Китайские власти считали Сенат и Палату представителей «придатком» исполнительной власти. Однако затем китайское лоббирование охватило и конгрессменов. Пекин сохранил работу через лоббистскую фирму Patton Boggs, но стал активно действовать и через дипломатические каналы. В 2008 г. Китай открыл новое посольство в США, потратив на это 200 млн долл. Китайский посол объехал все штаты и навестил около сотни сенаторов в их избирательных округах. В новом посольстве КНР разместилась группа из 12 человек по связям с конгрессом²³.

«Рукой», которая непосредственно оплачивала лоббирование, оставались китайские корпорации, формально выступавшие за хорошие отношения с США в своих собственных интересах и работавшие через американских лоббистов. В лоббистском отчете компании Homer Laughlin China²⁴ темой лоббирования указана «защита транстихоокеан-

ского партнерства». China Trust Financial Holding лоббировала «обеспечение стратегического взаимопонимания и облегчение коммуникаций с государственными учреждениями относительно коммерческих инвестиционных возможностей»²⁵. При этом на поверхности американо-китайских отношений на протяжении 10–12 лет одной из главных тем остаются претензии США в отношении заниженного курса юаня, установленного КНР. В 2010 г. через палату представителей прошел законопроект²⁶, в котором недооцененные валюты рассматривались как скрытая субсидия, что по американским торговым законам позволяет конкурирующим компаниям требовать наложения штрафа. Несмотря на то, что этот законопроект отражал интересы многих американских производителей, например, текстильных компаний, конкурирующих с Китаем на американском рынке, против него выступила коалиция из 45 американских организаций и компаний, включая Американскую торговую палату, деловой «круглый стол» и Национальный совет по внешней торговле²⁷.

Эти структуры обратились с письмом в Конгресс, призвав отказаться от давления на Китай в вопросе укрепления юаня. В нем говорилось: «Штрафные санкции по отдельным китайским товарам были бы контрпродуктивны не только в отношении курса юаня, но и с учетом наших более широких национальных интересов, которые сталкиваются с рядом трудностей в Китае. Они включают недостаточную защиту нашей интеллектуальной собственности, ограничения доступа на китайский рынок, нашу заинтересованность в либерализации финансовых услуг, возможные дискриминационные действия местных властей на уровне промышленной политики, а также ответные торговые ограничения»²⁸.

Лучший исход для китайских лоббистов трудно было предположить. И законопроект загадочно «умер» в сенате. Впрочем, сенатор Ч. Шумер и конгрессмен С. Левин, давние критики валютной политики КНР, пообещали реанимировать этот законопроект и были в этом не одиноки.

Несмотря на усилия части лоббирующих от имени Китая американских корпораций, в 2011 г. появился новый «валютный» законопроект Currency Reform for Fair Trade Act, выдвинутый в нижней палате С. Левиным, а в верхней — сенатором Ш. Брауном. Он предусматривал введение в отношении экспорта из любой страны с «существенно дерегулированной» валютой штрафа или обязанности по компенсации убытка, нанесенного американским производителям. В борьбе с этим законопроектом Китай продемонстрировал новые подходы в лоббировании. По данным агентства Рейтер, «команда по связям китайского посольства с конгрессом» встречалась на уровне помощников конгрессменов, делала звонки высокопоставленным чиновниками конгресса, обсуждала последствия с Белым домом²⁹. Китайское посольство платило фирме Patton Boggs 35 тыс. долл. в месяц³⁰ за доступ на Капитолий и консультации по текущему политическому процессу в конгрессе. Работа с конгрессом не означала отказа от старых рычагов — «взятых в залогники китайским рынком» американских транснациональных корпораций.

По данным First Street Research Group, 68 организаций лоббировали против законопроекта. Среди них были Американо-китайский деловой совет, Boeing и Honeywell. Законопроект был принят в Сенате 63 голосами против 35. Но в палате представителей соотношение сил было почти равным. Законопроект не прошел благодаря выступлению спикера Дж. Бейнера, который настаивал, что принятие закона развязывает торговую войну с Китаем³¹. Это заявление слово в слово совпадает с заявлениями китайских дипломатов, сделанными агентству Рейтер. Не поддержала принятие закона и администрация Обамы, правда, в очередной раз обвинив Пекин в «играх с валютной системой»³².

Еще одним новым моментом в лоббировании против закона об обменном курсе юаня был приезд в конгресс делегации китайских законодателей — зримое подтверждение важности этого вопроса для Пекина и его готовности к ответным действиям. Сенатор-республиканец О. Хэч, который голосовал против законопроекта, отметил, что было важно слушать китайцев и чувствовать их поддержку. Он предложил поправку, обязывающую президента США подключиться к переговорам по валютной проблеме, но в де-

мократическом сенате поправка не прошла. Это свидетельствует также о том, что Пекин активно использует партийные разногласия в политической системе США.

Как видим, Китаю порою удается не допускать принятия не выгодных для него законопроектов и в целом успешно лоббировать нужные решения в американском Конгрессе.

Выводы

К факторам, которые определяют успехи лоббистской деятельности Пекина в политической системе США, можно отнести: сильную экономическую зависимость целых отраслей американской экономики от рынка КНР, организованную и управляемую Пекином китайскую диаспору, использование политической борьбы между республиканцами и демократами, ангажирование бывших американских чиновников и создание привлекательных условий для их бизнеса и бизнеса их родственников в Китае, а также постоянное представительство интересов в США в виде специальной «группы связи» с конгрессом.

Ключевым фактором в лоббировании несомненно являются число американских фирм, торгующих с Китаем или имеющих производство на территории Поднебесной, и их зависимость от властей КНР. По данным Американско-китайского делового совета, американский экспорт в КНР в 2014 г. превысил 120 млрд долл. и растет последнее десятилетие на 13% ежегодно. Китайский рынок является для США третьим по объему после Канады и Мексики³³. Однако для 39 штатов рынок КНР в 2014 г. по объему был первым. Главными бенефициариями от экспорта в Китай являются производители высокотехнологичного оборудования, транспортной техники, сельхозпродукции, электронных компонентов, химической продукции. Согласно данным Американско-китайского делового совета и Министерства торговли США, экспорт в КНР дает 11,7 млн рабочих мест³⁴. При этом он вступает в противостояние с интересами американских континентальных компаний, испытывающих проблемы от несправедливого курса юаня. главным образом, в металлургической и текстильной отраслях, однако число занятых в их производствах несравнимо меньше. Также надо учитывать американские прямые инвестиции в КНР, которые в 2014 г. оценивались в 65,77 млрд долл.³⁵ Соотношение «прокитайских» и «антикитайских» экономических акторов несоизмеримо. Поэтому о несправедливом обменном курсе юаня заявляют те конгрессмены, для которых не выдержавшие конкуренции американские компании означают уволенных работников и потерянные голоса избирателей.

Ежегодный прирост китайской диаспоры в США позволяет говорить о возрастающем давлении на законодателей в ходе избирательных кампаний. С ростом китайской диаспоры как организованной управляемой силы неизбежно приходится считаться.

Слабое место китайского механизма лоббирования состоит в том, что, в отличие от израильского, китайский лоббизм является внешним. То есть, интересы групп давления не совпадают с национальными американскими интересами. Актеры не являются укоренившимися в политической системе США. Все это позволяет рассматривать китайский лоббизм как модель, которую можно воспроизвести в адаптированном виде для отстаивания интересов других стран, в том числе России.

1. *Alvare L.* The China Trade Wrangle: The Silicon Lobby // N.Y. Times. 18.05. 2000.

2. *Forsythe. M.* "Businesses Look for an 'in' With Beijing" // N.Y. Times. 04.05. 2010.

3. Там же.

4. Веб-сайт организации «Центр за ответственную политику». URL: <http://www.opensecrets.org/lobby/clientsum.php?id=D000048641&year=2015>.

5. Веб-сайт Сената США, база отчетов лоббистских фирм: Secretary of the Senate, Office of Public Records, Lobbying report. URL: <http://soprweb.senate.gov/index.cfm?event=getFilingDetails&filingID=17A9DDDD-2F35-4674-8333-0B5BC89B1BC1&filingTypeID=78>)

6. Резолюция конгресса США H.R. 6 Energy Policy Act of 2005; H.R. 3058 Transportation, Treasury, Housing and Urban Development, the Judiciary, the District of Columbia, and Independent Agencies Appropriations Act, 2006; H. Res. 344; H.R. 3057 Foreign Operations, Export Financial and Related Programs Appropriations Act, 2006; S. 1042 Defense Department FY2006 Authorization bill.
7. Веб-сайт "Sunlight Foundation". URL: http://foreign.influenceexplorer.com/payment-table?client_id=129775.
8. Там же. URL: <http://foreign.influenceexplorer.com/form-profile/13091>.
9. В 2013 г. доход Patton Boggs от лоббистских услуг составил 38,9 млн дол. В 2014 г. компания была поглощена Squire Sanders и стала действовать под названием Squire Patton Boggs — 1500 юристов, 44 офиса в 21 стране.
10. Веб-сайт "Sunlight Foundation". URL: <http://foreign.influenceexplorer.com/form-profile/14529>.
11. Там же. URL: <http://foreign.influenceexplorer.com/form-profile/4120>.
12. Резолюция Палаты представителей H. CON. RES. 141, April 28, 2005, H. RES. 610, August 3, 2007.
13. H. Res. 178—106th Congress (1999—2000), H.R. 4590, H.R. 1890, H.R. 1835—103rd Congress (1993—1994), H.R. 2212—102nd Congress (199—1992).
14. H. Res. 608 от 02.08.2007.
15. Pelosi calls on Bush to boycott Olympic opening ceremonies, редакционная статья с веб-сайта CNN. URL: <http://edition.cnn.com/2008/WORLD/asiapcf/04/01/pelosi.olympics/>.
16. Веб-сайт Министерства юстиции США. URL: <http://www.fara.gov/docs/2165-Supplemental-Statement-20080206-6.pdf>.
17. *Thrush G.* "Pelosi still hammers China" // POLITICO, 18.03.2009.
18. Веб-сайт Бюро переписи населения США. URL: <http://www.census.gov/newsroom/facts-for-features/2015/cb15-f07.html>.
19. Geguo huaren renkou zhuanji: [Китайское население стран мира]. Taiwan, 2005.
20. Нети xiangyong hezuo gongying Guojian yige chongman holi de huaqiao huaren shehui: [Взаимная гармония и сотрудничество с выигрышем для всех, построим исполненное живой силы сообщество для зарубежных китайцев] // Zhongguo qiao wang. URL: <http://www.chinaqw.com/news/200707/03/78232.shtml>.
21. Congressional Record — House. 1998. May 19. P. 9739.
22. Веб-сайт Федеральной избирательной комиссии США. URL: http://www.fec.gov/ans/answers_general.shtml#How_much_can_I_contribute.
23. *Huzler K.* Does America Need a Stronger China Lobby? // China Hands. 07.01.2013.
24. Веб-сайт Сената США. URL: <http://soprweb.senate.gov/index.cfm?event=getFilingDetails&filingID=7BAAB9C4-5097-430E-8439-24BE5CF95722&filingTypeID=60>.
25. Веб-сайт Сената США. URL: <http://soprweb.senate.gov/index.cfm?event=getFilingDetails&filingID=B358017E-2B72-45B5-BB37-7C4FE5B79E9A&filingTypeID=60>.
26. H.R. 2378 — Currency Reform for Fair Trade Act.
27. Веб-сайт Сената США. URL: <http://soprweb.senate.gov/index.cfm?event=getFilingDetails&filingID=3ee18278-f19a-4307-8629-1d2aec666649&filingTypeID=60>.
28. "U.S. groups urge Congress reject China currency bill" // REUTERS. 24.06.2011.
29. *Reid T., Cornwell S.* China launches lobbying push on currency bill // REUTERS. 12.10. 2011.
30. Там же.
31. *Lehene R.*, Government and Business: American Political Economy in Comparative Perspective, CQ Press, 2012.
32. *Reid T., Cornwell S.* Op.cit.
33. Веб-сайт Американско-китайского делового Совета. URL: <https://www.uschina.org/reports/us-exports/national>.
34. Там же.
35. Веб-сайт американского бюро статистики. URL: <http://www.statista.com/statistics/188629/united-states-direct-investments-in-china-since-2000/>.

Дракон и кондор: развитие чилийско-китайских отношений на современном этапе

© 2015

Ю.А. Шелепова

В статье рассматриваются политические и экономические связи Китая и Чили, история их сотрудничества, ключевые области взаимодействия, взаимоотношения с региональными объединениями в Азиатско-Тихоокеанском регионе, такими как Транстихоокеанское партнерство и Тихоокеанский альянс.

Ключевые слова: международные отношения, Китай, стратегии, Чили, АТР, товарооборот.

Взаимоотношения Китая со странами Латинской Америки исследованы достаточно подробно. Однако большинство этих исследований, связанных с присутствием Китая в латиноамериканском регионе, в основном затрагивают торгово-экономическую сферу. Автором предпринята попытка рассмотреть весь комплекс китайско-латиноамериканских связей на примере Чили с упором на отношения в сфере политики, уделяя особое внимание их геополитическим и геостратегическим аспектам.

Какое место во внешней политике КНР занимает Чили? Каковы особенности политических и экономических взаимоотношений двух стран? Как влияют на эти отношения их культурные и ментальные различия? Ответы на эти вопросы важны для решения поставленной задачи.

С момента своего основания в 1949 г. «международно-политическая деятельность КНР носила весьма ограниченный характер»¹. И только в конце 1970-х годов, с поворотом страны к курсу реформ и внешнеэкономической открытости, ее внешняя политика активизировалась.

Первые два послевоенных десятилетия были для Чили непростым временем как в плане внутренней, так и внешней политики. Недалековидные действия чилийского правительства привели к тому, что страна оказалась фактически в экономической и политической зависимости от США. В конце 1960-х годов правительство Эдуардо Фрея попыталось переломить ситуацию. Но реальные изменения наступили лишь с приходом к власти правительства Народного единства во главе с Сальвадором Альенде. Подвергавшееся огромному давлению со стороны США Чили пыталось найти союзников в других, более отдаленных регионах. Одним из таких союзников стал Китай. Дипломатические отношения Китайской Народной Республики с Чили были установлены 5 января 1971 г. Заключенные в те годы контракты обеспечили китайцев чилийской селитрой и медью в обмен на предоставление кредитов на строительство, покупку медикаментов и продуктов питания. После военного переворота и прихода к власти в Чили А. Пиночета в сентябре 1973 г. КНР продолжила экономическое сотрудничество с этой новой властью, несмотря на практически единогласное осуждение мировым сообществом действий военной хунты и обвинение Китая в «пособничестве фашизму».

Шелепова Юлия Алексеевна, аспирант Института Латинской Америки РАН.
E-mail: sheleпова_j@mail.ru.

В последующие годы Пекин целенаправленно претворял в жизнь политику модернизации, открытости и реформ. В Чили на первых после падения диктатуры выборах 1989 г. победил демократ Патрисио Эйльвин. Отношения с Китаем продолжились: в 1990-е и в начале 2000-х гг., интенсивно развивалась торговля. В мае 1990 г., впервые в истории китайско-латиноамериканских отношений состоялся официальный визит Председателя КНР Ян Шанкуня в Мексику, Бразилию, Аргентину, Уругвай и Чили.

Торговые отношения

В экономике Китая и Чили много общего. Обе страны совершили хотя и несоизмеримое по масштабу, но замеченное миром экономическое чудо. Чили — одна из наиболее конкурентоспособных и крупных в экономическом отношении стран латиноамериканского региона. В 2013 г. ее ВВП составил 277 млрд долл.² Страна является крупнейшим производителем и поставщиком меди³, на ее территории находится около 1/3 всех мировых запасов этого металла. И Китай, и Чили входят в список основных держателей государственных облигаций США⁴. Обе страны являются членами Всемирной торговой организации (ВТО): Чили — с 1995 г., Китай — с 2001 г.

Чилийская сеть соглашений о свободной торговле — одна из наиболее разветвленных в мире (25 торговых соглашений, тогда как у Китая пока только 12). В ноябре 2005 г. было подписано соглашение о создании зоны свободной торговли между КНР и Чили, которое вступило в силу в октябре 2006 г. «Чили стала первой западной страной, заключившей договор о свободной торговле с Китаем», говорилось в соглашении⁵. Через четыре года оно было расширено дополнительным договором в сфере инвестиций (подписан в апреле 2008 г.). Первым шагом на пути к соглашению можно считать подписанный в 1999 г. двусторонний протокол о присоединении Китая к ВТО, в соответствии с которым чилийские товары традиционного экспорта укрепили свои позиции на китайском рынке⁶.

Чили является третьим по величине торговым партнером КНР среди стран Латинской Америки (после Бразилии и Мексики)⁷. Внешнеторговый оборот составил 34 млн долл. в 2013 г., и чуть меньше 32,7 млн долл. в 2014 г.⁸ Львиную долю китайского импорта составляет медь (листовая и медный концентрат). Помимо этого, к основным статьям относятся фрукты, рыба и рыбная продукция, деревянная мебель, пиломатериалы, целлюлоза и бумага, химические вещества, рыбий корм (для удобрений)⁹ и вино. Китайский экспорт представлен в основном потребительскими товарами: автомобили, компьютеры, бытовая техника, сотовые телефоны и телевизоры, одежда. Он включает также химическую продукцию (например, концентрат молибдена), техническое оборудование, грузовые и общественные транспортные средства.

Согласно инвестиционному докладу ЮНКТАД (World Investment Report)¹⁰ за 2014 г., Чили входит в двадцатку стран с наибольшим притоком прямых иностранных инвестиций (ПИИ): 20 млрд долл. за 2013 г. Китайские инвестиции в Чили за тот же год составили 19 млн долл.; чилийские в Китай — чуть больше 2 млн долл. Как отметил аналитический центр журнала «The Economist», Чили относится к категории стран с наиболее благоприятным деловым климатом¹¹. Инвесторы из Поднебесной активно работают в сфере инфраструктуры и энергетики, делая упор на инновации и возобновляемые источники энергии. Например, китайский холдинг «Sky Solar», специализирующийся на «солнечном» оборудовании и батареях, объявил о планах вложить 1,36 млрд долл. в строительство электростанции на чилийской территории¹².

По словам президента Мишель Бачелет, страна планирует к 2025 г. повысить потребление энергии из возобновляемых источников с 6% до 20%. Это открывает прекрасные возможности китайским компаниям с капиталом и технологиями. КНР — крупнейший в мире производитель солнечных батарей (фотоэлектрических преобразователей солнечной энергии) и экспортирует более 90% своей продукции. В сентябре 2014 г. китайская компания «Trina Solar Ltd» объявила о намерении поставить солнечные батареи мощностью 70 МВт для проектируемой электростанции в Чили¹³.

Пример из другой сферы. Холдинг «Lenovo» — первая китайская компания, инвестировавшая свои средства в чилийский аграрный сектор. В 2012 г. в Чили была создана фруктовая компания «Jouvio Group». В развитие бренда уже вложено 164 млн долл. «Jouvio» приобрела пять производств и установила стратегическое партнерство с чилийским «Subsole» — крупнейшим производителем фруктов¹⁴.

Политические отношения

Отвечая на вопрос, какое место в сфере геополитических интересов Китая занимает Чили, следует прежде упомянуть о самопозиционировании Китая на международной арене. С момента своего образования КНР неизменно относит себя к группе развивающихся стран. Аккуратно «внедряя в мировое политическое мышление» эту идею¹⁵, Китай не видел для себя иной роли кроме лидера этой группы, что и случилось спустя несколько десятилетий благодаря его экономическим достижениям. В Пекине давно поняли, что именно страны «третьего мира» — тот резерв экономического роста, который поможет получить выигрышную позицию в будущем. Отсюда непрерывное сотрудничество, контакты и «особые» отношения с ними.

Все более активное поведение в мире и динамичное экономическое развитие позволили проявиться тем чертам внешней политики КНР, которые принято ассоциировать с крупными державами (например, высокий экономический рейтинг, геополитический вес, военно-стратегический потенциал, высокие социально-экономические показатели), что в свою очередь поставило перед руководством страны вопрос: как сохранить баланс между сдержанной политикой «развивающегося государства» и активной наступательной позицией рождающейся сверхдержавы? По словам С.Г. Лузянина, он по-прежнему не решен, такая «вариативность» сохранится на долгое время¹⁶. В.Я. Портяков подтверждает этот вывод: Китай характеризуется «двойственностью, противоречивостью позиционирования себя в нынешней системе международных отношений»¹⁷. Создавая свой «гармоничный мир», Пекин будет руководствоваться принципами баланса и стабильности в своих взаимоотношениях с внешним миром, любыми способами избегая дестабилизации и хаоса.

Китайская внешняя политика и дипломатия отражают некоторые национальные черты — прагматичность, трудолюбие, многоцелевую направленность, упорство и жесткость. Древняя китайская философия подарила своему народу стратагемность мышления, которая до сих пор формирует основу национальной политики. Можно предположить, что зная данную особенность, нам будет легче понять действия Китая в ходе тех или иных переговоров, в том числе общую стратегию китайской внешней политики. «Стратагема» — это стратегический план, напоминающий ловушку или хитрость. Данный план организует последовательность целенаправленных действий и обеспечивает решение кардинальных задач. Стратагемное мышление строится на глубоком знании законов реальности. В его основе лежит точный расчет. Основная идея — не вступать в прямое противоборство, открыто не конфликтовать, так как это может завести переговоры в тупик¹⁸. Такой подход напоминает игру в шахматы.

В сами стратагемы уже заложен прагматизм: предлагается разделение мира по «кольцевому принципу» — на соседей, ближайшее окружение, дальнее окружение и т.п. На наш взгляд, Чили принадлежит к группе стран относящихся к направлению «энергетической дипломатии» в китайской внешней политике¹⁹. Это подтверждает С.Г. Лузянин: «В отношении Латинской Америки и Африки рельефно просматриваются ресурсно-сырьевые, инвестиционные, гуманитарные (создание положительного имиджа) и политические интересы КНР»²⁰.

Какое место во внешней политике Чили занимает Китай? Одно из основных. Китай является ее важнейшим внерегиональным направлением; он входит в широкую сферу чилийской тихоокеанской политики и дипломатии. В свою очередь тихоокеанская политика Чили имеет давнюю историю. По причине особого географического положения, экономических и политических интересов данному аспекту внешней политики всегда уделялось большое внимание. Начиная с Б. О'Хиггинса, и другие последующие видные чилий-

ские деятели — генерал Р.К. Монтальва, генерал А. Пиночет и некоторые современные политики говорили об активном присутствии и особой роли Чили в Тихом океане. Этот тезис остается неизменным во внешней политике страны, формируя национальную стратегию в отношениях с внешним миром в целом, и с Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР) в частности. В настоящее время данный тезис отражается в чилийской концепции «страны-платформы», которая предполагает использование иностранными компаниями чилийской площадки для выхода на другие латиноамериканские рынки с помощью сети торговых соглашений (ТС). В рамках этой сети используются транспортные коридоры, наибольший эффект от которых достигается как раз при наличии ТС с той или иной страной. Трансазиатские транспортные коридоры имеют огромное значение для экономики Чили, а Китай является их крупнейшим инвестором. Политики и с той, и с другой стороны активно содействуют продвижению таких проектов, тем самым давая нужный толчок для развития.

Имея общие интересы, такие, например, как укрепление региональной интеграции, многосторонности, торговая ассоциация с другими странами, и Чили, и КНР придерживаются принципа мирного урегулирования споров и конфликтов. А основным инструментом является дипломатия, переговоры.

Чили — активный участник форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Для чилийцев АТЭС — пространство для апробации новых соглашений и идей с последующим их закреплением в рамках других международных организаций²¹. Одна из последних встреч руководителей Чили и КНР состоялась именно на саммите АТЭС в Пекине (ноябрь 2014 г.). Обсуждалось сотрудничество и увеличение взаимодействия в области инфраструктуры, зеленой энергии, коммуникаций, в сельском хозяйстве, финансах и технологиях. Председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что страны должны «ловить момент»²² для составления совместного плана действий по укреплению сотрудничества.

Согласно данным опросов исследовательского центра *Pew (Pew Research Centre)* за 2014 г.²³, 60% чилийцев в целом положительно относятся к Китаю; 63% утверждают, что растущая экономика КНР является благоприятным фактором для их страны. Тем не менее, отношение чилийских респондентов к Председателю КНР Си Цзиньпину в основном негативное: 49% не уверены в нем и проводимой им политике. Так что упрочение взаимодоверия между двумя странами требует неуклонных усилий.

В последние годы активно обсуждается новое образование в АТР — **Транстихоокеанское партнерство (Trans-Pacific Partnership)**. Соглашение о его учреждении было подписано в 2005 г. Чили, Новой Зеландией, Сингапуром и Брунеем. Через три года были достигнуты первые договоренности в сфере финансов и инвестиций, и в тот же год свою заинтересованность в соглашении высказали Соединенные Штаты Америки. Для США этот проект — возможность «перезагрузиться» в АТР, инструмент контроля в регионе в дополнение к строящемуся «трансатлантическому мосту» и естественная возможность снизить в нем влияние Китая. Для Китая это пока неоднозначный проект. Со свойственным им терпением китайцы ждут дальнейшего развития событий вокруг соглашения. Чили является учредителем ТТП, а ее торговое соглашение с Новой Зеландией — прообразом собственно соглашения о партнерстве. И Китай, и США — важнейшие торговые партнеры Чили, с обеими странами подписаны торговые соглашения (в 2005 г. с Китаем, в 2004 г. с США). Чилийцы традиционно ориентируются на США в сфере инноваций и технологий, хотя в последние годы намечается поворот в сторону Китая, увеличивается импорт китайской техники. Для Чили чрезвычайно важны китайские инвестиции в транспортные коридоры, а для КНР — возможность пользоваться чилийской «сетью» в Южной Америке. Надежный партнер, как для восточноазиатского, так и для североамериканского соседа, Чили находится в интересной ситуации.

Спустя 10 лет с момента подписания соглашения об учреждении, 5 октября 2015 г. в американском городе Атланта представители 12 государств (Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили и

Япония) окончательно согласовали условия заключения договора о ТТП. Предполагается, что сам договор будет заключен на ближайшем саммите АТЭС в Маниле (Филиппины)²⁴, но скорее всего, эта дата «плавающая», поскольку процесс согласования документа занимает достаточно много времени. В связи с чем не представляется также возможным ответить на вопрос, когда механизм партнерства начнет работать. На данный момент, в открытом доступе находится только краткое резюме соглашения.²⁵ Правительство США увлеченно рекламирует проект как внутри страны, так и за ее пределами. Но только время покажет, насколько он эффективен.

Что касается Чили, то дипломаты этой южноамериканской страны не стали выбирать, какой из двух главных торговых партнеров предпочтительнее, а как представляется, сделали ставку сразу на обоих. Давать какие-либо оценки относительно будущего ТТП пока рано. Партнерство, находящееся на наш взгляд в начальной стадии формирования, не несет угрозы чилийско-китайским торговым отношениям и установившемуся между странами благоприятному климату. Но даже в случае его ухудшения чилийцы не ограничены для маневров ни во времени, ни в пространстве. Свойственная Чили амбициозность и предприимчивость позволяют опираться не на один проект, укреплять связи с АТР всеми возможными способами, искать дипломатические решения, в большей степени отвечающие чилийским интересам.

Еще одной инициативой, направленной на взаимодействие с АТР, является созданный в 2011 г. Тихоокеанский альянс (Pacific Alliance). Участники данного объединения — Мексика, Колумбия, Перу и Чили, — ставят своей целью экономическую и торговую интеграцию и рассматривают Альянс в качестве площадки для выработки конкретных политических формул. Практика показала, что первое им с успехом удается: эффективная работа с момента создания Альянса позволила всего за год добиться 100% взаимного освобождения от таможенных пошлин с четкой юридической базой, включая механизм разрешения споров²⁶. Но латиноамериканская интеграция отличается уверенным и резким стартом, с последующим снижением темпов развития и взаимодействия, примером чего служит МЕРКОСУР. Поэтому нельзя с уверенностью сказать, что точно такая же судьба не ждет Тихоокеанский альянс.

Для участников объединения Вашингтон является традиционным партнером и во многом импульсом развития самого Альянса, двигающим его в сторону от атлантических стран Латинской Америки. В 2013 г. президентом Чили стала представительница левоцентристской коалиции Мишель Бачелет. Ориентированная на сближение с Аргентиной и Бразилией, президент Чили выступает против обособленности Альянса, тем самым пытаясь изменить направление развития объединения, лавируя между планами США и собственными интересами в нем.

* * *

2015 г. знаменателен для чилийско-китайских отношений тем, что ровно 45 лет назад произошло установление дипломатических отношений между двумя странами.

За несколько десятилетий сотрудничества во многих сферах установился своего рода баланс взаимоотношений. В первую очередь это касается торговли и экономики. Неравнозначность масштабов и объемов экспорта не умаляет того факта, что и Чили, и Китай нуждаются в его расширении, поиске новых рынков и укреплении старых. Чили занимает первое место в десятке крупнейших производителей меди (добыча руды), а Китай возглавляет десятку крупнейших ее потребителей²⁷. Обе страны связывает торговое соглашение, а также работа в рамках различных экономических форумов и институтов. Исходя из этого, можно предположить, что китайско-чилийские отношения носят вполне долгосрочный характер. Это касается и политических отношений. Объединенные Тихим океаном, Чили и Китай нашли общие интересы и обрели равновесие.

1. *Портяков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы // Пробл. Дальнего Востока. 2009. № 6. С. 4.
2. Согласно данным Международного валютного фонда (МВФ; International Monetary Fond, IMF).
3. 82% чилийского экспорта. 2014 г.
4. Китай — 1250,4 млрд долл., Чили — 24,1 млрд долл. Данные представлены на ноябрь 2014 г. URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2006-03/27/content_4350074.htm <http://www.treasury.gov/ticdata/Publish/mfh.txt>.
5. URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2006-03/27/content_4350074.htm; http://www.embachilerusia.ru/rus_2_sobrechina.htm.
6. Аналитические тетради ИЛА РАН: Новые партнеры Латинской Америки — Китай, Южная Корея, Индия, ЮАР / под ред. В.А. Тепермана. М.: ИЛА РАН, 2005. № 18. С. 78.
7. Regional Focus: China — Latin America // The China Analyst. 2013. Sept. P. 34–35. URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2006-03/27/content_4350074.htm <http://www.thebeijingaxis.com/en/news-a-media/the-china-analyst>.
8. Данные взяты с сайта Центробанка Чили (Banco Central de Chile). URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2006-03/27/content_4350074.htm <http://www.bcentral.cl>.
9. Чили является крупнейшим в мире производителем рыбной муки и рыбьего жира.
10. World Investment Report 2014. URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2006-03/27/content_4350074.htm; URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2006-03/27/content_4350074.htm; <http://unctad.org/en/pages/PublicationWebFlyer.aspx?publicationid=937>.
11. Чили занимает 1-е место среди стран Латинской Америки и 14-е место в мировом рейтинге (данные за 2014 г.).
12. Regional Focus: China — Latin America // The China Analyst. 2013. Sept. P. 35.
13. *Du Juan.* Chile banks on new energy to attract fresh investment. 11.11.2014. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/business/2014-11/11/content_18896903.htm.
14. Chilean fruit with Chinese brand popular online. 13.12.2014. URL: http://www.china.org.cn/business/2014-12/13/content_34308029.htm.
15. *Сафронова Е.И.* Политика и международный имидж КНР в странах Африки и Латинской Америки: небесполезный опыт для России // Китай в мировой и региональной политике (История и современность). М., 2007.
16. *Лузянин С.Г.* Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический дискурс. URL: www.perspektivy.info.
17. *В.Я. Портяков.* Указ. соч. С. 8.
18. *Василенью И.А.* Политические переговоры: учебное пособие. М.: Гардарики. 2006. Ч. 2. С. 65–91.
19. «Современная внешняя политика Китая ведется по трем основным направлениям, каждое из которых получило свое специальное обозначение. В первую очередь, это выстраивание отношений с крупными державами (*даго вайцзяо*) — США, Россией, Японией, Индией и Европейским союзом. Во-вторых, это поддержание хороших отношений с «добрыми соседями» или периферийными странами (*чжоубянь вайцзяо*). К этой группе стран Пекин относит государства Северо-Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии. И, наконец, новым направлением внешней политики стала «энергетическая дипломатия» (*инъюань вайцзяо*), цель которой — обеспечить энергетическими и другими природными ресурсами программу модернизации страны». Цит. по: *Тинтин Ф.* Энергетический фактор во внешней политике КНР // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 8. С. 87.
20. *Лузянин С.Г.* Указ. соч.
21. Аналитические тетради ИЛА РАН: Новые партнеры Латинской Америки — Китай, Южная Корея, Индия, ЮАР. № 18. С. 69–70.
22. China and Chile vow to expand cooperation. 12 Nov. 2014. URL: <http://www.telesurtv.net/english/news/China-and-Chile-Vow-to-Expand-Cooperation-20141112-0043.html>.
23. Global opposition to U.S. surveillance and drones, but limited harm to America's image. Pew Research Centre. URL: <http://www.pewglobal.org/files/2014/07/2014-07-14-Balance-of-Power.pdf>.
24. Транстихоокеанское партнерство: что оно несет миру и России. 21.10.2015. URL: <http://ria.ru/economy/20151021/1305718620.html>.
25. Summary of the Trans-Pacific Partnership Agreement. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2015/october/summary-trans-pacific-partnership#>
26. *Сударев В.П.* Латинская Америка: новые геополитические вызовы: учеб. пособие. М.: МГИМО, 2015. С. 169.
27. Чили, добыча руды — 5 434 тыс. т. Китай, потребление — 8 840 тыс. т. (данные на 2012 г.). Источник: Мир в цифрах-2015. Карманный справочник. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2015.

Экономика

Особенности регионального развития Китая на примере провинции Гуандун

© 2015

Ю.М. Шиганова

Пространственная поляризация — одна из наиболее серьезных проблем развития в КНР. На сегодняшний день существенные разрывы в уровнях социально-экономических показателей наблюдаются даже внутри высокоразвитых провинций страны, что требует дополнительных ресурсов и нивелирует экономические успехи регионов-лидеров. В статье дается анализ одной из ведущих провинций Китая — Гуандуна.

Ключевые слова: региональное развитие, провинция Гуандун, пространственная поляризация, дельта реки Чжуцзян.

Обеспечивая 13% мирового ВВП¹, Китай является одним из важнейших производственных центров экономики и одной из наиболее динамично развивающихся стран мира. Однако высокие темпы роста не служат показателем абсолютного успеха в развитии и равномерного, сбалансированного повышения уровня благосостояния в масштабах всего Китая.

Территориальная дифференциация в Китае рассматривается в статье на двух уровнях. Значительная площадь его территории обуславливает разнообразие регионов по климатическим, природным, рельефным, ресурсным условиям и связанными с этим численностью населения, уровнями социально-экономического развития, структурой производственной системы, наличием объектов инфраструктуры, транспортным обеспечением. Принято выделять 4 основных макрорегиона Китая — Север, Запад, Восток, Центр. Традиционно наиболее развитыми, заселенными и освоенными в хозяйственном плане были восточные, приморские провинции. После старта в 1978 г. политики реформ и открытости развитие этих регионов считалось приоритетным в силу их наибольшего потенциала для обеспечения необходимого развития хозяйства страны. Предполагалось, что они начнут развиваться раньше других и приведут «в движение те, которые стали развиваться позже», развитые регионы «будут всемерно помогать неразвитым районам»². На территории восточных провинций формировался приморский пояс открытости с мощной производственной и экспортной базой, привлекающий инвестиции и квалифицированные людские ресурсы, тогда как внутренние районы оставались в изоляции от мирового рынка, а их реформирование осуществлялось медленно и дозированно.

Восточные регионы, занимавшие 10,7% территории КНР при 36,7% численности населения страны³, обеспечивали 52,3% ее ВВП в 1980 г. и 60,1% в 1993 г.⁴ По мере экономического роста разрыв в уровнях развития регионов нарастал. Если в 1978 г. средние доходы на душу населения у восточных, центральных и западных регионов составляли

214,3, 184,6 и 165,7 юаней соответственно⁵, то к 1990 г. подушевые доходы увеличились в восточных регионах до 1156 юаней, в центральных — до 797 юаней, в 1,63 и в 1,13 раза превысив показатель западных регионов. К 2000 г. доходы в этих трех зонах достигли соответственно 5277, 3107 и 2707 юаней⁶. В настоящее время разница между максимальным (г. Тяньцзинь) и минимальным (пров. Гуйчжоу) показателями подушевого ВРП по административным единицам КНР — четырехкратная⁷.

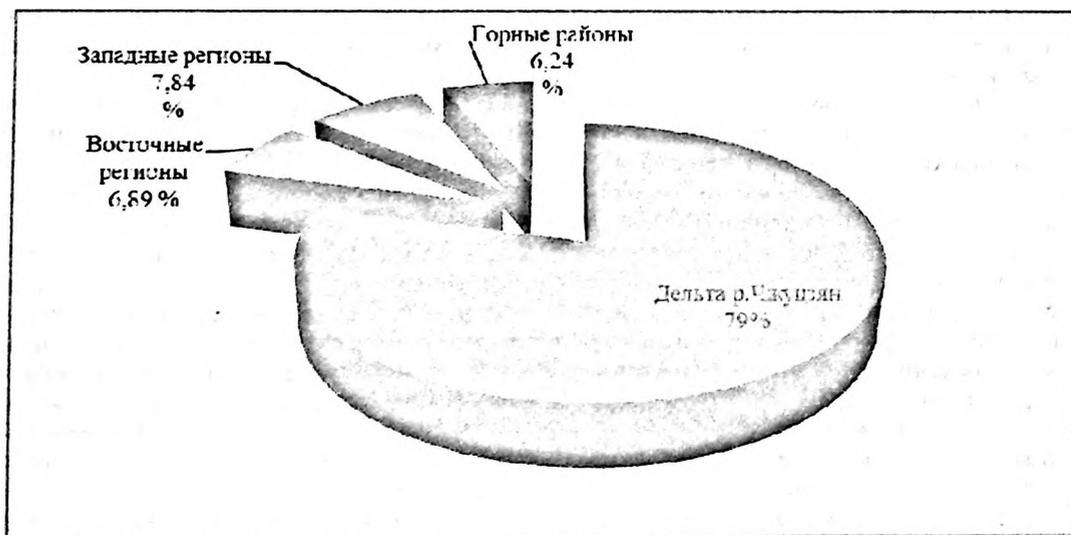
С целью устранения территориальной дифференциации правительство Китая разрабатывает программы регионального развития по «функциональным районам»⁸ с учетом природных, экологических различий. При этом осуществляется работа по подготовке планов и программ развития на основе дифференцированного подхода к каждому из макрорегионов: «масштабное освоение западной части страны», «полное возрождение северо-восточных районов и других старых промышленных баз», «стимулирование подъема центрального региона», «поддержание опережающей трансформации и модернизации экономики восточного региона», а также «бывших революционных опорных баз, национальных, окраинных и бедных районов»⁹.

Второй уровень проблем региональной дифференциации в Китае — разброс по степени развитости среди районов в пределах одной провинции. В качестве примера рассмотрим провинцию Гуандун.

На сегодняшний день провинция является одним из полюсов экономического роста страны наряду с Бохайским кольцом и зоной Дельты р. Янцзы. Гуандун обеспечивает 10,9% ВВП, 23,4% импорта и 28,8% экспорта Китая¹⁰. В 2014 г. провинция заняла 1-е место по показателю ВРП¹¹ среди всех регионов страны. В состав пров. Гуандун входят Дельта р. Чжуцзян, Восточное, Западное крылья и Горные районы. Наибольшую площадь в провинции занимают Горные районы (42,7%¹²), на долю Дельты р. Чжуцзян приходится 30,5% территории¹³, площадь Восточных регионов — 8,6% территории Гуандуна.

Рисунок 1.

Соотношение долей районов в ВРП пров. Гуандун в 2013 г. (%)

Источник: Гуандун тунцзи няньцзянь 2014: [Статистический ежегодник по провинции Гуандун за 2014 год]. URL: http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2014/directory/content_1.html?20-02-0, табл.20-02.

Хозяйственным центром, «головой дракона» в провинции является район Дельты р. Чжуцзян. В 1985 г. там была создана приморская открытая экономическая зона, ориен-

тированная на развитие производств, внешней торговли, на привлечение иностранных инвесторов. В ее состав изначально вошли самые развитые и динамичные районы провинции — две первые специальные экономические зоны (СЭЗ Шэньчжэнь и Чжухай) и один из открытых приморских городов — Гуанчжоу. Максимальный объем ВРП провинции обеспечивает Дельта р. Чжуцзян (79%), на западные, восточные и северные районы приходится в среднем по 6,97% объема ВРП. Длительная изоляция от мирового рынка и аграрный характер хозяйства районов вне Дельты обусловил их существенное отставание по уровню развития от центрального района.

Таблица 1.

Показатели ВРП районов пров. Гуандун в 2000–2013 гг., млрд юаней

	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	Рост к 2013 г. от 2000 г.
Восточное крыло	106,76	153,80	207,70	246,07	272,22	324,28	369,94	413,89	462,34	433,06%
Западное крыло	95,14	171,37	232,68	275,77	291,52	353,70	421,24	468,34	526,00	552,89%
Горные районы	75,61	138,16	205,56	240,60	256,32	304,19	358,80	382,18	418,58	553,63%
Дельта р. Чжуцзян	842,22	1827,96	2575,98	2994,57	3214,70	3767,33	4372,09	4777,96	5306,05	630,00%

Источник: Гуандун тунцзи няньцзянь 2012, 2013, 2014: [Статистический ежегодник по провинции Гуандун] за 2012, 2013, 2014 гг.]

URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2012/table/3/03-15.htm>;

<http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2013/directory/20-09.html>;

<http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2013/directory/20-08.html>;

<http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2013/directory/20-07.html>;

<http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2013/directory/20-03-1.html>;

<http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2014/directory/content.html?02-14>.

Стабильный рост экономики наблюдался в 2000–2013 гг. во всех районах, однако с 2007 г. доля Дельты в ВРП Гуандуна снижается (на 0,9 проц. пунктов к 2013 г.¹⁴) при одновременном увеличении доли остальных районов (восточных и западных — на 0,5 и 0,6 проц. пункта соответственно). Темпы экономического роста у восточных, западных и северных районов Гуандуна выше, чем в Дельте (табл. 2). Особенно это проявилось в период 11-й пятилетки (2006–2010 гг.), поскольку они в меньшей степени испытали на себе последствия мирового финансового кризиса 2008–2009 гг.

По показателю ВРП на душу населения провинция Гуандун отстает от ряда регионов Китая (8-е место из 31¹⁵). Это объясняется, в частности, высокой численностью населения — по его плотности Шэньчжэнь первенствует в Китае с показателем 5282 человека/кв. км¹⁶ (для сравнения, в Пекине — 1195 человека/кв. км¹⁷). Другая причина — существенное отставание по уровню экономического развития районов вне Дельты (подушевой показатель ВРП Дельты р. Чжуцзян в 1,59 раза выше, чем по пров. Гуандун¹⁸). Разброс показателей ВРП по городам провинции велик. У Шэньчжэня, относящегося к Дельте Жемчужной реки, — 1450 млрд юаней¹⁹), у Юньфу из горных районов — 60,23 млрд юаней²⁰. С целью выравнивания столь серьезных диспропорций установлены различные сроки достижения среднего по Китаю уровня ВВП на душу населения²¹. Для наименее развитых городов — Цзяняна, Юньфу это 2019 г., для Хэюаня, Мэйчжоу, Шаньвэя — 2020 г.²² В целом, разрыв между максимальным и минимальным подушевым показателем ВРП у четырех районов Гуандуна сокращается (с 4,56:1 в 2005 г. до 3,65:1 в 2013 г.²³), в т.ч. благодаря тому, что темпы роста данного показателя в западной и восточной частях провинции стали теперь выше, чем в зоне Дельты.

Основу экономики провинции составляют сектор услуг (47,8%²⁴), промышленность и строительство (47,3%). Доля сельского хозяйства в ВРП региона сократилась за период реформ с 29,76% до 4,9%²⁵, тогда как доля сферы услуг удвоилась. Доля 1-го сек-

тора наиболее высока в ВРП западных районов (18,77%²⁶), они же обеспечивают 31,5%²⁷ объема сельскохозяйственной продукции провинции.

Таблица 2.

Рост ВРП провинции Гуандун и доля районов в ее ВРП в 2000–2013 гг., %

Показатели	Период	Дельта р. Чжуцзян	Восточные районы	Западные районы	Северные районы
Темп роста ВРП	2001–2005 гг.	15,4	7,8	11,6	11,8
	2006–2010 гг.	13,5	13,8	12,7	14,2
	2011–2013 гг.	9,1	11,0	11,0	9,2
	2009–2013 гг.	9,8	12,0	11,5	10,2
Прирост подушевого ВРП	2001–2005 гг.	13,4	6,3	9,1	9,6
	2006–2010 гг.	9,2	12,4	12,1	13,6
	2011–2013 гг.	7,8	10,1	10,1	8,3
	2009–2013 гг.	7,1	11,0	11,0	9,4
Доля регионов в ВРП провинции	2000 г.	75,2	9,5	8,5	6,8
	2007 г.	80,0	6,4	7,2	6,4
	2010 г.	79,3	6,8	7,5	6,4
	2013 г.	79,1	6,9	7,8	6,2

Источник: 2013 ньян Гуандун цюйюй цзинцзи фачжань цинкуан фэньси: [Анализ экономического развития регионов пров. Гуандун в 2013 г.] // Сайт Статистического бюро провинции Гуандун. URL: http://www.gdstats.gov.cn/tjzl/tjfx/201411/t20141110_184240.html

Дельта р. Чжуцзян обеспечивает выпуск 33,8% объема производства провинции при 2% в ВРП доли сельского хозяйства. Во 2-м секторе экономики провинции соотношение ее районов выглядит следующим образом: 78,6%; 8,4%; 7,3%; 5,7% соответственно; в сфере услуг — 83,7%; 4,9%; 6,1%; 5,3%²⁸. С 2007 г. соотношение 2-го и 3-го секторов экономики как у Дельты, так и у северных районов стало меняться в пользу последнего. Но в целом зона Дельты р. Чжуцзян по уровню индустриализации, развития производства и 3-го сектора остается впереди.

Более половины совокупной добавленной стоимости промышленного сектора в Гуандуне обеспечивают такие отрасли, как производство коммуникационного оборудования, компьютеров, электрооборудования (21,6%), электротехнической продукции и оборудования (8,9%), производство и поставка электро- и теплоэнергии (6,2%), автомобилестроение (4,9%), выпуск химического сырья и химической продукции (4,9%), металлических изделий (4,4%). Если в 1980-е годы основу промышленности здесь составляли традиционные трудоемкие отрасли (выпуск одежды, обуви, продуктов питания, бумаги, стройматериалов), сборочные производства, то ныне ключевыми стали капиталоемкие отрасли. Лидирует в них Дельта р. Чжуцзян. Промышленный сектор восточных районов Гуандуна представлен производством и поставкой электро- и теплоэнергии, выпуском металлоизделий, текстиля, одежды, изделий из резины и пластика, нефте- и газодобывающей отраслью, нефтепереработкой; в северных районах производятся электро- и теплоэнергия, неметаллические минеральные продукты. 94,8% высокотехнологичных производств провинции сконцентрированы в Дельте²⁹. На нее же приходится 87,8% полученных в провинции патентов (Шэньчжэнь в 2014 г. получил статус государственной показательной зоны собственных разработок³⁰). Другие районы Гуандуна тоже увеличивают расходы на исследования и разработки, особенно западные, в экономике которых доля передовых производственных отраслей достигает уже 49,8%³¹.

В 2005 г. начался перенос производств текстиля, одежды, обуви, электронных коммуникаций, бытовой техники, пластиковой продукции, мебели, игрушек, пассажирского транспорта, изделий из металла, продукции тонкой химии, строительных материалов за пределы Дельты. Это способствует динамичному росту промышленного сектора остальных районов провинции: показатели прироста добавленной стоимости продукции,

произведенной в промышленном парке северных, восточных и западных районов Гуандуна в 2013 г. составили 31,1%, 32,9%, 27,2% и 34,1% соответственно³². Эти районы тем самым все шире вовлекаются в процессы внешней открытости и «двойной перестройки»³³, в систему регионального и международного разделения труда, в мирохозяйственные связи. Экономический подъем обеспечивает индустриализацию, урбанизацию, рост занятости и приумножение доходов в районах провинции, постепенно уменьшая дифференциацию. В свою очередь для Дельты перенос производств сулит структурную оптимизацию хозяйства, снижение себестоимости производства, уменьшение миграции неквалифицированного населения.

Таблица 3.

Структура секторов экономики в районах Гуандуна и темпы роста по секторам, 2013 г.

Регион	Структура экономики (%)			Прирост по секторам экономики (%)		
	Первый сектор	Второй сектор	Третий сектор	Первый сектор	Второй сектор	Третий сектор
Провинция Гуандун	4,9	47,3	47,8	2,5	7,7	9,9
Дельта р. Чжуцзян	2,0	45,3	52,7	2,4	7,6	11,5
Восточные районы	8,7	55,9	35,4	4,0	13,2	7,7
Западные районы	18,8	42,2	39,0	4,6	14,1	13,0
Северные районы	16,3	41,7	42,0	4,8	9,0	9,3

Источник: 2013 нянь Гуандун цюйюй цзинци фачжань цинкун фэньси: [Анализ экономического развития регионов пров. Гуандун в 2013 г.] // Сайт Статистического бюро провинции Гуандун. URL: http://www.gdstats.gov.cn/tjzl/tjfx/201411/t20141110_184240.html

По доле в ВРП провинции Гуандун 3-й сектор, как и по динамике роста производства, опережает 2-й сектор (за счет Дельты р. Чжуцзян), что свойственно экономически развитым странам на постиндустриальном этапе развития³⁴, но в обоих секторах по-прежнему высока доля традиционных отраслей. Ныне налицо тенденция роста числа занятых в сфере услуг, сокращения их в земледелии и незначительного прироста во 2-м секторе. Но преобладает занятость в промышленности и строительстве (41,9%), на 3-й сектор приходится только треть населения³⁵. В Дельте численность занятых в неаграрных отраслях составляет 90,5% и продолжает увеличиваться (на 3,6 проц. пункта по сравнению с 2007 г.³⁶); в западных районах по занятости пока что лидируют отрасли 1-го сектора экономики³⁷, 3-я сфера наиболее развита в городах Дельты. Это транспортные и складские услуги, связь, оптовая и розничная торговля, коммерция с недвижимостью. Доля таких сфер, как финансы, страхование, медицинское обслуживание, спорт, культура, образование, телерадиовещание даже в Дельте пока еще невелика. Что касается прочих районов Гуандуна, то прирост доли 3-го сектора в ВРП выше, чем во 2-м, лишь на севере (на 0,3 проц. пункта³⁸). В восточных и западных районах экономический рост обеспечивается, в основном, промышленным сектором (опережал сферу услуг на 5,5 проц. пункта³⁹).

В городах Дельты в настоящее время проживает 53,7% населения всей провинции⁴⁰, уровень урбанизации составляет 84,0%⁴¹ (в Шэньчжэне 100%⁴²), численность занятых в Дельте (61,9% от уровня провинции⁴³) превышает численность постоянно проживающего населения (на 8,1 проц. пункта), уровень урбанизации и занятости в остальных

районах провинции составляет 47%⁴⁴. Широкие возможности трудоустройства и более высокий уровень оплаты труда стимулировали миграцию населения из других регионов Китая. В городах Дельты сконцентрировано 82%⁴⁵ всех мигрантов в провинцию, что существенно повышает социальную, экологическую, финансовую нагрузку.

Таблица 4.

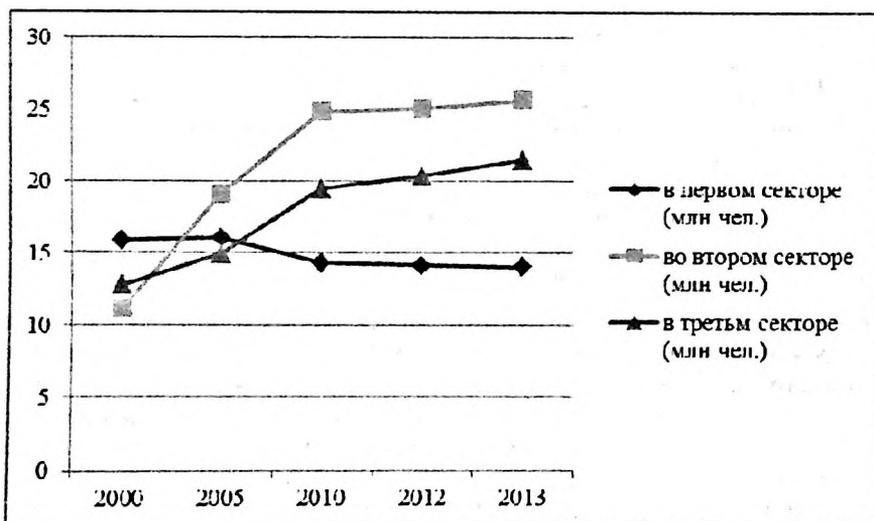
Уровень расходов на НИОКР по районам провинции Гуандун в 2011–2012 гг.

	2011 г.		2012 г.	
	Общий объем расходов (млрд юаней)	Темп прироста, %	Общий объем расходов (млрд юаней)	Темп прироста, %
Дельта р. Чжунцзян	98,46	28,08	116,12	17,94
Восточное крыло	2,24	62,54	2,72	21,12
Западное крыло	1,35	34,80	2,08	54,10
Горные районы	2,50	54,07	2,70	7,94

Источник: URL: http://www.gdstats.gov.cn/tjzl/tjfx/201403/t20140320_140236.html

Рисунок 2.

Численность занятых в пров. Гуандун в 2000–2013 гг. по секторам экономики

Источник: URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2014/directory/content.html?04-01>

Вопреки явлениям перепроизводства, отмечаемым в экономике КНР, приток инвестиций остается в Гуандуне одним из основных факторов экономического роста. Около 70% капиталов направляется в зону Дельты (прирост в 2001–2013 гг. составил 16%⁴⁶), но темпы прироста вложений в основной капитал вне этой зоны многократно выше (в западных районах — 38,5%⁴⁷). Вместе с тем рост доходов населения обуславливает увеличение потребительского спроса и розничных продаж потребительских товаров (темпы роста по районам — около 12%⁴⁸), вопреки традиционному потребительскому аскетизму и экономности (коэффициент сбережений населения превышает 50%⁴⁹).

При очевидном экономическом прогрессе разных частей провинции и постепенном смягчении межтерриториальной дифференциации разброс в степени развитости,

уровнях жизни пока еще велик. Опережающим темпам роста относительных показателей по районам сопутствует внушительный разрыв в абсолютных цифрах. Подушевые показатели ВРП восточных, западных и северных районов Гуандуна ниже среднего показателя по стране, располагаемые доходы горожан и селян в районах, не относящихся к Дельте, отстают от уровня провинции. Дельта р. Чжуцзян остается основным источником бюджетных доходов (66%)⁵⁰. Она обеспечивает 78,6% производства во 2-м секторе и 80,8% — в 3-м, является лидером по объему привлеченных и фактически использованных прямых иностранных инвестиций (92,4%)⁵¹.

Коэффициент внутренней дифференциации в Гуандуне достигает 0,698 — выше, чем в Цзянсу, Шаньдуне и Чжэцзяне (0,413, 0,452 и 0,263 соответственно⁵²). Благополучные города этой провинции оказались на слишком высоком уровне, достичь который остальным районам будет непросто. Экономический подъем восточных, западных и северных районов на базе развития традиционных отраслей сопровождается переходом Дельты на почти недостижимый для них производственный и инновационный уровень, гарантирующий ее конкурентные преимущества и источники дальнейшего роста. С целью сокращения дифференциации здесь планируется дальнейший перенос производств, оптимизация производственной структуры, транспортных сетей и инфраструктурных объектов. Важным моментом для дальнейшего развития является проект создания пилотной зоны свободной торговли в рамках проекта морского Шелкового пути XXI в., который обеспечит расширение регионального сотрудничества, интеграцию, увеличение грузо- и пассажиропотоков.

Проблема внутрирегиональной дифференциации есть одна из важнейших и насущных проблем Китая. Отстающие по уровню социально-экономического развития районы требуют дополнительного финансирования и ресурсов и умаляют экономические успехи регионов — центров экономического роста. Территориальная поляризация оказывает значительное влияние на дальнейшее экономическое развитие всей страны, требует тщательного изучения и устранения путем совершенствования региональной политики.

1. Жэньминь жибао: Чжунго цзинцзи вэйшэмо син чжи эр: [Жэньминь жибао: почему экономика Китая занимает второе место] // Renmin ribao. 10.03.2015. URL: <http://opinion.people.com.cn/n/2015/0310/c1003-26667187.html>.
2. Тезисы бесед во время поездок в Учан, Шэньчжэнь, Чжухай и Шанхай II // Китайский информационный Интернет-центр. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/126192.htm>.
3. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/218984/218997/219023/14818510.html>.
4. Там же.
5. У да ниньсу даочжи Чжунго дицзюй цзюйминь шоужу чацзюй жин кода: [5 причин углубления различий в уровнях доходов населения по регионам Китая] // URL: http://finance.ce.cn/macro/gdxw/200708/02/t20070802_12400638.shtml.
6. Там же.
7. 2014 нянь 31 шэнфэнь GDP хань цзинь лян паймин: Ху Цзин Юэ ивай дечу цянъ сань: [Рейтинг 31 провинции Китая по уровню ВВП в 2014 г.: Шанхай, Пекин, Гуанчжоу не на первых местах] // Xinhua, 03.03.2015. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2015-03/03/c_127535975_2.htm.
8. Гоуюань гуаньюй ниньфа цюаньго чжуги гуниэн шуй гуйхуа дэ тунчжи: [Извещение о публикации Плана Госсовета КНР создания функциональных районов в Китае] // сайт Центрального народного правительства КНР, документ № 46, 2010 г. URL: http://www.gov.cn/zwqk/2011-06/08/content_1879180.htm.
9. Ли Кэцян о необходимости повышать роль внутреннего спроса как основного двигателя экономики // Renmin ribao. 05.03.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8555101.html>.
10. Гуандун тунцзи няньцзянь 2014: [Ежегодный статистический сборник по пров. Гуандун за 2014 г.]. URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjn/2014/directory/content.html?01-04-0>.
11. 31 шэнфэнь 2014 нянь GDP цзэнсу пуцзян цзунхэ юй цюаньго шу чаэ цзяньшао: [Темпы роста ВВП у 31 провинции Китая в 2014 г. снизились, разброс между общими показателями и

- показателями по стране сокращается] // Chinanews.com, 03.02.2015. URL: <http://www.chinanews.com/gn/2015/02-03/7027801.shtml>.
12. Гуандун тунци няньцзянь 2014...
 13. Там же.
 14. 2013 нянь Гуандун цюйюй цзинци фачжань цинкуан фэньси: [Анализ экономического развития регионов пров. Гуандун в 2013 г.] // Сайт Статистического бюро провинции Гуандун, 11.10.2014. URL: http://www.gdstats.gov.cn/tjzl/tjfx/201411/t20141110_184240.html.
 15. Чжунго тунци чжайяо 2013: [Краткий статистический сборник по Китаю за 2013 г.]. С. 28.
 16. Гуандун тунци няньцзянь 2013 нянь: [Ежегодный статистический справочник по провинции Гуандун за 2013 г.]. URL: <http://www.gdstats.gov.cn/tjnj/2013/directory/01-06.html>.
 17. Бэйцзин жэнькоу фэньбу цзи буцзюньхэн хэсиньцюй миду ши ханьян цюй 109 бэй: [Население Пекина распределено крайне неравномерно, плотность населения в густозаселенных районах превышает плотность в малозаселенных районах в 109 раз] // Zhongxinwang, 05.05.2011. URL: <http://www.chinanews.com/gn/2011/05-05/3018418.shtml>.
 18. Гуандун тунци няньцзянь 2014...
 19. Там же.
 20. Там же.
 21. Гуандун цуцзинь юэ дунсибэй дицюй чжэньсин фачжань дэ чжунда бушу: [Грандиозный план содействия подъему восточных, западных и северных регионов Гуандуна] // Sina.com, 28.03.2014. URL: <http://gd.sina.com.cn/city/gcdv/2014-03-28/095890150.html>.
 22. Там же.
 23. 2013 нянь Гуандун цюйюй цзинци фачжань цинкуан фэньси...
 24. Гуандун тунци няньцзянь 2014...
 25. Там же.
 26. Там же.
 27. Там же.
 28. Там же.
 29. Там же.
 30. 2014 Чжунго цюйюй чуансинь нэнли баогао: Гуандун цзун хэчуансинь нэнли вэньцзюй ди эр: [Отчет об инновационном развитии регионов Китая в 2014 г.: по совокупному инновационному потенциалу провинция Гуандун стабильно занимает 2-е место] // Сайт Министерства науки и технологий КНР, 04.01.2015. URL: http://www.most.gov.cn/dfkj/gd/zxdv/201412/t20141231_117248.htm.
 31. 2013 нянь Гуандун цюйюй цзинци фачжань цинкуан фэньси...
 32. Там же.
 33. Huang Yanjie, Chen Shaofeng, Crisis of industrialization in the Pearl river delta, EAI Background Brief No. 444 // URL: <http://www.eai.nus.edu.sg/BB444.pdf>.
 34. По данным Всемирного банка, доля третьего сектора в экономике развитых стран превышает 70%. URL: <http://data.worldbank.org/income-level/HIC>.
 35. Гуандун тунци няньцзянь 2014...
 36. 2013 нянь Гуандун цюйюй цзинци фачжань цинкуан фэньси...
 37. Там же.
 38. Там же.
 39. Там же.
 40. Гуандун тунци няньцзянь 2014...
 41. Там же.
 42. Там же.
 43. Там же.
 44. Там же.
 45. URL: http://www.gdstats.gov.cn/tjfx/t20040406_10099.htm.
 46. Гуандун тунци няньцзянь 2014...
 47. 2013 нянь Гуандун цюйюй цзинци фачжань цинкуан фэньси...
 48. Там же.
 49. Почему китайцы не хотят тратить деньги? // Renmin ribao, 23.11.2012. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8031603.html>.
 50. Гуандун тунци няньцзянь 2014...
 51. Там же.
 52. 2013 нянь Гуандун цюйюй цзинци фачжань цинкуан фэньси...

Эволюция макроэкономического планирования в КНР: поиск оптимального соотношения между планом и рынком

© 2015

Д.Д. Лебедева

В статье рассматривается опыт Китая в сфере государственного регулирования экономики и макроэкономического планирования за период с момента образования КНР до наших дней. Анализируя пятилетние планы социально-экономического развития народного хозяйства Китая, автор определяет ключевые точки выбора направлений развития китайской системы макроэкономического планирования.

Ключевые слова: макроэкономическое планирование, пятилетние планы, плановая экономика, государственное регулирование, экономические реформы.

Макроэкономическое планирование играет ключевую роль в системе государственного регулирования Китая. Анализируя опыт китайского планирования, можно увидеть подъемы и спады в экономике, успехи и неудачи государственного управления. Планирование в Китае это не только создание программных официальных документов, но и важнейшая часть политики государства. Каждый пятилетний план отражает соответствующий экономический и исторический период, рассмотрение их углубляет понимание китайской специфики, действия экономических законов, облегчает изучение страны.

Современная система государственного регулирования китайской экономики начала зарождаться еще в XIX в., когда Сунь Ятсен поставил в 1894 г. вопрос о необходимости преобразования народного хозяйства страны. В 1918 г. им была опубликована «Программа строительства страны»¹, в значительной мере посвященная вопросам экономического развития, макроэкономического планирования и привлечения иностранного капитала на китайский рынок.

В 1949 г. после победы в политической борьбе Коммунистической партии Китая был принят курс на ускоренное развитие экономики. Здесь значительная роль отводилась директивным методам государственного регулирования экономики, важное место в которых занимала система планирования, созданная на аналитической базе СССР. Оценив тот объем помощи, которую оказал СССР Китаю в период коммунистической революции, а также дальнейшие возможности по использованию опыта и ресурсов СССР для скорейшего восстановления страны, руководство КНР приняло решение использовать социалистическую теорию для создания национальной системы государственного регулирования экономики². Перед Китаем тогда стояла задача всестороннего изучения и копирования опыта СССР, для чего было привлечено значительное количество советских специалистов.

С момента начала функционирования плановой системы в 1953 г. было принято решение определять на государственном уровне ключевые направления социально-экономического развития страны. Среди основных направлений планирования можно выде-

лить предприятия и учреждения, инвестиции в основные производственные фонды, продукцию промышленности и сельского хозяйства, доходы и расходы бюджета, рабочую силу³. Таким образом, на начальном этапе развития плановой системы деятельность хозяйствующих субъектов жестко регламентировалась вышестоящими органами.

В 1980-х годах в Китае началась работа по постепенному смягчению директивного характера планирования, наметился шаг в сторону совершенствования системы планирования народного хозяйства и социального развития.

В 1986 г. КНР подала заявку о восстановлении своего статуса в Генеральном соглашении о тарифах и торговле (ГАТТ). После этого Китай прошел долгий путь согласований, который в 2001 г. привел его к вступлению в ВТО со статусом развивающейся страны. Одним из основных требований вступления Китая в ВТО являлось ограничение влияния китайской системы директивного планирования в экономике, особенно прекращения директивного планирования внешнеэкономической сферы⁴. Данное условие было частично выполнено Китаем уже к 1994 г., а к моменту вступления в ВТО в 2001 г. система макроэкономического планирования претерпела серьезные преобразования. Касаясь эволюции теоретических взглядов на государственное регулирование экономики и, в частности, на государственное макроэкономическое планирование, можно выделить несколько ключевых точек в развитии системы.

Выбор между быстрым экономическим ростом и всесторонним комплексным развитием. С момента начала функционирования системы планирования (1953 г.) по настоящее время полностью реализовано 11 пятилетних планов социально-экономического развития, в стадии завершения — 12-й пятилетний план. Анализируя опыт реализации пятилетних планов, нетрудно заметить, что за шесть десятилетий содержание их, как правило, увязывалось с экономической ситуацией в стране и в мире. Поначалу взяв за образец советскую модель государственного регулирования, руководство КНР стремилось в своей первой пятилетке, к развитию индустрии с акцентом на машиностроение и металлургию. В 1990-х годах одновременно с укреплением основ рыночного хозяйствования и под влиянием мирового экономического кризиса происходили изменения и в концепциях экономического развития. В частности, стала крепнуть ориентация на внутренний спрос. В настоящее время в государственном макроэкономическом планировании все большую роль играют такие области, как обеспечение устойчивого развития, наука и образование, защита окружающей среды, общественные услуги.

Выбор между планированием и рынком. В процессе экономических реформ свершился плавный переход от директивной плановой системы к органичному сочетанию плановой и рыночной моделей экономики — социализму с китайской спецификой. Если в период 5-й пятилетки (1976–1980 гг.) еще преобладали директивные плановые показатели, то в рамках 6-й пятилетки осуществился переход к плановому товарному хозяйству. Ряд китайских экспертов расценивают это как предпосылку перехода к рыночной экономике⁵. В 7-м пятилетнем плане (1986–1990 гг.) плановые методы регулирования экономики уже сочетались с рыночными. В начале 1990-х годов, XIV съезд КПК (октябрь 1992 г.) акцентировал внимание на строительстве социалистической рыночной экономики, постановил следовать рыночным принципам в распределении ресурсов.

В 1990-х годах в результате реформы государственных предприятий и изменений на рынке трудовых ресурсов плановые методы регулирования все более уступали место рыночным.

Выбор между планированием (*цзихуа*) и программированием (*зуйхуа*). Если сравнить пятилетние планы до 10-й пятилетки (2001–2005 гг.) с планированием после нее, в глаза бросится изменение терминологии: вместо «*цзихуа*» стал фигурировать термин «*зуйхуа*»⁶. Это изменение имело глубокое значение, оно отразило перемену в идеях руководства КНР в сфере государственного регулирования, а также подчеркнуло стремление Китая соответствовать международным критериям для стран с рыночной экономикой.

Термин «цзихуа» обозначал планирование, которое направлено на то, чтобы заранее определить будущие тенденции, ставить конкретные цели и определять конкретные методы их достижения. В свою очередь «зуйхуа» — это всесторонняя перспективная программа развития страны. Хотя оба термина нацелены на будущее развитие, в «зуйхуа» больше внимания уделено макроэкономике, стратегии, руководству страной в долгосрочной перспективе. «Цзихуа» можно толковать как форму осуществления «зуйхуа», причем последнее служит как бы руководящим началом⁷.

В процессе развития китайской экономики и проведения реформ можно отметить несколько периодов: большое стимулирующее планирование, директивное планирование, смешанное планирование, индикативное планирование, стратегическое программирование⁸.

1-й пятилетний план, разработанный, напомним, на основе опыта СССР, сосредоточил внимание на создании основ индустриализации. Планирование было тогда основным методом регулирования и мобилизации ресурсов, и результаты оказались хорошими. Реализацию 2-го пятилетнего плана (1958–1962 гг.) подорвало внедрение идей «большого скачка» (1958–1960 гг.). Хотя руководством страны ставились директивные показатели, в тот период они не носили характера продуманного комплексного плана, ибо периодически подвергались корректировке и изменению, что не позволяет говорить о функционировании в те годы системы директивного планирования. После «большого скачка», в 1960 г. началось восстановление системы директивного планирования, прерванное новым потрясением — так называемой «культурной революцией».

После 6-й пятилетки (1981–1985 гг.), когда КНР уже встала на путь реформ и открытости, роль директивного планирования в микроэкономике стала ослабевать. В некоторых сферах планирование осталось директивным, но его роль уменьшалась, в других планирование обрело индикативный характер, хотя и сохраняло китайскую специфику, по-прежнему содержало в себе черты директивности.

Важнейшую роль в процессе перехода КНР к индикативному планированию сыграло вступление Китая в ВТО в 2001 г., так как ограничение влияния директивного планирования было основным требованием при вступлении. Тогда было решено соединить «плюсы» рыночной и плановой систем, создать на их основе эффективную модель государственного регулирования экономики. С 11-й пятилетки (2006–2010 гг.) в китайском планировании начался новый этап — период стратегического программирования социально-экономического развития.

В настоящее время в сфере государственного планирования в Китае происходит постепенное уменьшение количественных нормативных показателей, увеличение горизонта планирования, все большее внимание уделяется стратегическому развитию, увеличиваются масштабы объектов планирования. Эволюция государственного планирования продиктована не только устремленностью к развитию экономики, но и объективными требованиями институционализации аппарата государственного управления, демократизации общества, развития науки, стандартизации. Китайские специалисты считают, что изменения, происходящие в системе планирования, являются прямым следствием реформы экономической системы⁹. Изменения в системе планирования в свою очередь являются причиной изменений в функциях государственного управления. Замена термина «цзихуа» на «зуйхуа» показывает, что государство перешло от директивного планирования микроэкономических показателей к макроэкономическому перспективному программированию¹⁰.

Выбор между постепенными и радикальными реформами. В Китае с момента начала реализации 1-го пятилетнего плана и до настоящего времени был накоплен определенный опыт проведения экономических реформ. На протяжении всего этого периода руководство КНР стояло перед выбором между поступательными или радикальными реформами. Поступательные реформы «медлительны», с их помощью государственная экономика развивается шаг за шагом. Радикальные реформы, напротив, направлены на быст-

рые, зачастую принудительные преобразования. Из истории макроэкономического планирования в КНР явствует, что ее руководство вело поиск баланса между двумя способами проведения реформ, стараясь учитывать особенности национальной экономики.

В 1956–1957 гг. в рядах КПК возникло противостояние по вопросу о темпах развития страны во 2-й пятилетке. В результате победы в данной борьбе Мао Цзэдуна и его сторонников был взят курс на форсированное развитие — на осуществление «большого скачка»¹¹. В то же время в деревне для того, чтобы расширять общественную собственность было принято решение организовать «народные коммун». В истории Китая создание «коммун» и «большой скачок» можно расценивать как образчик реформ, носивших радикальный характер. При этом под влиянием международной и внутренней обстановки руководство КНР оптимистично оценивало экономическую ситуацию в стране и ставило перед обществом радикальные задачи — такие, как «догнать Англию, перегнать Америку» (*гань ин чао мэи*), «больше, быстрее, лучше и экономнее строить социализм» (*дуокуай хаошэн цзяньшэ шэжуйчжэ*) и пр.¹² В условиях функционирования системы государственного управления, опирающейся на данные лозунги, игнорировались общие экономические законы и особенности национальной экономики. Невыполнимая радикальная реформа повлекла опасное снижение уровня производительных сил и серьезные диспропорции в экономике, нарушила механизмы микроэкономического регулирования, народному хозяйству был нанесен огромный ущерб.

В процессе осуществления политики реформ и открытости, по ходу создания системы рыночной экономики также встала необходимость выбора между постепенными и радикальными реформами. Цены — это важнейший индикатор функционирования системы распределения ресурсов в экономике, базовый метод управления решениями предприятий и домохозяйств. Если обратить внимание на двухколейную реформу цен (*шуангуйчжэ гайгэ*), можно увидеть поступательный метод осуществления реформ¹³.

Двухколейная система цен не только ограничила реформирование цен, но и явилась одним из примеров тактики проведения поступательных реформ, сделала более ясной китайскую модель перехода от плановой экономики — к рыночной. Сочетание рыночной и плановой экономики образовало двухколейную систему, помогло избежать свойственных радикальным реформам крупных потрясений.

Анализируя историю государственного управления в Китае, можно сделать вывод, что поступательные реформы были эффективней радикальных. Однако необходимо отметить, что недостатки или достоинства определенного метода осуществления реформ зависят от того, насколько выбор метода соответствует экономическим реалиям, текущему состоянию национальной экономики и международной обстановке. Негативные последствия большинства радикальных реформ обусловлены не столько чрезмерной скоростью их осуществления или радикальностью методов, сколько недостаточностью внимания к реальным условиям, в которых осуществляется реформа, и общим экономическим законам.

Выбор между планированием «снизу вверх» и «сверху вниз». Оценивая пятилетние планы Китая и его опыт рыночных реформ с угла зрения институциональной экономической теории, можно увидеть, что там успешно сочетались формы государственного регулирования «снизу вверх» и «сверху вниз», что способствовало развитию экономики. Видный экономист Линь Ифу высказал в одной из своих книг мнение, что существуют понятия «вызванных изменений» (*ючжисин бяньцянь*) и «принудительных изменений» (*цяньчжисин бяньцянь*)¹⁴. Первый термин означает, что субъект совершает изменения под воздействием стихийного рыночного регулирования как результата экономического поведения индивидов. «Принудительные» же изменения осуществляются в колее государственного регулирования экономики, когда правила поведения индивидов устанавливает само государство. «Вызванным изменениям» соответствует регулирование «снизу

вверх», а «принудительным» — «сверху вниз». Данные типы изменений не являются полностью антагонистичными и могут сочетаться.

В период плановой экономики главным субъектом ее регулирования было государство, которое устанавливало правила поведения на микро- и макроуровнях. «Большой скачок» и создание «народных коммун» в период 2-й пятилетки, как и курс «готовиться к войне и голоду» (*бэйчжань, бэйхуан*) в период 3-й пятилетки (1966–1970 гг.), можно рассматривать как примеры принудительных государственных изменений¹⁵.

В странах с плановой экономикой государство занимает ключевое место в системе государственного регулирования народного хозяйства. осуществляет контроль за экономикой, в таких условиях внеэкономические причины действий, влияющих на экономику, становятся более очевидными. Этому несложно найти подтверждение, рассматривая опыт Китая.

По мере строительства и укрепления системы рыночной экономики роль планирования в системе государственного регулирования экономики постепенно снижалась, тогда как роль косвенного регулирования с использованием рыночных механизмов возрастала, ограничивая государственное административное регулирование. Создание семейного подряда, как метода стимулирования материальной заинтересованности в результатах труда, которое началось в китайской деревне в конце 1970-х годов, изменив понятия ответственности и разделения труда, можно считать примером косвенного поступательного реформирования.

В процессе последовательного восстановления экономики и осуществления шагов реформы экономической системы накопился большой опыт косвенного регулирования. Роль данного вида управления в системе государственного регулирования экономики значительно повысилась при сохранении центрального места государства в системе управления. В результате образовалась система государственного управления экономикой на основе сочетания методов косвенного и административного регулирования. Эта система основана не только на поддержке со стороны многих экономических субъектов, но и на направляющей роли государства. По нашему мнению, дальнейшее усиление регулирования, направленного «снизу вверх», и определение границ действий, осуществляемых государством в административном порядке, будет способствовать созданию особенной китайской системы государственного регулирования экономики и углублению экономических реформ.

Выбор между эффективностью и справедливостью. В социалистической экономике, как и в рыночной, на важном месте всегда стоит вопрос выбора между экономической эффективностью и социальной справедливостью, и экономика Китая не является исключением. Рассматривая период с начала осуществления пятилетнего планирования, можно обнаружить, что в сфере государственного регулирования пропорции между социальной справедливостью и экономической эффективностью претерпевали изменения.

Как известно, общественное благосостояние есть основная задача в странах с социалистической экономикой: то к чему, по мнению руководства КНР, должна стремиться социалистическая система. До политики реформ и открытости, в условиях влияния плановой экономики, идеологии и социалистических теорий сформировалась достаточно жесткая точка зрения относительно общественного благосостояния. Руководство страны усматривало общественное благосостояние в равномерном распределении ресурсов между членами общества, т.е. считало, что государственная политика, влекущая диспропорции в распределении ресурсов между индивидами, нарушает общественное благосостояние¹⁶. В рамках данной концепции считалось необходимым повышать масштабы обобществления и выравнивать доходы населения. Коллективизацию можно считать образцом реформы, направленной на достижение абсолютного равенства в Китае. Кроме теории общественного благосостояния и идей абсолютного равенства, препятствия, вызванные неэкономическими причинами, глубоко влияли на выбор между эффективностью и справедливостью.

После перехода к политике реформ и открытости в экономике был принят новый политический курс, согласно которому благосостояния первыми должны достичь наиболее трудолюбивые индивиды, а затем, основываясь на их примере, и все остальные члены общества. По мере восстановления экономики и усиления рыночной конкуренции дифференциация доходов населения стала увеличиваться, коэффициент Джини продолжал расти. В сфере развития региональной экономики стратегия сбалансированного развития, осуществляемая ранее, была заменена на стратегию развития прибрежных территорий. После завершения шестой пятилетки, приморские районы с их облегченным налоговым режимом получили особые преимущества. Таким образом, разница в развитии приморских и внутренних территорий все более возрастала, соответственно обострялась и дифференциация доходов населения. Системные проблемы, накапливавшиеся по ходу углубления рыночных реформ, также вели к увеличению разрыва в доходах населения. В результате руководством КНР был выдвинут такой принцип развития экономики: «ставить эффективность на первое место, но не упускать из виду справедливость» (*сялю юсянь, цзяньгу гунпин*), который предполагает дальнейшее развитие рыночной конкуренции, рост производительных сил, повышение эффективности функционирования экономики¹⁷.

В XXI в. по мере осуществления всестороннего строительства общества малого благоденствия (*сяокан*), дифференциация доходов увеличивалась и начали нарастать социальные противоречия, что влияло на устойчивость экономического развития. Проблема справедливого распределения доходов снова заняла ключевое место. Основной целью углубления реформ стали: строительство социализма и гармоничного общества, обеспечение доступа всех людей к положительным результатам реформы и общественным благам¹⁸. В настоящее время вопрос о балансе между эффективностью и справедливостью остается нерешенным, руководство КНР непрерывно ищет компромисс в достижении целей социально-экономического развития.

В заключение необходимо отметить, что за более чем шестидесятилетнюю историю существования КНР интерес ученых к планированию не снизился, а напротив постоянно возрастает. Современные китайские экономисты признают важнейшую роль планирования в экономике страны, работают над укреплением практических и теоретических основ системы планирования.

1. *Сухарчук Г.Д.* Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX века. М., 1983. С. 53.
2. *Хэ Мин, Ло Фэн.* Чжунсу гуаньси чжунда шицзянь шуши: [Полное изложение важных событий китайско-советских отношений]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2007. С. 95.
3. Там же. С. 512.
4. *Попова Л. В.* Присоединение Китая к ВТО: опыт переговоров и первые результаты // Вестн. СПб. ун-та Сер. 5. СПб., 2006. Вып. 2. С. 109.
5. *Ма Кай, Цао Юйшу.* Цзихуа цзинци тичжи сянь шэжуй чжуи шичан цзинци тичжи дэ чжуаньгуй: [Переход от системы плановой экономики к системе социалистической рыночной экономики]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2002. С. 140.
6. *Цун цзихуа дао гуйхуа — чжунго унянь цзихуа тичжи яньбянь дэ каоча хэ пинцзя:* [От планирования к программированию — исследование и оценка эволюции китайской системы пятилетнего планирования экономики] // Цзинци яньцзю даокань. Пекин, 2007. № 6. С. 21.
7. Там же. С. 21.
8. *Фань Цзяньминь.* Гуйхуа юй моухуа: [Программирование и моделирование]. Пекин: Чжунго цзинци чубаньшэ, 2014. С. 15.
9. *У Ли.* Чжунго гунчандан юй дандай чжунго цзинци фачжань яньцзю (1949–2006): [Исследование развития КПК и китайской экономики (1949–2006)]. Пекин: Чжунгун данши чубаньшэ, 2008. С. 108.

10. Юй Цзяньжун. Цун унянь цзихуа цзоу сян унянь гуйхуа: [Переход от пятилетнего планирования к пятилетнему программированию] // Паньдэн. Пекин, 2005. № 6. С. 24.
11. Ху Аньган. Чжунго чжэнчжи цзинци шилунь (1949–1976): [История политической экономики Китая]. Пекин: Цинхуа дасюэ чубаньшэ, 2008. С. 342.
12. Ху Шэн. Чжунго гунчандан дэ циши нянь: [70 лет КПК]. Пекин: Чжунгун данши чубаньшэ, 1991. С. 243.
13. У Ли. Указ. соч. С. 58.
14. Линь Ифу. Цзеду чжунго цзинци: [Расшифровывающая китайскую экономику]. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2012. С. 32.
15. Го Дэхун. Лиши дэ куаюэ — чжунхуа жэньминь гун хэ го гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань «ниу» цзихуа чжи «шину» гуйхуа яолань: [Исторический переход — обзор от 1-го пятилетнего плана до 11-й пятилетней программы социально-экономического развития народного хозяйства КНР]. Пекин: Чжунгун данши чубаньшэ, 2006. Т. 1. С. 474.
16. Шэнь Юэ. Чжэнчжи цзинци сюэ юй шэхуэй чжуи цзинци яньцзю: [Политическая экономия и исследование экономики социализма]. Пекин: Цзинци жибао чубаньшэ, 2007. С. 169.
17. Там же. С. 27.
18. Лю Годун. Чжунго шигэ унянь цзихуа яньцзю баогао: [Отчет по результатам исследования десяти пятилетних планов Китая]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2006. С. 661.

Экономика Южной Кореи на перепутье: ВЫЗОВЫ И ШАНСЫ

© 2015

Е.И. Левицкая

По прошествии первого десятилетия XXI в. перед Республикой Корея встал непростой выбор. Вопреки успехам ее «экономического чуда» и устойчивой, казалось бы, позиции на мировом рынке страна столкнулась с вызовами, способными кардинально изменить ее экономическую парадигму.

Ключевые слова: Республика Корея, Пак Кын Хе, старение населения, малый и средний бизнес, инновационная экономика.

Значимость момента обозначена в президентской программе Пак Кын Хе. Вот некоторые ее пункты¹:

- стать связующим звеном между различными интеграционными торговыми группировками;
- отвечать на вызовы, которые ставит перед Республикой Корея (РК) меняющаяся конъюнктура международного рынка, с учетом растущей конкуренции со стороны развивающихся стран;
- развивать торговую модель, работая одновременно и с развитыми, и с развивающимися странами;
- способствовать появлению новых рабочих мест за счет малых и средних фирм при их активном включении в торговлю;
- участвовать в многосторонних переговорах по линии ВТО.

Очевидно, что момент истины настал. Для удержания сильной позиции на мировом рынке РК должна сделать качественный бросок и/или значительно изменить структуру и направленность своего экономического развития. Проблемы обусловлены факторами внешними и внутренними. Причем ввиду глубокой интегрированности РК в глобальные процессы причины экзогенного и эндогенного характера зачастую сложно разделить.

Наиболее значимые внешние факторы:

- рост конкуренции за лидерство на мировом рынке с развивающимися азиатскими странами и, в первую очередь, с Китаем;
- намерения США снизить открытость своего рынка для некоторых партнеров, имеющих с ними соглашения о свободной торговле²;
- геополитическая и, как следствие, экономическая нестабильность глобального рынка;

К внутренним вызовам относятся:

- стареющее население;
- недостаточно высокая эффективность труда;

– доминирование на рынке ограниченного числа крупных компаний — *чеболь* (семейных конгломератов), способствующих монополизированности корейского рынка.

Из вышесказанного понятно, что перед РК сейчас стоят две разнонаправленные задачи. С одной стороны, правительству Пак Кын Хе предстоит приложить максимальные усилия для усиления (или хотя бы сохранения) конкурентоспособности на мировом рынке. С другой — снизить зависимость экономики от конъюнктуры внешнего рынка и переориентироваться на внутренний.

Анализ экспортных показателей Южной Кореи

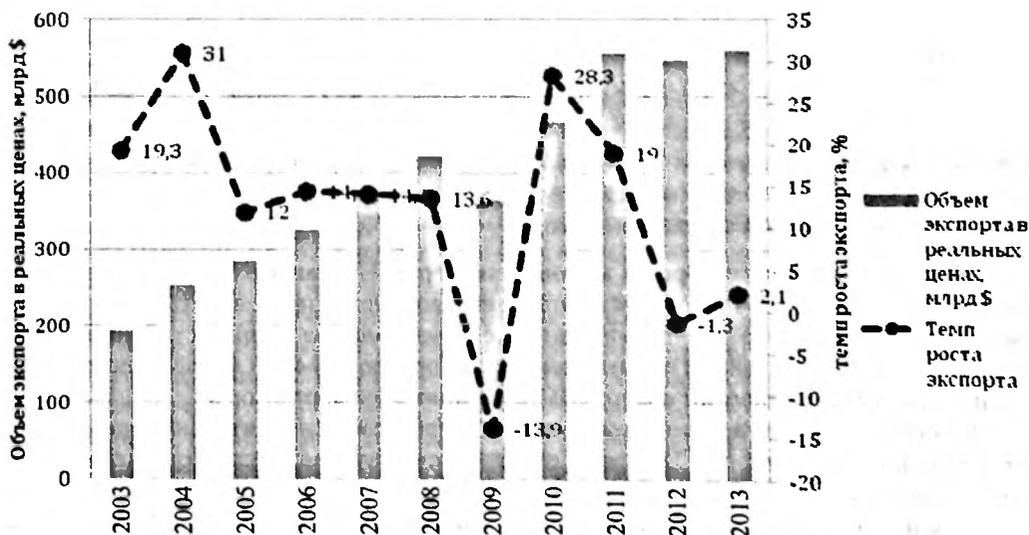
Но пока внешняя торговля по-прежнему лежит в основе корейской экономики, о чем можно судить по ее экспортным показателям.

Объем экспорта РК стабилизировался в последние годы на уровне 550 млрд долл., что обеспечило ей устойчивые позиции по этому показателю в десятке стран-лидеров (график 1). На протяжении трех лет она — 7-я в мире по объему экспорта товаров и услуг, поставляя 2,4% мирового экспорта, хотя с 2011 г. наметилась незначительная тенденция к понижению.

Тем не менее, темп роста экспорта сократился в разы по сравнению с темпами роста, которые демонстрировала корейская экономика до кризиса 2008 года. При этом замедление темпов роста нельзя отнести на посткризисное восстановление, т.к. в непосредственно посткризисные годы (2010–2011) экономика восстановилась. РК сохраняет экспортно ориентированную модель хозяйствования, о чем говорит по-прежнему высокая доля экспорта в ее ВВП (график 2).

График 1.

Объем и темп роста экспорта РК, 2003–2013 гг.

Источник: график построен на базе данных Международной торговой ассоциации Кореи. URL: <http://www.kita.org>.

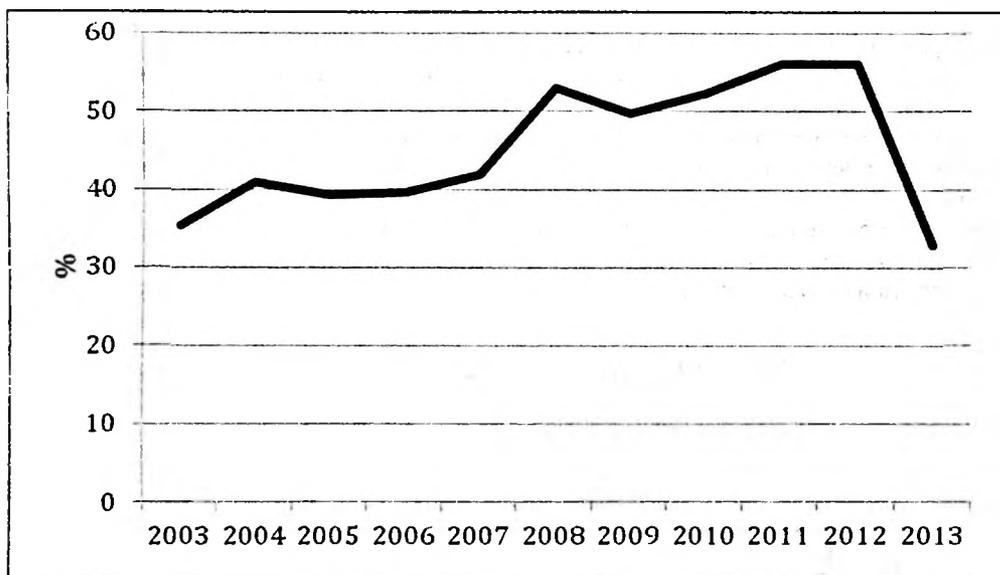
Интересно посмотреть, на сколько изменился, при значительном вкладе экспорта в ВВП страны, темп роста обоих показателей. На графике 3 видно, что он имеет от-

носителем стабильный тренд и постепенно приближается к докризисным показателям в районе 4–5%.

Показательно, что объем экспорта в 2012 г. сократился, а в 2013 вырос на 2,1% — весьма низкий для РК показатель, не считая кризисных годов. При этом в 2012 г. (когда темп роста экспорта был отрицательным) экономика Южной Кореи продолжала стабильно расти, так же как и в 2013 г., несмотря на снижение доли экспорта в ВВП³. Это указывает на устойчивость экономики к внешним потрясениям и наличие эндогенных факторов, обеспечивающих рост благосостояния. Один из них — достаточно емкий внутренний рынок, потенциал которого правительство Пак Кын Хе осознает, стремясь его поддерживать в интересах переориентирования экономики.

График 2.

Доля экспорта в ВВП РК, 2003–2013 гг. %

Источник: график построен на базе данных Международной торговой ассоциации Кореи (URL: <http://www.kita.org>) и World Economic Outlook 2013 (URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/01/weodata/index.aspx>).

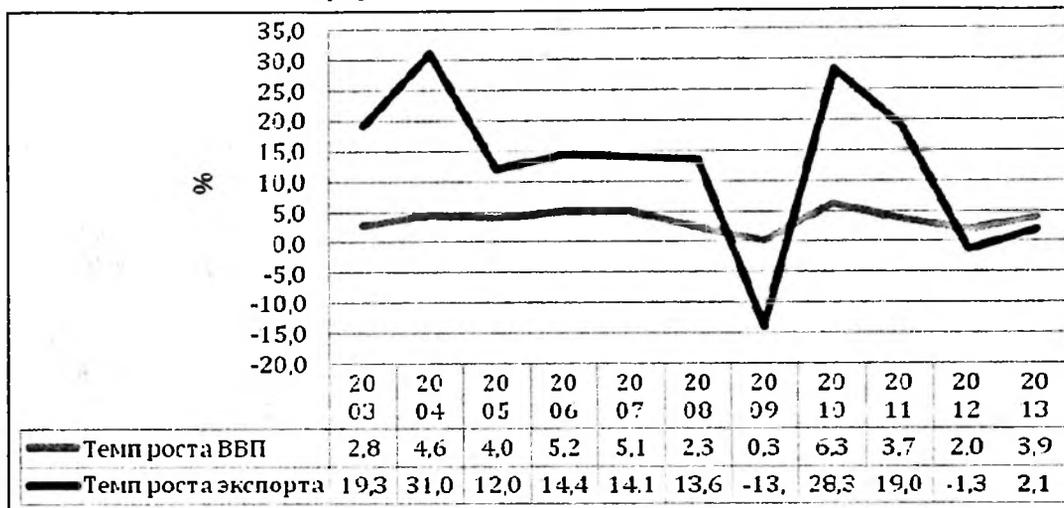
Вернемся к позиции Кореи в мировом экспорте. Поставляя товары примерно на 560 млрд долл.⁴ (2,4% глобального экспорта), она лидирует в производстве полупроводников, компьютеров и телекоммуникационного оборудования, в машиностроении и автомобилестроении, сталелитейной промышленности, кораблестроении и нефтепереработке. Указанные продукты составляют около 86% совокупного экспорта Кореи.

Показательно, что в корейском экспорте по-прежнему значительную долю занимает тяжелая промышленность. При этом сохраняется значение традиционного экспорта полупроводников (около 5% совокупного экспорта)⁵ и других деталей для электроники. Сохраняется и структура экспорта по странам — на КНР приходится около четверти всего объема, на США и Японию — 11,1 и 6,2% соответственно (табл. 1).

Таким образом, можно сделать вывод, что Корея на данный момент не только сохраняет экспортно ориентированную модель развития, но и саму структуру экспорта с большой долей продуктов тяжелой промышленности и электронных компонентов, а также высокой долей ограниченного числа стран-реципиентов.

График 3.

Темпы прироста ВВП и экспорта РК, 2003–2013 гг.

Источник: график построен по данным Всемирного банка.

URL: <http://data.worldbank.org/country/korea-republic>; <http://tradingeconomies.com>

Внешние и внутренние вызовы корейской экономике

Вслед за первой декадой XXI века экономика РК, напомним, столкнулась с внешними и внутренними вызовами. Кризис 2008 года, который она (одна из немногих развитых стран) достойно преодолела, продемонстрировав способность правительства и крупного бизнеса действовать в ситуации неблагоприятной конъюнктуры в мире, поставил, однако, под вопрос жизнеспособность экспортно ориентированной модели развития, ранее принесшей Корее колоссальные успехи.

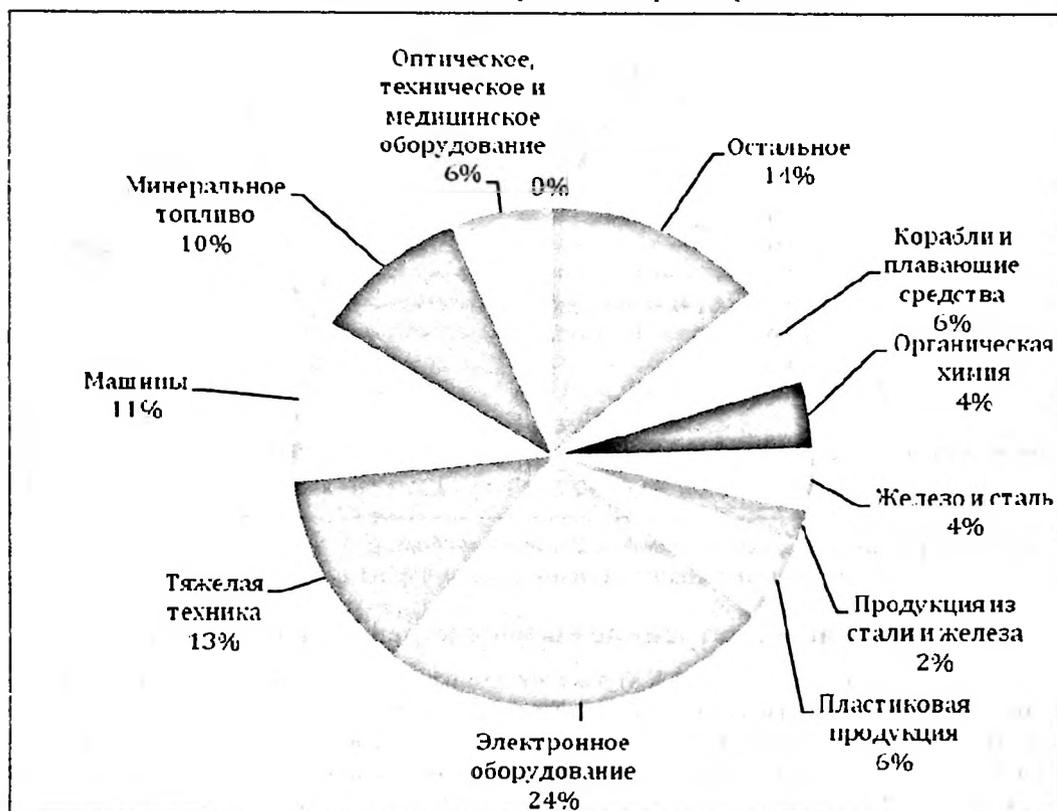
В первую очередь это связано с чрезмерной зависимостью экономики от стран, испытывающих значительные колебания конъюнктуры. Хотя Корея продемонстрировала незаурядную способность противостоять внешним потрясениям, это стоило ей дорого⁶. Поддерживать стабильный рост экономики на возможностях стабилизационного фонда требует значительного объема финансовых затрат и ненадежно. Очевидно, что необходимо снижать зависимость от внешнего рынка, постепенно диверсифицировать экономическую модель.

Существуют и другие внешние угрозы. США, являющиеся вторым крупнейшим импортером корейских товаров и услуг, могут ухудшить условия для корейского экспорта ради защиты интересов собственных производителей и занятости (весьма острой проблемы Вашингтона).

Итак, угроза № 1: возможное ухудшение условий для корейского экспорта со стороны США, принимающих более 10% всего ее экспорта. Сейчас США испытывают дефицит в торговле с Южной Кореей в размере 20,6 млрд долл., самый высокий за всю историю экономических отношений между двумя странами. Такая ситуация не устраивает правительство США, как и ее производителей. Кстати, сложившаяся ситуация вызывает серьезные опасения и у канадской стороны, которая рассматривает возможность заключения соглашения о свободной торговле с РК.

Диаграмма 1.

Наиболее значимые товары в экспорте Кореи, 2013 г.

Источник: worldstopexports.com. URL: <http://www.worldstopexports.com/south-koreas-top-10-exports/2302>.

Таблица 1.

Доля крупнейших реципиентов в совокупном экспорте Кореи в 2010–2013 гг., %

	2010	2011	2012	2013
Китай	25,1	24,2	24,5	26,1
США	10,7	10,1	10,7	11,1
Япония	6,0	7,1	7,1	6,2
Сингапур	5,4	5,6	6,0	4,0
Гонконг	3,3	3,8	4,2	5,0
Вьетнам	3,2	2,4	2,5	2,1
Тайвань	2,5	3,3	2,7	2,8
Индонезия	2,3	2,4	2,5	2,1
Индия	2,1	2,3	2,2	2,0

Источник: URL: <http://global.kita.net>.

Кроме того, она вынуждена балансировать между США и Китаем, и решения, принятые в пользу КНР, могут также ухудшить положение корейских экспортеров на американском рынке. Речь идет о присоединении РК к Азиатскому инфраструктурному инвестиционному банку, инициатором которого является Китай. Банк финансирует крупные

инвестиционные проекты в Азии, что усиливает сферу влияния КНР в регионе. Такая ситуация не устраивает США, не одобряющих присоединения своих политических и экономических партнеров к этому банку. Высокая доля Китая в корейском экспорте создает относительную стабильность для РК, однако, учитывая растущую конкурентоспособность китайских товаров, включая те сферы, в которых Корея традиционно сильна, можно предположить, что Китай будет в состоянии самостоятельно обеспечивать потребности внутреннего рынка, что повлечет сокращение корейского экспорта. Показательна ситуация на рынке судостроения — в отрасли, где РК всегда имела конкурентное преимущество. По объемам КНР ее уже превосходит⁷, но корейские корабли значительно технологичней.

Еще недавно «китайская угроза» касалась товаров легкой и тяжелой промышленности, а сейчас весьма заметна и в наукоемком производстве. Чтобы сохранять конкурентоспособность в инновационной сфере, Корею необходимо активизировать совместные усилия правительства и частного сектора. *Таким образом, угроза № 2: растущая конкурентоспособность китайских товаров и услуг.*

Существуют и внутренние проблемы, которым требуется решение для поддержания устойчивого экономического роста. Одна из них — стареющее население, что влечет риски по двум направлениям. Первое: сокращение рабочей силы. РК имеет один из самых низких показателей рождаемости (с отрицательным трендом). Ситуация усугубляется увеличением средней ожидаемой продолжительности жизни (до 82 лет). Как отмечает В. Самсонова, Корея «занимает 220-е место среди 224 стран мира и не обеспечивает даже простого воспроизводства населения»⁸. В ситуации, когда на каждую женщину приходится 1,2 ребенка⁹, уже к 2018 г. страна может прийти к 14% населения старше 65 лет. Это повлияет на производительность, которая, кстати, и так остается актуальным вопросом для правительства РК, и может повлечь снижение темпов роста.

Второй вызов, связанный со старением населения, — размер государственных затрат на социальные нужды. Дело в том, что корейское правительство впервые предприняло попытку создать государственную пенсионную систему¹⁰. Она, однако, еще не отлажена. По оценкам консалтинговой фирмы Mercer, проводившей исследование пенсионных систем 25 стран, Корея в 2014 г. заняла 24-е место, получив низкие баллы по всем критериям — эффективности, гарантий, стабильности и др.¹¹ Пенсионный вопрос становится особенно острым, учитывая стремление президента Пак Кын Хе построить «социальное государство» (welfare state). Значит, правительству придется тратить значительно больше бюджетных средств на пенсии и обеспечение пожилых людей. Очевидно, что из-за роста социального бремени на государство бюджет потеряет «гибкость», благодаря которой Корею удавалось демонстрировать устойчивость к внешним потрясениям во время кризиса 2008 года.

Таким образом, перед Кореей встает непростая задача — найти баланс между социальным устройством государства и сохранением «гибкого» бюджета, как неотъемлемой составляющей стабильной экономики, устойчивой к внешним потрясениям. *Следовательно, угроза № 3 — старение населения, влияющее на ухудшение производительности и перераспределение государственных расходов в пользу социальных нужд.*

По-прежнему остро стоит для корейской экономики вопрос эффективности и производительности труда. Для Кореи характерна самая низкая производительность среди стран ОЭСР при высокой степени переработок и неоплаченных сверхурочных часов. Так, в 2012 г. корейцы в среднем проводили на работе около 2092 часов, то есть, на 420 часов больше показателя среди стран ОЭСР (даже для традиционно трудолюбивых японцев этот показатель не превысил 1765 часов¹²). Если в 2011 г. стоимостной показатель производительности составил в РК 29,75 долл./час, то в среднем по развитым странам — 44,56 долл.

Одна из причин низкой производительности труда корейцев заключается в том, что сотрудники зачастую имитируют активную трудовую деятельность. Отчасти это объясняется теорией поколений У. Штрауса и Н. Хоува. Согласно данной теории значительная часть корейской рабочей силы представляет поколение Y, для которого в меньшей

степени характерно прямое подчинение, но в большей — склонность к рефлексии о необходимости и рациональности выполняемой работы¹³.

Как показало исследование, проведенное Министерством занятости и труда РК, более 40% занятых в стране ежедневно проводят на работе больше времени, чем установлено законом. При этом около четверти опрошенных считают, что переработка есть нечто естественное и необходимое, около 21% — что задерживаются из-за низкой эффективности и производительности во время работы, 9% указали на давление со стороны старших сотрудников¹⁴. Лишь 25% респондентов упомянули, что переработка улучшает результативность их труда. Такие явления, как «профессиональное выгорание», снижению концентрации из-за недостаточного отдыха весьма характерны для РК. «Выгоранию» способствует и большой поток цифровой информации, которую корейцы перерабатывают в течение дня. Вкупе со старением населения это чревато серьезной угрозой для амбициозных планов Пак Кын Хе. *Значит, угроза № 4: сохраняющаяся низкая производительность труда при высоком уровне переработок.*

Серьезным вызовом для дальнейшего роста корейской экономики становится доминирующая позиция *чеболь*. В 2012 г. на долю десяти крупнейших компаний пришлось около 80% ВВП страны¹⁵, а на долю тридцати крупнейших — 84% экспортных поставок в 2010 г. При этом упомянутые 30 компаний обеспечили занятостью лишь 6% трудоспособного населения страны¹⁶. Крупный капитал играет важную роль в государственном устройстве. В условиях активного роста второй половины XX века правительству требовалось четкое выполнение поставленных задач в срок, что и обеспечивали *чеболь* (получавшие прямую поддержку и протекцию со стороны государства)¹⁷. Отчасти подобная ситуация сохранилась после демократической реформы 1987 г. — практически до сегодняшнего дня.

Доминирование конгломератов не только влияет на занятость, порождая тем самым психологическое напряжение среди выпускников вузов¹⁸. Оно препятствует здоровой конкуренции на внутреннем рынке, не давая возможности проявить себя небольшим инновационным компаниям, которые могли бы внести вклад в переход РК к наукоемкой «креативной экономике», схожей по структуре с экономикой Тайваня.

Сложившаяся ситуация весьма неоднозначна. С одной стороны, конгломераты обладают достаточными средствами для создания передовых лабораторий и проведения научных исследований. К тому же именно благодаря им Корею удалось совершить «экономическое чудо», да и во всем мире образ Кореи ассоциируется именно с брендами этих конгломератов. С другой стороны, такая расстановка сил создает для Кореи ловушку, резко ограничивая возможности выбора модели развития и мешая небольшим компаниям участвовать в экономической жизни страны на равных. Таким образом, перед РК стоит необходимость принятия непростого решения — создать условия, менее выгодные для *чеболь*, но подходящие небольшим компаниям, что грозит временным сокращением темпов экономического роста. Мировым опытом доказано, что именно небольшие компании, активно и продуктивно конкурирующие между собой, являются главным катализатором инновационного и технологического развития¹⁹. *Итак, угроза № 5: сохраняющаяся доминирующая роль чеболь, создающая препятствия для повышения занятости и развития инноваций среди небольших компаний.*

Действия властей в ответ на внутренние и внешние вызовы

Корейское правительство четко осознает указанные вызовы и выстраивает государственную политику в соответствии с ними. В первую очередь, подчеркивается значимость малых и средних предприятий, необходимость их стимулирования и активного включения в экспортную деятельность Кореи. Задача поддержать такие компании указывается в политической повестке президента Пак Кын Хе. Для этого она призывает правительство сократить

налоги на сферу услуг (наиболее благоприятную отрасль для малых предприятий) и увеличить государственное финансирование *стартапов* (начинающих производств).

Данные меры призваны стимулировать рост, основанный на инновациях, и переход к «креативной экономике», который имеет для Кореи критическое значение по нескольким причинам. Выступая перед правительством в январе 2015 г., президент заявила, что 2015 год создает «прекрасную возможность сосредоточить усилия на оживлении экономики и повышении инноваций в стране» и что «правительство постарается извлечь максимальную пользу из этой возможности и сделает 2015 год годом надежды»²⁰. Один из пунктов озвученного плана включал открытие инновационных центров. Данный план уже выполнен: по всей Корее открыты 17 центров, предоставляющих выгодные условия для небольших инновационных компаний (льготная или бесплатная аренда, техническое оснащение, юридическая поддержка и т.д.) Однако президентский срок г-жи Пак продлится до 2018 г. без возможности переизбрания (согласно Конституции РК). Поскольку программы и стратегии по развитию инноваций рассчитаны на долгосрочный период, возникает вопрос: в какой мере г-жа Президент будет заинтересована в них и в какой степени успеет выполнить эти задачи. Но факт есть факт: правительство РК осознает значение «креативной экономики».

Во-первых, это сулит увеличение технологической и инновационной емкости корейского производства, что будет благоприятствовать конкурентоспособности РК на внешнем рынке, повысит добавленную стоимость экспортируемых товаров, снизит зависимость от объема поставок и болезненную для РК зависимость от импорта технологий, поможет диверсифицировать структуру национальной экономики за счет снижения традиционного влияния крупных конгломератов и увеличения доли малых и средних фирм. Благодаря своей мобильности, подвижности и более быстрому реагированию на запросы и ситуации на рынке, они работают в рамках более высокой конкуренции, что положительно повлияет на производительность и эффективность.

Повышение доли малых и средних предприятий позволит создать дополнительные рабочие места, особенно для интеллектуальных профессий, а это снизит психологическую нагрузку на молодежь, что, может оказать и благоприятное воздействие на уровень рождаемости.

Благоприятное воздействие на производительность и рынок труда может оказать и более активное включение женщин в трудовую деятельность. Этот не полностью задействованный ресурс может принести ощутимые результаты уже в ближайшее время благодаря постепенному выравниванию прав женщин и мужчин. Качественный прорыв в этом был сделан с приходом на президентский пост госпожи Пак и увеличением числа женщин в парламенте: если в 2000 г. они составляли не более 6%, то уже в 2012 г. их присутствие выросло до 16%²¹. Правительство установило целевой показатель доли занятости женщин в 2017 г. Согласно озвученному плану, к этому году 15% занятых в центральном правительстве должны составить женщины, они же должны занять 18,6% менеджерских позиций в государственных компаниях²². Чтобы позволить женщинам вернуться к карьере после рождения детей, правительство открывает дополнительные детские сады, отвечающие современным требованиям, и внедряет практику использования гибкого графика.

Поддержка и стимулирование малых и средних фирм имеет значение для Кореи и в контексте переориентации экономики на внутренний рынок. Чтобы появилась возможность хотя бы частично компенсировать спрос на корейские товары со стороны международного рынка, надлежит повысить емкость внутреннего рынка. Добиться этого можно путем стимулирования внутреннего потребления. Но сейчас долги домохозяйств превышают 160% от располагаемого дохода (а среди стран ОЭСР данный показатель колеблется близ 135%²³), эта задача весьма непростая. Значит, «креативная экономика», создающая продукт с высокой добавленной стоимостью и новые рабочие места, приобретает особое значение для поддержания устойчивого экономического роста.

Очевидно, однако, что значение экспорта для экономики Кореи сохранится. Ее правительство ищет способы обеспечить стабильный рынок сбыта и на мировой арене: в первую очередь, за счет расширения сферы деятельности в рамках соглашений о свободной торговле. Сейчас перед РК стоит выбор между Всесторонним региональным экономическим партнерством (Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP)²⁴ и Транстихоокеанским партнерством (ТТП)²⁵. Если второе из них представляет собой более совершенную структуру, то RCEP на данный момент — масштабней (ибо включает Китай), что сулит высокий потенциал развития объединенного рынка и высокую устойчивость.

Присоединившись к RCEP, Корея сможет использовать конкурентное преимущество качества своих товаров, тогда как вступление в ТТП несет в себе очевидный вызов — для реализации преимуществ свободной торговли в рамках данной интеграционной группировки необходимо выстроить «креативную экономику», основанную на инновациях и со значительным сектором услуг. Данный вызов, совпадая с повесткой дня для Кореи, может стать дополнительным стимулом к формированию «креативной экономики» и увеличению числа малых и средних компаний, участвующих в мировой торговле.

Существует и третий сценарий — Корея может стать связующим звеном между двумя группировками. Ее историческая связь с США, вовлеченность в глобальные процессы и существующие соглашения о свободной торговле со многими странами позволяют предположить, что РК сможет выполнять роль медиатора (экономического и политического) между региональными объединениями по обе стороны Тихого океана.

Интересно еще одно направление, не получившее пока серьезного практического развития: так называемая Евразийская инициатива Пак Кын Хе, подразумевающая многостороннее сотрудничество РК со странами Евразии. Оценивать ее можно по-разному. Как отмечает К. Асмолов, это и дань «традиции» президентов Кореи иметь крупный проект²⁶, и возможность снизить зависимость от США, и способ привлечь потенциальных партнеров из Евразии к давлению на КНДР с целью ее включения в интеграционные процессы²⁷. Впрочем, детальной программы и четко обозначенных задач по этому проекту не наблюдается.

Вызов или шансы?

Известно, что в любом вызове кроются шансы. Так и для РК непростые проблемы внешнего и внутреннего характера, с которыми она столкнулась, ознаменовали момент качественной трансформации. Потрясения на внешнем рынке, необходимость повышения конкурентоспособности за счет инноваций, демографические трудности и проблемы занятости — все подталкивает РК к смене парадигмы. При сохранении высокого значения экспорта, который Корея собирается диверсифицировать и сделать более устойчивым за счет повышения конкурентоспособности и расширения рынков свободной торговли, она обратилась и «внутри», обозначив новую роль малых и средних предприятий, их значение для создания высокотехнологичной «креативной экономики» и улучшения ситуации на внутреннем рынке занятости. Некоторые шаги, сделанные в указанном направлении (в том числе выполнение плана по открытию инновационных центров и др.) позволяют говорить о том, что при сохранении заданного темпа Корея сможет добиться инновационного роста экономики, не вступающего в конфликт с основами социального государства. Но, возможно, уже после завершения президентского срока Пак Кын Хе и при условии эффективной борьбы с демографическим кризисом.

1. URL: http://seattletimes.com/html/business/technology/2021423181_southkoreacentrepreneursxml.html; Korea's economy 2013, Korea Economic Institute of America and the Korea Institute for international Economic Policy, Volume 29. P. 34.

2. Одной из причин подобной политики может являться тот факт, что Корею данное соглашение принесло значительно больше выгоды, чем США: за 2013 г. американский экспорт в РК снизился на 4,2%, тогда как ее поставки в США выросли на 6% (по данным статьи «U.S. warns Seoul of exporters concerns about free trade deal» интернет-издания Forbes от 26.03.2014).
3. Похожая ситуация наблюдалась и в кризисный 2009 г., когда при резком сокращении экспорта на 13,9% в целом экономика продолжала расти.
4. Данные Международной торговой ассоциации Кореи за 2013 г.
5. URL: http://countries.bridgat.com/Top_Products_Exported_by_South_Korea.html.
6. В 2009 г. правительство РК выделило около 13% ВВП на антикризисные меры, попав в число стран с самым весомым антикризисным финансированием (по данным отчета ВЭБ «Антикризисные программы стран — членов АТЭС и роль институтов развития в их реализации», подготовленного к саммиту АТЭС в 2009 г.).
7. По показателям водоизмещения.
8. *Самсонова В.Г.* Сравнительный анализ демографической ситуации в РК КНДР. XIX научная конференция корееведов России и стран СНГ «Корея: 70 лет после освобождения» / Институт Дальнего Востока РАН. Москва, 2015 г.
9. OECD Economic Surveys, Korea 2012. С. 7.
10. Пенсионной системы в РК не существовало, лишь крупные корпорации имели свои пенсионные фонды. Обеспечение пожилых родителей традиционно ложилось на старших сыновей.
11. URL: <http://onekorea.ru/2014/10/14/pensionnaya-sistema-v-rk-odna-iz-xudshix-v-mire/>.
12. URL: <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=ANHRS>.
13. URL: http://www.tomorrowtoday.uk.com/articles/article044_generations_in_asia.htm.
14. URL: <http://www.businesskorea.co.kr/article/3366/work-life-balance-korean-workers-show-lowest-productivity-oecd-despite-long-overtime>.
15. URL: http://www.hani.co.kr/arti/english_edition/e_business/549028.html.
16. URL: <http://www.bloomberg.com/news/2012-11-12/s-koreans-fret-world-beating-chaebol-destroys-small-busi.html>.
17. *Казарьян Р.Л.* Отношения государства и крупного бизнеса в Республике Корея после кризиса 1997 г. // Корейский полуостров и вызовы глобализации. М.: ИДВ РАН, 2006.
18. В корейском обществе работа в *чеболь* есть признак успеха и позволяет занять высокую позицию на социальной лестнице. Зачастую родители начинают копить на образование ребенка с самого рождения, что серьезно воздействует на психологическое состояние молодежи и отчасти объясняет высокий уровень самоубийств. За 2014 г. более 14 тыс. корейцев покончило жизнь самоубийством. URL: http://www.nytimes.com/2014/04/03/opinion/south-koreas-struggle-with-suicide.html?_r=0.
19. URL: http://www.iso.org/iso/home/news_index/news_archive/news.htm?refid=Ref1937.
20. URL: <http://www.korea.net/NewsFocus/Policies/view?articleId=124785>.
21. По данным Всемирного банка. URL: http://www.google.ru/publicdata/explore?ds=d5bncppjof8f9_&met_y=ny_gdp_mktp_kd_zg&hl=en&dl=en&idim=country:KOR:JPN:UKR#!ctype=1&strail=false&bcs=d&nselm=h&met_y=sg_gen_parl_zs&scale_y=lin&ind_y=false&rdim=region&idim=country:KOR&ifdim=region&hl=en_US&dl=en&ind=false.
22. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-02-25/challenging-gender-inequality-in-south-korea>.
23. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/biz/2014/03/488_152631.html.
24. Планируется заключить до конца 2015 г. В переговорах участвуют 10 стран — членов АСЕАН, а также Китай, Япония, РК, Индия, Австралия и Новая Зеландия.
25. В организацию входят Австралия, Бруней, Чили, Малайзия, Новая Зеландия, Перу, Сингапур и Вьетнам. Активные переговоры ведутся с США, заинтересованность в присоединении высказывают Япония, Канада и Мексика.
26. Предыдущий президент Ли Мен Бак предлагал «Стратегию зеленого роста».
27. *Асмолов К.В.* Евразийская инициатива президента РК // Новое Восточное Обозрение. 2014 г. URL: <http://ru.journal-neo.org/2014/08/28/evrazijskaya-initsiativa-prezidenta-rk/>

«Японский фактор» модернизации Тайваня

© 2015

В.А. Перминова

В статье анализируются особенности японской политики в отношении Тайваня в его полувекковой колониальный период (1895–1945 гг.) и в течение нескольких десятилетий, последовавших за разгромом Японии во Второй мировой войне. Прослеживается процесс трансформации японо-тайваньских экономических отношений на разных этапах, отмеченных серьезным воздействием «японского фактора» на тайваньскую экономику.

Ключевые слова: Тайвань, Япония, колониализм, модернизация, экономическое развитие.

Стремительное развитие тайваньской экономики в 1960–1990 гг. было обусловлено особенностями политической ситуации послевоенного периода, но заслуживает внимания и «японский фактор». Ниже мы проследим, как трансформировались японо-тайваньские отношения в условиях колониальной модели, а также вслед за переходом Японии к активному политическому и экономическому партнерству с этим островом.

Развитие Тайваня в колониальный период

Основные цели экономической политики Японии на Тайване в период его колониального освоения состояли в том, чтобы обеспечить прибылью японские компании, а также поддерживать экономическую и военную мощь Японской империи. Этим объясняется несбалансированность в развитии различных отраслей экономики Тайваня: они не были взаимодополняющими внутри острова, но являлись важной составляющей частью системы экономических отношений внутри Японской империи. Основой стратегии японо-тайваньских экономических отношений стали, с одной стороны, развитие здесь земледелия (а точнее, производства товарной сельхозпродукции для снабжения метрополии и стран-импортеров Японии), с другой стороны, использование острова как рынка сбыта для товаров интенсивно развивавшейся японской индустрии.

Управление в сельском хозяйстве основывалось на принципе реинвестирования — концентрации дополнительной прибыли от производства сельхозпродукции в нескольких крупных японских корпорациях с целью повторного инвестирования в прибыльные отрасли¹. То есть, рост производства не способствовал росту потребления тайваньцев. Более того, в последние 8–10 лет японского колониального господства личное потребление на острове снижалось (например, подушное потребление риса сократилось в 1930–1940 гг. на треть)².

Развитие тайваньской промышленности подчинялось интересам индустриализации в метрополии, нацелившейся на подготовку к войне. Это проявлялось не только в промышленности, но и в аграрном секторе, где во главу угла ставилось производство про-

дуктов питания посредством углубленной переработки сырья (что косвенно способствовало становлению и развитию тайваньского пищевого сектора). Для повышения урожайности потребовалось создавать систему ирригационных сооружений; совершенствовалась сеть транспортного сообщения для облегчения доставки сельхозпродукции к портам. Индустриализация аграрного сектора производилась при минимальном финансировании (столь «экономном», что частичная замена ручного труда машинным почти не влекла за собой сокращения трудозатрат)³. К 1930-м годам тайваньская промышленность уже обладала потенциалом для изготовления сельскохозяйственных удобрений, однако вплоть до начала 1940-х годов метрополия сама поставляла Тайваню химические удобрения⁴. Хотя с начала XX века на Тайване стали использовать новое оборудование, за счет чего удалось частично экономить сырье, организация производственного процесса оставалась такой же, как на традиционных мануфактурных предприятиях Тайваня во второй половине XIX века.

В целом, система управления в промышленности и земледелии на Тайване вписывалась в схему организации колониальной экономики, включая выделение в аграрном секторе продукции, предназначенной на экспорт (в случае Тайваня — сахар, рис, камфара, чай); плюс создание мануфактурного или промышленного производства товарной сельхозпродукции. При этом «нетоварный» сектор сельского хозяйства оставался неразвитым⁵.

Вместе с тем, хотя японцы и не ставили своей целью индустриализацию Тайваня, промышленное производство на острове развивалось. Создание промышленной базы, развитой инфраструктуры, сооружение электростанций — все то, что создавалось для обеспечения необходимых условий для деятельности японских компаний, несомненно, косвенно способствовало развитию самого острова.

Важной особенностью японской колониальной политики являлась максимальная интеграция колоний в систему экономических связей империи. Географическая близость подконтрольных территорий, их единая культурная и цивилизационная база создавали условия, при которых экономика колоний интегрировалась с экономикой метрополии. Это облегчало налаживание товарообмена и движение капитала.

В первой половине XX века, как уже отмечалось, Тайвань являлся для Японии рынком сбыта полуфабрикатной продукции и поставщиком сырья. По мере своего развития он начал производить некоторую часть экспортной продукции Японии. К 1920-м годам он выполнял уже не только посреднические функции, но и начал самостоятельно выходить на зарубежные рынки. В результате, к 1930-м годам внешнеторговый оборот острова составлял 8,1% от общей суммы внешнеторгового оборота Японии⁶.

К концу Второй мировой войны Тайвань оставался одной из наиболее освоенных и наиболее интегрированных с метрополией колоний. Создание относительно развитой инфраструктуры, некоторые успехи в сфере здравоохранения, создание промышленных предприятий, обретение финансовой самостоятельности — все это, в первую очередь, отвечало интересам Японии, но одновременно имело важное значение для развития самого острова. За 1911–1938 гг. его экспорт увеличился на 6,7%, импорт — на 4,9% в год. Тайвань и Корея в первой половине 1930-х годов обеспечивали до 30% импорта и 35% экспорта Японии⁷. Несмотря на то, что в период войны доходы населения серьезно снизились, тайваньская экономика не испытала столь сильный экономический спад, какой был характерен для метрополии и территорий континентального Китая, оккупированных Японией⁸.

Экономическое и научно-технологическое сотрудничество в постколониальный период

В первые годы после окончания Второй мировой войны (когда Тайвань вернулся под китайскую юрисдикцию) его экономическая политика была, как и в колониальный период, ориентирована на экспорт: поначалу Тайвань поставлял за рубеж продукцию зем-

леделня, затем — промышленные товары, еще позднее — высокотехнологичное оборудование. Большие объемы экспортной продукции были бы немыслимы в данном случае без рынков сбыта, зарубежных инвестиций и технологий — все это могла, наряду с США, предоставить Япония, для которой вынесение отдельных производственных линий или даже целых предприятий на Тайвань было выгодным благодаря дешевизне рабочей силы и приемлемого, в отличие от других развивающихся стран, качества работы.

Особенностью двустороннего товарообмена в 1960–1980 гг. было налаживание горизонтального разделения труда, а не вертикального, характерного для торговых отношений Японии со множеством других азиатских стран. В ее торговле с Тайванем фигурировала практически одна и та же номенклатура: машины и оборудование, химические удобрения, текстиль, потребительские товары. За исключением морепродуктов, Тайвань практически не ввозил в Японию сырье.

Форсированное развитие отраслей Тайваня, ориентированных на экспорт, обусловило важную роль Японии в экономике острова: за 1971–1981 гг. среднегодовые темпы роста экспорта Тайваня достигли 19,2%. В 1982 г. объем его внешней торговли был, по сути, эквивалентен ВВП — доля экспорта и импорта составляли 52% и 46% соответственно⁹. Япония занимала 1-е место в импорте Тайваня (4,7 млрд долл.; на 2-м месте — США) и 2-е — в экспорте (2,4 млрд долл.; на 1-м месте — США)¹⁰.

Основа японского экспорта на Тайвань — машины и оборудование (41%), а также продукция электронной и химической промышленности. В ее импорте с Тайваня преобладают потребительские товары, включая продовольствие. При этом, в сравнении с другими развивающимися странами, товарная структура японского импорта с Тайваня более разнообразна¹¹. Особенность разделения труда в японо-тайваньской торговле: Тайвань экспортирует технически несложные изделия, которые находят спрос в Японии благодаря дешевизне, Япония же специализируется на поставках более сложного современного оборудования, производство которого на Тайване в большинстве случаев не налажено¹².

Весьма остра проблема несбалансированности товарообмена — положительное сальдо во внешней торговле Японии с Тайванем за 1971–1984 гг. составляло 637–782 млн долл.¹³ Япония собиралась оставить за собой право производить основную промышленную продукцию, хотя другие страны, в том числе Тайвань, могли предложить ей практически ту же продукцию, но не столь дорого. Дешевизна промышленной продукции из Тайваня, Кореи и Гонконга являлась основным фактором японской протекционистской политики. В первой половине 1970-х годов правительство Японии приняло ряд мер по ограничению ввоза текстиля из Тайваня и Кореи. По отдельным товарам были достигнуты «добровольные соглашения» об ограничении поставок на японский рынок. Попытки сокращения импорта текстиля вызвали бурное возмущение у партнеров Японии, поскольку в соответствии с обязательствами, принятыми по решению ЮНКТАД, Япония должна была создать преференцированную тарифную систему для ввоза продукции обрабатывающей промышленности из развивающихся стран¹⁴.

Второй момент — это ориентированность предприятий Тайваня, основанных японцами, на использование японской промышленной технологии и японских лицензий. По этой причине Тайваню было невыгодно отказываться от закупок в Японии запчастей и деталей¹⁵. Ориентация на японскую технику и технологии также способствовали более выгодным условиям платежа и послепродажного обслуживания, предоставляемого японскими партнерами ради укрепления сотрудничества. Основной базой для исчисления тарифов на Тайване являлись цены CIF (с включенной ценой на доставку), поэтому во многих случаях американские товары оказывались дороже японских¹⁶.

Для исправления невыгодного для Тайваня торгового баланса с Японией были созданы специальные комиссии по экономическому сотрудничеству, в рамках которых от

Японии требовали прислать закупочные миссии, наподобие тех, что посещали Тайвань и Корею из западных стран с целью расширения европейского и американского импорта¹⁷.

В условиях увеличивающегося промышленного потенциала Тайваня японские монополии существенно сократили объем и ужесточили правила передачи технологий. Японские компании соглашались оказывать содействие тайваньским предприятиям только в случае, если Тайвань использовал японские промежуточные продукты, не принимая участия в более сложных и дорогостоящих этапах производства.

Несмотря на ограниченность масштабов тайваньского рынка, он представляет собой довольно крупный объект вложения японского капитала. Япония занимает 2-е место после США среди инвесторов Тайваня (22% всех инвестиций). Согласно опросу газеты «Нихон кэйдзай симбун», проведенному в начале 1980-х годов с привлечением 100 ведущих японских компаний, имеющих дочерние производственные или сбытовые фирмы за границей, Тайвань был определен как одно из наиболее выгодных мест приложения капитала¹⁸. Японских инвесторов привлекает здесь относительная дешевизна рабочей силы при достаточно высоком уровне квалификации. Многие японские компании основывают на Тайване смешанные фирмы с участием местного капитала. Так, автомобилестроительная компания «Ниссан» организовала на Тайване сборку легковых автомобилей, электротехнические фирмы «Хитати», «Тосиба», «Мицубиси электрик», «Ниппон электрик», «Шарп» создали филиалы по производству ряда бытовых электроприборов, «Сумитомо кемикл» производит на Тайване некоторые химические продукты, «Тэйдзин» наладила выпуск синтетических волокон¹⁹. Помимо крупных компаний на Тайвань устремляются средние и мелкие японские фирмы, которым стало тяжело выдерживать конкуренцию у себя в стране (зато на Тайване они имеют преимущество перед местными производителями).

В большинстве случаев японские компании не внедряют на Тайване весь технологический цикл, ограничиваясь выносом за пределы страны производств некоторых несложных компонентов. Такая практика, с одной стороны, облегчает процесс наладки производства, с другой стороны, сохраняет за Японией преимущество в производстве высокотехнологичной продукции. При такой схеме японским компаниям не обязательно владеть значительной долей акций — основную часть прибыли они получают за счет поставок в дочерние компании материалов, оборудования и компонентов. Известен случай, когда японские компании пошли на свертывание производства и отказались от открытия новых филиалов на Тайване из-за того, что тот пожелал наладить собственное производство необходимых компонентов²⁰.

С конца 1980-х годов Тайвань стал ускоренно развивать наукоемкие отрасли, почувствовав растущую конкуренцию со стороны стран с более низкой заработной платой (Малайзии, Индонезии, Филиппин) в производстве трудоемких изделий легкой промышленности. Рост себестоимости рабочей силы на Тайване и все большая автоматизация производственных процессов в Японии повлекли частичный уход ее предприятий с острова. Некоторые отрасли тайваньской промышленности потеряли привлекательность для японских инвесторов еще и по причине ограничений на японский импорт, введенных США²¹.

В таких условиях Тайвань делает особый упор на развитие наукоемких областей производства и автоматизацию производственных процессов, с помощью различных льгот побуждает японские компании сохранять свои предприятия на острове. Передавая только часть научно-технических знаний, Япония сохраняет его технологическую зависимость от ее предприятий, но в то же время, получая определенную долю японских технологий, Тайвань постепенно укрепляет свои позиции на международном рынке.

Вопрос о торговом балансе остается открытым — в торговле с Японией у Тайваня сохраняется негативное сальдо, которое, впрочем, компенсируется значительной долей «материкового Китая» в тайваньском экспорте²². Продолжается также работа по подготовке договора о свободной торговле между Тайванем и Японией, обсуждается вопрос о присоединении Тайваня к формирующимся зонам свободной торговли в АТР.

Военно-стратегическое взаимодействие Японии и Тайваня в рамках американо-японского Договора о взаимном сотрудничестве

США, начиная с установления дипотношений между Японией и Тайванем, играли важную роль в поддержании их взаимодействия в сфере безопасности. В 1960 г. между США и Японией было подписано соглашение, юридически оформившее их военно-политический союз. Заменившее американо-японский договор 1951 г., оно предполагало обязательство Японии защищать военные базы США, находящиеся на ее территории. Договор 1960 г. не обязывал Японию участвовать в военных операциях США за ее пределами, однако в последующих американо-японских документах появились положения, предусматривающие взаимную ответственность сторон не только в пределах АТР²³.

В апреле 1979 г. в США был принят закон об отношениях с Тайванем, согласно которому США стали снабжать его современным оружием и обязались рассматривать любые попытки вмешательства в политическую систему Тайваня как прямую угрозу безопасности в Восточной Азии и «источник озабоченности США». С 1980-х годов Тайвань вошел в сферу совместной американо-японской обороны в АТР.

Роль Японии в этом регионе активизировалась после кризиса в Тайваньском проливе. В 1996 г. после проведения КНР военных учений генеральный секретарь Совета по национальной безопасности Тайваня Дин Мао посетил Японию для соответствующих консультаций²⁴.

23 сентября 1997 г. на заседании американо-японского Консультативного совета по безопасности были приняты новые Руководящие принципы сотрудничества США и Японии в сфере обороны, содержавшие положение об американо-японском взаимодействии в «окружающих Японию районах»²⁵. Пекин воспринял это как фактическое включение Тайваня в зону американо-японской безопасности и как вмешательство в его внутренние дела. В 1998 г. состоялся визит Цзян Цзэминя в Токио для подтверждения Японией ее позиции по поводу Тайваня. Была достигнута устная договоренность о включении «трех нет» в совместную декларацию: не поддерживать «политику двух Китаев», не поддерживать стремления Тайваня к независимости, не поддерживать идею представительства Тайваня в международных организациях, включая ООН. Те же принципы были подтверждены Б. Клинтонем во время его визита в КНР (1998 г.). Правительство Японии признало только первые два принципа (так и не закрепленные на бумаге) и, несмотря на позицию КНР в отношении американо-японского договора, не исключило Тайвань из программы совместной обороны с США²⁶.

Тайвань приветствовал принятие документа («если Япония и США обеспокоены миром и стабильностью в этом районе в контексте их общей озабоченности ситуацией в АТР, то мы расцениваем это как позитивную позицию»)²⁷. КНР восприняла договор как присоединение Японии к американским обязательствам защищать Тайвань в случае применения в отношении него силы. Ответным шагом Пекина явился Закон о противодействии расколу государства, принятый 14 марта 2005 г., который был призван воспрепятствовать отделению Тайваня, хотя на этот раз фраза «Тайвань является частью КНР» отсутствовала²⁸.

В американо-японском документе о новых принципах сотрудничества в сфере обороны, тем не менее, еще сохранялась неясность, какие конкретно районы и какие конфликтные ситуации подразумевались во фразе «в период возникновения ситуаций в районах, окружающих Японию, которые могут оказать серьезное влияние на мир и безопасность в регионе». Заявление генерального директора департамента оборонной политики Министерства обороны Японии Т. Набусигэ внесло ясность в трактовку этой части договора: «конфликт из-за Тайваня будет рассматриваться как ситуация в окружающем Японию районе»²⁹. С этого момента можно считать, что Тайвань был почти официально включен в сферу совместной обороны США и Японии.

Нынешний президент Тайваня Ма Инцзю выступает за дальнейшее укрепление американо-японского договора по безопасности, рассматривая его как лучшую гарантию обеспечения региональной безопасности³⁰. Однако новый курс Тайваня на сближение с КНР не может не беспокоить Японию. Во время проведения Японо-тайваньского форума в Тайбэе в конце 2010 г. член Демократической партии Н. Кадама еще раз напомнил, что «объединение Тайваня с материковым Китаем разрушит островную линию, образуемую Алеутскими островами, Курилами, собственно Японией, островами Рюкю, Тайванем, Филиппинами и о. Борнео, что сделает невозможным остановить продвижение ВМС КНР в зону Тихого океана»³¹. Тайвань — важнейшая часть морских коммуникаций Японии, он по-прежнему представляет «жизненно важный интерес для Японии»³².

* * *

Основы японо-тайваньского сотрудничества были заложены в период японской оккупации Тайваня. Промышленное развитие острова и модернизация его инфраструктуры, явившиеся «побочным эффектом» колониального освоения, несомненно, благоприятствовали его будущему тесному взаимодействию с Японией в постколониальный период. Этот остров на протяжении ста лет является для японских инвесторов одним из наиболее выгодных регионов для приложения капитала. Начиная с середины 1990-х годов, в силу сложившейся в мире геополитической ситуации, между Японией и Тайванем активизировалось военно-стратегическое сотрудничество.

1. *Barclay G.W.* Colonial development and population in Taiwan. L., 1972. P. 18–20.
2. *Shi Ming.* Taiwan ren si bai nian shi: [400 лет тайваньской истории]. Т. 1–2. San Jose (CA), 1980. С. 375.
3. *Barclay G.W.* Op. cit. P. 53–54.
4. *Chen Bi-sheng.* Taiwan di fang shi: [История Тайваня]. Xiamen, 1981. P. 242.
5. *The Japanese colonial empire, 1895–1945.* / ed by Myers R.H., Peattie M.R. Princeton, 1984. P. 381–382.
6. *Анайбара Тадао.* Формоза под властью японского империализма. М., 1934. P. 56–58.
7. Для сравнения: доля всех колоний во внешнеторговом обороте Франции в 1930-е годы составляла не более 10–12%. Подробнее см.: *Каташиков Н.И.* Тайвань и Корея под властью Японии: особенности и результаты колониальной политики // Восток. 1999. № 6. С. 20.
8. *Barclay G.W.* Op. cit. P. 32.
9. *Kuo Shirley.* The Taiwan economy in transition. Boulder, 1983. P. 315.
10. *Лысенко А.Ю.* Торгово-экономические и научно-технические связи Японии с Тайванем в 80-е годы. // Информационный бюллетень Института Дальнего Востока. М., 1987. № 41. С. 51.
11. *Nihon kokusai dzue:* [Япония в диаграммах и цифрах]. Токуо, 1984. Цит. по: *Лысенко А.Ю.* Указ. соч. С. 52–53.
12. Там же.
13. *Nihon kokusai dzue:* [Япония в диаграммах и цифрах]. Токуо, 1985.
14. *Игнатуценко С.К.* Экономические отношения Японии с Южной Кореей, Тайванем и Гонконгом // Япония. Ежегодник. М., 1980. С. 185.
15. Там же. С. 184.
16. *Лысенко А.Ю.* Указ. соч. С. 51–52.
17. *Игнатуценко С.К.* Указ. соч. С. 184.
18. *Woronoff J.* Japan's Commercial Empire. Токуо, 1984. P. 371–372.
19. *Лысенко А.Ю.* Указ. соч. С. 58.
20. *Far Eastern Economic Review.* 05.04.1984; 27.09.1984.
21. Речь идет об ограничениях на японский импорт, принятых в целях повышения конкурентоспособности американских промышленных товаров (в т.ч. электроники) в конце 1980-х годов. Подробнее см.: *Лысенко А.Ю.* Указ. соч. С. 61.

22. Гордеева И.В. Об особенностях современной позиции Японии в отношении Тайваня // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 1. С. 43.
23. Там же. С. 40.
24. Jia, Chao-wei. Ri tai guan xi de li shi he xian zhuang: [История японо-тайваньских отношений]. Beijing, 2011. С. 84, 86.
25. Бунин В.Н. Японо-американский союз безопасности. М., 2000. С. 290–308.
26. Wang, Qingxin Ken. Taiwan in Japan's relations with China and the United States after Cold War. // Pacific Affairs. 2000. Vol. 23. No. 5. P. 367–368.
27. Daily Yomiuri. 24.09.1997.
28. «Тайвань сможет сохранить свою политическую систему и пользоваться автономией, но в случае крупного инцидента, способного закрепить независимый статус Тайваня или если какие-либо силы будут действовать в направлении независимости Тайваня, КНР оставляет за собой право в случае, если возможности мирного объединения будут исчерпаны, применить силу для защиты суверенитета КНР». Гордеева И.В. Указ. соч. С. 41–42.
29. Sankei shimbun. 13.03.2009.
30. Ma hopes for good Taiwan-Japan relations. URL: www.chinapost.com.tw/taiwan.foreign-affairs/2010/0724/265926/Ma-hopes.htm.
31. Vice President calls for Japan-Taiwan FTA: [Вице-президент призывает Японию и Тайвань к подписанию соглашения о свободной торговле]. URL: www.chinapost.com.tw/taiwan-business/2010/12/21/284469/Vice-President.htm.
32. Sankei shimbun. 30.01.2008.

Влияние развития метрополитена на качество жизни и равномерность размещения населения в столичной агломерации Республики Корея

© 2015

П.П. Эм

В статье рассмотрено изменение качества жизни населения, а также равномерность его размещения в столичной агломерации Республики Корея до и после введения в эксплуатацию системы метрополитена.

Ключевые слова: столичная агломерация Республики Корея, стадии урбанизации, метрополитен, качество жизни.

Достигнув определенной стадии развития, города сталкиваются с проблемой недостаточной емкости наземного транспорта. Для его «разгрузки» был изобретен метрополитен — пассажирский вид транспорта, линии которого проходят под землей. Он значительно повышает транспортную доступность точек пространства, уменьшая время, необходимое для перемещения людей, а значит — коренным образом изменяет образ и качество жизни населения.

Цель настоящего исследования — изучение влияния, оказываемого развитием метрополитена, на изменение качества жизни населения, а также на равномерность его размещения в столичной агломерации Республики Корея (РК). Выбор объекта исследования обусловлен его специфическим положением, ведь именно с экономического чуда на р. Ханган началось бурное развитие этого «восточноазиатского дракона». Сегодня столичная агломерация занимает исключительное положение, поскольку в ее пределах концентрируется практически половина населения РК и производится такая же часть ее ВВП. Начнем изучение «подземки» с анализа развития ее морфологической структуры.

Морфологическое развитие столичной системы метрополитена Республики Корея

Для изучения особенностей *морфологии сети* столичной системы метрополитена РК использована методика С.А. Тархова¹ с применением *графа*, отображающего элементы транспортной системы. Достоинством этого метода является простота и прямолинейность терминологии. Так, вершины графа называются *узлами*, а соединяющие их линии — *ребрами*. При этом замкнутые контуры сети образуют *циклы*, а не замкнутые — *ветки*. Совокупность веток объединяется в *деревя*, а скопление циклов, каждая пара из которых имеет хотя бы одно общее ребро, именуется *циклическим остовом*. Сложность последнего, как и всей системы, зависит от количества *ярусов*. Первый ярус включает циклы, имеющие хотя бы одно общее ребро или вершину с границей системы. Для второго и последующих ярусов лимитирующей линией служит граница предшествующего яруса.

Рассмотрим морфологическое развитие объекта настоящего исследования. Первая линия метро, связавшая сеульский вокзал с Инчхоном, была открыта 15 августа 1974 г. Факт открытия метрополитена послужил катализатором для расширения границ столичной агломерации РК, о которой подробно будет сказано далее. К 1980 г. столичная подземка насчитывала уже 36 станций, расположенных на двух линиях (табл. 1). Станция Чхоняни была конечной для обеих линий, но организованный переход между ними отсутствовал. Благодаря ударным темпам строительства в 1983 г. произошло коренное изменение морфологической структуры метрополитена — она заметно усложнилась благодаря образованию полноценного цикла (рис. 1).

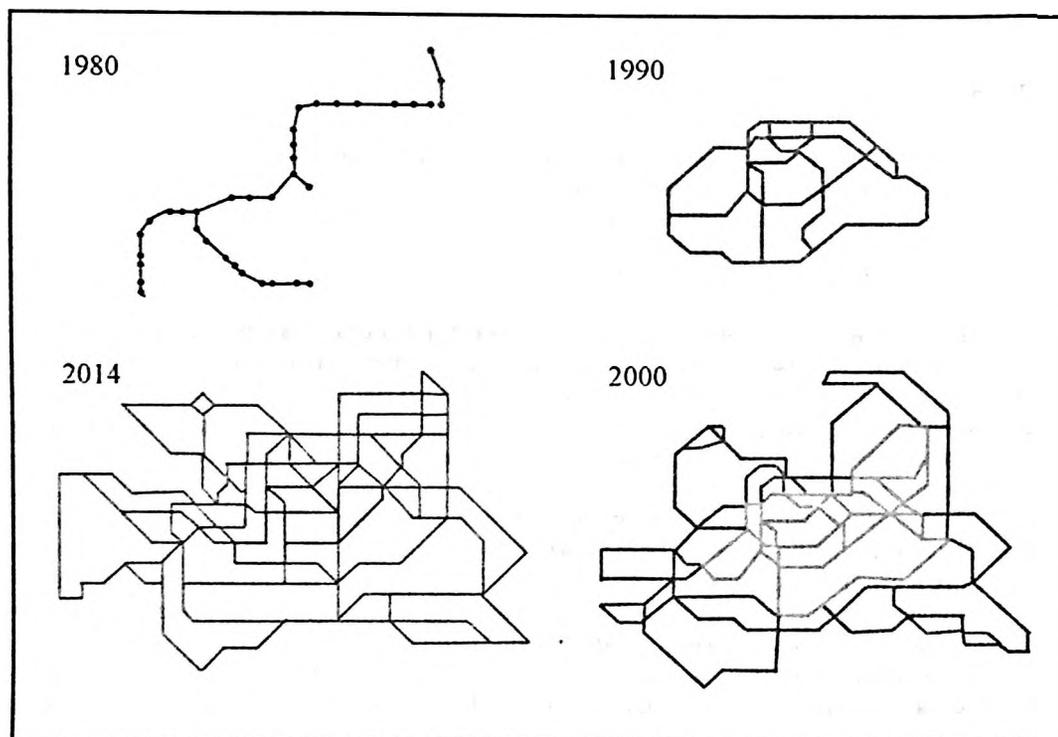

Рис. 1. Эволюция морфологической структуры системы метрополитена столичной агломерации Республики Корея с 1980 по 2014 гг.

В 1990 г. рассматриваемая система насчитывала уже 166 станций (табл. 1). Следовательно, всего за десятилетие с 1980 по 1990 гг. количество станций увеличилось более чем в 4,6 раза (табл. 1). 5 линий столичной системы метрополитена РК пересекались в 16 местах, позволяя пассажирам совершать пересадку с одной линии на другую. На станции сеульского вокзала пересекалось сразу 3 линии (рис. 1). При этом в морфологической структуре столичной системы метрополитена в 1990 г. было выделено уже 2 яруса с 9 циклами на внешнем и 4 циклами на внутреннем ярусе (рис. 1).

В период с 1990 по 2000 гг. в системе метрополитена столичной агломерации РК отмечены максимальные темпы роста: количество линий удвоилось за счет строительства новых (с 5 до 10), число станций увеличилось более чем в 2 раза — с 166 до 414, а пересадочных пунктов стало в 2,8 раза больше (с 16 до 45) (табл. 1). Изучаемая система столичного метрополитена РК в 2000 г. претерпела трансформацию морфологического строения, поскольку в ней было выделено уже 3 яруса с 28 циклами на первом, 16 — на втором, и 1 циклом на третьем внутреннем ярусе (рис. 1).

Таблица 1

Динамика основных показателей морфологического строения системы метрополитена столичной агломерации Республики Корея с 1980 по 2014 гг. (составлено по расчетным данным)

	1980	1990	2000	2014
Количество станций на линии 1	33	57	76	78
Количество станций на линии 2	3	3	32	31
Количество станций на линии 3	-	18	29	28
Количество станций на линии 4	-	38	37	36
Количество станций на линии 5	-	17	37	37
Количество станций на линии 6	-	-	28	25
Количество станций на линии 7	-	-	32	32
Количество станций на линии 8	-	-	13	13
Количество станций на линии 9	-	-	-	13
Количество станций на линии Бундан	-	-	15	6
Количество станций на линии Чунган	-	-	-	21
Количество станций на линии Инчхон	-	-	22	27
Количество станций на линии в аэропорт	-	-	-	4
Количество станций пересадок	-	16	45	57
В т.ч. в которых пересадка возможна между 3 линиями	-	1	3	5
Количество циклов в 1 ярусе	-	9	28	28
Количество циклов во 2 ярусе	-	4	16	19
Количество циклов в 3 ярусе	-	-	1	5

Уровень сложности морфологической структуры рассматриваемой системы с 2000 по 2014 гг. не изменился — в ней осталось 3 яруса (табл. 1, рис. 1). Это обстоятельство, однако, отнюдь не означает, что система не развивалась в этот период. Так, в 2014 г. изучаемая система имела 470 станций, 52 из которых располагались на пересечении двух линий, а 5 — на пересечении трех (табл. 1). Общее число циклов в сети увеличилось с 45 в 2000 г. до 52 в 2014 г. При этом число циклов на внешнем ярусе осталось неизменным, а на втором и третьем — увеличилось с 16 до 19 и с 1 до 5 соответственно. Основная причина подобного преобразования — увеличение количества элементов во всех топологических ярусах сети.

Проведенный анализ эволюции морфологической структуры столичной сети метрополитена РК показал, что в процессе развития фазу активной дендритизации сменила фаза последующего остовообразования. В ходе последней изучаемая структура существенно усложнилась. Всего за 17 лет с 1983 по 2000 гг. количество полноценных топологических ярусов увеличилось с 1 до 3 (рис. 1). Данное обстоятельство, с одной стороны, свидетельствует о значительном повышении сложности рассматриваемой сети, а с другой — об увеличении возможностей для трансфера пассажиров, ведь чем больше ярусов, тем больше циклов в системе — а значит, больше станций потенциальных пересадок.

Столичная агломерация Республики Корея как продукт интенсивной урбанизации

При увеличении численности населения РК с 1950 по 2010 гг. в 2,6 раза (с 18,9 млн до 48,7 млн человек), уровень урбанизации в ней возрос почти в 4 раза (с 21,4% до 81,9%)². «Взрывной» характер урбанизации можно определить низким начальным уровнем и очень высокой скоростью³. Общее количество городов в РК с 1950 по 2010 гг.

увеличилось в 4,4 раза: с 19 до 84⁴. В 1950 г. только столица была городом-миллионером, а в 2010 г. подобным статусом обладали уже 8 городов. В них по расчетным данным проживало более 50% населения страны.

Выделение стадий развития урбанизации по Контули⁵ через различия в миграционном сальдо главных, средних и малых городов способствуют более детальному изучению этого сложного процесса и определению его национальных особенностей. Первая стадия крупногородской урбанизации с быстрым миграционным ростом главных городов за счет средних и малых началась в РК в 1970 г. (рис. 2). Своего апогея стадия урбанизации достигла в 1975 г., когда сальдо миграции в главных городах (Сеуле и Пусане) составило около 480 тыс. человек в год. Урбанизационный разворот с 1985 по 1990 гг. возвысил значение средних городов в миграционном балансе. Совмещенные стадии риверсии и начальной контрурбанизации, начавшиеся в 1995 г., характеризовались возрастанием привлекательности малых городов (рис. 2).

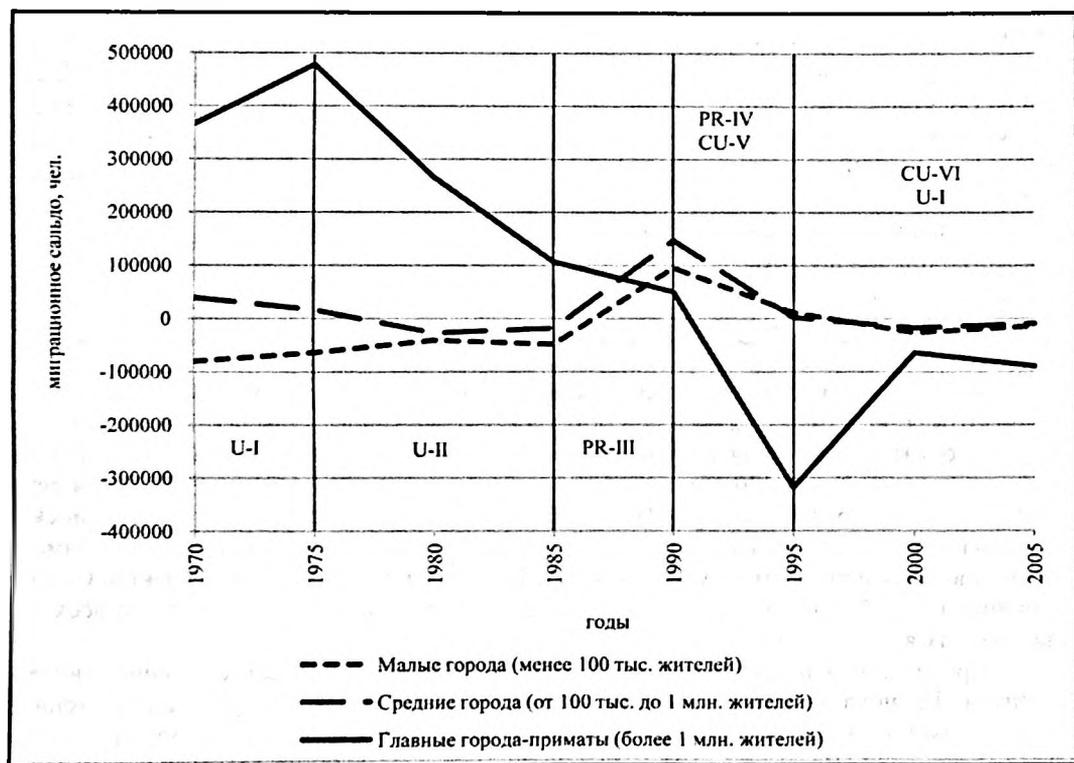

Рис. 2. Стадии дифференциальной урбанизации в Республике Корея с 1970 по 2005 гг.⁶

Открытие первой линии метрополитена, связавшей сеульский вокзал с Инчхоном и Сувоном в 1974 г., способствовало укреплению связей между крупными городами и близлежащими населенными пунктами, усилению потоков маятниковых миграций, а также существенному разрастанию и развитию пригородных зон и городов-спутников. С 1990 по 1995 гг. численность населения столицы уменьшилась на 150 тыс. человек⁷. При этом увеличилось общее количество городов: в 1985 г. их было 50, а уже в 1990 г. — 73⁸! Стоит отметить столичную провинцию Кёнгидо, в которой за это время появилось сразу 10 новых городов! Активное освоение территорий вокруг Сеула свидетельствует о развитии городской агломерации, «размывшей» административные границы столицы.

Для лимитации столичной агломерации РК была использована методика П.М. Поляна⁹, основанная на изучении транспортной доступности точек пространства от города-ядра. От него были выделены 0,5-, 1- и 1,5-часовые изохроны. Города-спутники с населением более 50 тыс. человек, находящиеся вне 1,5-часовой изохроны, включались в состав агломерации, если на последнюю накладывался ареал их собственной 0,5-часовой изохроны. Виртуальные маршруты строились в ночное время с помощью геосистемы *Daum Chido*¹⁰ с использованием платных магистралей для исключения эффекта заторов.

Непрерывное увеличение площади главной агломерации РК было связано с особым столичным статусом главного ядра. После открытия первой линии метрополитена Сеул и Инчхон «сблизились» друг с другом, а уже в 1980 г. образовалась двухъядерная *столичная агломерация*. В несомненном выигрыше оказался г. Пучхон, расположенный между Сеулом и Инчхоном. Он также вошел в состав вышеназванной агломерации. В 2005 г. в ней появился еще один город-миллионер — Сувон, который стал третьим ядром столичной агломерации, главные элементы которой соединены развитой сетью метрополитена. Сегодня столичная агломерация не только практически полностью заняла провинцию Кёнгидо, но и охватила значительные части соседних провинций. В ней проживает около 23,8 млн жителей, 49,6% из них — за пределами городов-ядер, в т.ч. 0,6% населения в сельской местности¹¹.

Фракталы как инструмент для изучения равномерности размещения населения

Теория фракталов была представлена французским математиком Бенуа Мандельбротом¹² в 1977 г. Фракталом называется множество, размерность Хаусдорфа которого строго больше его топологической размерности¹³. Фрактал представляет собой геометрическую фигуру, составленную из n -ого количества частей, каждая из которых подобна всей фигуре в целом. Фрактальная размерность не соответствует представлениям традиционной геометрии. По словам Пьера Франкхаузера, евклидова геометрия — это «всего лишь частный случай фрактальной»¹⁴. Величина фрактальной размерности определяется как:

$$D = \frac{\log N}{\log(1/r)} \quad (1),$$

где N — количество элементов фрактала, r — фактор фрактала. Значения D подчинены строгому неравенству $1 < D < 2$ ¹⁵. $D = 2$, когда изучаемая масса равномерно распределена по изучаемой поверхности. Подобная картина не реалистична. Чем выше степень отклонения D от 2, тем больше пустых зон в изучаемых структурах.

Фракталам присуща иерархическая структура слагающих элементов. Данным фактом обусловлена их внутренняя гетерогенность. Следовательно, фракталы могут способствовать изучению неоднородности пространства расселения. D рассчитывалась по контурам застройки зданий внутри элементов столичной агломерации РК с помощью программы *Fractalyse 2.4.1*¹⁶, разработанной Жилем Вуиделом. Необходимый вспомогательный материал в виде 2-х битных карт был предварительно подготовлен с помощью программы *Adobe Photoshop CS5*. В настоящем исследовании нами не учитывалась различная функциональная принадлежность зданий, а только их размер и координаты.

После вычисления показателя D , элементы столичной агломерации РК были распределены по трем группам. К первой группе с низким показателем $D < 1,75$ относятся 25 элементов. Это связано с доминированием традиционной одно- и двухэтажной застройки внутри них. Большинство зданий было построено в первые два десятилетия после окончания войны. Во вторую группу со средним значением $1,75 < D < 1,8$ входят 22 элемента. Данные элементы системы характеризуются доминированием традиционной застройки с присутствием обширных кварталов с современной многоэтажной застройкой. К третьей

группе с высокой степенью равномерности распределения населения относятся 22 элемента с $D > 1,8$. В структуре последней группы преобладают микрорайоны, упорядоченно застроенные по разработанному плану. Прослеживается тенденция, согласно которой,

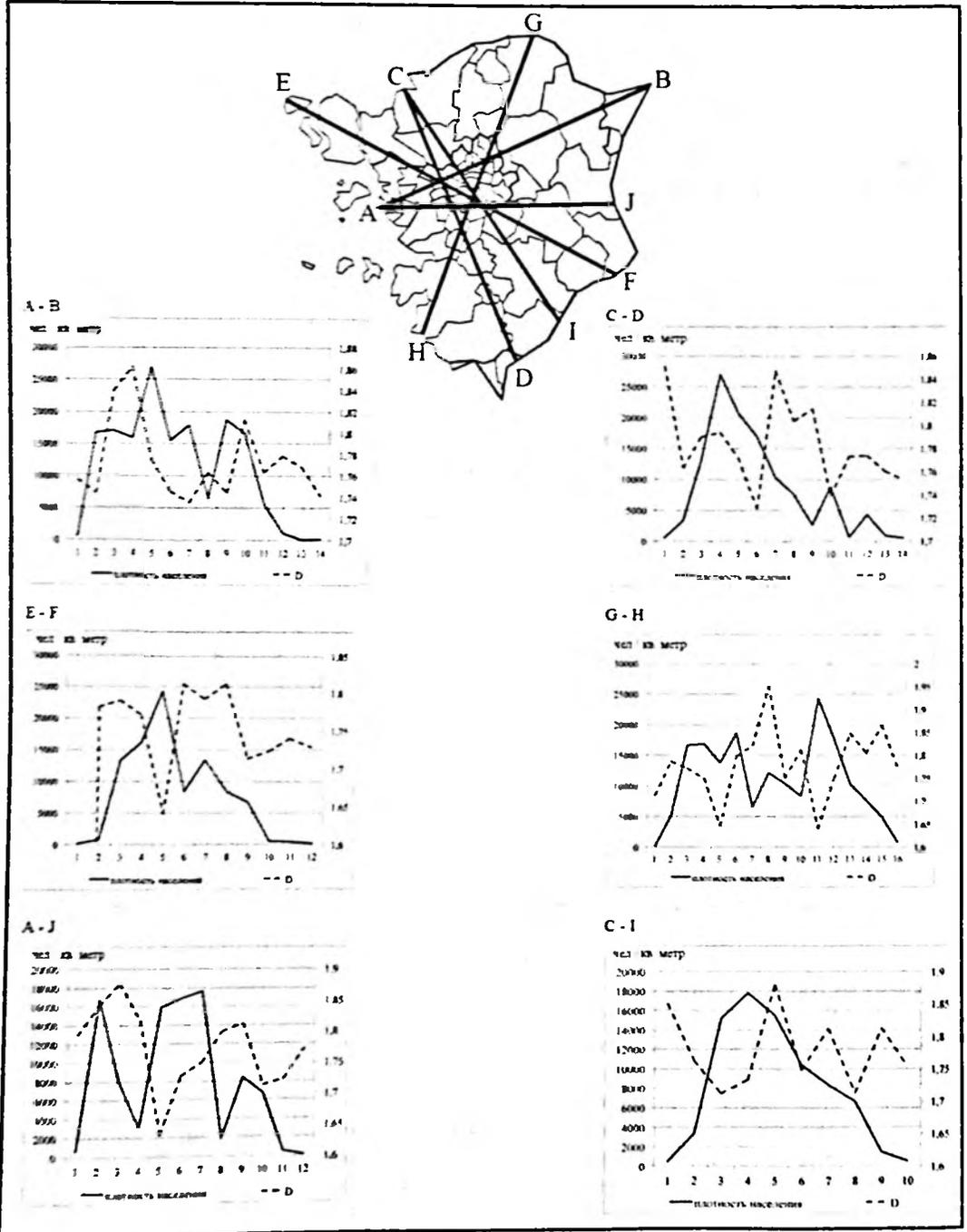

Рис. 3. Профили показателей величины средней плотности населения и фрактальной размерности в элементах столичной агломерации Республики Корея (составлено по расчетным данным)

чем современнее застройка изучаемых элементов, тем более равномерно в них размещено население¹⁷.

Для оценки изменения равномерности населения по территории столичной агломерации РК были составлены 6 профилей, на которых отображена динамика показателя D при движении от одной точки к другой (рис. 3). Полученные тренды отразили значительную дифференциацию рассмотренных показателей. Более того, было обнаружено наличие взаимосвязи между средней плотностью населения в элементах столичной агломерации РК и степенью его равномерности в соседнем элементе. По расчетным данным, более чем в половине случаев (52%) смена характера движения тренда средней плотности населения в одном интервале приводит к аналогичному изменению в тренде величины D на следующем отрезке. Значит, увеличение или уменьшение величины средней плотности населения в одном элементе с большой вероятностью может вызвать повышение значения D в соседнем. Таким образом, чем больше величина средней плотности населения в одном элементе системы, тем выше гетерогенность распределения населения в соседнем элементе¹⁸.

Качество жизни населения столичной агломерации Республики Корея: до и после открытия метрополитена

Качество жизни — сложное понятие, интегрирующее комплекс различных показателей. Для его оценки в столичной агломерации РК был проведен анализ 31 статистического показателя, описывающего 10 индикаторов, объединенных в 3 содержательных блока (табл. 2). Последние дают всестороннюю характеристику качеству населения, среды жизни и развития общества.

В работе изучено изменение качества жизни населения в г. Сувоне, г. Пучхоне и г. Аньяне после открытия в них станций метрополитена. Для сравнения аналогичный анализ выполнен для г. Ёджу, г. Ансона и г. Ичхона, которые и сегодня не охвачены системой метрополитена. Выбор элементов обусловлен доступностью необходимых эмпирических данных. Статистическая выборка сделана на три года: 1973 г. (состояние качества жизни до открытия метро), 1975 г. (оценка произошедших изменений после года работы метро) и 2009 г. (современное состояние)¹⁹. Сравнение статистических данных за 1973 г. и 1975 г. может показаться необъективным по причине недостаточной продолжительности периода после открытия первого участка метрополитена в 1974 г. Однако изучение стадий урбанизации в РК показало, что «разгрузка» столицы посредством значительного оттока населения из крупных городов в средние началась как раз в 1975 г. (рис. 2). В этот год миграционный прирост Сеула сменился миграционным оттоком. Значит — изучение показателей 1975 г. позволит выявить изменения, произошедшие вместе со сменой миграционных тенденций.

Анализ был проведен с помощью метода линейного масштабирования, позволившего нормировать статистические показатели. Интегрирование показателей качества жизни основано на их равной приоритетности и проведено по следующему уравнению:

$$I_{oqlp} = \sum I_j / N(2),$$

где I_{oqlp} — индекс объективной оценки качества жизни населения, I_i — индекс i -го индикатора качества жизни населения, N — общее количество индикаторов²⁰.

Индекс объективной оценки качества жизни населения — это комплексный показатель (табл. 2). На основе полученных значений I_{oqlp} элементы столичной агломерации РК были распределены в 4 группы элементов с использованием следующей шкалы: высокий (0,2000 и более), средний (от 0,1400 до 0,1900), низкий (от 0,1000 до 0,1300) и очень низкий уровень качества жизни населения (менее 0,1000). Остановим наше внимание лишь на выбранных для детального изучения городах, упомянутых выше.

Таблица 2

Показатели оценки качества жизни населения столичной агломерации Республики Корея

Блок индикаторов	Индикаторы	Показатели
Качество населения	Демографические характеристики	Коэффициент естественного прироста населения
		Коэффициент миграционного прироста населения
		Доля населения трудоспособного возраста
	Уровень здоровья населения	Количество врачей на 10 000 жителей
		Коэффициент младенческой смертности
	Ожидаемая средняя продолжительность жизни	
Уровень образования	Среднее количество учителей, приходящихся на 10000 учеников и студентов	
	Уровень безработицы в городах	
Труд и условия занятости	Доля сферы услуг в структуре ВВП	
Качество среды жизни	Природно-экологические условия среды	Средняя температура
		Годовое количество осадков
		Парковая площадь на 1000 жителей
	Уровень развития экономики	Объем производства промышленной продукции
		ВВП на душу населения
	Уровень развития социальной инфраструктуры	Обеспеченность телефонами
		Количество библиотек на 10000 жителей
		Количество предприятий общественного питания на 1000 жителей
		Торговая площадь на 1000 жителей, м ²
		Количество культурно-развлекательных центров на 1000 жителей
		Количество кредитно-финансовых учреждений на 1000 жителей
		Густота автомобильных дорог с твердым покрытием
		Количество почтовых отделений на 1000 жителей
	Жилищные условия	Среднее количество жилой площади (м ²) на 1 человека
		Доля жилья с коммунальными удобствами
		Коэффициент газификации в городах
	Качество развития общества	Социальные гарантии
Количество жителей, получающих пособие по безработице		
Государственные расходы на душу населения		
Социальная помощь		Количество общественных организаций (на 10000 жителей)
		Количество медицинских учреждений на 1000 жителей
		Доля населения, которую возможно разместить в центрах реабилитации, %

До введения в эксплуатацию первого участка метрополитена в 1973 г. наибольшую величину $I_{оцлр}$ среди рассматриваемых городов имел Сувон. Благодаря достаточно высокому значению $I_{оцлр} = 0,1463$ он уже в 1973 г. относился к группе элементов со средним качеством жизни. Подобное значение $I_{оцлр}$ было отмечено благодаря комплексу высо-

ких показателей, характеризующих социально-экономическое развитие Сувона. Например, Сувон отмечался наивысшей среди рассматриваемых городов степенью обеспеченности на 1000 человек кредитно-финансовыми (0,072) и медицинскими учреждениями (0,55), торговыми площадями (0,136 м²), почтовыми отделениями (0,03) и др. (рис. 4). Значения I_{oqlp} для г. Пучхона и г. Анъяна на то же время были менее 0,13. Подобное обстоятельство обусловило их принадлежность к группе с низким уровнем качества жизни населения. Это, однако, не означало, что эти города имеют малые значения по всем рассматриваемым показателям. Так, г. Анъян занимал лидирующее положение по возможности размещения населения в реабилитационных центрах (0,34%), а также по душевой обеспеченности парковыми зонами (56,01 м² на 1000 человек) (рис. 4). Сельский статус Ёджу, Ансона и Ичхона в 1973 г. во многом определил низкое качество жизни их населения с $I_{oqlp} < 0,1$. Сельский образ жизни жителей этих населенных пунктов оказал влияние на их поведение. Так, доля детей, обучавшихся в общеобразовательных учреждениях здесь, была заметно ниже, чем в городах. Именно по этой причине в Ёджу, Ансоне и Ичхоне было отмечено значительно меньшее (на 10 человек), чем в вышерассмотренных городах среднее количество учеников, приходящихся на одного учителя (рис. 4).

В 1975 г., т.е. через год после введения в эксплуатацию первого участка метрополитена, соединившего Сеул с Инчхоном и Сувоном, значение I_{oqlp} в последнем возросло до 0,1653, т.е. увеличилось на 0,019 всего за 2 года! Такой стремительный рост ключевого показателя был отмечен даже несмотря на то, что именно Сувон выполнил функцию основного акцептора по принятию первой волны столичных «перебежчиков», покинувших столицу в поисках более дешевого, но вместе с тем комфортного места для жизни. Увеличение изучаемого показателя за вышеназванный период в Пучхоне и в Анъяне было более скромным: всего на 0,008 и 0,002 соответственно. I_{oqlp} первого, в котором также была открыта станция метро, увеличился в 4 раза больше, чем в Анъяне, в котором метро в 1974 г. не было. Одной из причин стало увеличение степени обеспеченности на 1000 человек кредитно-финансовыми учреждениями: на 0,03 в Пучхоне, и только на 0,01 в Анъяне (рис. 4). Примечательно, что торговая площадь с 1973 по 1975 гг. увеличилась в Пучхоне в 611, а в Анъяне — в 1094 раза (рис. 4)! Из остальных рассматриваемых элементов стоит отметить Ичхон и Ансон, в которых с 1973 по 1975 гг. было отмечено небольшое понижение I_{oqlp} . Одна из основных причин подобного обстоятельства — миграционный отток населения в более развитые элементы столичной агломерации, главным образом в Сувон и в Инчхон. Он спровоцировал заметное ухудшение в первую очередь демографических, а также комплекса иных показателей, рассматриваемых в данной работе (табл. 2).

К 2009 г. значение I_{oqlp} в элементах с наличием метро (Сувон, Пучхон и Анъян) значительно увеличилось по сравнению с 1975 г. Так, Сувон с $I_{oqlp} = 0,2361$ перешел в группу элементов с высоким уровнем качества жизни. Примечательно, что показатель в Суване не просто сравним с аналогичным показателем для муниципальных районов Сеула (0,2357), а немного превосходит его. Лидерство Сувона было обеспечено множеством высоких показателей, например, наивысшей степенью обеспеченности торговыми площадями на 1000 человек (688, 24 м²) (рис. 4). Также к группе с высоким уровнем качества жизни относится Пучхон с $I_{oqlp} = 0,2138$, имеющий комплекс не выделяющихся, но стабильно высоких показателей (рис. 4). Подобное высокое значение I_{oqlp} объясняется выгодой его географического положения между Сеулом и Инчхоном. Остальным элементам характерен средний уровень качества жизни. При этом значение $I_{oqlp} = 0,1773$ в Анъяне заметно выше аналогичного показателя в других рассмотренных элементах, в которых метрополитен отсутствует и сегодня. В них он не превышает 0,15. Интересно, что лидирующее положение по возможности размещения населения в реабилитационных центрах занимают города, не охваченные системой метрополитена (рис. 4). В то же время в Ансоне на каждого жителя приходится 9,26 м² парков!

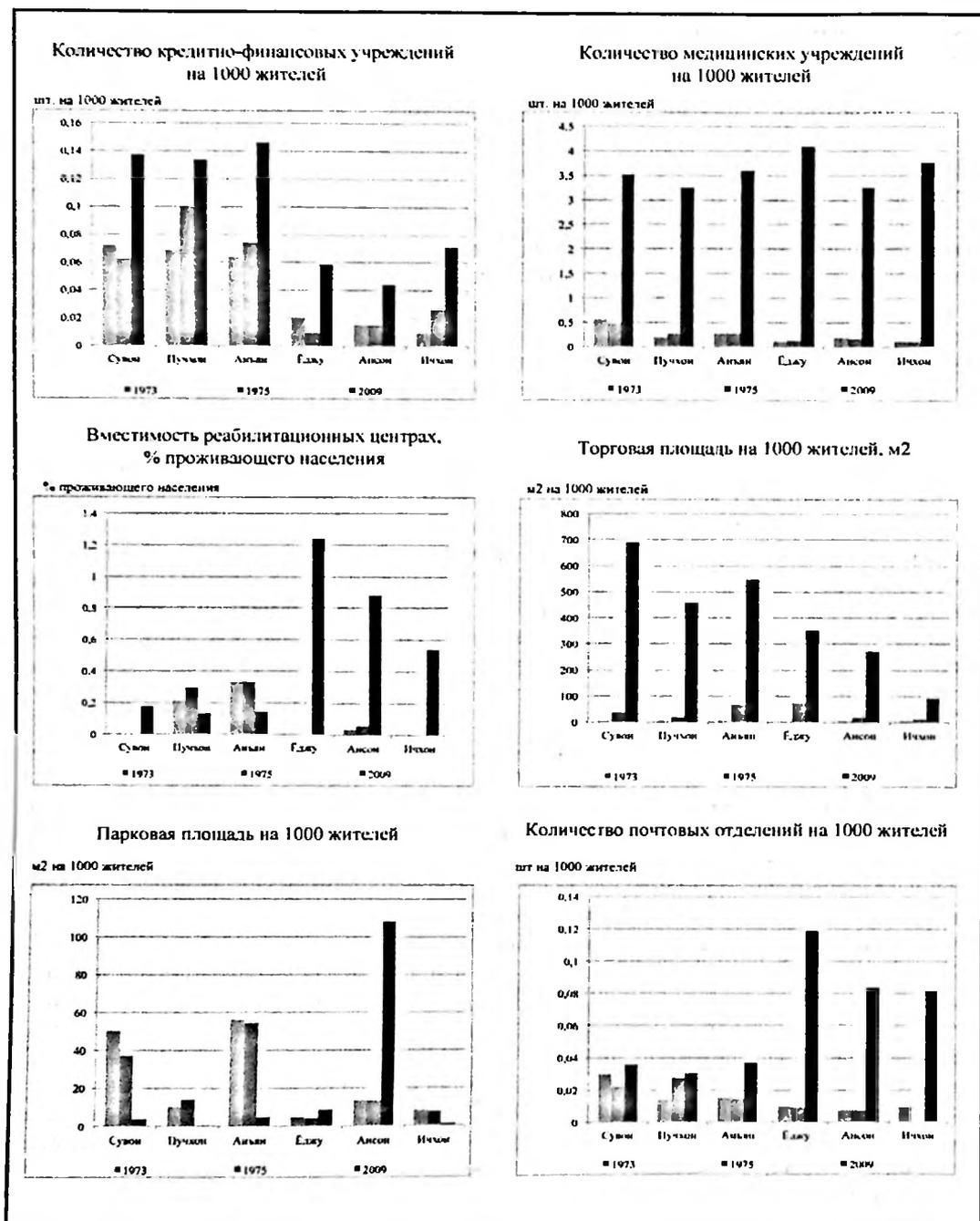

Рис. 4. Динамика некоторых показателей оценки качества жизни населения в столичной агломерации Республики Корея (составлено по расчетным данным)

Проведенный анализ показал, что комплексный индекс объективной оценки качества жизни населения, объединяющий 31 показатель, в элементах с наличием метрополитена заметно превышает аналогичный показатель в элементах без него. В этих элементах такие важные экономические показатели, как степень обеспеченности на 1000 человек

кредитно-финансовыми учреждениями и торговыми площадями, превышает уровень в элементах без метро в 2 раза и более (рис. 4).

В табл. 3 представлены данные по изменению показателя фрактальной размерности с 1973 по 2014 гг. в рассмотренных элементах столичной агломерации РК. Анализ полученных данных показывает, что за изученный период D увеличилась более чем в 1,1 раза во всех элементах, в которых были введены в строй станции метрополитена. В то же время в элементах с отсутствием метро аналогичный показатель увеличился менее чем в 1,1 раза (табл. 3). Причиной увеличения однородности распределения населения является массовая застройка территории по упорядоченному плану. Интересно отметить, что степень равномерности размещения населения в Ансоне, оцененная с помощью показателя фрактальной размерности, была наивысшей среди рассмотренных элементов в 1973 г., поскольку в это время небольшая территория города была компактно застроена традиционным образом, отличавшимся достаточно высоким значением равномерности размещения населения (табл. 3). Таким образом, введение в эксплуатацию станций метрополитена не только значительно повышает уровень жизни населения, но также способствует увеличению степени однородности его размещения.

Таблица 3

Показатели фрактальной размерности в элементах столичной агломерации Республики Корея в 1973 и 2014 гг. (составлено по расчетным данным)

Элемент столичной агломерации	Значение D в 1973 г.	Значение D в 2014 г.	Коэффициент увеличения R с 1973 по 2014 гг.
Сувон	1,614	1,789	1,108
Пучхон	1,589	1,793	1,123
Анъян	1,547	1,847	1,194
Ёджу	1,575	1,728	1,097
Ансон	1,676	1,753	1,046
Ичхон	1,604	1,740	1,085

Некоторые выводы

Появление и быстрое развитие столичной агломерации РК было продуктом «взрывной» урбанизации в этой стране. Начало урбанизационного разворота, при котором происходит возвышение роли средних городов в общем миграционном балансе, совпало с введением в эксплуатацию первого участка метро в 1974 г. Открытие метрополитена повысило транспортную доступность столицы для жителей Инчхона и Сувона: началось активное развитие столичной агломерации. По мере открытия новых линий и станций метрополитена происходило постепенное «расползание» границ агломерации. Комплексный индекс объективной оценки качества жизни населения, объединяющий 31 показатель, в элементах с наличием метрополитена заметно превышает аналогичный показатель в элементах без него. При этом открытие станций метро повышает привлекательность населенных пунктов — после их открытия в течение нескольких лет наблюдается «взрывное» увеличение миграционного притока населения, его качества, а также степени однородности его размещения.

1. Тархов С.А. Эволюционная морфология транспортных сетей. М.: Изд-во «Универсум», 2005. 384 с.
2. World Urbanization Prospects: The Revision of 2010. URL: <http://esa.un.org/unup/>. Дата обращения: 15.12.2012.
3. Эм И.П. Особенности развития урбанизации и системы расселения в Республике Корея во второй половине XX — начале XXI вв. // Пробл. Дальнего Востока. 2013. № 3. С. 93–103.

4. Korea Statistical Yearbook 1952. Seoul: Bureau of Statistics. 1953. 368 p.; Korea Statistical Yearbook 2011. The 58th edition. Seoul: National Statistical Office of the Republic of Korea. 2011. 1068 p.
5. *Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов России на рубеже XXI в. // Проблемы урбанизации на рубеже веков. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71–86.
6. *Эм П.П.* Региональные особенности урбанизации Республики Корея // Региональные исследования. 2012. № 2. С. 120 —133.
7. Results of population and housing census 1990. Seoul. National Statistic Office of the Republic of Korea. 1990; Results of population and housing census 1995. Seoul: National Statistic Office of the Republic of Korea. 1996.
8. Results of population and housing census 1985. Seoul: National bureau of statistics economic planning board. 1986; Results of population and housing census 1990. Seoul: National Statistic Office of the Republic of Korea. 1990.
9. *Полян П.М.* Методика выявления и анализа опорного каркаса расселения. Ч. 1. М.: ИГ АН СССР, 1988. 220 с.
10. Daum Chido (Карта Даум). URL: <http://map.daum.net/>. Дата обращения: 15.12.2012.
11. Korea Statistical Yearbook 2011. The 58th edition. Seoul: National Statistical Office of the Republic of Korea. 2011. 1068 p.
12. *Frankhauser P.* The fractal approach. A new tool for the spatial analysis of urban agglomerations // Population; an English Section. Vol. 1, № 1, Special issue New methodological Approaches in the Social Sciences, 1998. P. 205–240.
13. *Федер Е.* Фракталы: пер. с англ. М.: Мир, 1991. С. 19.
14. *Frankhauser P.* Op. cit. P. 210.
15. *Федер Е.* Указ. соч. С. 19.
16. Fractalysе 2.4.1. The free software. URL: <http://www.fractalysе.org/>. Дата обращения: 02.01.2014.
17. *Эм П.П.* Применение теории фракталов для изучения систем размытых центральных мест // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 6. С. 7–16.
18. *Эм П.П.* Фракталы как инструмент изучения гетерогенности пространства расселения // Географические и геоэкологические исследования на Дальнем Востоке: сб. науч. ст. молодых ученых. Владивосток: Дальнаука, 2014. С. 150–155.
19. Hanguk Dosi Yongam [Корейский городской ежегодник]. URL: http://kosis.kr/common/meta_onedepth.jsp?vwcd=MT_OTITLE&listid=110_11001. Дата обращения: 10.12.2014.
20. *Андреева О.Н.* Способы оценки уровня и качества жизни населения // Ойкумена. 2013. № 2. С. 112–120.

Российский Дальний Восток

Между «желаемым» и «возможным»: особые экономические зоны на Дальнем Востоке в 1987–2015 гг.

© 2015

А.Е. Савченко

Статья посвящена нерешенной до настоящего времени проблеме организации особых экономических зон на Дальнем Востоке России с акцентом на политические аспекты данного вопроса. На основе архивных материалов автор показывает, что периодическое возвращение к проектам создания различных специальных экономических режимов в регионе тесно связано с взаимоотношениями властей центрального и регионального уровней и дефицитом финансовых ресурсов.

Ключевые слова: Дальний Восток, особые экономические зоны, территория опережающего развития (ТОР).

Цикличность развития Дальнего Востока, над которой не властны ни время, ни политический и экономический строй, уже описана в научной литературе¹. Выявлена и специфика этих циклов, представляющих собой маятниковые движения от государственного патернализма к опоре на собственные силы и привлечение иностранного капитала. В частности, были рассмотрены: динамика дальневосточной политики во второй половине XX в., причины неудач государственных программ развития Дальнего Востока в 1980-е и 1990-е гг.² Цель данной статьи — взглянуть более пристально в другой аспект — в опыт привлечения в регион иностранного капитала. Привлечение иностранного капитала на Дальний Восток за счет формирования «специальных экономических зон» (СЭЗ) и «территорий опережающего развития» (ТОР) есть краеугольный камень в новой (хотя и хорошо знакомой) стратегии государства в этом регионе, под которую в 2013 г. было радикально переформатировано Министерство по развитию Дальнего Востока.

В общетеоретическом плане, вне привязки к какой либо территории, привлекательность проектов организации СЭЗ мотивируется следующим:

– «миниатюризация управления» (на строго очерченной территории проще создать образцовый порядок, чем в масштабах страны)³;

Савченко Анатолий Евгеньевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: savich21@mail.ru.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-31-01253 «Государство и китайский капитал на юге Дальнего Востока России (1987–2013 гг.):»).

– преодоление общегосударственных макроэкономических условий (не случайно впечатляющие результаты СЭЗ отмечены в КНР, где они стали своего рода «рыночными оазисами» в плановой экономике);

– демонстрация стремления к взаимовыгодному международному партнерству (примером служит, в частности, проект «Туманган»⁴).

Создание свободных экономических зон на Дальнем Востоке было связано с двумя процессами: во-первых, со стремлением советского руководства «перезагрузить» внешнюю политику СССР в мире и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в частности; а во-вторых, с намерением придать Дальнему Востоку новое качество и динамику развития. Еще в ходе визита во Владивосток в июле 1986 г. М. Горбачев поставил задачу «в полной мере использовать возможности экспортной направленности развития дальневосточного хозяйства», создавая, в том числе, совместные с зарубежными странами предприятия, специализированную экспортную базу»⁵.

Идея превращения «восточной окраины страны в мощную экономическую базу освоения природных ресурсов и сотрудничества с сопредельными государствами» высказывались в 1980-х гг. и учеными-экономистами ДВНЦ АН СССР⁶. Предпосылки данной стратегии можно найти и в работах советских географов 1970-х гг.⁷

Сложно сказать, чего было изначально больше в идее «открыть» Дальний Восток для международного сотрудничества — экономического расчета или внешнеполитического позиционирования, своеобразной проекции «нового мышления» на Дальний Восток. Официально планы по созданию «специальной зоны интенсивного международного сотрудничества» в районе г. Находки были озвучены в 1988 г. на международной встрече «Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог, мир, сотрудничество», проходившей во Владивостоке⁸.

На разных уровнях власти постепенно росло понимание, что на реализацию «Долговременной государственной программы социально-экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2000 г.» у государства нет денег, но при этом верилось, что благодаря новой внутренней и международной атмосфере, созданной перестройкой, открывается возможность привлечь иностранный капитал.

В начале 1989 г. руководство Приморского края направило в Совет Министров СССР записку с обоснованием идеи создания особых экономических зон привлечения передовых технологий по глубокой переработке природных ресурсов, что, в свою очередь, позволило бы выйти на запланированные темпы экономического роста к 2000 г.⁹

В записке предлагалось две площадки. Первая — в районе г. Находка. В качестве преимуществ этой территории были названы: развитые промышленный потенциал и транспортная инфраструктура (два мощных морских порта — Восточный и Находкинский, а также железная дорога, связывающая морские порты с Транссибом); наличие свободных для застройки земель. Близ села Золотая Долина в 15 км от Находки предлагалось построить аэропорт на базе существующего там военного аэродрома.

Вторая предложенная площадка располагалась на юге Приморья, в порту Посыет. Главной идеей здесь было создание курортного центра мирового уровня и производств по глубокой переработке биоресурсов¹⁰.

На наш взгляд, решение о создании «СЭЗ Находка» диктовалось не столь экономической, как политической логикой. Оно было принято осенью 1990 г. не союзными, но российскими властями по итогам поездки Б. Ельцина на Дальний Восток¹¹. Это был, скорее всего, внутриполитический жест: российский президент стремился продемонстрировать дальневосточникам свою решительность и волю на фоне «беспомощного» Горбачева. Однако вскоре выяснилось — иностранцы, приветствуя проект на словах, не спешили вкладывать сюда реальные деньги, в связи с чем приморское руководство просило не российский уже, но союзный центр оказать материальную поддержку новообразованной СЭЗ¹².

В Хабаровском крае в записке в краевой комитет КПСС (1989 г.) экономисты предлагали ориентировать перспективное развитие в основном на международный, а не внутрисоюзный рынок, «решительно пойти на экономическое «открытие» края посредством либерализации совместного предпринимательства и создания «экономических зон»¹³. Это, по их

мысли, мог быть крупный технологический парк и международный туристический центр. От внимания ученых не ускользнул и такой символический ресурс региона, как Еврейская автономная область, где не только виделись перспективы создания промышленно-экспортной зоны в районе г. Биробиджана, но и вырисовывался международный проект гуманитарного характера с ориентацией на зарубежные еврейские финансовые круги — создание Еврейского международного университета или научно-учебного центра¹⁴.

Завершая обзор позднесоветского периода в истории наших СЭЗ, нельзя не провести параллель с днем сегодняшним. Действительно, для Дальнего Востока все придумено уже четверть века назад. Частично менялось внешнее обрамление идей, но суть (использование внешнеэкономических связей региона для привлечения капитала и передовых технологий) как и инструменты достижения цели (в форме специфических территориальных зон) какими были, такими и остались. Налицо почти 30-летнее хождение по кругу одних и тех же задач, сочетаемое с безуспешными попытками их решить.

Уже на начальном этапе привлечение иностранного капитала на Дальний Восток осложнялось труднопреодолимыми факторами. К естественным, исторически и географически обусловленным из них (таким, как малый внутренний рынок, удаленность от основных экономических центров страны, сложные климатические условия) добавлялись конъюнктурные, связанные с состоянием государства.

Во-первых, общая политическая атмосфера радикальной трансформации в СССР при экономической неопределенности и противоборстве разных уровней власти мешала выработке единой политики и административной координации усилий по созданию благоприятного инвестиционного климата.

Во-вторых, смысл создания свободных экономических зон размывался, а перспективы реализации совместных экономических проектов терялись в атмосфере радикальной экономической реформы. В рамках плановой, регулируемой государством экономики привлекательная идея точечного выделения особого административно-экономического режима изрядно тускнела в условиях тотальной либерализации и перехода к рынку.

В-третьих, сказывалось отсутствие опыта по реализации подобных проектов, смешанное со «старой» идеологической закалкой.

К финишу советского периода Дальний Восток подошел с набором идей по привлечению иностранного капитала, причем один из проектов — «СЭЗ Находка» уже вступал в стадию практической реализации. При этом и центральное и региональное руководство пребывали в плену иллюзий о «большом интересе» иностранных инвесторов к его развитию.

К тому же административный ажиотаж обретал общероссийский размах: в период 1990–1991 гг. в стране возникло более 50 свободных экономических зон, а к 1994 г. четыре из них занимали уже 14,4% общей площади Дальнего Востока и Забайкалья (без Республики Саха (Якутия))¹⁵. Такая территория приходилась всего на четыре зоны: «Сахалин» (Сахалинская область), «Даурия» (Читинская область), «ЕВА» (Еврейская автономная область), «Находка» (Приморский край).

Между тем, общего видения места СЭЗ в экономической политике государства у Правительства не сложилось. Да и не могло его быть в условиях переходного состояния российской экономики и общего развала системы управления. Государство фактически утратило контроль над внешнеторговой деятельностью. Десятки тысяч мелких предприятий экспортировали российскую продукцию по демпинговым ценам и таким же образом осуществляли импорт, иногда завышая цены в десятки раз¹⁶. По сути, вся страна превращалась в своеобразную «свободную экономическую зону», отчего некие специфические налоговые и административные режимы теряли привлекательность как для иностранных, так и для российских инвесторов. На этом фоне администрациям СЭЗ не оставалось выбора, кроме как обращаться к государству за дополнительной поддержкой. В случаях, когда такая поддержка оказывалась в виде прямых финансовых вливаний или же в виде льгот и полномочий, передаваемых на места, на первый план выходила проблема контроля за исполнением принятых решений и использованием бюджетных средств.

Проблемы явно просматриваются на примере все той же СЭЗ «Находка». Сама эта зона была масштабной: включала не только одноименный город (с населением более 190 тыс. человек), но и Партизанский район (около 30 тыс. человек), общая площадь составляла 4579,7 кв. км. Экономическое и инфраструктурное ядро зоны составили построенные еще в советский период порты и предприятия. Через рыбный и нефтеналивной порты Находки проходило в начале 1990-х годов 22% всего российского экспорта¹⁷. Создание этой СЭЗ представляло собой, по сути, вывод уже имевшегося потенциала из-под государственного контроля и налогообложения.

Особая привилегия «Находки» состояла в том, что она единственная из всех российских СЭЗ дважды получала бюджетный кредит: 2,2 млрд руб. в 1992 г. и 20,1 млрд руб. в 1993 г. В распоряжении администрации СЭЗ оставалось 100% доходов от приватизации федеральной собственности (всем прочим зонам — не более 15%). При этом, уже в августе 1993 г. в Российском агентстве международного сотрудничества и развития отмечали, что проекты, поступающие из данной СЭЗ, имели крайне слабое технико-экономическое обоснование, а многие предложения, исходившие от администраций СЭЗ и Приморского края, выходили за рамки действующего федерального законодательства, касаясь главным образом разнообразных льгот по части таможенных пошлин, снижения/отмены налогов, оставления в СЭЗ полученной прибыли, использования объектов инфраструктуры, находящейся в федеральной собственности¹⁸. Вопрос — что давала государству (и Приморью, в частности) деятельность этой СЭЗ оставался открытым.

Тем временем проекты продолжали множиться. В Амурской области идея привлечения иностранного капитала базировалась на таком осязаемом факте, как быстрое развитие китайского города Хэйхэ, расположенного на противоположном берегу р. Амур, напротив Благовещенска. У амурских чиновников сложилось стойкое убеждение, что на китайской стороне налажен очень эффективный механизм развития свободной экономической зоны. В конце 1993 г. амурский губернатор В. Поливанов писал в Правительство: «За полтора года существования зоны (СЭЗ) в Хэйхэ освоено около одного миллиарда долларов государственных и иностранных (преимущественно Гонконг, США) инвестиций, возводится более шестидесяти инфраструктурных и производственных объектов. Отставание развития производства и инфраструктуры на российской стороне вызывает нашу обеспокоенность и может привести в дальнейшем к одностороннему использованию экономических выгод российско-китайского транспортного перехода в районе Благовещенск—Хэйхэ в пользу КНР». Признавая, что у государства нет денег, В. Поливанов предлагал придать идее развития Благовещенска мировое звучание — привлечь средства ООН, Европейского банка реконструкции и развития¹⁹. Еще через два года исполняющий обязанности губернатора области В. Жаров, ссылаясь на «поражающие воображение практические результаты» развития СЭЗ в Хэйхэ, просил российское правительство принять непосредственное участие в реализации проекта²⁰.

Даже поверхностный обзор внутрибюрократического дискурса по поводу СЭЗ наводит на мысль, что эти проекты в 1990-е годы играли роль, противоположную той, которая публично декларировалась. Отчетливо проступают два мотива их появления: во-первых, вывод уже существующих активов из-под налогового законодательства; во-вторых, привлечение бюджетных ресурсов, а не иностранного капитала.

Такой вывод подтверждается и тем фактом, что просьбы дальневосточных губернаторов об организации и поддержке СЭЗ на их территориях, соседствовали с обращениями о предоставлении особого статуса целым регионам или исключительных полномочий их администрациям. Первенствовал в этом процессе Приморский край, но и руководство Амурской области обращалось со схожими предложениями. Например, в июне 1994 г. В. Поливанов в письме в правительство пытался обосновать целесообразность предоставления области «особого статуса» при осуществлении внешнеэкономической деятельности, а также передавать 50% таможенных платежей, взимаемых на этой территории, во внебюджетный фонд для развития внешнеэкономической инфраструктуры²¹.

У политической элиты и ученых-экономистов существовал определенный консенсус по поводу благотворности экономической интеграции Дальнего Востока со странами АТР, но как сделать ее управляемой, выгодной для страны и региона — по этим вопросам обнаружился дефицит ресурсов и компетенции. В Москве возникли опасения, что в случае удовлетворения просьбы об особом таможенном режиме, которого добивалась администрация СЭЗ «Находка», наиболее вероятным результатом будет (при общей неэффективности контрольных функций государства) рост теневого ввоза в СЭЗ сырья и других ценностей из соседних регионов для их последующего экспорта. Это грозило бы не только «обвальной перекачкой» за рубеж товаров со всей России, но и потоком аналогичных просьб со стороны других СЭЗ и прочих территорий.

Более того, в Москве всерьез воспринимали опасность ослабления влияния на Дальнем Востоке. Так, в аналитическом докладе Экспертного института Российского союза промышленников и предпринимателей²², который был официально рекомендован к изучению региональным администрациям, заявлялось об «исключительно сильном» стремлении регионов Дальнего Востока к «сепаратизму». Авторы предполагали, что в ближайшей перспективе Дальний Восток будет развиваться как «зона освоения для соседних государств с незначительными элементами государственного управления на местном уровне»²³.

С победой Ельцина в противостоянии с Верховным Советом, губернаторы необычайно укрепили свою власть. Между Москвой и регионами начинался новый виток изнурительной борьбы за полномочия и ресурсы. В этой борьбе наиболее преуспели национальные республики Поволжья. Да и губернаторы прочих регионов наблюдали за этим процессом, координировали свои действия, пытались добиться от Москвы таких же преференций. В этих условиях, при «отягчающем обстоятельстве» катастрофического дефицита финансовых средств, Центру не оставалось иного выбора, кроме как звать к справедливости, т.е. настаивать на соблюдении «единых правил игры», делая уступки лишь наиболее сильным региональным лидерам и пресекая попытки всех остальных дифференцировать налоговый и административный режимы.

Кроме того, СЭЗ отдельных регионов потеряли своих основных лоббистов в лице краевого руководства. Так, возглавивший в 1993 г. Приморский край Е. Наздратенко увидел в СЭЗ угрозу подрыва своей власти. Дело в том, что и администрация СЭЗ, и краевая власть конкурировали за один и тот же ресурс — транспортную инфраструктуру как средство выхода на мировой рынок. Новая позиция администрации края базировалась на двух тезисах. Первый: такие зоны разрушают целостность экономической системы края. Второй: особые условия надо создавать не на отдельных «точках», но на всей территории Приморья²⁴. Это обосновывалось необходимостью развития «внешнеэкономической инфраструктуры» региона для реализации «геостратегических» интересов России²⁵. С этой целью в 1994 г. было направлено обращение в Правительство с просьбой «об оставлении в распоряжении администрации края 100% экспортно-импортных пошлин, взимаемых на территории края, в течении как минимум трех лет»²⁶.

Обрисованная ситуация окажется еще сложнее, если иметь в виду, что позиция того или иного губернатора касалась не только подведомственного ему региона, но и влияла на соседние территории. Так, реализация проекта межправительственного соглашения об упрощенном пересечении российско-китайской границы, лоббируемая администрациями провинции Хэйлуцзян и Амурской области (с целью развития Благовещенска и Хэйхэ), была заблокирована благодаря отрицательной реакции со стороны региональных властей Приморья и Хабаровского края²⁷.

Но если планы по развитию СЭЗ не имели реальной поддержки в Центре, то почему же эта тема не исчезала из дискурса центральной и региональных властей? Ответ видится в следующем: это была как раз та игра, в которую могли играть и региональная, и центральная бюрократия. Если для первых это было одной из уловок для привлечения внимания высшего руководства и ресурсов государства, то для Москвы, как это ни парадоксально, это было способом ухода от решения дальневосточных проблем.

При постоянной нехватке бюджетных средств основным ответом Центра на просьбы губернаторов о финансовой поддержке, были отсылки к необходимости привлекать иностранный капитал. Например, Министерство экономики РФ в 1994 г. так видело решение основных проблем Дальнего Востока:

- разработка особого правового статуса дальневосточных субъектов;
- создание особых таможенных зон;
- внедрение особого режима для иностранных инвесторов;
- формирование закрытых административных образований с особым порядком финансирования²⁸.

Любопытно, что тема СЭЗ на Дальнем Востоке практически исчезает из официального дискурса в 1995–1996 гг., то есть именно тогда, когда Центр в преддверии парламентских и президентских выборов существенно увеличил финансирование регионов. Так, министр экономики РФ Е. Ясин в 1997 г. в совсем не дружеской дискуссии с Е. Наздратенко, обронил, что «во второй половине 1995 — начале 1996 годов усилился поток претензий на дополнительные финансовые ассигнования. К сожалению, многие из них были удовлетворены»²⁹. В серии этих жестов была и президентская Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 годы», активно продвигаемая хабаровским губернатором В. Ишаевым и принятая накануне президентских выборов 1996 г.

На высоком политическом уровне идея организации СЭЗ вновь прозвучала в июле 1997 г. на парламентских слушаниях, посвященных реализации упомянутой программы. Одна из рекомендаций гласила: «Владивосток должен стать торговыми воротами Великой России... Для этого необходимо, чтобы незамерзающий порт Владивосток стал свободной экономической зоной с приоритетными условиями для зарубежных и внутренних инвестиций, крупнейшим центром международной торговли»³⁰. Показательно, что эта идея прозвучала в хорошо знакомом нам контексте неудовлетворительного выполнения заявленных государством амбициозных планов по развитию данной территории.

Однако это была, скорее, риторика законодательного уровня власти — в тот период более оппозиционного президенту и правительству. Отношение же исполнительной власти к подобным проектам, а главное, их аргументация хорошо видны из двух документов. В аналитической записке, подготовленной в 1997 г. заместителем министра внешних экономических связей РФ А. Огурцовым «Об участии России в Туманганском проекте», автор констатировал: развитие зоны идет вяло, прогнозируемых экспертами объемов инвестиций нет. Одновременно он с удовлетворением отмечал: «С повестки дня сняты все характерные для начального этапа *негативные* (курсив авт.) предложения типа создания неких экстерриториальных образований, свободных экономических зон и т.п.»³¹.

Наибольший интерес представляет Заключение от 28 августа 1997 г., принятое комиссией Экспертного совета при Правительстве РФ на материалы о создании международной зоны экономического сотрудничества в районе Благовещенска и Хэйхэ. В этом документе наряду с констатацией, что «зоны подобного типа оказались эффективным инструментом развития в Китае и странах АТР», отмечено, что «до сих пор не найдены способы финансирования президентской программы развития Дальнего Востока»³². И выражено сомнение в полезности проекта: «Не исключено, что на российской территории будет занята китайская рабочая сила, работающая на импортном сырье на основе иностранных технологий и кредитов. При этом предприятия будут работать на российский рынок и не платить налоги в российский бюджет»³³. Мотивы Москвы, ее скептицизм в отношении СЭЗ вполне понятны — в последних, как и в большинстве дальневосточных проектов, было гораздо больше мифопоэтической геополитики, чем просчитанных экономических моделей.

Ни одна из дальневосточных СЭЗ образца 1990-х годов не продемонстрировала успеха. В той же Находке о былых масштабных планах сегодня напоминают разве что несколько зданий гостиниц и бизнес-центров, построенных иностранными инвесторами в ожидании бурного развития этой зоны. Но вопреки этому неудаче государство в начале второго десятилетия 2000-х годов вернулось по инициативе Москвы к идее развивать

Дальний Восток за счет специальных экономических зон (теперь уже в виде ТОРов)³⁴. Это возвращение становится объяснимым, если не упускать из внимания историческую логику дальневосточной политики. Планы по созданию специальных экономических зон в данном регионе порождаются не столько успехами, сколько неудачами реализации масштабных государственных программ развития.

Действительно, ко второй половине 2000-х годов по доле внимания, уделявшегося государством развитию Дальнего Востока, этот регион оказался вторым после Северного Кавказа. В период с 2002 по 2012 гг. наблюдалось более чем 13-кратное увеличение государственных инвестиций в этот регион³⁵. Еще более примечательно, что до 80–90% всех вложений приходилось на две статьи — средства федерального бюджета и внебюджетные источники³⁶. В последнем случае это были, как правило, крупнейшие сырьевые корпорации, подконтрольные государству: «Газпром», «Роснефть», «Транснефть». Перед нами — подход радикально противоположный тому, который провозглашался в 1990-е годы. Разговоры о привлечении иностранного капитала сменились масштабным и целенаправленным государственным финансированием.

Но несмотря на это внимание, подкрепленное щедрым финансированием, задача поставленная Президентом в 2002 г. — удвоить ВРП к 2010 г. и добиться выхода региона на самообеспечение осталась невыполненной³⁷. В 2013 г., когда настало время подводить итоги Федеральной целевой программы по развитию Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 г., выяснилось, что за пять лет полностью реализовано лишь 37% предусмотренных мероприятий³⁸.

На фоне такой результативности государственных вложений Министерство по развитию Дальнего Востока внесло в Правительство проект государственной программы до 2025 г., предполагавшей финансирование из федерального бюджета в сумме 3,8 трлн руб. Эта цифра в разы превосходила финансирование всех прочих действующих программ территориального развития вместе взятых и в 14 раз превышала долгосрочные расчетные возможности бюджета. Дальний Восток все больше походил на некую «черную дыру», когда каждая последующая программа требовала все больших вложений.

После недолгих дискуссий среди министерств и ведомств, а также критики президента в адрес правительства за утверждение финансово необоснованной программы, в дальневосточной политике произошел новый перелом. Не только сменился ее «командный состав» (В. Ишаев был отправлен в отставку со всех постов, министром по развитию Дальнего Востока назначили выходца из бизнес-среды А. Галушку, полномочным представителем президента — Ю. Трутнева), но также произошло переосмысление концепции и методов развития этого региона. Примечательно, что новый подход был озвучен на том же заседании, где премьер-министр Д. Медведев публично признал, что все модели, которые пыталось использовать правительство для ускоренного развития Дальнего Востока, не дали экономического эффекта³⁹.

По своему смыслу территории опережающего развития (ТОРы) напоминают СЭЗ, но разница здесь существенная: первые предполагают больший объем изъятий из российского законодательства, чем когда бы то ни было ранее, что якобы призвано обеспечить глобальную международную конкурентоспособность этих территорий⁴⁰. Но важнее, пожалуй, что ТОРы — это, по сути, проекты, реализация которых будет происходить в режиме ручного управления и плотной работы чиновников из Министерства по развитию Дальнего Востока с каждым инвестором. Так открывается перспектива выработки эффективной модели развития региона на основе конкретного опыта путем устранения препятствий и поощрения стимулов роста местной экономики.

Критерии попадания в территорию опережающего развития: высокая степень готовности проекта, наличие конкретного частного инвестора, обеспечение 8–16 рублей частных инвестиций на 1 рубль бюджетных вложений, наличие рынка сбыта продукции, перспективы роста налоговых поступлений, близость транспортных артерий и трудовых ресурсов.

К настоящему времени уже утверждены 9 ТОР: по две в Приморье, Хабаровском крае и Амурской области; по одной в Якутии, Чукотском автономном округе и Камчатском крае.

Можно ли утверждать, что на новом витке возвращения к проектам создания специальных экономических зон государство учло опыт 1990-х годов? Отчасти да. Теперь такие зоны охватывают не целые города и районы, а небольшие территории, выведенные из-под юрисдикции местных администраций. Это, собственно говоря, не проекты государства, созданные в кабинетах чиновников, но проекты бизнеса, которым государство будет обеспечивать поддержку. С точки зрения сокращения необоснованных амбиций и ухода от красивых абстракций налицо существенный прогресс.

Создание ТОР предполагает конкуренцию с наиболее успешными странами Азиатско-Тихоокеанского региона по условиям ведения экономической деятельности и, следовательно, достижение невиданной в России эффективности администрирования, сокращения или отмены многих контрольных процедур. Для реализации такой модели нужна мощная политическая воля, способная сломить неуступчивость Министерства финансов, сдерживать напор лоббистов с их в общем-то справедливым аргументом, что условия ведения бизнеса должны быть равными.

Не менее важно умение отразить претензии иных территорий на особый статус. К этому подталкивает не только опыт 1990-х годов, но и то, что происходит на наших глазах. Возможность создания ТОРов, изначально задуманных как специфический инструмент развития Дальнего Востока, была распространена в процессе разработки законодательства и на моногорода с перспективой дальнейшего расширения на все территории страны⁴¹. Похожую трансформацию переживает идея свободного порта. Федеральный закон «О свободном порте Владивосток» был подписан 13 июля 2015 г. и еще не вступил в силу, но губернатор Сахалинской области уже выступил за распространение преференциального режима на порты в городах Холмск, Корсаков и Невельск. А несколько позже сам президент с трибуны «Восточного экономического форума» предложил создать режим свободного порта для всех ключевых гаваней Дальнего Востока. Возникает риск размытия преимуществ от специальных экономических зон и потери эффекта от концентрации капиталов и проектов на определенной территории.

В настоящее время главной угрозой успеху ТОРов и Свободного порта видится не спад внимания российской власти к региону (чего обычно опасаются на местах из-за появления таких новых территориальных приоритетов и проектов, как Крым, Экономический пояс шелкового пути) и даже не перспектива истощения государственного кошелька (более чем вероятная), но некоторое «головокружение от успехов» с тиражированием еще не доказавших своей эффективности практик.

-
1. О циклах дальневосточной политики см. подробнее: исторические циклы (до второго десятилетия XX вв.) выделены *А.В. Ремлевым* в работе: Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск, 2004. С. 522–528. Историческая цикличность для второй половины XX в. рассмотрена в работе: *Вацук А.С., Савченко А.Е., Ковалевская Ю.Н. др.* Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего востока (вторая половина XX — начало XXI вв.) Кн. 1. Дальневосточная политика: стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации. Владивосток, 2014. 360 с. Экономические циклы выделены *П.А. Минакиром* в работе: О концепции долгосрочного развития экономики макрорегиона: Дальний Восток // *Пространственная экономика*. 2012. № 1. С. 7–28.
 2. *Савченко А.Е.* Бег на месте. Почему не работают программы развития Дальнего Востока? // *Свободная мысль*. 2014. № 1. (1643). С. 95–108; Политический аспект провала стратегии развития Дальнего Востока в 1987— 991 гг. (на примере Приморского и Хабаровского краев) // *Вестн. ДВО РАН*. 2009. № 5 (147). С. 125–131.

3. См. подробнее: *Скотт Дж.* Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М., 2005. С. 399–400.
4. Это был еще один, но уже международный, продвигаемый под эгидой ООН, проект, рожденный на рубеже 1980-х — 90-х гг. и предполагавший создание особого административного и налогового режима в зоне соприкосновения трех государств: РФ, КНР и КНДР.
5. *Горбачев М.С.* Речь на торжественном собрании, посвященном вручению Владивостоку ордена Ленина. 28 июля 1986 г. // *Горбачев М.С.* Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 4. С. 9–34. С. 17.
6. ГАХК Ф. П-35. Оп. 113. Д. 150. Л. 107.
7. См. например: *Маергойз И.М.* Уникальность экономико-географического положения советского Дальнего Востока и некоторые проблемы его использования в перспективе // *Вестн. МГУ. Сер. 3. Геогр. науки.* М., 1974. № 4. С. 3–9.
8. Государственный архив Приморского края (далее ГАПК) Ф. П-68. Оп. 117. Д. 739. Л. 239.
9. ГАПК. Ф. П — 68. Оп. 117. Д. 833. Л. 1–2.
10. ГАПК. Ф. П — 68. Оп. 117. Д. 833. Л. 5–9.
11. ГАПК. Ф. П — 68. Оп. 117. Д. 1108. Л. 57.
12. Там же. Л. 57, 58.
13. ГАХК Ф. П — 35. Оп. 117. Д. 312. Л. 40.
14. ГАХК Ф. П -35. Оп. 117. Д. 312. Л. 41.
15. *Уваров В.А.* Свободные экономические зоны Востока России. Хабаровск., 1994. С. 51.
16. ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 51. Л. 71–77.; Государственный архив Амурской области (далее — ГААО). Ф. Р-2286. — Оп. 1. Д. 6. Л. 143–44.
17. *Уваров В.А.* Указ. соч. С. 171.
18. ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 53. Л. 95–96.
19. ГААО. Ф. Р — 2286. Оп. 1. Д. 97. Л. 58–59.
20. ГААО. Ф. Р -2286. Оп. 1. Д. 157. Л. 129.
21. ГААО. Ф. Р. — 2286. Оп. 1. Д. 97. Л. 46.
22. О значении данного доклада, оглашенного в 1993 г., свидетельствует тот факт, что в числе его авторов были: *Е. Ясин* (в 1993 г. — руководитель рабочей группы при Председателе Правительства РФ; в апреле 1994 г. — глава Аналитического центра при Президенте РФ; в ноябре 1994 г. — министр экономики РФ); *С. Алексашенко* (в 1993–1995 гг. — заместитель министра финансов РФ)
23. ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 158. Л. 114–15.
24. ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 124. Л. 28. Д. 53. Л. 102.
25. ГАПК Ф. 1694. Оп. 1. Д. 160. Л. 59.
26. Там же. Л. 60.
27. ГААО. Ф. Р — 2286. Оп. 1. Д. 211. Л. 6.
28. ГАРФ. Ф. 10121. Оп. 2. Д. 28. Л. 91.
29. ГАПК Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 518. Л. 118.
30. ГАПК. Ф. Р — 1694. Оп. 1. Д. 501. Л. 259.
31. ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 624. Л. 113.
32. ГААО Р-2286. О. — 1. Д. 319. Л. 74.
33. ГААО Р-2286. О. — 1. Д. 319. Л. 74.
34. Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития Российской Федерации», подписанный президентом В. Путиным в декабре 2014 г., вступил в силу с апреля 2015 г).
35. URL: <http://expert.ru/expert/2012/27/mertvyij-vostok/>.
36. URL: <http://www.assoc.fareast.ru/fe.nsf/pages/realizac.htm>.
37. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия — 2050 / под ред. П.А. Минякина, В.И. Сергиенко. Владивосток, 2011. С. 119.
38. URL: http://minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=861.
39. См. подробнее: Правительственная комиссия по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока. Комсомольск-на-Амуре, Хабаровский край. 24 окт. 2013 г. URL: <http://government.ru/news/77188>.
40. URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=1928.
41. См. Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/.

Охотское море: успех или уступка?

© 2015

П.А. Гудев

Недавнее закрепление прав Российской Федерации на участок континентального шельфа в Охотском море, расположенный за пределами 200-мильной исключительной экономической зоны, осуществилось в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года. В результате наш правовой статус в Охотском море существенно понизился по сравнению с тем, что ранее был закреплен за этим морским регионом в рамках отечественной правовой доктрины. Данная публикация содержит критический анализ происшедшего.

Ключевые слова: Охотское море, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., Комиссия по границам континентального шельфа, исключительные экономические зоны (ИЭЗ), внутренние исторические воды.

Постановление «О континентальном шельфе Российской Федерации в Охотском море»¹, подписанное 15 августа 2015 г. главой Правительства РФ Д. Медведевым, завершило процесс закрепления прав нашей страны на участок морского дна в центральной части Охотского моря примерно в 52 тыс. кв. км. Ряд российских СМИ считал, что центр Охотского моря перестал быть частью Мирового океана, оказался полностью российским, а Охотское море стало внутренним морем России и принадлежит ей теперь целиком. То есть сложилось впечатление, что в мирное время, без объявления войны, в эпоху, когда на всей планете уже практически произошел и получил юридическое закрепление раздел территорий между странами, России каким-то чудесным образом удалось «прирастить» свою территорию. Насколько, с правовой точки зрения, являются обоснованными такие оценки?

Предыстория вопроса. Наше представление (заявка) относительно установления внешних границ континентального шельфа в Охотском море было составной частью общего представления Российской Федерации на установление границ ее континентального шельфа за пределами 200 морских миль в Северном Ледовитом и Тихом океанах, данного нашей страной в Комиссию по границам континентального шельфа (здесь и далее – КГКШ) в 2001 г.²

В отношении части представления, касающейся Охотского моря, КГКШ высказала год спустя ряд рекомендаций, в частности, заявив: «Что касается Охотского моря, то Комиссия рекомендовала Российской Федерации представить вполне документально обоснованную частичную заявку по своему расширенному континентальному шельфу в северной части этого моря... Эта частичная заявка не должна наносить ущерба вопросам, касающимся делимитации границ между государствами на юге»³. Поскольку японцы обратились в КГКШ с просьбой не принимать решения по Охотскому морю, ссылаясь на

Гудев Павел Андреевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. E-mail: gudev@imemo.ru.

наличие «территориального спора» с Россией⁴, КГКШ рекомендовала при рассмотрении нашей заявки урегулировать этот вопрос с Японией.

В 2006 г. в соответствии с рекомендациями КГКШ Россия осуществила в Охотском море дополнительные комплексные геолого-геофизические исследования. В 2006–2010 гг. по этому вопросу была проведена работа с японской стороной. В ходе этих двусторонних консультаций данная проблема была решена взаимоприемлемым образом: было четко показано, что «спорные» острова – Кунашир, Шикотан, Итуруп, Хабомаи (Малая Курильская гряда) – не использовались Российской Федерацией для отсчета ее континентального шельфа в центральной части Охотского моря. В обновленной российской заявке констатировалось: «Ближайшие точки исходных линий, используемых в настоящем представлении, устанавливаются на расстоянии 480 км от района, в котором не осуществлено разграничение морских пространств между Российской Федерацией и Японией»⁵.

Полномочия и роль КГКШ. Многие авторы (включая юристов-международников) неточно излагают в своих публикациях полномочия и роль КГКШ, представляя ее в качестве «органа ООН», наделенного правом принимать обязательные для государств-членов ООН решения в вопросе о внешних границах континентального шельфа. В действительности же это не так: КГКШ не является официальной структурой ООН. Она была создана согласно ст. 76 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., явившейся итоговым документом III Конференции ООН по морскому праву, и представляет собой сугубо технический орган в составе 21 эксперта в сферах морской геологии, геофизики, гидрографии (Ст. 2.1. Приложения II к Конвенции 1982 г.). Ее полномочия ограничены выдачей рекомендаций исключительно в случаях, если то или иное государство хочет на практике реализовать положения ст. 76 Конвенции 1982 г. о проведении границы между своим континентальным шельфом и Международным районом морского дна, являющимся «общим наследием человечества» (ОНЧ).

В ст. 3 Приложения II к Конвенции 1982 г. названы следующие функции КГКШ:

а) рассмотрение представляемых прибрежными государствами данных и других материалов относительно внешних границ континентального шельфа в районах, где эти границы выходят за пределы 200 морских миль, и вынесение рекомендаций в соответствии со статьей 76 и Заявлением о понимании, принятым 29 августа 1980 г. третьей Конференцией Организации Объединенных Наций по морскому праву;

б) предоставление научно-технических консультаций по просьбе заинтересованного прибрежного государства в ходе подготовки данных, указанных в подпункте а)⁶.

Далее в ст. 4 Приложения II Конвенции 1982 г. сказано:

«В случае, если прибрежное государство намеревается установить в соответствии со статьей 76 внешние границы своего континентального шельфа за пределами 200 морских миль, оно представляет Комиссии конкретные данные о такой границе наряду с дополнительными научно-техническими данными в возможно кратчайшие сроки, но в любом случае в течение десяти лет со времени вступления в силу для этого государства настоящей Конвенции. В то же время прибрежное государство указывает имена любых членов Комиссии, которые предоставили ему научно-технические консультации»⁷.

При этом если реализуется другая статья Конвенции 1982 г. – ст. 83 о делимитации континентального шельфа между государствами с противоположными или смежными побережьями – то нет необходимости обращаться за какими-либо рекомендациями к КГКШ (в ст. 9 Приложения II Конвенции сказано, что действия Комиссии «не наносят ущерба вопросам, касающимся делимитации границ между государствами с противоположными или смежными побережьями»)»⁸.

Поскольку анклав в срединной части Охотского моря, получивший за рубежом название «Reaput Hole» (см. рис. № 1), со всех сторон окружен исключительной экономической зоной (ИЭЗ) Российской Федерации, возникает сомнение в целесообразности на-

шего обращения в КГКШ еще в 2001 г. Мог ли здесь вообще быть создан «район общего наследия человечества», какова практика правовой квалификации таких «морских анклавов»⁹, и, соответственно, нужны ли были те финансовые траты, что пошли на проведение соответствующих исследований?

К тому же, важно понимать, что рекомендации КГКШ нельзя рассматривать как некое окончательное решение, с которым государство в любом случае обязано соглашаться и исполнять его. Скорее наоборот, государство в праве само принять финальное решение относительно внешних границ своего континентального шельфа, если оно соглашается с рекомендациями международных экспертов – членов КГКШ. В Приложении II к Конвенции 1982 г. упомянуто о праве любого государства прибегнуть к процедуре пересмотра рекомендаций КГКШ: «В случае несогласия прибрежного государства с рекомендациями Комиссии прибрежное государство в течение разумного периода времени делает пересмотренное или новое представление Комиссии»¹⁰. И если в отношении Охотского моря эти обозначенные моменты можно учитывать в меньшей степени, принимая во внимание положительное рассмотрение доработанной российской заявки, то в отношении Северного Ледовитого океана ими нельзя пренебрегать при отстаивании российской позиции в этом морском регионе.

Рисунок № 1. Анклав в центральной части Охотского моря, именуемый «Peanut Hole».

Восприятие некоторыми экспертами вышеупомянутого промежуточного успеха РФ в Охотском море как «залога» положительного рассмотрения доработанной российской заявки в отношении Северного Ледовитого океана является необоснованным. Ведь в Охотском море после снятия японских претензий не было других государств, оспаривающих статус российского континентального шельфа. В Арктике же заявки, по крайней мере, трех государств – России, Канады и Дании – накладываются друг на друга. Это противоречие требует, как минимум, достижения договоренностей между ними. Масштаб же самих претензий (1,2 млн км со стороны России), интерес к этому морскому региону других внерегиональных игроков, имеющих вполне легальные основания по ознакомлению с текстом поданных заявок и выдвиганию своих комментариев к ним, кардинально усложняет ситуацию. А неопределенность вопроса об участии еще одного арктического игрока – США – в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в свою очередь существенно дискредитирует выбранный РФ подход к решению вопроса о разграничении континентального шельфа в Арктике на основе рекомендаций вышеуказанной Комиссии.

Проблемы суверенитета и юрисдикции в Охотском море. Принципиально необоснованным можно считать утверждение, будто одобрение российской заявки ведет к «увеличению 200-мильной исключительной экономической зоны в Охотском море»¹¹.

200-мильный лимит ИЭЗ есть устоявшаяся норма обычного международного права, закрепленная в Конвенции по морскому праву 1982 г.¹² Ни одно государство не вправе в одностороннем порядке претендовать на расширение своей ИЭЗ за пределы этого пространственного лимита. Некоторые государства лишь не стали вводить данный институт, другие – ограничились сохранением или установлением т.н. рыбоохранной зоны.

В ст. 56 Конвенции 1982 г. права прибрежного государства в ИЭЗ определены следующим образом:

«Прибрежное государство в исключительной экономической зоне имеет:

а) суверенные права в целях разведки, разработки и сохранения природных ресурсов как живых, так и неживых, в водах, покрывающих морское дно, на морском дне и в его недрах, а также в целях управления этими ресурсами, и в отношении других видов деятельности по экономической разведке и разработке указанной зоны, таких как производство энергии путем использования воды, течений и ветра;

б) юрисдикцию, предусмотренную в соответствующих положениях настоящей Конвенции, в отношении: (1) создания и использования искусственных островов, установок и сооружений; (2) морских научных исследований; (3) защиты и сохранения морской среды...».

Соответственно, в ИЭЗ прибрежное государство обладает суверенными правами¹³, которые связаны с эксплуатацией и разработкой ресурсов. Эти права являются исключительными в том смысле, что никто другой не может на них претендовать. Третьи страны лишь имеют доступ к живым ресурсам ИЭЗ в рамках статьи 62 (2) Конвенции.

Помимо этого, в рамках ее ст. 60 прибрежные государства имеют в ИЭЗ ряд исключительных прав:

«1. Прибрежное государство в исключительной экономической зоне имеет исключительное право сооружать, а также разрешать и регулировать создание, эксплуатацию и использование: а) искусственных островов; б) установок и сооружений для целей, предусмотренных в статье 56, и для других экономических целей; в) установок и сооружений, которые могут препятствовать осуществлению прав прибрежного государства в зоне.

2. Прибрежное государство имеет исключительную юрисдикцию над такими искусственными островами, установками и сооружениями, в том числе юрисдикцию в отношении таможенных, фискальных, санитарных и иммиграционных законов и правил, а также законов и правил, касающихся безопасности».

Третьи страны также имеют в ИЭЗ определенные права. Так, ст. 58 (1) Конвенции 1982 г. гласит: «В исключительной экономической зоне все государства как прибрежные, так и не имеющие выхода к морю, пользуются, при условии соблюдения соответствующих положений настоящей Конвенции, указанными в статье 87 свободами судоходства и полетов, прокладки подводных кабелей и трубопроводов и другими правомерными с точки зрения международного права видами использования моря, относящимися к этим свободам, такими как связанные с эксплуатацией судов, летательных аппаратов и подводных кабелей и трубопроводов, и совместимыми с другими положениями настоящей Конвенции»¹⁴. Соответственно, три из шести свобод открытого моря, не имеющие отношения к разработке ресурсов (свобода судоходства, полетов, прокладки кабелей и трубопроводов) применимы к ИЭЗ¹⁵.

Благодаря введению дистанционного критерия, напрямую связанного с концепцией ИЭЗ, 200-мильный лимит континентального шельфа стал нормой обычного международного права¹⁶: вне зависимости от геологических данных, все государства обладают континентальным шельфом в пределах 200 миль от исходных линий. В соответствии с этим Международный суд ООН в деле Ливии и Мальты указал: «Несмотря на то обстоя-

тельство, что континентальный шельф может существовать и там, где нет исключительной экономической зоны, не может быть исключительной экономической зоны без соответствующего с ней континентального шельфа. Исходя из этого, дистанционный критерий должен применяться как по отношению к континентальному шельфу, так и по отношению к исключительной экономической зоне»¹⁷.

Воды анклава в центральной части Охотского моря, находящегося за пределами 200-мильной зоны от исходных линий – так называемый Peanut Hole – могут рассматриваться по своему юридическому статусу как участок открытого моря, в котором действуют все шесть свобод открытого моря (в т.ч. свободы судоходства и рыболовства). Но использование применительно к этому морскому району определения «международные воды»¹⁸ или же «нейтральные воды» – не вполне корректно. Несмотря на то, что эти термины действительно по сути обозначают морские пространства, находящиеся за пределами действия национальной юрисдикции, они не являются конвенционными и не получили закрепления в международно-правовых актах¹⁹.

Регулирование вылова. Статус открытого моря, применимый к этому району Охотского моря, стал главной причиной нерегулируемого вылова в нем морских биологических ресурсов – преимущественно минтая – рыболовными судами ряда государств (Польша, Южная Корея, КНР и др.). По сути дела, приход сюда рыбопромысловых судов этих государств обусловило вступление в силу 16 июня 1994 г. российско-американской Конвенции о сохранении ресурсов минтая и управлению ими в центральной части Берингова моря²⁰. Это соглашение, положившее конец нерегулируемому вылову водных биологических ресурсов в определенном анклав Берингова моря, способствовало переориентации рыбопромысловых судов этих государств на промысел в анклав Охотского моря. Попытки урегулировать эту проблему заканчивались поначалу неудачей: государства, осуществлявшие до этого вылов в анклав Берингова моря, продолжали, за исключением Японии, осуществлять промысел в Охотском море²¹. Первым шагом на пути урегулирования этого вопроса стало заключение в июне 1996 г. правительственного соглашения между РФ и США «О сохранении трансграничных рыбных запасов в центральной части Охотского моря»²². В нем отмечалось, что «... в Охотском море имеется анклав, расположенный за пределами 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря Российской Федерации, ниже именуемый "центральная часть Охотского моря", которая составляет 2,7 проц. общей площади Охотского моря, и полностью окружен исключительной экономической зоной РФ». А также: «Правительство США признает и соблюдает меры, принятые Российской Федерацией по сохранению ресурсов минтая и управлению ими в Охотском море, включая его центральную часть. Эти меры являются едиными для всего ареала биологического обитания запасов минтая в Охотском море и основываются на наиболее достоверных научных данных (Статья 2). При этом «в целях сохранения ресурсов минтая в Охотском море граждане и рыболовные суда, плавающие под флагом Российской Федерации или флагом Соединенных Штатов Америки, воздерживаются от промысла в центральной части Охотского моря...» (Ст. 3. 1).

Статья 5 Соглашения гласит: «Стороны привлекают внимание любой третьей стороны к любому вопросу, относящемуся к рыболовным операциям, осуществляемым ее гражданами, резидентами или судами под ее флагом, которые могли бы отрицательно повлиять на долгосрочное устойчивое использование ресурсов минтая Охотского моря» (пункт 1). «Стороны в соответствии с международным правом поощряют любую третью сторону уважать меры по сохранению запасов минтая и управлению ими в Охотском море, принятые Российской Федерацией» (пункт 2).

Однако, несмотря на полученную Россией поддержку со стороны США в регулировании промысла в анклав, рыбопромысловые суда Польши, Южной Кореи и Китая не спешили уходить из центральной части Охотского моря. В результате РФ начала сворачивать отношения с этими странами в области рыболовства, введя квотирование промысла (на

платной основе) в российской 200-мильной исключительной экономической зоне по межправительственным соглашениям²³. Такое сотрудничество стало единственной альтернативой в борьбе с нерегулируемым промыслом в центральной части Охотского моря²⁴.

Параллельно с этим ситуация с Охотским морем обсуждалась в рамках ООН, где прошла Конференция по трансграничным запасам и запасам далеко мигрирующих рыб. В тексте «Соглашения об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., касающихся сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими»²⁵ появилась статья относительно районов открытого моря, полностью окруженных зоной под национальной юрисдикцией того или иного прибрежного государства. Так, в статье 16, в частности, указано, что страны, осуществляющие промысел трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб в районе открытого моря, полностью окруженном районом под национальной юрисдикцией какого-либо одного государства, сотрудничают с ним во введении мер по сохранению этих запасов и управлению ими в данном районе открытого моря. Более того, им надлежит уделять особое внимание «введению сопоставимых мер по сохранению таких запасов и управлению ими в соответствии со статьей 7». При этом меры, введенные в отношении открытого моря, «принимают во внимание права, обязанности и интересы прибрежного государства по Конвенции, основываются на наиболее достоверных имеющихся научных данных, а также учитывают любые меры по сохранению и управлению, принятые и применяемые прибрежным государством в районе под его национальной юрисдикцией в отношении тех же запасов в соответствии со статьей 61 Конвенции...».

Если в течение разумного периода времени соответствующие ведущие промысел государства и прибрежное государство не в состоянии достичь договоренности о таких мерах, соответствующим государствам надлежит принимать меры в отношении судов, плавающих под их флагом, с тем чтобы они не вели промысла, который может нанести ущерб запасам, о которых идет речь²⁶.

Следует учитывать, что впервые задача защиты морских живых ресурсов открытой части Мирового океана была сформулирована еще в Конвенции о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря 1958 г. Рыболовная деятельность в открытом море была объявлена в ней неотъемлемым правом любого государства. Но отмечалось и то, что рыбный промысел в открытом море может неблагоприятно отражаться на запасах и состоянии морских живых ресурсов в зоне территориального моря прибрежных стран. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. в ст. 116 подтвердила существование «особых интересов» прибрежного государства при осуществлении рыболовной деятельности в зонах открытого моря. То есть, было признано, что абсолютное применение принципа свобод открытого моря несет в себе определенный риск в отношении сохранения биоразнообразия. Было подтверждено правило, по которому реализация принципа свободы открытого моря должна быть согласована с необходимостью защиты морских живых ресурсов²⁷.

Вылов трансграничных видов в открытом море напрямую сказывается на популяции этих запасов в ИЭЗ. Прибрежные государства, заинтересованные в освоении того или иного вида в граничащем с их ИЭЗ участке открытого моря, традиционно считали появление там рыбопромысловых судов других государств как нарушение интересов их рыболобывающего флота²⁸. С целью урегулирования этих противоречий в 1995 г. было принято Соглашение об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г., которые касаются сохранения трансграничных рыбных ресурсов и запасов далеко мигрирующих рыб. Его основная идея: нерегулируемый промысел способен повлечь серьезные нарушения в морских экосистемах, истощение отдельных видов морских живых ресурсов.

Один из недостатков Конвенции 1982 года в целом, как и Соглашения 1995 года в частности, состоит в том, что все их положения о необходимости межгосударственного сотрудничества в целях сохранения живых ресурсов открытого моря весьма расплывча-

ты. Что же касается анклава Охотского моря, то окончательное решение проблемы требует, видимо, заключения двусторонних соглашений по этому анклаву со всеми заинтересованными сторонами³⁰.

Российская заявка в КГКШ и правовой статус Охотского моря. Одобрение повторной российской заявки³¹ в Комиссии по границам континентального шельфа никоим образом не меняет правовой статус вод центральной части Охотского моря. Рассуждения о том, что одобрение Комиссией российских данных привело к распространению суверенитета юрисдикции на всю акваторию Охотского моря, – не более чем фикция. Положительное решение Комиссии, принятое в 2014 г., означает лишь, что на участок континентального шельфа, расположенный за пределами 200-мильной зоны, теперь распространены суверенные права РФ в области разведки и разработки его природных ресурсов, при этом порядок использования вод покрывающих такой «расширенный» участок континентального шельфа, не затрагивается.

Соответственно наша страна получила исключительное право разрабатывать минеральные и другие неживые ресурсы морского дна и его недр, а также живые организмы, относящиеся к «сидящим видам» (организмы, которые в период жизни возможен их промывка, либо находятся в неподвижном состоянии на морском дне или под ним, либо не способны передвигаться иначе, как находясь в постоянном физическом контакте с морским дном или его недрами). Право по расширению площади континентального шельфа за пределы 200-мильной зоны в случае, если подводная окраина материка простирается за этот пространственный предел, прописаны в Конвенции 1982 г. и основаны на соответствия определенным геологическим и пространственным критериям.

Однако установление внешних границ континентального шельфа никоим образом не может затрагивать правовой статус поверхлежащих над континентальным шельфом вод. Акватория района Reapit Hole в рамках такого подхода будет продолжать оставаться открытым морем. Не совсем понятны в таком случае декларативные заявления некоторых экспертов и представителей федеральных органов исполнительной власти, что Охотское море в результате отнесения дна анклава к континентальному шельфу РФ будет окончательно признано международным сообществом как ее внутреннее море.

Конвенция 1982 г. не содержит такой правовой дефиниции, как «внутреннее море». Данное понятие – в большей степени географическое, чем правовое. Оно означает, что такое море окружено берегами исключительно одного государства и на него может быть распространён конвенционный режим внутренних вод, которые, в свою очередь, находятся под полным суверенитетом государства³².

По мнению некоторых авторов³², хотя Охотское море действительно перекрыто по большей части исключительной экономической зоной РФ, однако в южной его части, возле японского острова Хоккайдо, имеется полоса территориального моря и исключительной экономической зоны Японии. Это обстоятельство не позволяет считать Охотское море внутренним морем РФ и распространить российский суверенитет в т.ч. и на анклав Reapit Hole, закрыв его для осуществления любых видов морехозяйственной деятельности со стороны иностранных государств и, прежде всего, от зарубежных рыбаков.

Если четко следовать логике Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (ст. 122), то Охотское море может считаться полузамкнутым, т.к. окружено двумя государствами, состоит главным образом из территориальных морей и исключительных экономических зон России и Японии, отделено от Тихого океана о-вом Хоккайдо, цепью Курильских островов и полуостровом Камчатка, проливами Невельского, Татарским и Лаперуза; оно соединяется с Японским морем, а Курильскими проливами – с Тихим океаном³³. В рамках этого правового статуса Россия и Япония имеют определенные преимущественные права в отношении Охотского моря. В частности, они вправе координировать управление живыми ресурсами, принимать меры по их сохранению, разведке и эксплуатации; координировать проведение научных исследований; принимать определенные меры в области защи-

ты и сохранения морской среды; приглашать, когда это целесообразно, другие государства для реализации вышеуказанных мер (ст. 123 Конвенции 1982 г.). Таким образом, статус полузакрытого моря позволяет в той или иной степени решить проблему сохранения и защиты рыбных запасов, а упоминавшееся выше Соглашение 1995 г. по трансграничным запасам – стать основой создания здесь региональных механизмов по регулированию вылова.

Однако данная модель регулирования, вероятно применимая к этому морскому региону, есть значительная уступка по сравнению с правовым статусом Охотского моря, который был закреплен в отечественной правовой доктрине и от которого зачем-то необоснованно отказались. Так, наряду с рядом других морских пространств (Белое море, залив Петра Великого и др.) Охотское море было отнесено к «историческим водам». Исторические воды, согласно международному праву, находятся под территориальным суверенитетом прибрежного государства³⁴. Этот статус Охотского моря практически никто не оспаривал, оно традиционно считалось районом национальных интересов нашей страны.

Несмотря на это, в 2001 г., в инициативном порядке была подана заявка в КГКШ в отношении центральной части Охотского моря, что фактически свидетельствовало о сознательном намерении понизить действующий статус этого морского района со статуса государственной территории (исторических вод) до статуса района, в котором Россия осуществляет лишь исключительные права в целях разработки природных ресурсов континентального шельфа (т. е. права, которые нашей стране принадлежали и ранее). Тем самым при формировании российской позиции в данном вопросе не были учтены должным образом исторически сложившиеся правооснования, дающие значительные преимущества нашей стране.

Одной из причин такой «инициативы» является, по нашему мнению, стремление сводить действующее международное морское право исключительно к положениям Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Подобная практика ведет к тому, что статус морских пространств (как в Северном Ледовитом океане, так и в Охотском море), которые традиционно, в силу международного обычного права, входили в сферу интересов прибрежных к ним государств, может быть существенно принижен и в значительной степени подчинен интересам других, не прибрежных участников международного сообщества. Не случайно, что именно на беспрекословном применении положений Конвенции 1982 г., в частности, к Арктике настаивают как отдельные внерегиональные государства (Китай), так и такие наднациональные структуры как ЕС и НАТО.

* * *

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что на поставленный в заголовке вопрос следует ответить следующим образом: подачу заявки в КГКШ относительно расширения российского континентального шельфа в Охотском море с последующим утверждением ее данной Комиссией следует рассматривать не как «успех», а скорее как одностороннюю, ничем не спровоцированную уступку существенной части прав Российской Федерации в данном районе³⁵. И это при том, что другие государства (США, Норвегия, Швеция, Канада, Австралия, Китай), в т.ч. участвующие в Конвенции 1982 г., последовательно отстаивают свое право по квалификации тех или иных морских пространств в качестве своих исторических вод и не собираются отказываться от этой практики, как это в одностороннем порядке сделала Российская Федерация в отношении центральной части Охотского моря.

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 августа 2015 г. № 845 «О континентальном шельфе Российской Федерации в Охотском море» // Рос. газ. 2015. 28 авг. Федеральный вып. № 6763.

2. Commission on the Limits of the Continental Shelf (CLCS) outer limits of the continental shelf beyond 200 nautical miles from the baselines: Submissions to the Commission: Submission by the Russian Federation. Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/submission_rus.htm (дата обращения: 25.09.2015).
3. Мировой океан и морское право. Доклад Генерального секретаря. 8 окт. 2002 г. A/57/57/Add.1. §38–41. Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/depts/los/general_assembly/general_assembly_reports.htm (дата обращения: 25.09.2015).
4. Reaction of States to the submission made by the Russian Federation to the Commission on the Limits of the Continental Shelf. Japan. Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/rus01/CLCS_01_2001_LOS_JPNtext.pdf (дата обращения: 25.09.2015).
5. Пересмотренное частичное представление Российской Федерации в Комиссию по границам континентального шельфа в отношении континентального шельфа в Охотском море. Ч. 1. Резюме. 2013 г. Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/rus01_rev13/part_1_Rezume_MID.pdf (дата обращения: 25.09.2015).
6. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. Официальный сайт ООН. Раздел «Конвенции и Соглашения». URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/lawsea.shtml (дата обращения: 26.09.2015).
7. Там же.
8. Там же.
9. *Вылегжанин А.Н., Молодцов С.В.* Анклавы открытого моря и международное право // Моск. журн. международ. права. 1993. № 2. С. 39–52.
10. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. Официальный сайт ООН. Раздел «Конвенции и соглашения». URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/lawsea.shtml (дата обращения: 26.09.2015).
11. ООН рассмотрит заявку РФ на расширение экономической зоны в Охотском море // Рос. газ. 2013. 20 авг.
12. *Барсегов Ю.Г.* Мировой океан: право, политика, дипломатия. М.: Международ. отношения, 1983. С. 134–166; *Вылегжанин А.Н.* Морские природные ресурсы (международно-правовой режим). М.: СОПС РАН, 2001. С. 78–85.
13. Эти суверенные права не следует отождествлять с территориальным суверенитетом, действующим в территориальном море и внутренних водах.
14. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г....
15. *Rothwell D.R., Stephens T.* The International Law of the Sea. Oxford-Portland: Hart Publishing, 2010. P. 168.
16. Так, например, Международный суд ООН подтвердил признание положений ст. 76 (1), закрепляющей право на 200-мильный континентальный шельф, в качестве действующей нормы обычного международного права в деле между Никарагуа и Колумбией от 12 ноября 2012 года. См.: International Court of Justice. Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. Territorial and Maritime Dispute (Nicaragua v. Colombia). Judgment of 19 November 2012. §118 Официальный сайт Международного суда ООН. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/124/17164.pdf> (дата обращения: 14.09.2015).
17. Case concerning the Continental Shelf (Libyan Arab Jamahiriya/Malta). International Court of Justice. Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. Judgment of 3 June 1985. ICJ Report 1985. §34. Официальный сайт Международного суда ООН. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/68/6415.pdf> (дата обращения 18.08.2015).
18. Наше, Охотское! // Труд. 2013. 19 нояб.
19. Военно-морской энциклопедический словарь / Под ред. Куроедова В.И. М.: Стерлинг Груп С.А., 2002. С. 690.
20. Конвенции о сохранении ресурсов минтая и управлении ими в центральной части Берингова моря. Северная Пасифика. URL: <http://npacific.kamchatka.ru/np/sovproblem/law/zakon/berkon.htm> (дата обращения 19.08.2015).
21. *Зилянов В.К.* Тайны рыболовной дипломатии. М.: Алгоритм, 2013. С. 326.
22. Правительство Российской Федерации. Постановление от 07.03.95 № 236 «О подписании Соглашения между правительством Российской Федерации и правительством Соединенных

- Штатов Америки в отношении сохранения трансграничных рыбных запасов в центральной части Охотского моря». URL: <http://zakon.law7.ru/base29/part9/d29ru9025.htm> (дата обращения 19.08.2015).
23. Международное сотрудничество в области рыболовства. Сайт Федерального агентства по рыболовству. URL: <http://fish.gov.ru/activities/Pages/IntCooper.aspx> (дата обращения 21.08.2015).
 24. *Зиланов В.К.* Тайны рыболовной дипломатии. М.: Алгоритм, 2013. С. 327.
 25. Соглашения об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими. Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/CONF.164/37> (дата обращения 21.08.2015).
 26. Там же.
 27. *Floitt Catherine.* Reconsidering Freedom of the High Seas: Protection of Living Marine Resources on the High Seas // J.M. Van Dyke, D. Zaelke and G. Hewison (eds), *Freedom for the Seas in the 21st Century: Ocean Governance and Environmental Harmony*. Washington, DC: Covelo; California: Island Press, 1993. P. 310–320.
 28. *Burke W.T.* Unregulated high seas fishing and ocean governance // J.M. Van Dyke, D. Zaelke and G. Hewison (eds). *Freedom for the Seas in the 21st Century: Ocean Governance and Environmental Harmony*. Washington, DC: Covelo, California. Island Press, 1993. P. 235.
 29. *Goltz G.* The Sea of Okhotsk Peanut Hole: How the United Nations Draft Agreement on straddling stocks might preserve the pollack fishery // *Pacific Rim Law and Policy Journal*. 1995. № 2 (vol.4). URL: <http://digital.law.washington.edu/dspace-law/bitstream/handle/1773.1/944/4PacRimLPolyJ443.pdf?sequence=1> (дата обращения 21.08.2015).
 30. Пересмотренное частичное представление Российской Федерации в Комиссию по границам континентального шельфа в отношении континентального шельфа в Охотском море. Ч. 1. Резюме. 2013 г. Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/rus01_rev13/part_1_Rezume_MID.pdf (дата обращения 21.08.2015).
 31. Военно-морской энциклопедический словарь / Под ред. Куроедова В.И. М.: Стерлинг Груп С.А., 2002. С. 866.
 32. *Михайлов В.С.* Проблема заключения мирного договора с Японией с точки зрения международного права // *Вестн. ДВО РАН*. 2005. № 4. С. 33.
 33. Географический энциклопедический словарь / Гл. ред. Котляков В.М. М.: Большая рос. энциклопедия, 2003. С. 559.
 34. Международно-правовая квалификация морских районов в качестве исторических вод (теория и практика государств) / Под ред. А.Н. Вылегжанина. М.: МГИМО, 2012.
 35. *Мелков Г.М.* Международно-правовое оформление внешних границ континентального шельфа РФ // *Газовая промышленность*. 2014. Спец. вып. [1]. С. 94; *Мелков Г.М.* К вопросу о статусе Печорского и Охотского морей // *Моск. журнал междунар. права*. 2014. № 4. С. 40–55.

Государство и общество

Положение народа наси в КНР в первое десятилетие политики реформ и открытости

© 2015

Ю.А. Грачева

Положение малочисленных народов в многонациональных государствах — одна из наиболее актуальных научных тем в современных общественных науках. Проблемы внутригосударственных конфликтов, национальной самоидентификации, сохранения разнообразия материальной и духовной культуры национальных меньшинств лежат в плоскости отношений между государством, титульной нацией и малочисленными народами, в данном конкретном случае — между хань и наси. В представленной статье рассмотрены новые тенденции, наметившиеся в 1980-е годы в государственной политике КНР в отношении национальных меньшинств, и непосредственно связанное с этим начало процесса позитивных изменений в жизни наси после серьезных потрясений, пережитых этим народом в предыдущие десятилетия.

Ключевые слова: наси, национальные меньшинства КНР, государственная национальная политика.

Наси — тибето-бирманский народ, одно из 55 официально признанных национальных меньшинств КНР, большая часть которого проживает в провинции Юньнань (Лицзян-Насийский автономный уезд, уезды Вэйси, Чжундянь, Нинлан, Дэцин, Юншэн, Хэцин, Цзяньчуань и Ланьпин), а также в провинции Сычуань (уезды Яньюань, Яньбянь и Мули) и в Тибетском автономном районе в уезде Манкан. По переписи 2010 г. численность наси составляла 326 295 человек, а в начале проведения политики реформ и открытости — 245 154 человека (перепись 1982 г.) Язык наси принадлежит к лоло-бирманской группе тибето-бирманских языков. Основная религия — тибетский буддизм, но также широко распространены сохранившиеся традиционные верования дунба.

История наси насчитывает около 2000 лет. Практически с древности Лицзян становится политическим, экономическим и культурным центром наси, пройдя разные этапы взаимоотношений с властями императорского Китая. На протяжении длительного времени правящий клан Му, получивший «право официального правления» от Хубилая в 1278 г., вел довольно самостоятельную политику, лишь формально подчиняясь центру. При династии Цин (1644–1911) давление культуры хань на Лицзян усиливалось, однако только на уровне высших слоев общества. В целом же XVIII—XIX века ознаменовались расцветом культуры дунба. XX столетие принесло народу наси, как и всему Китаю, по-

трясения революций и войн. На период Китайской Республики приходится пик исследований истории народа наси и культуры дунба иностранными учеными, самым крупным из которых был Джозеф Рок (1884–1962)¹, однако научная деятельность была прекращена сначала из-за антияпонской, а затем гражданской войны между гоминьданом и КПК.

1 июля 1949 г. НОАК вступила в Лицзян и установила там власть КПК. В апреле 1961 г. был образован Лицзян-Насиский автономный уезд. Жизнь наси подверглась серьезным изменениям, особенно уязвимой оказалась культура дунба в условиях формирования новой государственной атеистической идеологии. Наиболее драматичным стал период «культурной революции», когда велось не только преследование, но и уничтожение последователей религии дунба², в результате чего был утерян большой пласт культуры народа наси³.

После «культурной революции» политика в отношении нацменьшинств стала меняться. Начиная с 1980-х годов стала восстанавливаться и сохраняться традиционная культура наси.

Изменения идеологических подходов к решению национального вопроса начали постепенно намечаться в 1978 г. На переломном этапе истории страны происходил возврат к прежней политике государства в отношении национальных меньшинств, к принципам и положениям, декларированным в Конституции 1954 г.⁴ Как отмечал известный отечественный китаевед А.А. Москалев, «первые признаки выработки новой оценки места и роли национального вопроса в иерархии политических задач наметились на 6-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (1981 г.)»⁵ Происходило восстановление существовавших прежде и учреждение новых органов власти разных уровней, в ведении которых были дела национальных меньшинств. Первым в 1978 г. был восстановлен Госкомитет КНР по делам национальностей⁶, который был учрежден в октябре 1949 г., а затем упразднен в июне 1970 г. в ходе «культурной революции»⁷. В 1980 г. был учрежден Комитет по делам национальностей провинции Юньнань, а затем и его ведомство в Лицзяне.

После того как были созданы основные органы власти, в ведении которых находились дела национальностей, наступило время принятия новых законодательных актов, определявших положение национальных меньшинств в КНР, в том числе и наси. Хотя процесс законотворчества в отношении народа наси, его материального и духовного культурного наследия особенно активизировался в 1990-е и 2000-е годы, начало ему было положено именно в первое десятилетие политики реформ и открытости.

В первые десятилетия Китайской Народной Республики правовой статус автономных образований регулировался Конституцией КНР 1954 г. и Законом КНР о районной национальной автономии 1964 г. Из Конституций 1975 г. были исключены статьи о принципах государственной национальной политики, содержавшиеся в предыдущей конституции. Они были восстановлены в Конституции 1978 г. Общие положения по национальному вопросу ныне действующей Конституции КНР (1982 г.), гарантирующие законные права и интересы всех национальных меньшинств, отражены в ст. 4, а в разд. 6 (ст. 112–122) определяются цели и характер деятельности органов самоуправления в районах национальной автономии⁸. Следующим шагом стал Закон о национально-территориальной автономии в Китайской Народной Республике, принятый 2-й сессией Всекитайского собрания народных представителей 31 мая 1984 г. Закон состоял из 7 статей и 67 пунктов. Он декларировал защиту интересов национальных меньшинств КНР, сохранение и развитие их духовной и материальной культуры, а также повышение уровня жизни в целом. Например, п. 50 гласит: «Органы самоуправления в национальных автономных районах содействуют проживающим на данной территории остальным национальным меньшинствам, учреждают соответствующие места самоуправления или национальные волости. Местные органы самоуправления национального автономного района содействуют каждому народу, проживающему на данной территории, в сфере развития экономики, образования, науки, культуры, санитарии и физического воспитания»⁹.

После вступления в силу вышеупомянутого Закона его основные положения начали конкретизироваться и дополняться в соответствующих актах, разработанных применительно к отдельным районам национальной автономии. В апреле 1986 г. в Лицзян-Насийском автономном уезде на 3-й сессии СНП 8-го созыва был утвержден проект Положения об автономии Лицзян-Насийского автономного уезда, в том же году в этот документ были внесены поправки. Окончательно Положение вступило в силу в 1990 г. В его разработке были учтены особенности политики, экономики и культуры данного района, о чем говорится в п. 1, ст. 1 документа. Было определено, что число представителей народа наси должно составлять более половины общего количества членов собрания народных представителей автономного уезда, а председатель или заместитель председателя автономного уезда также должны быть из числа наси (п.16, ст. 2). В работе департамент автономного уезда может использовать как китайский язык, так и язык наси или других национальностей, однако все официальные документы должны издаваться на китайском языке (п.19, ст. 2). Данное положение также уделяет много внимания сохранению и развитию духовной и материальной культуры народа наси. В ст. 6 данного Положения содержатся 60 пунктов об охране, исследовании и оказании помощи в развитии и популяризации культуры наси. Например, п. 56 гласит, что «департамент автономии должен уделять пристальное внимание изучению и переводам ценного наследия культуры дунба, принадлежащего древней культуре наси». В п. 59 говорится о необходимости бережного отношения к традиционной медицине наси, а также о важности исследований в этой области. В п. 63, ст. 7 прописаны проведение ежегодного традиционного праздника наси «Саньдо» и необходимость уважения к народным традициям. Также в этом положении говорится о поддержке развития образования с учетом национальных особенностей малых народов, о чем пойдет речь ниже¹⁰.

С середины 1980-х годов местное правительство начинает принимать меры по охране и развитию района горы Юйлун, которая играет центральную роль в культе природы, с которой связаны многие мировоззренческие положения религии дунба. Кроме того, гора Юйлун, покрытая древним ледником, является уникальным природным памятником, богатым разнообразными видами растений. В 1984 г. правительство провинции Юньнань объявило гору Юйлун природной охраняемой территорией уровня провинции, а в 1988 г. Госсовет КНР присвоил ей статус важнейшей живописной местности государственного значения. Меры, предпринимаемые в 1980-е годы для усиления контроля над данным районом, его окружающей средой, а также продвижение научных исследований горы Юйлун как природного, так и культурного памятника, являющегося частью жизни народа наси, в конечном итоге привели к принятию в 1993 г. Положения об управлении Юйлун сюэшань Лицзян-Насийского автономного уезда. Согласно п. 4, ст. 1 учрежден Комитет по управлению Снежной горой Юйлун Лицзян-Насийского автономного уезда, в обязанности которого входит контроль за охраной и бережным использованием ресурсов данной территории, а также, в соответствии с государственными планами ускорения экономического развития национальных районов, создание высокотехнологичного и экологического туризма¹¹.

В 1986 г. Госсоветом КНР Лицзян был объявлен знаменитым историко-культурным городом государственного значения. В 1992 г. было решено составить проект Положения об управлении охраной историко-культурного города Лицзяна, которое было принято в 1994 г. Оно касается охраны Старого города Лицзяна, его исторических памятников архитектуры, а также народного искусства и древнего культурного наследия наси. В этом документе перечислены все памятники Старого города Лицзяна, начиная от храмов и дворца клана Му и заканчивая водными каналами, которые пересекают весь город; в каждой статье указывается, что все меры, направленные на охрану, сбережение, развитие и реконструкцию памятников, должны проводиться экологическими методами. Данный

район признан ценным природным памятником. В этом документе, как и во всех предыдущих, указывается важность сохранения и развития культуры дунба¹².

Основные плоды перечисленные выше законоположения стали приносить начиная с 1990-х годов. Реализация поставленных в них задач во многом способствовала успешному восстановлению культуры народа наси, особенно материальных памятников. Положение об управлении Юйлун сюэшань Лицзян-Насийского автономного уезда и Положение об управлении охраны историко-культурного города Лицзяна в огромной степени способствовали развитию туризма как в Лицзяне, так и в провинции Юньнань в целом, что в дальнейшем положительно сказалось на экономическом развитии региона. Что же касается духовной стороны культуры наси, а также проблем образования и науки, то здесь большую роль сыграло Положение об автономии Лицзян-Насийского автономного уезда, давшее зеленый свет проведению более гибкой политики в отношении нацменьшинств.

Особенности языковой политики государства в отношении национальных меньшинств характеризуют отношение власти к малым народам в целом, а также служат показателем уровня развития общества. Осуществляя политику реформ и открытости, государство сделало шаг навстречу национальным меньшинствам КНР, поддерживая развитие и использование их родных языков. В п. 10 Закона о национально-территориальной автономии в Китайской Народной Республике говорится, что «органы самоуправления национальных автономных районов гарантируют свободу использования и развития речи и письма каждого национального меньшинства, проживающего на их территории, а также свободу сохранения или обновления их обычаев и привычек». Кроме того, во время исполнения служебных обязанностей органы самоуправления могут использовать один или несколько языков, которые наиболее широко распространены среди народов данного автономного района (п. 21)¹³. Соответственно все вышеперечисленные права в отношении использования языков национальных меньшинств были прописаны в Положении об автономии Лицзян-Насийского автономного уезда, однако при этом в п. 19 есть, на наш взгляд, ограничительное уточнение о том, что официальные документы должны быть написаны на китайском языке, а в п. 26 указывается на то, что все судебные разбирательства ведутся на китайском языке, а в случае если одна из сторон таковым не владеет, то необходимо прибегать к помощи переводчика¹⁴.

В то время, когда начали проводить новую языковую политику, наси еще не имели своей собственной письменности, поэтому в 1980-х годах продолжились исследования касательно использования письменности дунба и языка наси, а также возможности создания новой письменности. Впервые этим вопросом стали заниматься в 1956 г., когда 3-я рабочая группа по исследованию языков национальных меньшинств из Академии наук Китая совместно с рабочим комитетом, занимавшимся вопросами языков и литературы национальных меньшинств провинции Юньнань, провели исследование условий использования языка и письменности народа наси. На основе собранных материалов в 1957 г. был создан Проект письменности наси, в котором западный диалект языка наси был взят в качестве базового, а произношение наречия уезда Лицзян условно считали за образец. В соответствии с «Пятью принципами разработки проектов письменности национальных меньшинств», принятыми Госсоветом КНР в том же 1957 г., алфавит языка наси был создан на основе латиницы и включил в себя 26 букв¹⁵. Тогда же Проект прошел обсуждение на Научной конференции языков и письменности национальных меньшинств провинции Юньнань в Куньмине, однако уже в 1958 г. воплощение его в жизнь было приостановлено¹⁶: в ноябре этого года в Лицзяне началась борьба против «местного национализма», когда многие представители наси, работавшие в партийных структурах, были необоснованно обвинены в «местном национализме», объявлены «правыми элементами», а также «антипартийными и антисоциалистическими элементами»¹⁷. Работа над Проектом письменности наси вновь продолжилась только в 1981 г., когда Комитет по делам нацио-

нальных меньшинств провинции Юньнань совместно с Комитетом по вопросам национальностей в районе Лицзян внесли в него поправки и окончательно утвердили.

С этого времени новая письменность наси начинает активно использоваться в повседневной жизни. С 1982 г. с помощью нового алфавита на языке наси издается газета «Лицзян жибао»¹⁸, выпуск которой продолжался до 2003 г. Сейчас существует электронная версия этой газеты, но уже на китайском языке. История этой газеты показывает, в каком трудном положении оказалась новая письменность: читателей произведений на языке наси, оказалось не так уж много. В конечном счете, содержание газеты свелось к общим статьям по рабочим вопросам и местным новостям. В 1985 г. китайский социолог Фэй Сяотун высказал мысль о том, что для малочисленных, не имеющих своей письменности национальных меньшинств, возможно, нет необходимости создавать новую письменность, когда они могут использовать китайские иероглифы или письмо «братских им народов», что будет гораздо полезнее для них¹⁹. Безусловно, подобное высказывание было сделано в пользу титульной нации, а не нацменьшинств, и отражало общую внутривнутриполитическую тенденцию к ханизации.

В то же время языки национальных меньшинств вновь начинают вызывать интерес в научных кругах, а изыскания, начатые еще в 1950-е годы, получают свое продолжение. В этот период проводятся исследования пиктограмм дунба, диалектов языка наси, а также пишутся работы в защиту использования родного языка национальными меньшинствами²⁰. В 1988 г. в Лицзяне в отделении исследований культуры дунба Академии общественных наук провинции Юньнань состоялась Научная конференция по речи и письму народа наси, в которой приняли участие более 40 ученых из разных городов КНР. На конференции обсуждались вопросы происхождения, особенностей языка и письменности наси, а также их взаимосвязь с языками и письменностью соседних народов²¹.

Реализация языковой политики не может существовать отдельно от политики образовательной. Здесь мы можем выделить два типа проблем: во-первых, уровень грамотности населения в целом; во-вторых, использование родного языка национальных меньшинств в образовании. Первый тип проблем очень широкий и затрагивает вопросы не только борьбы с неграмотностью среди всех слоев населения, но и повышения уровня культуры и жизни в целом, а также консолидации многонационального общества, его сплочения в соответствии с доктриной китайской нации (*чжунхуа миньцзу*). Второй тип проблем относится к сохранению этнической самобытности, самосознания и развитию национального меньшинства в условиях постоянного контакта с окружающей средой, которая зачастую является транслятором материальной и духовной культуры доминирующего большинства (титульной нации). Разумная языковая образовательная политика, направленная на поддержание использования и развития языков национальных меньшинств, способствует сохранению хрупкого баланса между государством, которое, как правило, представлено титульной нацией, и малыми народами, позволяет избежать напряженных отношений и конфликтных ситуаций между ними. Поэтому данный вопрос очень важен для любого многонационального государства, и КНР не является исключением²².

Как отмечает исследователь языка наси Цзян Чжуи в своей статье «Обзор языка наси», в 1980-е годы основным языком для коммуникации между представителями этого народа был их родной язык. Наси, проживающие в районах с преобладанием других народов, говорили также и на других языках — тибетском, и, лису, бай. Китайским языком владели в основном люди молодого возраста, а также служащие в органах власти. Наси, проживающие в городе Лицзян, практически все владеют китайским языком, многие умеют писать. Более того, китайский язык преподается в средних школах, и, таким образом, молодое поколение впитывает его через учебную среду²³.

С начала 1980-х годов правительство начинает вести активную борьбу с неграмотностью, одновременно предпринимая шаги по популяризации письменности языков

нацменьшинств. В период с 1984 по 1989 гг. в Лицзян-Насийском автономном уезде было мобилизовано свыше 1220 преподавателей для ликвидации неграмотности среди нацменьшинств, говорящих на языках наси, мяо-яо и ицзу²⁴. В 1981 г. начала действовать первая Национальная начальная школа в уезде Лицзян. В 1982 г. появляется Национальная неполная средняя школа, а в 1987 г. это учебное заведение было повышено до уровня средней школы. В 1988 г. эта школа по решению Госсовета КНР была удостоена звания «Передовой группы единства национальностей и прогресса»²⁵. В начале 1990-х годов наси составляли около 60% студентов данной школы, 20 из 23 преподавателей также были наси. С 1985 по 1991 гг. мальчики составляли 74,5% всех студентов, что являлось следствием политики «одна семья — один ребенок», подорвавшей традиционную ценность многодетной семьи²⁶.

В общеобразовательных школах стали появляться кружки культуры наси, которые охотно посещала молодежь из самых отдаленных деревень Юньнани, относившаяся с уважением к традиционной культуре дунба. И хотя в местных школах не преподавалась история и культура народа, прибывавшие в города молодые люди из далеких поселений вызывали большое любопытство у местных жителей, что, в свою очередь, способствовало распространению интереса к почти забытой культуре дунба и в их среде. Эта молодежь сыграла роль «хранителей» уникальных традиций своего народа, что в значительной мере помогло восстановлению культуры дунба²⁷.

В 1980-е годы увеличивается финансирование школьного образования малых народов в провинции Юньнань. Так, в 1980 г. правительством было выделено 5,5 млн юаней на развитие начальных и средних школ. За один год было построено 40 средних школ с общежитиями, далее темпы строительства школ постоянно росли: в 1984 г. была построена 1027 младших и средних школ, в 1985 г. — 1034, а к 1987 г. в совокупности — 4148 школ всех ступеней. В 1986 г. финансирование образования для детей национальных меньшинств Юньнани существенно увеличилось: было выделено 21 млн юаней²⁸. В 1980 г. вновь появляются стипендии: 18 юаней в год на каждого ученика старшей школы и 7,2 юаня в год на каждого ученика средней школы. Для представителей национальных меньшинств, которые являлись учениками средних школ и проживали на приграничных территориях провинции Юньнань, выделялись «вспомогательные средства на нужды» в размере 100 юаней на человека в год²⁹.

За первое десятилетие политики реформ и открытости для детей наси было открыто 619 младших школ, что стало довольно высоким показателем, учитывая, что в провинции Юньнань проживает 25 народностей. В 1985 г. ученики наси младших и средних школ составляли 17,14% среди всех народностей провинции Юньнань³⁰.

В эти годы выпускаются учебные пособия на латинизированном языке наси, в некоторых школах начинают преподавать на двух языках, однако эта практика станет более распространенной в 1990-е годы.

Одним из важных показателей уровня развития общества является процент людей с высшим образованием. В 2008 г. Институт исследований провинции Юньнань в Куньмине проводил сбор и анализ данных о высшем образовании среди национальных меньшинств провинции Юньнань с 1952 по 2006 г. Спустя два года результаты этой работы были опубликованы в журнале *Frontiers of Education in China*. Согласно результатам этих исследований в начале 1950-х годов представители национальных меньшинств составляли лишь 0,29% от всех учащихся вузов провинции, и эта цифра существенно не менялась вплоть до 1980-х годов. С 1983 г. начинается постепенный рост количества лиц, имеющих высшее образование, что приходится как раз на то время, когда правительство стало предпринимать конкретные шаги, способствовавшие улучшению положения национальных меньшинств. В 1980-е годы тенденция роста числа выпускников вузов среди наси в целом проходила в том же русле, что и по всей провинции; в 1985 г. в числе лиц всех национальностей, проживавших в Юньнани (включая хань) и имеющих высшее образо-

вание, представители наси составляли 0,6%³¹. В 2010 г. наси входили в десятку наименьшинств Юньнани, представители которых окончили высшую школу, в основном это молодые люди, проживающие в Лицзяне. Как и другие малые народы Юньнани, наименьший доступ к высшему образованию имеют наси — выходцы из деревень: проблема доступа к образованию в отдаленных районах по-прежнему остается актуальной³².

Несмотря на все трудности, образовательная политика государства в отношении национальных меньшинств в 1980-е годы дала свои плоды: в 1990 г. 66,03% наси уже обладали тем или иным уровнем образования. Например, наси в том же году составляли 6,32% среди учеников старших школ, 19,34% — средних школ, начальных школ — 39,6%³³. Что касается родного языка, то к концу 1980-х годов 68% наси, проживавших в Лицзяне, в возрасте от 15 до 64 лет продолжали использовать его для общения дома и с представителями своего народа, однако дети наси в возрасте до 14 лет в качестве основного языка стали пользоваться путунхуа или «лицзянским диалектом китайского», и только 7,5% наси старше 65 лет владели исключительно родным языком³⁴.

Вместе с новой образовательной и языковой политикой, правительство КНР в 1980-е годы также пересмотрело отношение к религии и традициям национальных меньшинств. Положение народа наси стало меняться в лучшую сторону, в том числе произошли улучшения в сфере религиозной политики.

В июне 1980 г. было учреждено Бюро по управлению религиозными делами района Лицзян провинции Юньнань. В его ведении находятся не только религиозные и национальные дела, но и сохранение и развитие культуры, а также вопросы образования³⁵.

После начала реформ политика государства в отношении религии наименьшинств стала претерпевать позитивные изменения, например, гонения на жрецов дунба прекратились. Духовная и материальная культура наси вновь вошла в круг интересов китайского научного сообщества. Исследования истории, культуры и религии народа наси получили поддержку государства, начинается работа по восстановлению, сохранению и изучению текстов дунба. Образовывались группы, занимавшиеся переводом манускриптов дунба с письменности наси на китайский язык, более того, в июне 1980 г. был учрежден Комитет по упорядочиванию перевода «Дунба цзин» в Лицзяне³⁶. В 1981 г. с целью изучения исконных верований наси и сохранения их культуры было учреждено отделение исследований культуры дунба в Академии общественных наук провинции Юньнань, образованной по указанию провинциального партийного комитета КПК провинции Юньнань еще в 1980 г. и подведомственной отделу пропаганды и агитации этого комитета³⁷.

В 1983 г. в уезде Лицзян состоялась Конференция дунба и даба³⁸, на которой присутствовали свыше 60 человек как из самого Лицзяна, так и из таких уездов, как Нинлан, Чжундянь (с 2001 г. — уезд Шангри-ла) и Юншэн, а также более 30 человек из Пекина и Куньмина. Эта конференция дала толчок к популяризации научных исследований в области религии дунба³⁹.

В том же 1983 г. впервые после объявления политики реформ и открытости Лицзян начинают посещать иностранные исследователи. Самым первым из них был Клаус Людвиг Янерт из Кёльнского университета, который занимался изучением языковой культуры народа наси⁴⁰. В Кёльнском университете он познакомился с крупным в настоящее время китайским исследователем наси Ян Фуцюанем, с которым они вели совместные исследования литературных памятников наси в течение четырех лет⁴¹.

Одним из важнейших событий в сфере восстановления и защиты культуры и религии дунба стало открытие в 1984 г. Музея культуры дунба в Лицзяне⁴². Уже за первые 6 лет работы этого музея было собрано более 6000 памятников культуры народа наси. В музее представлены многочисленные предметы религиозного культа дунба, демонстрирующие значение и историю обрядов. Сотрудники музея не только занимаются исследованиями религии и культуры дунба, но также принимают активное участие в поддержке прове-

дения значимых религиозных мероприятий, таких, как церемонии поклонения Небу, поклонения Ветру и богу Шу, олицетворяющему силы природы.

В 1989 г. в отделении исследований культуры дунба Академии общественных наук провинции Юньнань состоялась Научная конференция по исконной религии народа наси и общественной мысли, в которой приняли участие более 40 человек⁴³. На этой конференции обсуждались вопросы происхождения религии дунба и ее особенности, предка религии дунба — Динба-Шило, религии дунба и народных обычаев, а также культуры и философии дунба⁴⁴. В целом, на конференции были поставлены многочисленные проблемы религии дунба, обозначившие пути развития исследований в этой области на десятилетия вперед.

Важной частью предпринимаемых государством мер в отношении сохранения и исследования религии и культуры наси в первое десятилетие после начала политики реформ и открытости стало восстановление института жрецов религии дунба, которым в период «культурной революции» было запрещено заниматься религиозными практиками, а также передавать свои знания ученикам⁴⁵. В 1980-е годы отношение государства к культуре и религии дунба меняется, начинается постепенное восстановление традиции передачи знаний от жреца к ученику, снова проводятся религиозные обряды. Однако, как удалось выяснить из личной беседы с профессором Хэ Госяном, работающим в Музее культуры дунба в Лицзяне, к 1980-м годам осталось менее 10 старых служителей религии дунба. Таким образом, процесс восстановления религиозной жизни народа наси происходил довольно медленно. Тем не менее, церемонии дунба, как и тесно связанные с ними народные праздники, потихоньку возвращаются к жизни. Прежде всего, снова начинают проводиться такие важные церемонии, как поклонение Небу и богу Шу, которые имеют большое значение в культуре народа наси.

Одновременно с оживлением религиозной деятельности вновь начинают проводиться народные праздники наси, которые являются неотрывной частью культуры дунба. Например, «Саньдо» — один из главных праздников года народа наси, впервые после «культурной революции», был проведен в Куньмине в 1984 г.⁴⁶ В 1986 г. постановлением 8-й сессией ПК ВСНП праздник был официально признан на государственном уровне⁴⁷, а его проведение установлено на восьмое число второго месяца по лунному календарю⁴⁸. В этот день люди собираются в храме Саньдо⁴⁹ в поселке Байша уезда Юйлун, где приносят в жертву свинью, барана, курицу и рыбу, воздая почтение божеству-хранителю народа наси. В 1982 г. правительство Лицзяна объявило данный храм первым объектом охраны памятников материальной культуры уездного уровня⁵⁰. Само храмовое сооружение, пострадавшее во время «культурной революции», было отреставрировано в 1986 г.

В те же годы восстанавливаются и другие праздники народа наси, среди которых стоит упомянуть широко известный в настоящее время Праздник факелов. Праздник факелов не принадлежит исключительно наси, кроме них он празднуется целой группой народов, например, и, бай, лаху и дино. Праздник факелов отмечается 24 или 25 числа (в некоторых селениях наси с 25 по 27 число) шестого месяца по лунному календарю и представляет собой красочный фестиваль, проходящий, главным образом, в провинции Юньнань, а также в Сычуани и Гуйчжоу⁵¹. Значение этого праздника у наси уходит своими корнями в сказания дунба⁵², а потому играет огромную роль в религиозной жизни этого народа.

В 1980-е годы появилось много исследовательских групп, объединявших в себе специалистов, которые сами являлись представителями народа наси. Цель работы этих групп состояла в сборе, записи и публикации традиционных сказаний, сказок, поэм и песен народа наси. В 1984 г. в Лицзяне было основано поэтическое общество «Яшмовый родник», деятельность которого в указанной области получила известность. В этом обществе работали такие известные современные исследователи наси, как Гэ Агань, Ян Шигуан, Ван Пичжен⁵³.

Исследования одного из аспектов культуры дунба, а именно традиционной медицины дунба, также получили возможности для развития в условиях политики открытости и реформ.

Медицина народа наси не является обособленной областью знаний, а тесно вплетена в культ дунба. Главный письменный памятник наси «Дунба цзин» содержит записи о названиях лекарственных растений и методах врачевания уже с эпохи династии Тан, а в эпоху династии Цин был создан манускрипт дунба «Травник Юйлун», который представляет собой настоящую энциклопедию целебных трав. Первые исследования традиционной медицины наси начались еще в середине 1940-х годов, тогда же «Травник Юйлун» выдержал несколько изданий (в 1945, 1946 и 1947 гг.), однако позже исследования были приостановлены. Возродить их удалось в 1985 г., когда в деревне Байша уезда Лицзян была открыта клиника «Травник Юйлун в Лицзяне», которая пользуется большой популярностью не только среди граждан КНР, но и среди иностранцев⁵⁴. В 1986 г. правительство уезда Лицзян объявило о начале исследований традиционной медицины местных национальных меньшинств, в результате которых было выявлено, что народ наси обладает глубокими знаниями в области врачевания различных заболеваний, пользуется многочисленными методами лечения (например, такими, как кровопускание, точечный массаж, ингаляция с помощью целебных трав и др.), знаком с несколькими сотнями лечебных растений⁵⁵. Исследования медицины дунба не прошли даром: в 1980-х годах был исследован гипокриллин, применяющийся в традиционной медицине дунба и на языке наси называющийся «мэньба». В медицине дунба гипокриллин использовался для нейтрализации ядов, уменьшения разного рода воспалительных процессов и т. д. Сегодня гипокриллин применяется для лечения ревматического артрита, желудочных болей, гинекологических заболеваний, продолжается дальнейшее исследование его свойств⁵⁶.

Таким образом, новая политика государства в отношении национальных меньшинств способствовала проведению исследований в самых различных сферах жизни малых народов, что привело к позитивным результатам. Традиционная медицина наси, вплетенная в культуру дунба, привлекая к себе внимание исследователей, оказывает позитивное влияние на «кимидж» культуры народа наси; одновременно медицина дунба оказала положительное влияние на медицину государства в целом, внося свою лепту в развитие данной жизненно важной сферы науки⁵⁷.

Новая политика государства в отношении наси в 1980-е годы не могла не сказаться на демографических показателях этого народа, поэтому для полноты картины о положении наси в тот период следует привести данные об изменении структуры населения за описываемое десятилетие.

Первая перепись населения была проведена в КНР в 1953 г. В районе Лицзян на тот момент проживало 117 895 наси, в уезде Лицзян 105 818 человек, в уезде Нинлан 8806, Юннин — 3208, Хуапин — 243 человека. Перепись показала, что во всей стране количество наси в 1953 г. составляло 134 398 человек (0,02% всего населения КНР). Согласно третьей переписи населения, количество наси в 1982 г. составило 245 154 человека, а по четвертой переписи 1990 г. — 278 009 человек. С 1982 по 1990 г. средний темп роста населения наси составил 12,39%, что является самым низким показателем среди всех народов провинции Юньнань за аналогичный период. Китайские исследователи считают, что эти цифры свидетельствуют о том, что политика рождаемости оказала самое негативное воздействие на наси среди прочих национальных меньшинств провинции; также это связано с тем, что около половины наси проживают в городе Лицзян, культура и экономика которого стали усиленно развиваться в 1980-е годы. О постепенном росте продолжительности жизни также свидетельствуют показатели возрастной динамики населения с 1953 по 1990 г.: с одной стороны, это постепенное старение населения — люди в возрасте старше 61 года в 1953 г. составляли 6,98% наси, тогда как в 1990 г. — 9,86%; в то же время уменьшилось число людей в возрасте до 15 лет — с 36,37% до 24,68% за аналогичный

период⁵⁸. Что касается пропорций сельского и городского населения, то в 1953 г. жители деревень составляли 91,43% против 6,55% горожан, а в 1990 г. — 84,15% против 15,85%⁵⁹. Изменение этих пропорций обуславливается развитием города Лицзяна в 1980-е годы, и переходом части населения на другие виды деятельности в частности обслуживание в туристической сфере. Однако в 1980-е годы этот процесс находился только на начальной стадии, настоящий туристический бум произойдет в последующие два десятилетия. Здесь стоит сделать оговорку: сфера туризма стала заполняться в основном приезжими ханьцами, в том числе и из других провинций и крупных городов (Пекин, Шанхай), они же развили и производство всевозможной этнической продукции народа наси, известной, уже в наше время, далеко за пределами Лицзяна. Что же касается наси, то, как сказала одна женщина наси, участвовавшая в интервью с автором в 2011 г.: «Если вы хотите увидеть настоящих наси, то езжайте в далекие горные деревни — здесь их практически не осталось. Девушки мосо и наси, которых вы видите здесь, в основном — ряженные ханьцы».

Подводя итог, на примере народа наси, мы можем сказать, что в целом преобразования государственной политики в отношении национальных меньшинств в 1980-е годы носили разносторонний и постепенный характер. Очень важно, что по сравнению с предшествующим десятилетием, медленно и болезненно, но происходило изменение отношения к религии, традициям и обычаям наси, осознавалось богатство и уникальность этого народа. Новое отношение государства к материальной и духовной культуре дунба было закреплено на законодательном уровне. В первое десятилетие реформ и открытости политика государства в отношении наси согласуется с политикой в отношении к национальным меньшинствам в целом: она направлена на борьбу с неграмотностью, поднятием материального и культурного уровня жизни. И хотя многие проблемы еще не были решены (например, восстановление традиции передачи знаний дунба в религиозной среде, а также реабилитация национальной культуры в глазах молодого поколения наси), тем не менее, в 1980-е годы положение народа наси стало меняться в лучшую сторону: кроме того, в рассматриваемое десятилетие была создана надежная основа для продолжения нового курса политики государства в отношении этого народа. Постепенная трансформация с 1980-х годов политики по отношению к национальным меньшинствам является примером того, как власти исправляют ошибки предыдущих лет, нанесших колоссальный урон материальной и духовной культуре малых народов, восстанавливая хрупкий баланс взаимоотношений между титульной нацией и национальным меньшинством.

1. Джозеф Рок — американский исследователь австрийского происхождения, провел двадцать семь лет в Китае (1922–1949) — главным образом в провинциях Юньнань, Сычуань и Ганьсу. Джозеф Рок изучал разные аспекты жизни народа наси: их язык, историю, культуру, религию. Итогом его исследований стал объемный, один из лучших вплоть до сегодняшнего дня, словарь языка наси — «Наси-английский энциклопедический словарь» (Рим, 1963), а также огромный труд по истории этого народа — «Древнее государство наси в Юго-западном Китае» (Гарвард, 1948). Историю народа наси Дж. Рок составлял, опираясь на переводы текстов дунба, а также на сведения, полученные от служителей религии дунба.
2. 20 августа 1964 г. в КНР началась кампания «Сокрушить четыре пережитка» (старые обычаи, старую культуру, старые привычки, старые идеи). В рамках данной кампании развернулась борьба, направленная на искоренение религии наси, в результате которой религия и культура дунба практически прекратили свое существование: большинство жрецов дунба были либо сосланы в другие регионы на перевоспитание, либо казнены; манускрипты дунба, предметы изобразительного искусства и традиционного быта были в значительной части уничтожены.
3. *Halskov Hansen M.* Lessons in being Chinese. Minority education and Ethnic Identity in Southwest China. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1999. P. 28.

4. В докладе Председателя ЦК КПК Хуа Гофэна на сессии ВСНП 26 февраля 1978 г. были сформулированы основные направления национальной политики. «В качестве главной задачи была выдвинута необходимость дальнейшего укрепления «единства» и «сплоченности» всех национальностей, под которым подразумевается беспрекословное выполнение директив и приказов руководства КПК» // Китайская Народная Республика в 1978 году. Политика. Экономика. Идеология. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. С. 76–77.
5. *Москатев А.А.* Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999). М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 22.
6. URL: www.seac.gov.cn.
7. Госкомитет КНР по делам национальностей реализует политику партии в отношении национальных меньшинств, осуществляет контроль в сфере строительства института национальной районной автономии, а также ведает вопросами отношений между национальными меньшинствами, их экономическим и культурным развитием, осуществлением образовательной и языковой политики, сохранением национальных традиций и обычаев национальных меньшинств и т. д.
8. КНР. Конституция и законодательные акты / Пер.с китайск. М.: Прогресс, 1984. С. 24; 51–53.
9. Чжунхуа жэньминь гунхэго миньцзу шюйюй цзычжи фа (1984 няньбань): [Закон о национальной автономии КНР]. (1984). URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/162983/9701829.html>.
10. Лицзян наси цзу цзычжи сянь цзычжи тяоли: [Положение об автономии Лицзян-Насийского автономного уезда]. (1990). URL: <http://www.chinalawedu.com/news/1200/21752/21756/2006/4/hu85811354361714600226288-0.htm>.
11. Лицзян наси цзу цзычжи сянь Юйлун сюэ шань гуаньли тяоли: [Положение об управлении Юйлун сюэшань Лицзян-Насийского автономного уезда]. (1993). URL: http://china.findlaw.cn/fagui/p_3/289156.html.
12. Юньнань шэн Лицзян лиши вэньхуа мин чэн баоху гуаньли тяоли: [Положение об управлении охраны истории и культуры известного города Лицзяна]. (1994). URL: <http://www.chinaacc.com/new/63/74/117/2006/1/li364019403619160025488-0.htm>.
13. Чжунхуа жэньминь гунхэго миньцзу шюйюй цзычжи фа (1984 няньбань): [Закон о национальной автономии КНР (1984)]. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/162983/9701829.html>.
14. Лицзян наси цзу цзычжи сянь цзычжи тяоли: [Положение об автономии Лицзян-Насийского автономного уезда]. (1990). URL: <http://www.chinalawedu.com/news/1200/21752/21756/2006/4/hu85811354361714600226288-0.htm>.
15. *Бянь Цзичжи.* Чуанчжи хэ гайцзинь дэ миньцзу вэньцзы шаошу миньцзу вэньцзы чуанчжи дэ уюаньцэ: [5 принципов создания разработки и улучшения национальной письменности национальных меньшинств]. URL: <http://www.qqxiuzi.cn/wz/zixun/1153.htm>.
16. *Ма Сяо-и, Чжу Линь.* Наси цзу синь чуан вэньцзы яньцзю цзуншу: [Обозрение исследований новой созданной письменности народа наси] // Хубэй миньцзу сюэюань сюэбао. 2009. № 5. С. 97–102.
17. *Ян Фуцюань.* Дандай Юньнань наси цзу цзянь ши: [Краткая современная история народа наси Юньнани]. Куньмин, 2012. С. 262.
18. Сайт «Лицзян жибао». URL: <http://www.ljrbw.com>.
19. Лицзян наси цзу вэньхуа дэ фачжань бяньцянь: [Эволюция развития культуры наси в Лицзяне]. Пекин, 2007. С.135.
20. Например, статья Хэ Цзижэнь (наси) и Чжоу Яовэнь «Обзор прошлых работ по языкам национальных меньшинств провинции Юньнань» (1980); Фэй Сяотун «О различных проблемах национальных меньшинств в стране» (1980).
21. *Ли Цзиншэн.* Наси цзу дунба юйянь вэньцзы вэньцзысюэ сюэшу таолунь хуэй цзай Лицзян цзюйсин: [В Лицзяне проведена научная конференция по речи и письму дунба народа наси] // Миньцзу юйвэнь. Пекин. 1988. № 3. С. 29.
22. До 1949 г. население наси в своей массе было безграмотным: письменностью дунба владели только служители религии дунба, а пиктограммы не были предназначены для широкого пользования — ими велись только записи сакральных текстов дунба; китайским языком и письменностью владели, главным образом, представители верхушки общества наси, которые также являлись распространителями конфуцианской культуры в своей среде. В первые десятилетия после установления КНР образовательный процесс среди наси, особенно тех,

- которые проживали в труднодоступных горных районах, шел очень медленно, а в период «культурной революции» о повышении уровня грамотности среди национальных меньшинств Юньнани можно было забыть. В 1980-е годы, после объявления политики реформ и открытости образовательная политика начинает постепенно меняться.
23. *Цзян Чжун*. Наси юй гайкуан: [Обзор языка наси] // Миньцзу юйвэнь. Пекин. 1980. № 3. С. 59–73.
 24. Юйлун наси цзу цзычжи сянь гайкуан: [Общие сведения о Юйлун-Насийском автономном уезде]. Пекин. 2008. С. 207.
 25. *Ян Фуцюань*. Дандай Юньнань наси... С. 220.
 26. *Halskov Hansen M.* Lessons in being Chinese. Minority education and Ethnic Identity in Southwest China. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1999. P. 64–65.
 27. Ibid.
 28. *Сюй Цзешунь, У Чжэнфу*. Юньнань шэн цзяоюй чжэнцэ каоча баогао: [Доклад об исследовании национальной образовательной политики в провинции Юньнань] // Гуанси миньцзу сюэюань сюэбао (Чжэ шэ бань), 2007. №27. P. 12–16.
 29. *Дай Яньчунь*. 20 шици 80 няньдай илай Юньнань шаошу миньцзу цзяоюй юхуэй чжэнцэ цзяньшу: [Краткое изложение льготной образовательной политики в отношении национальных меньшинств в провинции Юньнань с 80-х годов XX века] // Сюэшу таньсо. Куньмин. 2013. № 9, С. 141–144.
 30. *Ян Фуцюань*. Дандай Юньнань наси... С. 219.
 31. Резкие изменения стали происходить после 1997 г., когда Лицзян был объявлен памятником Всемирного наследия ЮНЕСКО после сильнейшего землетрясения 1996 г., нанесшего огромный ущерб старому городу. Это событие заставило правительство обратить внимание на проблемы культуры дунба и народ наси в целом. С конца 1990-х годов строится много новых школ, в том числе и в деревнях, где преподавание велось как на китайском, так и на языке наси. Однако, несмотря на все меры популяризации культуры и традиций наси в учебных заведениях всех возрастных категорий, все меньшее число молодежи наси владеют родным языком — умение говорить на путунхуа очень престижно, по мнению представителей народа наси, а также открывает несравненно больше перспектив в будущем.
 32. *Jianxin Zhang, Jef C. Verhoeven*. Access to Higher Education of 25 Ethnic Minorities in Yunnan Province, SW, China. // Frontiers of Education in China. Beijing: Higher Education Press and Springer. 2010. 5(2). P. 290–308.
 33. *Ян Фуцюань*. Дандай Юньнань наси... С. 230.
 34. *Ван Яофэнь, Хэ Юэ*. Наси цзу шиюн сяньчжуан цзици вэйху: [Сохранение и существующее положение использования языка наси] // Кэци чуансинь даобао. Пекин, 2008. № 20. С. 165–166.
 35. Юньнань шэн Лицзян дицюй синчжэн гуншу миньцзу цзунцзяо шиуцзюй: [Бюро по управлению религиозными делами района Лицзян провинции Юньнань]. URL: <http://www.11467.com/ljjiang/co/186.htm>.
 36. *Ян Фуцюань*. Дандай Юньнань наси... С. 168.
 37. Цзяньшэ хэ фацжань дэ цзибэнь цинкуан: [Основные положения строительства и развития]. URL: <http://www.sky.yn.gov.cn/bygk/fzls/6103323644549308602>.
 38. Даба — тождественное дунба название культуры и религии этнической группы мосо, официально включаемой правительством КНР в состав наси.
 39. *Ши Чжихоу*. Дунба даба цзотаньхуй цзай Лицзян чжпокай: [В Лицзяне состоялась конференция дунба и даба] // Юньнань шэхуй ксюэ. Куньмин. 1983. № 3. С. 118.
 40. *Ян Фуцюань*. Хоуци: (Послесловие). URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_48a464120102dwpf.html.
 41. Первая работа Ян Фуцюаня «Грамматический анализ и перевод современных рукописей народа наси» вышла в свет в Бонне в 1988 г. под редакцией Янерта К.Л. В настоящее время Ян Фуцюань является автором более 30 трудов посвященных главным образом исследованию религии дунба и литературы наси, одной из наиболее известных его работ является «Исследование исторической связи народа наси и тибетцев» (Куньмин, 2006).
 42. Автор статьи посетила данный музей в 2011 и 2015 годах.
 43. Наси цзу юаньши цзунцзяо цзи шэхуэй сысян сюэшу таолун хуэй цзуншу: [Научная конференция по исконной религии народа наси и общественной мысли] // Сысян чжаньсянь. Куньмин, 1990. № 1. С. 94.

44. В ходе конференции ученые пришли к единому мнению о том, что религия дунба не является в строгом смысле «первобытной (отсталой)» или «искусственной (цивилизованной)», а скорее представляет собой некую «особую форму народной религии», являющуюся переходной между этими двумя типами. Вопрос об истоках религии дунба обсуждался с точки зрения происхождения самих наси, но здесь мнения участников конференции разделились: некоторые ученые, как и раньше, продолжали считать древних цян предками наси, другие же склонялись к той точке зрения, что истоки религии дунба, так же как и самих наси, надо искать в истории народа мао, населявшего юго-западные территории Китая (долины рек Даду, Цзиньша, Улян и Ялунцзян). Об основателе религии дунба Динба-Шило ученые, принимавшие участие в этой конференции, ничего конкретно выяснить не смогли. После исследований тибетского языка и взаимосвязей наси с тибетцами, ученые выдвинули предположение о том, что Динба-Шило является персонажем, пришедшем в религию дунба из религии бон в VII—VIII вв., однако его окончательное закрепление произошло только в XIII—XIV вв. В целом, проблема происхождения религии дунба остается открытой и по настоящее время. В качестве основных обрядов дунба, повлиявших на складывание и характер народных обычаев, были выделены поклонение Небу и поклонение Дракону. В этих обрядах, по мнению исследователей, отражается особое отношение человека к природе, а также они несут функцию поддержания гармоничного сосуществования человека с окружающей средой. Это положение в ходе конференции плавно перетекло в обсуждение вопросов философии дунба, которая представляет из себя довольно сложную систему мировоззрения, содержащую в себе идеи о наличии души у всего сущего, необходимости почитания природы и своих предков, вечном развитии вселенной, существовании загробного мира и т. д. [14, с. 94]
45. Ян Фуцюань. Дандай Юньнань наси...С. 149.
46. Ян Фуцюань. Хуэйи саньдо цзе, инянь гэ наси жо ми ю инянь чжун цзинцай: [Воспоминания о празднике саньдо, тысяча тайн наси — тысяча впечатлений]. URL: <http://www.vccoo.com/v/010668>.
47. Хэ Сян-у. Юйлун сянь саньдо цзе ходун аньпай фэнфу доцай: [Богатая и разнообразная организация праздника саньдо в уезде Юйлун]. URL: http://www.ljs.gov.cn/news/article/2014-02/19/content_123047.htm.
48. Саньдо является религиозным праздником, восходящим своими корнями к древнейшему культу Белого камня народа наси. Культ Белого камня объединяет культуру наси с культурой древних цянов и представляет собой элемент древнейшего слоя культуры этого народа. Праздник проводится в память о мифическом предке наси Саньдо, который, по преданиям дунба, укротил злых демонов.
49. Наличие храмовых сооружений не характерно для религии дунба. Первоначально на месте данного храма находился алтарь с установленным белым камнем, символизирующим одновременно тело Саньдо и духа горы Юйлун. Строительство храма началось в эпоху династии Тан, но здание переставалось 9 раз, поэтому его первоначальный вид не сохранился. На территории храма раньше располагалась роща священных кипарисов, из которых (на момент посещения храма автором в 2011 г.) уцелело одно дерево. В целом архитектура храма испытала на себе китайское влияние. Вероятно, что и строительство храма на месте алтаря было вызвано влиянием все более доминирующей ханьской культуры.
50. Чжао Сямэй. Юйлун сянь цян дуй Бэйюэ мяо шиши баоху вэйсю: [Уезд Юйлун возьмёт под охрану и отреставрирует храм Бэйюэ]. URL: <http://www.ljta.gov.cn/news/11984.html>.
51. Автор статьи присутствовала на празднике факелов в 2011 г. в Лицзяне. Праздник действительно представляет собой великолепное торжество. Факелы устанавливаются не только у входов в дома, но и просто на улицах города. Также рядом с факелами обычно ставят дощечки с текстами из манускриптов дунба, повествующих о происхождении этого праздника. Все приготовления осуществляются обычно пожилыми женщинами наси, по словам которых молодежь не спешит перенимать народные обычаи. В настоящее время праздник факелов является одним из важнейших событий года в Лицзяне, привлекающим большие потоки туристов, способствуя распространению знания о культуре дунба и народе наси за пределами провинции Юньнань.
52. Одно из сказаний дунба гласит, что однажды небесный бог Цзылао-апу стал завидовать счастливой жизни людей, и решил послать на них огонь с неба, для чего отправил на землю одного старого небесного воина. Однако тот воин увидел идущего по дороге молодого мужчину,

который нес на спине ребенка, и спросил его, что это за дитя. Мужчина ответил, что мать ребенка умерла, поэтому он должен заботиться о племяннике. Старый воин был растроган отношением этого человека к ребенку, поэтому решил, что нехорошо будет истреблять таких добрых людей. Он предупредил мужчину о том, что 25 числа шестого месяца Цзылао-апу намерен послать людям бедствие, поэтому вечером того дня все люди должны выставить горящие факелы у входов в свои дома. Люди послушались старого воина и сделали все, как он велел. Когда Цзылао-апу посмотрел на землю, то увидел множество огней и, решив, что человечество погибло, спокойно лег спать. С тех пор каждый год 24 или 25 числа шестого месяца наси отмечают праздник факелов.

53. Юйлун наси цзу цзычжи сянь гайкуан: [Общие сведения о Юйлун-Насийском автономном уезде]. Пекин. 2008. С. 216–217.
54. Ян Фуцюань. Дандай Юньнань наси... С. 224.
55. Наси цзу: [Народ наси]. Урумчи, 2009. С. 76–77.
56. Чжан Цзянь, Ма Лань. Чжу хун цзюньсу яньцзю дэ фачжань: [Развитие исследований гипокреллина] // Юньнань дасюэ сюэбао (цзыжань кэсюэ бань). Куньмин. 2003. № 25. С. 184–188.
57. Подробнее на эту тему написано в статье Чжао Тяньмин, Чжао Синь. Люэлунь наси цзу дунба ияо дэ тэлянь: [Коротко об особенностях медицины дунба народа наси] // Чжунго миньязу ияо цзачжи. Хух-Хото, 1999. № 1. С. 4.
58. Ли Жунмин. Лицзян наси цзу цзычжи сянь: [Описание Лицзян-Насийского автономного уезда]. Куньмин, 2001. С. 137.
59. Ibid. P. 142.

Лингвистические новации и внешняя политика Китая

© 2015

О.И. Завьялова

Языковая политика, которая включает не только внутреннюю, но также внешнюю составляющую, была после длительного перерыва возрождена Китаем только в начале XXI в. С 2004 г. официальный китайский язык *путунхуа* и традиционную китайскую культуру распространяют по всему миру в качестве «мягкой силы». В 2013 г. начался новый этап использования лингвистики для решения задач внешней политики. Он обязан своим появлением стратегии Си Цзиньпина «Один пояс – один путь» и предусматривает активное изучение языков окружающих Китай стран наряду с трансграничными языками народов КНР.

Ключевые слова: языковая политика КНР, языки окружающих стран, языки народов КНР, трансграничные языки, Великий шелковый путь, Синьцзян.

Иероглифическая письменность и китайский язык издавна использовались Поднебесной как средство расширения цивилизационного влияния в странах Восточной Азии. На иероглифах и письменном языке *вэньянь* была основана культура Японии, Вьетнама, Кореи. В языках этих и других стран, соседствующих с Китаем, сохраняются китайские заимствования, появившиеся, прежде всего, в периоды усиления китайского государства. Китайские иероглифы присутствуют в современных текстах на японском и корейском языках (в Южной Корее). Во Вьетнаме была разработана особая иероглифическая письменность на основе китайской для записи текстов на вьетнамском языке, китайские иероглифы до сих пор можно увидеть на вьетнамских изделиях прикладного искусства.

На протяжении двадцатого столетия государство и лингвисты-реформаторы – как в период Китайской Республики, так и в КНР – были вынуждены направить свои языковые усилия внутрь страны, на ее модернизацию и укрепление единства. Языковая политика, которая включает не только внутреннюю, но также активную внешнюю составляющую, вновь инициирована Китаем только в начале XXI в. С 2004 г. официальный китайский язык *путунхуа* и традиционную китайскую культуру активно распространяют по всему миру в качестве «мягкой силы» с помощью Институтов и «классов» Конфуция. К концу 2014 г. их число достигло 476 и 851, и это уже вызвало беспокойство в некоторых странах, где высшие учебные заведения стали отказываться от продления контрактов с Институтом Конфуция¹.

В 2013 г. начался еще один этап использования лингвистики для решения задач внешней политики. В его основе лежит стратегия «Один пояс – один путь», провозглашенная Си Цзиньпином осенью 2013 г. «Ближняя внешняя политика Китая достигла этапа всестороннего развития, с каждым днем возрастает ценность языковой стратегии», – подчеркивают китайские лингвисты. – «Изучать языки окружающих стран чрезвычайно важно для обеспечения безопасности государства»².

«Ключевые» языки окружающих стран

Объектом пристального внимания китайского педагогического и лингвистического сообществ становятся языки, на которых говорят в 29 странах, окружающих Китай. Первой в списке «самых близких» среди этих стран стоит Россия. За ней следуют Монголия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Афганистан, Пакистан, Индия, Непал, Бутан, Бирма, Лаос, Южная Корея, Япония, Филиппины, Малайзия, Бруней, Индонезия, Сингапур, Северная Корея, Вьетнам. В списке числятся также Узбекистан, Туркмения, Турция, Иран, Бангладеш, Шри-Ланка, Таиланд и Камбоджа. Задача осложняется тем, что число разных языков и диалектов в соответствующем ареале приближается к тысяче, он относится к числу самых разнообразных в языковом отношении. Поэтому лингвисты отберут среди множества языков наиболее важные, которые отнесут к «ключевым»³.

В ноябре 2013 г. на базе Пекинского университета языков (*Бэйцзин юйянь дасюэ*) образован Координационный инновационный центр языков и культур окружающих стран. Его задача – разрабатывать внешнюю языковую стратегию государства, координировать изучение языков и культур, готовить специалистов, способных как исследовать «ключевые» языки, так и практически владеть ими. При университете создана Лингвистическая академия, включающая несколько специализированных институтов. В работе над проектом принимают участие десятки ученых из других учреждений, в том числе из военного Института иностранных языков НОАК, Центрального института народов Китая, Института этнографии и антропологии и Института языкознания АОН Китая. Фирмы, занимающиеся разработкой речевых технологий, создадут на «ключевых языках» интернет-ресурсы, которые станут важной составляющей «мягкой силы». Извне проекту будут помогать функционирующие за рубежом Институты Конфуция⁴. В последнее время преподавателям этих институтов предписано хорошо ориентироваться в стране преподавания, овладевать местными языками и знать обычаи тех стран, в которых они работают⁵.

В еще одном известном учебном заведении, Пекинском университете иностранных языков, в начале 2015 г. создан Исследовательский институт Шелкового пути. В университете уже преподают 67 языков, в 2015 г. к ним добавили новые «ключевые» – монгольский, тамильский, бенгальский и тагальский. К 2020 г. общее число преподаваемых в институте языков достигнет ста за счет «ключевых». К числу «ключевых» отнесен и русский язык⁶. В северо-восточных, восточных и северо-западных районах Китая не хватает говорящих по-русски специалистов, вакансии в компаниях, сотрудничающих с Россией, иногда остаются незанятыми. Китайские и российские педагоги уже начали совместно обсуждать проблему расширения преподавания в Китае русского языка. Закрытые в годы советско-китайской конфронтации факультеты и кафедры русского языка заново открываются в разных провинциях и городах. Русистика, в том числе политология и прикладные исследования, переживает «второе дыхание»⁷.

Среди «ключевых» – языки народов КНР

Сухопутная граница КНР составляет 22 тыс. км, из них 19 тыс. приходится на районы проживания национальных меньшинств. Официальный список народов КНР включает, помимо численно доминирующих китайцев-ханьцев, 55 этносов. В качестве отдельных национальных меньшинств в него входят говорящие на различных китайских диалектах мусульмане-хуэйцзу и маньчжуры, до последнего времени считавшиеся полностью утратившими родной язык (небольшое число носителей маньчжурского языка, как выяснилось уже в период «реформ и открытости», до сих пор сохраняется на северо-западе страны). Некогда переселенные в Синьцзян сибинцы, которые по сути дела говорят на диалекте маньчжурского языка и официально используют маньчжурскую письменность, считаются при этом отдельным народом с отдельным языком⁸. Напротив, некоторые небольшие группы, прежде всего (но не только) говорящие на близких разновидностях язы-

ка (идиомах), официально объединены в один народ. В целом по подсчетам китайских лингвистов, 55 национальных меньшинств используют 120 языков и 22 вида письменных систем⁹. В списке до сих пор не учтены данные, полученные в ходе исследований последних десятилетий. Так, в нем отсутствуют тувинцы, живущие в Синьцзяне, или юньнаньские *кхм*, язык которых относится к мон-кмерской ветви австроазийской семьи¹⁰. Не включены в перечень также хайнаньские *чань*, которые насчитывают несколько тысяч человек, исповедуют ислам и предположительно говорят на одном из австронезийских языков¹¹.

Политика КНР в отношении языков, которые распространены на севере страны и особенно вблизи границ с Россией, в последнее время привлекает внимание не только китайских, но также отечественных исследователей¹². Из множества языков национальных меньшинств Китая 33 числятся трансграничными. Русский, монгольский, казахский, корейский, киргизский и узбекский языки являются языками большинства в соседних странах и явно попадают в китайский список «ключевых». В числе трансграничных языков, численно доминирующих в соседних странах, китайские лингвисты называют также таджикский и язык *цзин*. К таджикам в КНР относят небольшие группы, которые живут на западе Синьцзяна и говорят на восточноиранских памирских языках – сарыкольском и ваханском. Язык *цзин* – это предположительно диалект вьетнамского языка со значительным влиянием местных китайских диалектов, его носители проживают на юго-востоке КНР¹³.

Особый интерес как политически, так и лингвистически представляет ареал Великого шелкового пути. Вдоль его китайских участков жила в прошлом и живут в настоящее время десятки разных народов, говоривших и говорящих на разных языках и использовавших разные виды письма. Современный китайский отрезок «Экономического пояса Шелкового пути» протянулся через всю территорию КНР с востока на запад, от морского порта Ляньюньган на побережье Желтого моря до внешних границ Синьцзян-Уйгурского автономного района. Лингвистически вся эта территория до сих пор объединена китайскими диалектами Центральной равнины. Именно на этих диалектах говорили предки председателя КНР Си Цзиньпина, которые жили сначала в провинции Хэнань, а затем в уезде Фупин, расположенном в провинции Шэньси. Именно эти диалекты вместе с близкими им диалектами Лань-Инь (ланьжоуско-иньчуаньскими) во второй половине XIX в. были привнесены китаезычными мусульманами *хуйцзу* в Российскую империю, где этих людей стали так же, как в Синьцзяне, называть дунганями.

Среди «ключевых» явно оказались некоторые языки народов Синьцзяна, ведь сам этот автономный район с недавнего времени также именуется «ключевым» в пределах «Экономического пояса Шелкового пути». В Синьцзяне живут 21,8 млн человек, говорящих на десятках языков разных семей. Синьцзянские официальные сайты выпускаются либо на китайском, либо на уйгурском языке, использующем в Синьцзяне арабо-персидское письмо. Финансируемый из бюджета синьцзянский новостной сайт «Тяньшань» ориентирован на внешний мир¹⁴. Помимо китайского, здесь присутствуют английский, русский и турецкий языки. Уйгурам, живущим в Синьцзяне, сайт предлагает тексты в записи арабо-персидским письмом. Те же уйгуры, живущие по соседству в Казахстане, могут воспользоваться кириллицей. Желаящим предоставляется также возможность прочесть уйгурские тексты в том латинизированном варианте, который был разработан и одно время использовался в КНР. В то же время казахские новости даны только арабо-персидскими буквами, но не кириллицей, пока доминирующей в Казахстане. Возможно, это сделано в расчете на казахов-оралманов, переехавших из Китая в Казахстан в последние годы. Впрочем, местные языки следует использовать не только в пропаганде, рассчитанной на внешний мир, подчеркивают китайские лингвисты. Внутрикитайское информационное радиовещание на уйгурском, казахском, монгольском, узбекском, киргизском языках ограничено по времени и содержанию, в то время как западные радиостанции вещание на этих языках наращивают. Соответствующую проблему, также связанную с обеспечением безопасности страны, надо срочно решать.

Повышенное внимание Китая к обеспечению стратегии «Одного пояса – одного пути» иллюстрируется не только объемом привлекаемых финансовых, организационных и пропагандистских ресурсов. Обширное лингвистическое сопровождение этой стратегии говорит о ее долгосрочном характере, явно рассчитанном на многие десятилетия. Исследования и знание «ключевых» языков, в том числе распространенных по обе стороны государственных границ, будет все более востребованным с учетом быстро расширяющихся контактов в рамках «Экономического пояса Шелкового пути».

1. Еще свыше 200 университетов более 70 стран мира подали заявки на создание институтов Конфуция. URL: http://russian.news.cn/culture/2015-01/13/c_133916016.htm. D. Volodzko. China's Confucius Institutes and the Soft War. URL: <http://thediomat.com/2015/07/chinas-confucius-institutes-and-the-soft-war/>.
2. Го Фэилань. Гуаньчжу Чжунго чжоубянь юйянь: [Уделять внимание языкам в странах, окружающих Китай] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао 2014: [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2014 г.] Пекин, 2014. С. 90.
3. Там же. С. 83.
4. Там же. С. 90.
5. См., например: Ван Цзинбо. Изменение языковой политики Китая и новые требования к работающим за границей китайским преподавателям // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва, 16–18 октября 2013 г. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 442–444.
6. К 2020 году в ПУИЯ будет преподаваться более 100 иностранных языков. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0329/c31517-8870716.html>.
7. В Китае наблюдается растущий спрос на выпускников вузов, умеющих говорить по-русски. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0402/c31517-8872899.html>.
8. Биньвэй юйянь вэньти: [Проблема исчезающих языков] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао 2005 [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2005 г.] Пекин, 2006. С. 286; Лю Холшэн. Мань юйвэнь дэ цянцзю, чуаньчэнь юй иньюн: [Спасение, передача следующим поколениям и употребление маньчжурского языка] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао 2014. С. 139–143; Gorelova L. M. Manchu Grammar. Leiden, 2002.
9. Юйянь юй гоцзя: [Язык и государство] / Чжао Шичжюй (ред). Пекин, 2015. С. 66.
10. Чжоу Циншэн. Куацзин шаошу миньцзу юйянь чжуанкуан: [Ситуация с трансграничными языками национальных меньшинств] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао 2013: [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2013 г.] Пекин, 2013. С. 141.
11. Ни Дабай. Хайнаньдао Санья хуэйцзу юйянь дэ шишу: [Идентификация языка хуэйцзу, живущих в Санья на острове Хайнань] // Миньцзу юйвэнь. 1988. № 2.
12. Ср. например: Гутин И.Ю. Русские в КНР // Азия и Африка сегодня. 2011. № 10. С. 50–56; Клиновский В.А. Языковая политика КНР в Синьцзяне и ее роль в китайско-уйгурском конфликте // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 2 (18). С. 140–143; Ахтамов И.Г. Этноязыковые процессы в многонациональных государствах: общемировые тенденции и государственная образовательная политика (на примере Республики Бурятия РФ и Автономного района Внутренняя Монголия КНР) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 1. С. 3–9; Е.Н. Апраксин. Проблема Внутренней Монголии в контексте права пользования родным языком // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2015. № 2. С. 15–19. См. также: Гутева М.А., Гутин И.Ю. Языковая политика КНР в отношении национальных меньшинств // Филологические науки в МГИМО. 2014. С. 31–39.
13. Чжоу Циншэн. Указ. соч. С. 144.
14. Ван Чжэцзюань, Чжао Сяобин. Шаошу миньцзу юйвэнь ванчжань сяньчжуан: [Современная ситуация с сайтами на языках национальных меньшинств] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао 2014. С. 144–151; Тяньшаньван (Сайт «Тяньшань»). URL: www.ts.cn.

История

«То дело зело изрядно...» К 330-летию православия в Китае и 300-летию основания Российской духовной миссии в Пекине

© 2015

А.С. Ипатова

В статье рассмотрены предыстория и обстоятельства появления в Пекине русской православной общины; проанализированы указ Петра I о распространении православия в Китае, событийная канва пребывания и деятельности в Пекине первой Российской духовной миссии. Особый акцент сделан на значении Кяхтинского договора 1728 г. в официальном закреплении статуса РДМК в цинском Китае.

Ключевые слова: Россия, цинский Китай, Албазин, Нерчинский договор 1689 г., Кяхтинский договор 1728 г., Петр I, С.Л. Владиславич-Рагузинский, император Сюань Е (Канси), Лифаньюань.

Православие пришло на китайскую землю в далеком 1685 г., а в конце 1715 — начале 1716 г. в Пекин прибыла Российская Духовная Миссия (РДМК), известная также как Пекинская миссия. Российская Духовная Миссия занимает особое место в истории российско-китайских отношений, в становлении и развитии отечественного китаеведения¹.

За 240-летнюю историю РДМК сменилось 20 ее составов. Основанная при втором императоре Цинской династии² Миссия была свидетельницей многих событий в истории Китая вплоть до начала 1950-х годов.

На протяжении 150 лет вплоть до открытия в Пекине иностранных дипломатических миссий в начале 60-х годов XIX в. РДМК выполняла роль неофициального дипломатического представительства России в китайской столице. Ни одно другое государство не имело в то время подобного учреждения в Цинском Китае. Возможно, что в условиях тогдашнего Китая с его закрытостью от внешнего мира³, только такого рода учреждение, каким была РДМК, могло, хотя и неофициально, представлять свое государство в Средней империи, свой народ, его культуру и религию.

В последнее время возрос интерес исследователей к этому уникальному российскому учреждению за рубежом. В 2010 г. совместными усилиями Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата и Института Дальнего Востока РАН был издан на русском и китайском языках фундаментальный труд «Православие в Китае». Издание было посвящено 325-летию появления православия на китайской земле.

Введены в научный оборот новые источники, необходимые для всестороннего объективного анализа деятельности Пекинской миссии за все 240 лет ее сложной, разносторонней и плодотворной деятельности в Китае, завершившейся в 1954 г. закрытием РДМК и образованием в 1956 г. Китайской Автономной Православной Церкви⁴.

Когда в 1935 г. Пекинская миссия широко отмечала 250-летие православия в Китае, начальник 20-й Миссии архиепископ Пекинский и Китайский Виктор, выступая на торжественном акте в Успенском соборе 23 июня, дал исчерпывающую оценку ее деятельности.

«Трудами многих поколений строилась Миссия, — сказал он, — молитвами святых подвижников освящено ее прошлое; Святитель Иоанн, Митрополит Тобольский, Святитель Иннокентий, Епископ Иркутский, принимали непосредственное участие в ее возникновении и развитии; много знаменитых ученых, много выдающихся политиков воспитала она в тиши своих стен; свидетельницей великих событий в истории Китая была она и не только свидетельницей. О многом рассказывает ее 250-летняя история... И в мирные спокойные времена не много таких учреждений, которые переживают не только поколения, но и целые эпохи, которые могут праздновать двухсотпятидесятилетний юбилей»⁵.

* * *

Появление православия, а затем и Российской Духовной Миссии в Китае стало следствием драматических событий на этапе становления российско-китайских отношений конца XVII в. В 40-х годах XVII в. произошли важнейшие в истории Китая и России события: завоевание Срединного государства воинственным племенным союзом маньчжуров, обитавших к северо-востоку от него, и основание в Китае маньчжурской династии Цин, с одной стороны, появление первых русских землепроходцев в Приамурье, обосновавшихся на берегах р. Амур, в основном на левом, в относительной близости от «вотчинных земель» новоявленных правителей Китая — с другой.

Земли, расположенные вдоль Амура, никогда не принадлежали маньчжурам, но маньчжурские войска периодически совершали набеги на улусы, утоняли местных жителей, включая женщин и детей, в центральную часть Маньчжурии, обезлюдившую после переезда богдыхана со своим окружением и «восьмизнаменными» войсками в Пекин, в собственно Китай.

Складывавшаяся ситуация создавала благоприятные условия для освоения русскими новых земель на дальневосточных рубежах страны путем переселения туда из Сибири и других районов представителей разных сословных групп, от служилых людей, боярских детей, казаков, «государственных пашенных крестьян» до ссыльных и беглых. Московское правительство экономически поощряло заселение русскими людьми этого края.

Первопроходцы быстро обосновались здесь, благо природные условия располагали к тому: богатые зверьем и дичью девственные леса, реки, изобилующие рыбою, полноводный Амур, текущий на восток в сторону Тихого океана. В наиболее удобных местах вдоль рек выросли первые остроги (крепости), поселения, зимовья. Самым крупным из них был Албазинский острог, построенный в 1651 г. Е.П. Хабаровым на левом берегу Амура в стратегически важном месте. С 1682 г. — центр Албазинского воеводства.

Укрепив силой оружия свою власть на всем пространстве Срединного государства, Цины обратили внимание на Приамурье. Присутствие на берегах р. Амур русских людей беспокоило их. Они предпочитали, чтобы Китай и Маньчжурия, как и прежде, граничили с зависимыми от них малочисленными кочевыми и полукочевыми народами.

Соотношение людских и военных ресурсов в Приамурье складывалось не в пользу Русского государства, что давало маньчжурам серьезное преимущество. В 1650–1670-х гг. параллельно с дипломатическим нажимом на русских послов Цины периодически совершали военные экспедиции против русских поселений. Однако в тот период они еще не были готовы к масштабным действиям по вытеснению русских из Приамурья. Не последнюю

роль играла в этом боевая выучка русских казаков. Особое впечатление производило на маньчжуров их искусство ведения рукопашного боя, владение огнестрельным оружием.

Самой крупной и исторически значимой военной акцией цинских войск в Приамурье была тщательно разрабатывавшаяся в течение нескольких лет цинскими стратегами при участии самого императора операция по овладению расположенным на левом берегу р. Амур Албазинским острогом. Его захват расчленил русские владения в этом крае.

Двукратная (в 1685 г. и 1686 г.) осада маньчжурскими войсками Албазинского острога определила дальнейшее развитие русско-китайских отношений и стала отправным моментом для появления православия в Китае.

В июне 1685 г. после детально спланированной и тщательно подготовленной операции многочисленное и хорошо вооруженное маньчжурское войско (от 10 до 15 тыс. человек) во главе с генералом Лан Танем осадило Албазин. Предпринятый осаждавшими штурм острога был отбит его защитниками числом не более 450 человек. Тем не менее, боевые действия стремительно развивались не в пользу осажденных.

Цинские войска обложили с внешней стороны стены острога дровами и хворостом и подожгли. Воевода А. Толбузин, не получив своевременного подкрепления из Нерчинска, был вынужден пойти на переговоры с противником, поставив условием, чтобы все албазинцы вместе с оружием были отпущены в Нерчинск. Условия осаждавших были жесткими: люди должны покинуть эти земли, Албазин — разрушен. После снятия осады, разрушения крепости и церкви оставшиеся в живых албазинцы, обобранные маньчжурами дочиства, пошли в Нерчинск «босые, раздетые и голодные, питаюсь травой и кореньем»⁶. Но часть защитников Албазина Лан Тань увел в Китай, как доказательство великой победы над могущественными «лоча»⁷.

По преданию, долгое время сохранявшемуся среди пекинских потомков албазинцев, к плененным (или сдавшимся добровольно в плен, по китайской версии) генерал Лан Тань обратился с предложением самим сделать выбор: возвратиться ли в родное Отечество или служить цинскому императору и принять его подданство. 101 человек выразили желание вернуться в Россию и служить своему государю, а 50 человек пожелали отправиться в Китай. Генерал приказал всех вести как военнопленных в Маньчжурию. Тех, кто пожелал служить богдыхану, приказал оставить на месте, определив их к сельскохозяйственным работам, а первых велел отправить в Пекин. Свое решение он объяснил в следующих словах: «Так как изъявившие желание вернуться в свою отчизну тем самым доказали верность природному своему царю, поэтому нельзя сомневаться, чтобы они не были также верными моему государю. А те, которые служат иноземному государю предпочитают служению природному своему царю, не могут быть верными ни тому, ни другому господину, почему пусть и остаются в рабстве и под надзором местных властей в определенных местах»⁸.

Решение предложить албазинцам право выбора не было личной инициативой Лан Таня. Он действовал в соответствии с предостережением богдыхана от излишней жестокости: не убивать никого⁹, отпустив их в Нерчинск или Якутск, а тем, кто пожелает принять китайское подданство, не отказывать. Указ императора может служить документальным подтверждением приведенной выше истории появления русской общины в Пекине.

На этом албазинская трагедия не закончилась.

Цинские войска отошли к р. Аргунь, не потравив хлеба в поле, хотя такое предписание богдыхана было. Тем временем албазинцы во главе с А. Толбузиным вернулись на пепелище. Не встретив маньчжуров там, они быстро собрали урожай и снова засеяли поля, построили новый Албазин на месте прежнего. Особое внимание уделили оборонительным укреплениям, вырыли колодец, заготовили запасы хлеба.

На следующий год 6 июля многотысячное и хорошо вооруженное цинское войско снова подступило к Албазину. Началась осада острога, которая длилась 10 месяцев.

Московское правительство, получив сведения о военных действиях в Приамурье, не пошло на обострение отношений и предложило Цинам вооруженный конфликт, кого-

рый те называли карательной экспедицией «на истребление и привлечение русских», решить мирным путем, направив на границу с Китаем посольство во главе с Ф.А. Головиным¹⁰. Когда в Китае стало известно о подготовке московского правительства к мирным переговорам, осада Албазина была снята.

В результате сложных и многотрудных переговоров, проходивших под угрозой подступивших к Нерчинску маньчжуро-китайских войск, а также благодаря помощи миссионеров-иезуитов, выступавших в роли переводчиков и консультантов, цинской стороне удалось навязать русскому послу договор на крайне невыгодных для Русского государства условиях. Не последнюю роль в этом сыграла и до предела напряженная обстановка в Москве, регентша Софья в борьбе за власть торопила посла с заключением договора. Нерчинский договор 1689 г. был первым для Китая договором с европейским государством.

Договор нанес ощутимый ущерб России: отторжение части земель Приамурья, потеря до середины XIX в. (Айгуньский договор 1858 г.) свободного судоходства по Амуру и выхода в Тихий океан¹¹.

Согласно 2-й статье договора, крепость Албазин должна была «до основания скрыта и разрушена», а все ее жители, подданные Российской империи, вместе со своим имуществом «должны быть выведены в земли Русской империи».

Статья 4-я определяла, что «те же подданные Русской империи, которые находятся в Китае, и Китайской империи — в России, пусть останутся в том же состоянии»¹². Таким образом официально закреплялось нахождение русских албазинцев в Китае. Как велико было общее число тех, кого увели в Пекин, трудно сказать. Отечественные источники и авторы приводят разные цифры: 25, 45, 151 человек, по данным китайских источников, их было более 40, 100 или 151 человек.

В донесении маньчжурского командования в Пекин о взятии Албазина, содержащемся в одном из важнейших китайских источников по русско-китайским отношениям «Пиндин лоча фанлюэ» («Стратегические планы усмирения русских»), речь идет о 41 пленном: «Помощник начальника [гарнизона] Василий [Захаров] и с ним еще 40 человек, — говорится в нем, — отказались возвратиться, и поэтому мы их оставили. Подвластные нам перебежчики от монголов и солонов, а также взятые русскими в плен — все присоединились к нам»¹³.

О произошедших событиях император Сюань Е сообщил в листе русским государям Петру I и Ивану V о том, что «при взятии города больше сорока человек россиян перешли жить в китайскую сторону»¹⁴.

В одном из указов богдыхана снова упоминается «русский Василий»: «Сдавшиеся русские избегли смерти и были отпущены... Искренне перешедшие на нашу сторону русский Василий и другие устроены в Мукдене»¹⁵, т.е. в Маньчжурии. Как следует из процитированного выше указа, Василий [Захаров] был в числе тех, кто предпочел службу китайскому императору, и согласно преданию, его постигла незавидная судьба: рабский труд на полях Маньчжурии.

А в Пекине император Сюань Е пожелал посмотреть на русских храбрецов. Пораженный их мужественным видом, их боевой выучкой и рассказами цинских военачальников, участников военной экспедиции, об отваге защитников Албазина, он повелел оставить их в столице.

Как лиц военных, император Сюань Е, причислил пленников к императорской гвардии, занимавшей видное положение в системе «восьмизнаменных» войск. Определены они были в так называемую роту Гудэи или русскую роту¹⁶. Император положил им жалование наравне с маньчжурскими гвардейцами, выделил казенное жилье в северо-восточном углу китайской столицы близ Восточных ворот (Дунчжимэнь), в переулке Хуцзяцюань. Тем, кто пожелал, дали в жены вдов казенных преступников. Получили они в вечное потомственное владение и участки пахотной земли за городской стеной, которые не облагались налогами. Там же был выделен и участок земли под албазинское кладбище.

Служба не слишком утомляла албазинцев, и большую часть времени они проводили в безделье. Те из них, кто выучился говорить по-китайски или по-маньчжурски, стали первыми русскими переводчиками-толмачами в Китае. Случалось, что чиновники привлекали их к более серьезному переводу. Так, сохранились сведения о том, что сын плененного албазинца Яков Савин выполнял обязанности драгомана при Лифаньюане¹⁷. Некоторые албазинцы обучали детей состоятельных пекинцев русскому языку. Они помогали русским купцам, приходившим в Пекин с торговыми караванами, при их торговых операциях с китайцами, знакомили купцов с достопримечательностями китайской столицы, обменивались информацией. Для албазинцев, не обремененных службой и заботами о хлебе насущном, такое общение было особенно приятным и интересным.

Албазинцы не представляли себе жизни на чужбине без православной веры. Покидая родную землю, они насильно увели в Китай местного уже немолодого священника о. Максима Леонтьева¹⁸, захватив с собой небогатую церковную утварь, книги, иконы и среди них главную святыню: чудотворную икону святителя Николая Чудотворца¹⁹. В числе пленников оказался и бывший староста алабазинской церкви иерей Дмитрий Нестеров, проживший в Пекине долгую жизнь при первых трех миссиях. По распоряжению императора Сюань Е, находившееся поблизости от домов албазинцев святилище китайского божества войны и богатства Гуань-ди переделали в православную часовню. Вначале эту часовню албазинцы называли Никольской в честь высокопочтимой иконы св. Николая Чудотворца. Китайцы называли ее «лоча мяо», что в переводе на русский язык может означать и «Русский храм» или «Русский моельный дом», и «Храм демонов».

После того, как митрополит Тобольский и Сибирский Игнатий узнал от купцов, ходивших для торговли в Пекин, о существовании там группы русских людей и русской часовни, в 1695 г. он направил в китайскую столицу с торговым караваном священника и дьякона, а также все необходимое для церковной службы и освящения храма. В 1696 г. о. Максим вместе с прибывшими священнослужителями по наказу митрополита освятил часовню в честь Святой Софии — Премудрости Божией. Однако наряду с новым первоначальное наименование Никольская или Староникольская сохранялось за ней многие годы. Митрополит Игнатий направил о. Максиму свое послание, благословляя его на проповедь православия в Китае и приобщение китайцев к православной вере, прежде всего самого императора, его семьи и придворных.

Внешне эта первая в Китае русская православная часовня с галереей по периметру и входом с южной стороны больше напоминала буддийскую кумирню. Внутреннее убранство ее в первые годы оставалось очень скромным²⁰. Главную святыню ее составляла икона св. Николая Чудотворца с поднятым вверх мечом в правой руке и изображением белого храма — в левой²¹. Иконостас, судя по всему, делали сами албазинцы, возможно, с помощью католических христиан, которые затем писали иконы для часовни. Икон было мало, а священных сосудов еще меньше. Объясняя такое положение, иеромонах Николай (Адоратский) писал, что Тобольский митрополит Игнатий «пожертвовал последнее». Службу в часовне о. Максим начал в 1698 г., повенчал албазинцев с их китайскими женами, совершал церковные службы, став первым проповедником православия на китайской земле.

У истоков создания в Пекине Русской Православной Миссии стоял Петр I, определивший основные направления ее деятельности.

В силу исторической случайности или объективной потребности сошлись во времени и пространстве два различных по характеру, но значимых для развития российско-китайских отношений события: знакомство Петра I с положением дел в Западной Европе, особенно в сфере международных отношений, во время его участия в Великом посольстве (1697–1698) и получение им письма из Тобольска от главы Сибирского приказа думного дьяка А. Виниуса²² с сообщением о существовании в далеком Китае не большой русской православной общины, русской церкви, и о том, что многие крестились. «...Его по-еуропски Пекинг именуют, — писал он, — православные христиане ту-

точные, плененные и приезжие, создали и, построив совсем, посвятили церковь... и народ мног Китайской то видели, и вскоре по сих мужеска и женска полу взрослых 20 человек святое крещение себе восприяли, и мнозии желают... [п]ослан указ к Сибирскому архиепископу, чтобы, сыскав удобных свя[щенников], ученых мужей для проповеди туда и крещения, послал».

Через призыв новых представлений о современной системе международных отношений и особой геополитической роли России в ней царь-реформатор расценил этот факт как имевший важное государственное значение. В ответном письме А. Виниусу он писал: «И то дело зело изрядно. Только для Бога, поступайте в том опасно и не шибко, дабы китайских начальников не привести в злобу, также и иезуитов, которые уже там от многих времен гнездо имеют... К чему там надобны попы не так ученые, как разумные и покладные, дабы чрез некоторое кичение оное святое дело не произошло в злейшее падение, как учинилось то в Епании»²³.

Судя по предостережению, содержащемуся в этом письме, Петр I был осведомлен о деятельности западных миссионеров в Китае, появившихся там задолго до того и во многом преуспевших не только в проповеди своей веры. Они занимали почетные должности астрономов, математиков, механиков, врачей, переводчиков при императорском дворе и имели определенное влияние на цинского императора и сановников. «Образованности иезуитов, их дерзким планам христианизации Китая сверху через обращение в католичество китайской знати и их умению приблизиться к императору православные должны были противопоставить сдержанность и разумность в поведении»²⁴.

С этого времени царя Петра интересовало все о положении русской общины в китайской столице, об отношении к русским и к православной церкви китайцев и китайских властей. А. Виниус распорядился, чтобы у комиссаров, возвращавшихся из Пекина в Нерчинск с торговыми караванами, подробно расспрашивали о жизни русских в китайской столице²⁵.

Сведения же поступали неутешительные, говорили о незавидном состоянии православной общины в Пекине, о более чем скромной церкви. Вполне допустимо предположить, что подобная информация была передана Петру I.

По возвращении из Европы царь Петр I издал именной указ от 18 июня 1700 г. о неотложных мерах по распространению православия в Сибири и Китае. Указ означал поворот Петра I к активной политике в отношении Китая, основанной на осознании им важного для международных отношений геополитического положения России между Западом и Востоком, и был направлен на повышение ее роли в мировой политике.

Другое направление, намеченное в указе. — торговля — развивалось в XVII в., а введение Петром I в 1698 г. казенной караванной торговли было призвано придать ей новый статус и новое содержание.

Таким образом, указ 1700 г. был первым официальным документом молодого царя, определившим основные направления, по которым должны развиваться российско-китайские отношения, призванные стать главными на том этапе каналами сближения России с Китаем, русского народа с китайским, русской культуры с китайской.

Это был радикальный шаг в изменении политики молодого царя-реформатора в «делах китайских». Н. Адоратский характеризует указ как «замечательный», «обеспечивший будущность Православной миссии в Пекине»²⁶.

Стремясь через православную веру сблизить Россию с ее дальневосточным соседом, Петр I наметил в указе ряд неотложных мер по распространению православия в Китае.

Говоря о путях распространения и утверждения православной веры в Сибири и Китае с патриархом Андрианом, царь Петр распорядился писать киевскому митрополиту Варлааму (Ясинскому, 1627–1707), чтобы тот привел с собою «добрых ученых не престарелых иноков дву или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку

и грамоте научитись, и познать местныя «суеверия». Эти священнослужители должны были «тамо живущих и приезжих христиан от прелести всякой идолослужения их отвести, и тамо могли бы жити, и у той построенной божней церкви служить»²⁷. Эти люди своим благим житием «хана китайского и ближних его людей и обще их народ привести бы к тому святому делу и к российскому народу людям, которые по все годы с караваны для торгова и для всяких посылок порубежных ездят, учинить себя склонительных»²⁸.

Таким образом, следуя указу, в первую очередь нужно было заботиться о сохранении православной веры у русских людей, находившихся в Китае или прибывавших туда, затем уже обратить внимание на приобщение к православию китайцев во главе с императором, и его ближайшего окружения.

В указе названа и конкретная епархия: Малороссия, где лучше всего можно будет подобрать подходящих для служения в Китае проповедников. Петр I руководствовался тем, что тамошние священнослужители были более образованны и имели опыт борьбы с римско-католическим влиянием, что в Китае было не менее важно, чем на Украине. На этом акцентируют внимание многие исследователи, в том числе и Н. Адоратский: «Взор русского Государя обратился от севера на юг — к устойчивым натурам малороссов, закалившихся в своей борьбе с католичеством и владевших тогда относительно большим просвещением»²⁹.

Оценивая значение указа от 18 июня 1700 г. для внешней политики России на дальневосточном направлении, Н. Адоратский резюмирует: «В нем ясно отражается дальновзорный гений мощного преобразователя России, не упускавшего из виду событий на крайнем востоке»³⁰.

Оперативное издание этого указа свидетельствует о том, что царь-реформатор усмотрел в самом факте нахождения в Пекине русской общины реальную возможность установления более тесных и регулярных связей с Цинским Китаем. Таким образом, Российская Духовная Миссия в Китае изначально рассматривалась им не только как чисто религиозное учреждение. На протяжении нескольких лет царь Петр не оставлял мысли об отправке в Китай русских священнослужителей. В 1703 г. он повторил свой указ Сибирскому митрополиту, а в 1706 и 1710 гг. напомнил о важности подготовительных мер для распространения православия в Китае. Однако Цины не спешили удовлетворять просьбу русских.

В 1704 г. в ответ на письмо А. Винниуса с просьбой принять в Пекине двух русских священников чиновники Лифаньюаня заявили, что такие письма они принимать не будут.³¹

Так, в 1711 г., выполняя инструкции светского и духовного начальства, находившийся в Пекине комиссар торгового каравана Г. Осколков обратился к китайским властям с просьбой, чтобы они разрешили прислать из России в Пекин священнослужителей, ссылаясь на престарелый возраст о. Максима. Просьба осталась без внимания.

Тем временем, по свидетельству комиссаров, ходивших с торговыми караванами в Пекин, в среде албазинцев происходило отчуждение от православной веры под влиянием инокультурного окружения, в котором они находились уже на протяжении многих лет. Не последнюю роль играли в этом китайские жены, приобщавшие своих русских мужей к духовным традициям китайского общества, к нормам поведения в соответствии с конфуцианской моралью.

По возвращении в Россию очередного каравана купцы сообщили об этих наблюдениях и, возможно, о жалобе о. Максима на свою паству Тобольскому митрополиту Филофею (в схиме — Феодору). В 1711 г. митрополит направил албазинцам обличительную грамоту, которая оказала благотворное воздействие на них и вернула их в лоно православной веры.³²

Тем временем в 1711 г. или начале 1712 г. скончался первый православный пастырь в Китае о. Максим Леонтьев, и албазинцы обратились к находившемуся тогда в Пекине комиссару торгового каравана П.Р. Худякову с просьбой получить у китайских вла-

стей дозволение прислать к ним нового священника. Худяков посоветовал им самим обратиться к пекинским властям и пообещал подкрепить их просьбу своим участием. Он представил в Лифаньюань доклад, составленный на основе просьбы албазинцев. Император Сюань Е дал согласие на прибытие в Пекин русского священнослужителя и просил прислать ему доктора, искусного в наружных болезнях³³. С просьбой прислать к ним священника албазинцы обратились также к Тобольскому митрополиту и к Петру I³⁴.

По времени это совпало с подготовкой цинским двором посольства к калмыкам, обитавшим в нижнем течении Волги. Путь следования цинских послов к хану Аюке лежал через российские земли, поэтому китайским властям необходимо было получить на то разрешение российской стороны. Лифаньюань объявил комиссару П.Р. Худякову «взять с собою оных послов, по силе мирных договоров, на границе с честью их принять и, дав им корм и подводы, через сибирские города пропустить к Аюке Хану»³⁵.

15 июня 1712 г. цинское посольство в составе 6 послов и 26 рядовых участников выехало из Пекина в сопровождении комиссара П.Р. Худякова, который спешил в Россию, чтобы сообщить о согласии цинского императора на прибытие в Пекин русского священнослужителя. Сибирский губернатор князь М.П. Гагарин без промедления направил это важное известие в Петербург. Царь Петр предписал Тобольскому митрополиту Иоанну (Максимовичу) выбрать из достойнейших людей для служения в Китайском государстве не одного, а нескольких священнослужителей: архимандрита и с ним священника, дьякона и причетников.

В конце 1712 — начале 1713 г. Тобольский митрополит утвердил состав 1-й Российской Духовной Миссии из 10 человек: три священнослужителя и семь церковников во главе с архимандритом Илларионом (Лежайским). П.Е. Скачков и архим. Софроний (Грибовский) называют 8 причетников. В 1727 г. к ним присоединились три ученика 2-й миссии, прибывшие в Пекин раньше ее священнослужителей³⁶. Получив все необходимое для ведения церковной службы и подъемные, миссия ожидала цинских послов в г. Тобольске. Хотя цинское посольство направлялось не к русскому двору, оно было принято сибирскими властями на самом высоком уровне русского гостеприимства.

На одном из многочисленных обедов, которые устраивал в Иркутске сибирский губернатор М.П. Гагарин в честь цинского посольства, зашел разговор и о направлении русских священников в Пекин. Послы сообщали, что цинский император «во удовольствие того прошения (П.Р. Худякова. — *А.И.*) ламов [попов] прислать повелел; да оному их комиссару также было приказано, чтоб прислать к нам одного доктора, в излечении наружных болезней искуснаго, ежели имеется в их российской земле; и что нам повелено взять их, русских ламов и доктора, буде они пошлются с нами, тогда, как мы назад поедем. Обо всем оном деле сказал нам на то Гагарин, что попы находятся у него в готовности, а доктора искуснаго у него не находится, но он писал о том в Москву и уповае, что к тому времени приедет, как мы назад поедем»³⁷.

В историографии РДМК нет единообразия относительно времени ее прибытия в Пекин. Разброс в датах от апреля 1715 г. до начала 1716 г., так как возвращалось посольство двумя группами.

В конце 1714 или начале 1715 г. на обратном пути китайские послы испросили у сибирского губернатора М.П. Гагарина разрешение «наперед» отправить двух из 6 послов, Наяна и Тулишэня с донесением императору, поскольку дела, порученные посольству, были завершены. Получив согласие губернатора, 16 января 1715 г. два посла в сопровождении четырех сопровождавших их из числа свиты отбыли из Тобольска и прибыли в Пекин 19 апреля 1715 г.³⁸ Основной состав посольства вместе с членами 1-й Российской Духовной Миссии, покинул Тобольск 3 февраля 1715 г. и к концу 1715 — началу 1716 г. прибыл в Пекин. Дорога от Тобольска до Пекина заняла так много времени, потому что в летнюю пору посольство предпочло водный путь по рекам Оби, Кемь, Енисею и др.³⁹ На-

чальник 8-й миссии (1794–1807) архим. Софроний (Грибовский) датирует их прибытие в китайскую столицу 11 января 1716 г.⁴⁰

Отправляя миссию в Китай, российское правительство положило на ее содержание по 100 руб. в год начальнику, по 80 руб. священнику и дьякону, певчим по 10 руб. на человека. Деньги должны были доставляться из Иркутска в Пекин с казенными торговыми караванами ежегодно. Однако и это более чем скромное жалование члены миссии получали не в рублях, которые в Китае не имели хождения, а мехами, поступавшими в Иркутск от сбора ясака, и сами должны были продавать их в Пекине китайским купцам порою за бесценок из-за плохой выделки шкур, что существенно снижало их стоимость.

1-я миссия (1715/16–1728) была встречена в Пекине с большим почетом, несмотря на то, что российские власти не успели направить с ней врача для богдыхана. Но просьбу его российский император выполнил⁴¹. Всех членов миссии император Сюань Е причислил к чиновному сословию, находившемуся на высокой ступени социальной иерархии Цинского Китая. Начальнику миссии был присвоен высокий придворный ранг чиновника 5-й степени, священнику и дьякону — чиновничий ранг 7-й степени, а причетников причислил к военному сословию⁴². Сверх того все члены миссии получили казенные квартиры в непосредственной близости от православной церкви албазинцев.

Китайский император повелел выдать в качестве единовременного пособия начальнику миссии 800 лян серебра⁴³ (1500 руб. по курсу того времени), ему же на служителя 700 лян (около 1100 руб.), иеромонаху и иеродьякону по 500 лян и на служителей по 400 лян, церковникам по 300 лян и на служителей по 150 лян каждому. Архим. Софроний (Грибовский) ошибочно считает, что на эти деньги члены 1-й миссии обзавелись жильем⁴⁴. Более того, Лифаньюань ежемесячно должен был выплачивать жалование в деньгах: священнослужителям по ¼ ляна (офицерский оклад), церковникам по 1/2 ляна и сверх того из казенных магазинов по 3 мерки риса каждому. Снабжали обильно и другими продуктами: через каждые 5 дней поставляли баранов, гусей, уток, кур. Вплоть до спичек все было казенное. А по прошествии каждых трех лет полагались деньги на одежду: архимандриту 40 лян, священникам по 30 лян, остальным по 20 лян. Также, как в свое время албазинцам, император Сюань Е предложил членам миссии китайских жен. Двое из церковников женились, а прежде того их китайских жен окрестили, сами они перешли на службу в русскую роту. Изучивших китайский и маньчжурский языки император Сюань Е приказал впоследствии привлекать для перевода его переписки с российским Сенатом⁴⁵.

В знак особого уважения цинский император назначил в качестве пристава РДМК «самого любезного своего вельможу, чином генерала», который должен был навещать начальника миссии, справляться о его здоровье, о нуждах миссии. По словам Софрония (Грибовского), между Илларионом (Лежайским) и приставом миссии сложились доброжелательные отношения. Такой чести впоследствии не было оказано ни одному архимандриту приставами значительно более низшего чина, а некоторые из них даже не желали общаться с начальниками РДМК⁴⁶.

В подобном великодушии просматривается и определенный подтекст. Поступая таким образом, цинский император тем самым не отходил от существовавшего в китайской традиции «обыкновения» или «обычая» («ли») в отношении иностранцев, так как переводил тем самым членов РДМК из варваров в категорию лиц, поступивших на императорскую службу. Такой прием в отношении русских людей в свое время использовался цинскими властями в приписании к военному сословию албазинских пленников, а впоследствии и в отношении русских учеников, формально приписанных к Гоцзыцзянь (правительственное учебное заведение типа лицея при цинском дворе), которых Лифаньюань также должен был снабжать одеждой, продуктами питания и выделять бесплатно учителей китайского и маньчжурского языков⁴⁷.

Приезд в Пекин для членов Российской Духовной Миссии практически означал перемещение в иной цивилизационный мир, мир традиционного Китая с его закрытым обще-

ством, где тысячелетиями господствовали конфуцианские нормы, культивировались китаец-центристские представления о мироустройстве и высокомерным отношением к иноземцам-варварам. Изнуряющим был и пекинский климат. Все это и многое другое пришлось в полной мере испытать на себе и членам 1-й Российской Духовной Миссии в Китае.

О жизни и деятельности ее известно очень мало. Известно лишь, что архим. Илларион оправдал надежды Петра I и оказался человеком «разумным и покладным». Высокая нравственность и добропорядочность архим. Иллариона снискали ему заслуженное уважение и членов миссии, и паствы, и даже самого цинского императора, который каждый месяц специально направлял к «русскому ламе» чиновника справиться о его здоровье и нуждах миссии.

А миссия, обустроившись на новом месте, начала богослужение, вызвавшее в Пекине небывалый интерес. Убранство церкви, красочное, особенно в праздничные дни, облачение священнослужителей, красивое и стройное песнопение привлекали в русскую церковь не только албазинцев и членов их семей, но и многих пекинцев, включая сановных особ.

Чтобы повысить авторитет миссии, привлечь интерес к ней местных жителей, архим. Илларион эффектно устраивал свои выезды в город, «употреблял передовых два вершника^{*}, а по обеим сторонам коляски по одному вершнику, к чему он и церковников брал, каковым выездом немалую показывал, по тамошним обычновениям, благопристойность, ибо такой экипаж у китайцев в немалом почтении»⁴⁸. С членами миссии держался просто, соблюдая общую трапезу, основанную на монастырских началах.

Однако при общем благоприятном отношении цинских властей к 1-й миссии и прежде всего к ее начальнику существовали и проблемы. Прежде всего отметим порядок, установленный китаецкими чиновниками при выдаче довольствия. Первого числа каждого месяца члены миссии должны были сами приходиться в Лифаньюань за причитавшимся им содержанием. Такая постановка дела, с одной стороны, уравнивая всех членов миссии, подрывала авторитет ее начальника, делала подчиненных в определенном смысле независимыми от него, а с другой, — постоянно напоминала о том, что члены миссии находятся на службе и содержании у китайских властей. Неоднократные обращения архим. Иллариона с просьбой, чтобы все довольствие выдавать одному человеку, а начальник сам бы распределял его между членами миссии, китаецкие власти игнорировали.

Возникавшие в 1717 и 1718 гг. осложнения в сфере российско-китайской торговли⁴⁹ негативно отражались на положении 1-й миссии. Со временем существенно сократилось и дополнительное довольствие, предоставлявшееся поначалу китайской стороной.

Несмотря на такого рода проблемы, положение 1-й миссии в Пекине в целом складывалось неплохо: материальных трудностей она не испытывала, китаецкие власти относились к ней уважительно и благосклонно. Тем не менее, на долю первых (после о. Максима) проповедников православия в Китае выпали тяжелые испытания. Отправляясь в далекую, неведомую страну, духовные первопроходцы не представляли себе, что их ожидает там. Годы оторванности от Родины и родных, от православной среды, рождали непреходящую тоску, непривычный климат вызывал частые болезни, нужно было приспособиться к совершенно иным условиям быта. Осложнял жизнь членов миссии в Китае и труднопреодолимый, особенно в первые годы пекинской жизни, языковой барьер. Словом, все или почти все было иным, чем в привычном укладе их российской жизни. Родной и благотворной нитью, связывавшей их с Россией, была вера. Служение православию поддерживало их духовно. И все-таки не все выдержали выпавшие на их долю испытания.

Адаптация членов 1-й миссии к пекинской жизни проходила крайне тяжело, как это всегда бывает с первопроходцами. И, как следствие, по прошествии некоторого вре-

* Верховой, конник, форейтор.

мени причетники Иосиф Афанасьев, Федор Колесников и Андрей Попов вернулись в Россию. А вскоре миссия лишилась своего пастыря.

По дороге с лечения на теплых источниках, что в 22 км от Пекина, скончался начальник миссии архим. Илларион⁵⁰. Как и с датой прибытия миссии в Пекин, так и с датой кончины архим. Иллариона нет точной информации. Одни авторы называют 14 октября 1717 г., другие — 20 или 26 апреля 1718 г., а также октябрь 1718 г., не позднее 22 декабря 1719 г. Похоронили архимандрита Иллариона на албазинском кладбище рядом с могилой о. Максима Леонтьева, установили крест белого мрамора с обозначением даты его кончины.

Во время пребывания в Пекине 15-й миссии (1865–1878) по инициативе начальника миссии архим. Палладия (Кафарова) с разрешения китайских властей по согласованию с российским посланником прах архим. Иллариона был перенесен с албазинского на уже существовавшее миссийское православное кладбище с подобающим почетом. Возможно, именно тогда и было установлено новое надгробие в виде большой плиты с надписями на церковно-славянском, китайском и маньчжурском языках. Русский текст гласит: «1717 год. Скончался священно-архимандрит Илларион, прозванием Лежайский. Поживе 60 лет погребен здесь»⁵¹. Китайский и маньчжурский тексты несколько отличаются от русского, а время смерти датируется 57-м годом правления Канси, что соответствует 1718 г. Возможно, эта дата относится ко времени установления первого памятника-креста.

Спустя некоторое время после кончины начальника 1-й миссии оставшиеся члены ее обратились в Лифаньюань с просьбой доложить цинскому императору о необходимости прислать из России в Пекин нового начальника миссии. По представлению Лифаньюаня император Сюань Е распорядился отправить в Россию двух членов миссии на полном коште цинской стороны с листом от Лифаньюаня к сибирскому губернатору М.П. Гагарину, в котором сообщалось, что «в нынешнем же году» скончался «ваш архимандрит Илларион». Лист не датирован и заканчивался следующим предложением: «Ты же, Гагарин, определи, хочете ли отсюда сюды прислать втарого архимандрита или к вам возвратить оных, иже здесь суть и к нам от вас пришли»⁵². Доставить лист в Россию Лифаньюань поручил дьякону Филимону и церковнику Григорию Смагину, пожелавшим вернуться на Родину. В сибирском губернаторстве лист был получен 22 декабря 1719 г. и губернатор М.П. Гагарин переслал его в Сенат⁵³. В результате в Пекине остались 4 члена 1-й миссии: 1 священник и 3 церковника. В ожидании решения Петербурга они продолжали отправлять свои обязанности.

Судя по письму тобольского митрополита Филофея (Феодора) сибирскому губернатору М.П. Гагарину от 4 апреля 1719 г., известие о кончине начальника 1-й миссии пришло в Сибирь значительно раньше от комиссаров торговых караванов, ходивших в Пекин. Митрополит просил сибирского губернатора доложить Петру I об открывшейся возможности направить в Китай главой Российской Духовной Миссии священнослужителя «чином повыше»⁵⁴.

А в конце того же года митрополит Филофей шлет письмо Петру I, где уже более четко формулирует мысль о необходимости повышения статуса РДМ в Китае, назначив начальником ее не архимандрита, а архиерея:

«А в первых веках, да умножится церковь и христианская вера, многие кровь свою проливали. Ныне же за благополучной вашего Царского Величества державы безкровье сами того неверны требуют, чтобы быть там делателем добрым и разумным людем хочь бы и высшего чина, то усердно примут для всякого дела.

И о сем ты, Великий Государь, что укажешь»⁵⁵.

Исходя из того, что решение вопроса о дальнейшей судьбе РДМ в Китае Лифаньюань предоставил российской стороне, в Петербурге приступили к подготовке новой миссии.

Идея учреждения в Китае православной епископии была поддержана российским императором, так как этот шаг открывал более широкие возможности для распространения там православия. Находясь в Китае, епископ мог производить рукоположение в священнослужители достойных людей из числа как потомков албазинцев, так и самих китайцев, не направляя их в Россию.

14 февраля 1721 г. Святейший Правительственный Синод совместно с Сенатом доложили императору о кандидатуре будущего епископа, в то время иеромонаха Иннокентия (Кульчицкого)⁵⁶, запросив его о посвящении новоизбранного начальника РДМК в сан епископа Иркутского и Нерчинского. Царь Петр I рассудил: «В архиереи посвящать, но лучше б без титула городов, понеже сии города порубежные к Хине (Китаю. — *А.И.*), чтобы иезуиты не перетолковали инако и бедства б не нанесли»⁵⁷. Примечательно, что царь не первый раз высказывает мысль о том, что православную миссию в Китае подстерегает опасность со стороны западных миссионеров. И митрополит Феодор также был наслышан об активной деятельности западных проповедников в Китае.

Указом от 7 марта 1721 г. начальником 2-й миссии был назначен епископ Переяславский Иннокентий (Кульчицкий). 21 апреля правительствующий Сенат направил специальный лист в Лифаньюань, а двумя днями раньше епископ Иннокентий со свитой покинул Петербург и отправился в путь.

На границе они остановились и вместе с торговым караваном стали дожидаться разрешения цинских пограничных властей на въезд в Китай. Китайская сторона отказывалась принять епископа («такую превеликую особу») и соглашалась лишь на архимандрита и священников.

Хотя в листе Сената не говорилось о высоком сане нового начальника миссии, он был назван лишь духовной особой, господином Иннокентием (Кульчицким), тем не менее в Пекине, видимо, стало известно о намерениях российского правительства. Из-за проволочек китайских пограничных властей, длившихся не один год, и противодействия западных миссионеров, миссию Иннокентия (Кульчицкого) цинское правительство так и не пропустило в Китай, и прибытие 2-й миссии во главе с архим. Антонием (Платковским) задержалось на несколько лет⁵⁸. Учреждение в Китае православной епископской кафедры стало возможным почти два века спустя в иную историческую эпоху.

Весть о кончине начальника 1-й миссии архим. Иллариона (Лежайского) совпала с направлением в Китай Л.В. Измайлова⁵⁹ в ранге чрезвычайного посланника во главе многочисленного посольства (90 человек) для переговоров о возобновлении прерванной китайской стороной русско-китайской торговли и разрешения всех спорных вопросов. В том числе с российской стороны предлагалось оставить в Пекине в качестве русского консула Лоренца Ланга⁶⁰ для защиты интересов пленных албазинцев и их потомков, а также прибывавших в Пекин русских торговых караванов.

В связи с этим Л.В. Измайлову было поручено инструкцией Коллегии иностранных дел следующее: «Ему же, чрезвычайному посланнику, буде усмотрит к тому удобной случай, старание свое приложить, чтоб ханово величество соизволил на постройку церкви благочестивыя греческого исповедания для приезжающих подданных купцов его царского величества и для пребывания тамо священников, как то от них позволено римского исповедания священником езуитом, и на строение церкви оной дано б было место, которая ис казны его царского величества построена быть имеет»⁶¹. Аналогичную инструкцию получил российский посланник и от Коммерц-коллегии. По независящим от Л.В. Измайлова обстоятельствам, он не смог выполнить ни одного из пунктов данных ему инструкций.

В 1722 г. скончался император Сюань Е, трон перешел к третьему императору Цинской династии Инь Чжэню⁶². По свидетельству российского чрезвычайного посланника и полномочного министра С.Л. Владиславича-Рагузинского⁶³, новый правитель Китая был человеком крайне жестоким, жадным и злобным. Как говорили посланнику китайские сановники, он не щадил даже собственных родственников, вплоть до их уничтожения⁶⁴.

Долгие и крайне трудные переговоры российского посла с цинской стороной во многом подтверждают справедливость этих характеристик нового императора. Таким образом, ситуация, при которой направлялась в Китай 2-я миссия (1729–1735), была иной, чем при появлении там 1-й миссии РДМК.

Российские правительственные и церковные власти, проявили большую заботу при подготовке 2-й миссии. Важную роль в этом сыграл находившийся в то время в Пекине и на границе С.Л. Владиславич-Рагузинский. По заключении 20 августа 1727 г. Буринского договора С.Л. Владиславич-Рагузинский проявил оперативность и последовательность в решении этого вопроса. Ссылаясь на предварительные устные договоренности с министрами, с которыми вел переговоры на границе у р. Бура, он добился от них разрешения на скорейший пропуск в Китай торгового каравана и с ним 3-х учеников 2-й миссии.

Неудача с попыткой учреждения в Китае православной епископии не обескуражила посланника и по его настоянию в Кяхтинский договор была включена специальная 5-я статья о Российской Духовной Миссии в Китае.

«Коэн или дом, который ныне для российских в Пекине обретается, — записано в договоре, — будет для россиян и впредь приезжающих, оные сами будут жить в сем доме. А что российский посол Ильирийский граф Сава Владиславич представлял о строении церкви, зделана в сем доме вспоможением вельможей, которые имеют надсмотрение в делах российских. В сем доме будет жить один лама (священник), ныне в Пекине обретающийся, и прибавятся другие три ламы (священника), которые придут, как решено. Когда придут, дастся им корм, как дается сему, который прежде приехал, и при той же церкви поставлены будут. Россияном не будет запрещено молиться и почитать своего Бога по своему закону. Кроме того, четыре мальчика учеников и два побольшого возраста, которые по-русски и по-латыне знают и которых посол российский, Ильирийский граф Сава Владиславич, хошет оставить в Пекине для обучения языков, будут жить также в сем доме, и корм дастся им из царского иждивения. А когда выучатся, по своей воли да возмуться назад»⁶⁵.

Кяхтинский договор официально закрепил статус РДМК, ее постоянное пребывание в Пекине, местоположение, содержание, выдаваемое китайской стороной, численный состав священнослужителей и учеников, а также возраст последних, которые также должны были жить при миссии. Цинские власти строго следили за тем, чтобы российская сторона не превышала установленный договором численный состав РДМК в 10 человек (священнослужители и ученики).

Ограничивал договор и масштабы православной проповеди в Китае средю русских людей, что означало определенный отход посланника, основного его автора, от замысла Петра I в отношении роли православия в сближении России с Китаем.

Анализ документов посольства, Статейного списка С.Л. Владиславича, а также его действий в вопросах о РДМК не позволяют рассматривать данный шаг посланника как недооценку им духовного фактора в политике России в отношении Китая.

Талантливый дипломат и опытный государственный деятель С.Л. Владиславич трезво оценивал опыт предшествующих официальных посольств России в Китай, драматические для нее условия и последствия Нерчинского договора, и памятуя наказ царя Петра, предостерегавшего от поспешности в распространении православия в Китае, поступал осмотрительно и неспешно, чтобы не навредить развитию российско-китайских отношений. При выработке текста Кяхтинского договора посланнику пришлось пойти на определенные уступки цинской стороне, в том числе и по поводу деятельности РДМК, что позволило ему в позитивном ключе решить главные на тот момент задачи межгосударственных отношений — разграничение и развитие торговли.

Свидетельством последовательности и твердости позиции российского посланника, в том числе и по поводу РДМК, служит текстологический анализ документов пере-

говорного процесса, текст самого договора, где рефреном идут вставки цинских министров «Сава хочет»*.

Согласно договору, китайская сторона предоставила в распоряжение РДМК так называемый Русский или Посольский двор. Это место давно было обжито русскими людьми: сюда приходили торговые караваны из России, прибывали гонцы и курьеры, останавливались посланники. Именно оно было выбрано С.Л. Владиславичем-Рагузинским для Посольского двора, а затем и для резиденции РДМК.

Расположенный в одной из самых оживленных частей внутреннего города на улице Дунцзяоминьсян⁶⁶ Посольский двор отстоял «от государева дворца в полверсты на полдень (т.е. на юг. — *А.И.*); от главного купеческого города, что за воротами, называется Цинь-мин⁶⁷, около российской версты, а от большой городской стены на север не более четверти версты; от иностранной же коллегии, или, как российские называют, от иностранного трибунала, с небольшим полверсты»⁶⁸. С.Л. Владиславич-Рагузинский выбрал Посольский двор из-за близости к Лифаньюаню и главному торговому району Пекина, современной ул. Цяньмэнь дацзе (с 1963 г.).

Выбранный послом комплекс зданий был построен еще при Минской династии⁶⁹ в 1441 г. и вначале принадлежал одному из вассальных князей. После его смерти там стали размещать посольства различных соседних государств, прибывавших в Пекин с «данью» к императорскому двору. И, как сказано выше, там часто останавливались русские люди: торговые караваны, гонцы, курьеры и др. Именно там размещались посольства Л.В. Измайлова и С.Л. Владиславича-Рагузинского, пекинский раунд переговоров которого с цинскими министрами о заключении договора также проходил там. А еще раньше, 109 зимних дней и ночей 1693 г. на территории Русского двора провел российский посланник И. Идес. Называлось это место Хуэйтун гуань, но со временем за ним закрепилось другое название — «Элосы гуань» (Русский двор) или, как тогда его называли пекинцы — «Элосу гуань».

По свидетельству китайских источников и в сочинениях китайских историков — цинских (Хэ Цютао) и современных (Цай Хуншэн и др.), это был обширный комплекс зданий, разделенный на северную часть из 6 домов и южную — из 3-х, в общей сложности строения в северной части насчитывали 376 помещений, а в южной — 387⁷⁰. Одну из этих частей комплекса передали РДМК (монастырю), а другая осталась для торговых караванов и других приезжавших из России людей (см., например: Журнал курьера В.Ф. Братищева)⁷¹.

Архим. Софроний так описал внешний вид Русского или Посольского двора:

«Сей дом, по обыкновению китайскому, имеет четыре ворота. Посредине двора большая гостинная зала, а по сторонам довольно число построено в линию на подобие казарм покоев, конх для малых караванов, приезжающих с мягкой рухлядью, для вымену на серебро в дачу архимандриту с протчимн в жалованья, очень довольно»⁷².

Новое подворье стало именоваться Нань-гуань, т.е. Южное подворье и служило главной резиденцией РДМК вплоть до начала 60-х гг. XIX в.

По реляции С.Л. Владиславича-Рагузинского св. Синод повысил жалованье всем членам миссии и ученикам: архимандриту — 550 руб. в год и на церковные нужды 50 руб., священнослужителям и ученикам по 130 руб., но вскоре эта сумма была повышена до 200 руб. Позаботился об улучшении финансового положения миссии и агент Л. Ланг, по донесению которого, Сенат в сентябре 1730 г. распорядился выдавать жалование в на-

*Так, кроме процитированной выше 5-й статьи договора, в 9-й статье тексте записано: «... которых посол российской Ильирийский граф Сава Владиславич хочет оставить в Пекине для обучения языков». В статье 9-й читаем также: «... как посол российской Слава Владиславич Ильирийский граф решил, так и утверждено».

чале каждого года на год вперед, «дабы оные (члены миссии) в таком отдаленном краю без жалования не претерпевали нужду»⁷³.

Кяхтинский договор не содержал конкретных указаний на размеры и виды довольствия, которые должна будет выдавать членам миссии и ученикам китайская сторона. Сказано лишь, что дастся им (священнослужителям. — *А.И.*) корм, как дается сему, «который прежде приехал», а ученикам «корм дастся... из царского иждивения». Действительно, размеры денежного содержания были сохранены те же, что и для 1-й миссии. Сверх того всем одинаково выдавался рис из расчета 1 фунт в день на каждого человека и необходимый объем воды из близлежащего колодца, принадлежавшего Лифаньюаню. Сохранились и выплаты на одежду, также один раз в три года. По утверждению архим. Софония, дополнительное содержание, подобное тому, какое имели члены 1-й миссии, после заключения договора «вовсе отменено, и теперь кроме 4 лан и 5 чин архимандриты со священнослужителями да по несколько в месяц крупы, причисляя к сему даваемую не очень хорошую ханскую воду, более ничего не получают»⁷⁴.

Ученикам цинское правительство выдавало по 3 лян в месяц (6 руб.) и одинаковое с членами миссии натуральное содержание. В августе 1729 г. император определил для них учителей китайского и маньчжурского языков.

Исследовательница научного наследия школы учеников при РДМК Юй Цзе рассматривает этот уникальный опыт в контексте реализации общей образовательной программы Петра I по подготовке русских специалистов за рубежом и как важнейшее условие развития русско-китайских отношений⁷⁵.

Таким образом на официальном уровне российской стороной все было подготовлено для закрепления статуса РДМК в Пекине и для приема 2-й миссии. За исключением отказа пустить в Китай епископа Иннокентия (Кульчицкого) китайская сторона не чинила никаких препятствий в отношении 2-й миссии. Однако на бытовом уровне она не спешила с обустройством Посольского двора, который еще многие годы оставался плохо приспособленным для жизни и деятельности духовной братии: жилые помещения не были отремонтированы, у начальника миссии фактически не было собственных апартаментов, не достроена была церковь, не было собственного колодца и т.д.

Лишь спустя два года после издания св. Синодом определения от 4 августа 1725 г. 2-я миссия смогла отправиться в Пекин. В силу ряда обстоятельств архимандрит Антоний (Платковский) добрался до Пекина лишь в 1729 г.

Кяхтинский договор завершил процесс обретения Российской Духовной Миссией официального права на постоянное пребывание в Китае. Замысел и инициатива Петра I были реализованы, хотя и не в полной мере. Смерть царя-реформатора не позволила претворить в жизнь многое из того, что он связывал с деятельностью духовной миссии в Китае, прежде всего в деле сближения двух народов.

Направляя 1-ю миссию в далекую страну, о жизни которой в то время мало что было известно в России, российские власти должны были бы более тщательно продумать и провести ее подготовку, а затем, снаряжая последующие составы Миссии, учитывать опыт предыдущих и вносить соответствующие коррективы.

Отчеты и впечатления от непродолжительных визитов в Китай в XVII — начале XVIII вв. российских посланников, путешественников и купцов не могли дать сколько-нибудь адекватного представления о том, с какими непредвиденными трудностями предстоит встретиться там русским людям, не знавшим ни местных языков, ни образа жизни и обычаев, ни менталитета народа, в окружении которого на протяжении многих лет им предстояло жить. Важно было знать, как отнесется к ним китайское население, малознакомое с иностранцами, тем более такими колоритными: странные непривычные одежды, цвет лица, окладистые бороды и пр. Западные миссионеры к тому времени уже перешли на китайскую одежду, что впоследствии вопреки запрету св. Синода сделали и члены РДМК.

По приказу царя Петра I-я миссия формировалась в Сибири, духовенство которой знало о Китае, вероятнее всего, больше из рассказов купцов, ходивших в Пекин с торговыми караванами. Миссия была в ведении Тобольской епархии, что свидетельствовало о недостаточном осознании важности этого дела («то дело зело изрядно...»), и как следствие — невысокий статус самой РДМК. Безусловно, так было удобнее поддерживать связь с Миссией, учитывая огромные расстояния и примитивные транспортные средства.

Еще одним важным свидетельством недооценки РДМК со стороны правительства служит ее недостаточное финансирование без учета китайского менталитета, местной торгово-финансовой конъюнктуры, роста цен, непредвиденных объективных обстоятельств, затруднявших связи с Россией.

Вполне понятно, что отправление миссии в Китай было приурочено к уникальной okazji — возвращению в Пекин посольства, ездившего к калмыцкому хану Аюке, и тут было не до детальной проработки подготовки состава миссии и ее встречи с Китаем. Расчет, видимо, делался на помощь албазинцев. И все-таки на подготовку I-й миссии времени было вполне достаточно, около 3-х лет. Случайным был и подбор ее членов. I-я и 2-я миссии не были снабжены инструкциями от духовных и светских властей.

При всех отмеченных выше недочетах не следует забывать, что это был первый выход России на постоянный контакт с цинскими властями, знакомство с китайским обществом непосредственно в столице Срединной империи, насколько это было возможно в начале XVIII в. в закрытом от внешнего мира государстве.

Такое скромное на первый взгляд событие, как появление в Пекине небольшой группы православных священников, означало несомненный успех новой внешнеполитической стратегии российской дипломатии на восточном направлении, главным творцом которой был царь Петр I. Россия, используя возможности евразийского положения, обрела выход на непосредственные контакты с государствами Восточной Азии, а в перспективе на участие в международных отношениях в этом регионе.

На новом уровне межгосударственных отношений России и Китая с согласия цинских властей РДМК вплоть до середины XIX в. выполняла функции неофициального дипломатического представительства Российской империи в Цинской империи. Уникальный пример отклонения Цинов от традиционного обыкновения в отношениях с другими странами⁷⁶.

В далеко не простом процессе развития российско-китайских отношений роль I-й миссии, несмотря на весьма скромные документальные свидетельства о ее положении и деятельности, несомненно, выходит за хронологические рамки срока ее официального пребывания в Пекине.

В той сложной ситуации, в которой оказалась I-я миссия по прошествии первых лет пребывания в Китае, силами значительно сократившегося численного состава она обеспечила непрерывность проповеди православия на китайской земле вплоть до прибытия 2-й миссии РДМК.

Опыт I-й миссии был учтен российским правительством и Святейшим Правительственным Синодом уже при подготовке 2-й миссии, в том числе в увеличении ее финансирования. Обретение РДМК стараниями российского посланника С.Л. Владиславича-Рагузинского собственной резиденции в центре столицы во всех отношениях было удобно и престижно, повышало ее статус в глазах пекинцев.

Трудно переоценить значение Кяхтинского договора и роль его главного творца С.Л. Владиславича-Рагузинского в официальном закреплении позиций РДМК в Китае, что позволило ей, не ограничиваясь духовным окормлением русской общины, расширять сферу своей деятельности в разных направлениях.

Исторически важным было согласие цинских властей на обучение при РДМК русских учеников официальному языку Цинского Китая, закрепленное Кяхтинским дого-

вором. Были заложены основы для зарождения и развития российского китаеведения в самой столице Китая.

Нахождение РДМК в Пекине открывало реальные возможности для налаживания плодотворного межкультурного диалога православной России и конфуцианского Китая на основе «крепчайшего и вечного» мира, равенства сторон, несмотря на то, что каждая из них понимала его по-своему. Исторический опыт взаимодействия России и Китая, двух равновеликих государств-соседей подтверждает его жизнеспособность и плодотворность.

1. Подробно о разносторонней деятельности РДМ в Китае см.: *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977; *его же.* Библиография Китая. М., 1960; *Журавлева В.П.* Библиография Китая. Философия и общественно-политическая мысль. Этика. Эстетика. Военная мысль. Мифология. Религия. 1958–2008. М., 2015; *Ипатова А.С.* Православие на Дальнем Востоке. Историкограф. обзор // ПДВ. 2006. № 2. С. 146–156; № 3. С. 180–185; *Адоратский Н.* Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования: Опыт церковно-исторического исследования по архивным документам иеромонаха Николая [Адоратского] История Пекинской Духовной Миссии в первый период ее деятельности (1685–1745). Вып. 1. История Пекинской Духовной Миссии во второй период ее деятельности (1745–1808). Вып. 2. Казань, 1887; Краткая история Русской Православной Миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году двухсотлетнего ее существования. Пекин, 1916; История Российской Духовной Миссии в Китае: Сб. ст. М., 1997; Православие на Дальнем Востоке. Вып. 1–4. СПб., 1993–2004; Православие в Китае. М., 2010; *Дацышен В.Г.* История Российской Духовной Миссии в Китае. Гонконг, 2010; *Поздняев Д.* Православие в Китае (1900—1997). М., 1998; *Дацышен В.Г., Чегодаев А.Б.* Архимандрит Петр (Каменский). М.: Гонконг, 2013; *Бэй-гуань.* Краткая история Российской Духовной Миссии в Китае. М.; СПб., 2006; *Горбачев Б.Н., Манакова Т.Б.* Возрождение святыни: Успенский храм на территории российского посольства в Пекине. М., 2013; *Самойлов Н.А.* Россия и Китай в XVII — начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб., 2014; Россия и Китай. Четыре века взаимодействия. М., 2013; все изданные тома документальной серии «Русско-китайские отношения в XVII—XX вв.». М., 1969–2011; *Петров В.* Российская духовная миссия в Китае. Washington, D.C. 1968. *Widmer E.* The Russian Ecclesiastical Mission in Peking during the 18th Century. Cambridge, (Mass.), 1976 и др.
2. Маньчжурская династия Цин («чистая») правила в Китае с 1644 по 1912 г., была свергнута Синьхайской революцией 1911–1913 г.
3. Подробный анализ политики «закрытых дверей» см., напр.: *Ху Сыюн.* Цин чао дэ бушань чжэнь хэ мэньэйчжуи: [Политика «закрытых дверей» и обскурантизм Цинов] // Цилинь шидэ сюэбао. 1979. № 2; *Ипатова А.С.* Политика «закрытых дверей» Цинов: политика «самозащиты» или «самоубийства государства» (к постановке вопроса в современной историографии КНР) // Всемирная история и Восток. Сб. ст. М., 1989. С. 242–251.
4. После открытия в 1861 г. Российской дипломатической миссии в Пекине к ней отошло принадлежавшее РДМК с 1728 г. Южное подворье (Нань-гуань), а за Духовной Миссией осталось только Северное подворье (Бэй-гуань). 30 июля 1954 г. Священный Синод Русской Православной Церкви постановил упразднить Российскую Духовную Миссию в Китае, оставив все православные храмы, построенные на территории Китая, в ведении созданного 5 июня 1946 г. Восточно-Азиатского Экзархата Русской Православной Церкви. 30 марта 1956 г. в Москве было принято решение и о его упразднении в соответствии с протоколом о передаче имущества РДМ в Китае и Восточно-Азиатского Экзархата, а также на основании материалов об имуществе, представленных Миссией китайской стороне. Все недвижимое имущество безвозмездно передавалось китайскому правительству. 23 ноября того же года Московский Патриархат предоставил Китайской Православной церкви статус автономной, т.е. полностью независимой в делах своего внутреннего управления. Все свое движимое имущество в Китае РПЦ передала ей. Лишь территория площадью в 15,85 га в северной части Бэй-гуаня вместе с находившимися на ней культовыми сооружениями,

- зданиями, постройками и парком предоставлялась Посольству СССР в КНР «в бесплатное и бессрочное пользование» с определением ее границ. (Текст Протокола см.: Православие в Китае. С. 157–159). Посольство СССР в КНР вошло в «Книгу рекордов Гиннеса» как крупнейшее в мире по занимаемой территории. С 1991 г. там располагается Посольство РФ в КНР. В настоящее время на его территории восстановлен Успенский собор, сооружен поклонный крест и создан музей Российской Духовной Миссии в Китае. С 1996 г. на территории Посольства РФ, а с 2005 г. в Генконсульстве РФ и Николаевском храме в Шанхае совершаются богослужения. Ныне и впредь до восстановления иерархической структуры Китайской Автономной Православной Церкви пастырскую ответственность о православных верующих в Китае несет Церковь-Мать — Русская Православная Церковь. В 2013 г. состоялся первый исторический визит Патриарха Кирилла в Китай, в ходе которого Патриарх совершил богослужение в Пекине, Харбине и Шанхае, встретился с председателем КНР Си Цзиньпином, руководителями Государственного управления по делам религий КНР, руководителями провинции Хэйлуньцзян и г. Шанхая, с религиозными лидерами КНР.
5. Китайский благовестник, 1685–1935. Юбилейный сборник, посвященный 250-летию Российской Православной Миссии в Китае. Пекин: Духовная миссия, 1935. С. 23. Владыка Виктор в миру Святин Леонид Викторович (1893–1966), начальник 20-й миссии с 1933 по 1956 гг., вернулся на Родину, где сначала возглавлял Вологодскую епархию. Вскоре был хиротонисан в митрополиты и возглавил Кубанскую и Краснодарскую епархию. (Подробно о нем, его жизни и деятельности см.: *Тихвинский С.Л.* Начальник 20-й Миссии — владыка Виктор // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. С. 84–91; *Кепинг О.В.* Последний начальник Российской Духовной Миссии в Китае — архиепископ Виктор: жизненный путь // Там же. С. 91–99. О юбилее Миссии см.: *Иванова А.С.* Празднование 250-летия Российской Духовной Миссии в Китае (1935 г.) // Там же. С. 74–84.
 6. *Оглобин Н.Н.* Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа (1592–1708). Ч. 3. С. 271. М., 1888; *Адоратский Н.* Указ. соч. Вып. 1 С. 34–35. Документальные свидетельства о положении русских в Приамурье см.: Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683. М., 1969; Т. 2. 1686–1693. М., 1972. (Далее: РКО). Об Албазине и других острогах Приамурья см.: *Артемьев А.Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья в XVII—XVIII вв. Владивосток, 2000.
 7. *Лоча* (лучины) — искаженная транскрипция санскритского слова *ракшас* из буддийского пантеона, означающего демона, преследующего людей. Этим именем наряду с «краснобородыми» маньчжуры называли русских поселенцев в Приамурье.
 8. По мнению Н. Адоратского, это предание было записано со слов потомков пекинских албазинцев в начале XIX в., видимо, кем-то из членов 9-й миссии (1807–1821) и затем опубликовано в «Сибирском вестнике» (1822. Ч. XVIII. С. 110). См.: *Адоратский Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 33–35. Существоют сведения, что оно сохраняется и среди современных потомков албазинцев в Пекине.
 9. РКО в XVII в. Т. 2. 1686–1693. Приложение. С. 673, 677–678.
 10. Головин Федор Алексеевич (1650–1706) — видный политический деятель конца XVII — начала XVIII в., дипломат, генерал-адмирал, сподвижник Петра I. При отправлении во главе посольства «для договора и успокоении ссор с китайским богдыханом» ему было присвоено почетное звание боярского наместника. В 1697–1698 гг. — второй посол в «Великом посольстве» в Западную Европу, по возвращении в Россию был награжден орденом Андрея Первозванного. Занимал высокие государственные посты, в том числе возглавлял вновь созданный Военно-морской приказ. С 1699 по 1706 — глава Посольского приказа (подробно о нем см.: РКО в XVII в. Т. 2. С. 762–763).
 11. Подробно об албазинской трагедии и Нерчинском договоре см.: РКО в XVII в. Т. 1, 2; *Яковлева П.Т.* Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958; *Мясников В.С.* Империя Цин и Русское государство в XVII в. // *Мясников В.С.* Кастальский ключ китаеведа. М., 2014; *Артемьев А.Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья в XVII—XVIII вв. *Мелихов Г.В.* Маньчжуры на Северо-Востоке в XVII в. М., 1974; Внешняя политика государства Цин в XVII в. М., 1977; История Северо-Восточного Китая. XVII—XX вв. Кн. 1. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII — нач. XX в.). Владивосток, 1987 и др. Текст Нерчинского договора см.: РКО в XVII в. Т. 2. С. 645–646.
 12. РКО в XVII в. Т. 2. С. 646.
 13. Там же. С. 676, 678.

14. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Казань, 1882. С. 49. Второй император Цинской династии Сюань Е (1654–1722), девиз годов правления Канси (1662–1722).
15. РКО в XVII в. Т. 2. С. 678.
16. Некоторые авторы, ошибочно считают, что русская рота была создана после появления в Пекине албазинских пленников, и на этом основании делают вывод о том, что их было 100 человек. На самом деле она начала формироваться значительно раньше из числа русских перебежчиков и пленных. Подробно об этом и «восьмизнаменных» войсках см.: *Непамяти О.Е.* История Китая. Эпоха Цин. XVII — начало XX века. М., 2005; *Мелихов Г.В.* Система военного и гражданского управления восемью знаменами как часть государственного аппарата маньчжуров // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (Вопросы истории и экономики), М., 1969. С. 114–124; *Адоратский Н.* Указ. соч. Вып. 2. С. 364–365.
17. Лифаньюань — центральное учреждение правительства Цинского Китая, ведавшее делами «зависимых территорий»: Монголией, Тибетом и Синьцзяном, а также сношениями с Россией. В дореволюционных источниках и литературе именовалось как Трибунал, Палата, Коллегия внешних сношений или Монгольский приказ.
18. Наряду с этой, наиболее распространенной, существует и другая версия появления о. Максима в Пекине, согласно которой он входил в отряд русских землепроходцев Григория Мильникова. Летом 1683 г. отряд, покинув Албазин, продвигался дальше по Приамурью. В пути был захвачен в плен маньчжурами и увезен в Пекин (см., например: *Православие в Китае.* С. 20). Некоторые авторы о. Максима ошибочно называют Дмитрием.
19. Чудотворная икона Святителя Николая Чудотворца Мирликийского (епископа из г. Миры в Ликии) можайского письма была главной святыней РДМК на протяжении всей ее истории вплоть до закрытия Миссии. После сооружения Успенского собора на территории Бэй-гуаня находилась там и была особо почитаемой русскими людьми в Китае, особенно в эмигрантский период. Об этом см., например: *Кузьминская А.* Святитель Николай Мирликийский, Великий Чудотворец (Харбинские воспоминания) // Русь державная. № 3(6). 1994. С. 6.
20. *Адоратский Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 47–49.
21. Изображение иконы см.: *Православие в Китае.* С. 17.
22. Виниус Андрей Андреевич (1641–1717) — сын русского купца и заводчика, москвич, голландец по происхождению. Государственный деятель, сподвижник Петра I. Широко образованный, владевший многими европейскими языками, Виниус А.А. был первым российским почтмейстером, возглавлял Аптекарский приказ. По делам Посольского приказа в 1672–1674 гг. выезжал в Европу, по возвращении был произведен в дворянское сословие. Вел переписку с Петром I.
23. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887. С. 253–254, 694; *Саловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 7. (Т. 13–14). М., 1962. С. 600.
24. *Православие в Китае.* С. 24–26. Подробно о деятельности западных миссионеров в Китае см. там же; *Ломанов А.В.* Христианство и китайская культура. М., 2002; *Дубровская Д.В.* Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие. 1552–1775 гг. М., 2001.
25. *Адоратский Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 55.
26. Там же. С. 56–57.
27. Текст указа см.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Изд. 1-е. Т. 4. № 1800. Здесь и далее цитируется по: РКО в XVIII в. Материалы и документы. Т. 1. 1700–1725. М., 1990. С. 50. Док. № 5.
28. РКО в XVIII в. Т. 1. С. 50.
29. *Адоратский Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 58.
30. Там же.
31. Там же. С. 59.
32. Там же. С. 53.
33. Там же. С. 60–62.
34. *Софроний (Грибовский).* Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в оном греко-русской веры // Материалы для истории Российской Духовной Миссии в Пекине / Под ред. Веселовского Н.И. Вып. 1. СПб., 1905. С. 12.
35. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 75–76.
36. Там же. С. 80–81.; *Скачков П.Е.* Указ. соч. С. 358; *Софроний (Грибовский).* Указ. соч. С. 33.

- Илларион (Лежайский) (1657–1717). Родом из Чернигова. Окончив Киевскую духовную академию, служил у Черниговского епископа Иоанна (Максимовича), переведенного затем в Тобольск. Вместе с митрополитом Филофеем (Феодором) переехал в Тобольск. В 1702 г. был произведен в архимандриты, назначен начальником Якутского Спасского монастыря, управителем Киренского и Илимского острогов с уездами. Персональный состав миссий с 1-й по 14-ю см.: *Скачков П.Е.* Указ. соч. С. 358–361.
37. РКО в XVIII в. Т. 1. С. 454. Об этом посольстве см.: Записка Тулишэня о его поездке в составе цинского посольства к калмыцкому хану Аюке в 1712–1715 гг.; Записка И.Х. Шничера о сопровождении цинского посольства к калмыцкому хану Аюке в 1714–1716 гг. // РКО в XVIII в. Т. 1. Приложения. С. 437–483, 484–486; *Тихвинский С.Л.* Восприятие в Китае образа России. М., 2008. С. 17–23; *Мороз И.Т.* Китайское посольство Тулишэня к калмыцкому хану Аюке на Волгу (1712–1715) // Восточный архив. № 2(20). 2009. С. 28–39.
38. РКО в XVIII в. Т. 1. С. 479.
39. *Адоратский Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 68.
40. *Софроний (Грибовский).* Указ. соч. С. 13.
41. Выполняя просьбу цинского императора, Петр I направил в Китай хирурга одной из петербургских больниц англичанина Томаса Гарвина. В сопровождении инженера Л. Ланга, солдат и проводников 2 декабря 1715 г. он выехал из Москвы (РКО в XVIII в. Т. 1. С. 168–169. Док. № 122). Летом 1716 г. Т. Гарвин и Л. Ланг присоединились в Селенгинске к торговому каравану, направлявшемуся в Пекин (Там же. С. 602). В 1717 г. Т. Гарвин покинул Китай и вернулся в Россию. С посольством Л.В. Измайлова (в 1719–1722 гг.) в Пекин приезжал из России еще один врач, англичанин Д. Белл (Записку Д. Белла о путешествии в Цинскую империю в 1719–1722 гг. см.: там же. С. 498–554).
42. О положении чиновничества и военных в сословной иерархии Цинской империи, а также о их внутренней структуре подробно см.: *Непамнин О.Е.* История Китая: Эпоха Цин. С. 225–247; *Сидихменов В.Я.* Маньчжурские правители Китая. М., 1985. С. 32–33.
43. Лян или лан — китайская мера веса, равная 37,3 г.; слиток серебра этого веса употреблялся в XIV—XIX вв. в качестве основной денежной единицы.
44. *Софроний (Грибовский).* Указ. соч. С. 11.
45. Краткая история Русской Православной Миссии в Китае. С. 18–19; *Софроний [Грибовский].* Указ. соч. С. 13–14, 33.
46. *Софроний (Грибовский).* Указ. соч. С. 13–14.
47. Подробно об этом см.: *Ипатова А.* Деятельность Российской Духовной Миссии в Китае // Отечественные записки. 2008. № 42 (2). С. 320–331. О китайском «обыкновении» см.: *Юй Цзе.* Место Кяхтинского договора 1728 г. в становлении российского китаеведения // Пробл. Дальнего Востока. 2007. № 4. С. 95–104, № 5. С. 148–156. О положении учеников: *Юй Цзе.* Роль Петра I в истории российского китаеведения // Раздвигая горизонты науки: К 90-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 2008. С. 211–224.
48. *Софроний (Грибовский).* Указ. соч. С. 15.
49. Цинские власти озабоченные тем, что распродажа лучших товаров русских караванов на пути по «Монгольской землице» может ослабить китайское влияние в Монголии, в 1717 г. запретили русскому каравану продавать свои товары в Пекине. На следующий год очередной караван и вовсе не пропустили в Китай, и он остался в Селенгинске (*Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 118–119).
50. РКО в XVIII в. Т. 1. С. 291–292. Док. № 167. Краткая история Русской Православной Миссии в Китае. С. 19–20. *Адоратский Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 73 и др.
51. Эстампы с надгробия архим. Иллариона (Лежайского) на церковно-славянском, китайском и маньчжурском языках см.: Цюаньго маньвэнь тушу цзыляо лянхэ мулу : [Сводный каталог материалов на маньчжурском языке, хранящихся в Китае]. Пекин, 1991. Впервые материалы об этом надгробии и эстампах надписей на нем опубликовала петербургская исследовательница Т.А. Пан (Некоторые даты биографии главы 1-й Пекинской миссии // XXV науч. конф. «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1994. С. 60–64). Фотографии эстампов на церковно-славянском и китайском языках А.С. Ипатовой см.: Православие в Китае. С. 38, 39.
52. РКО в XVIII в. Т. 1. С. 291–292. Док. № 167.

53. Копия листа из Сената была переслана в Коллегию иностранных дел (Архив внешней политики Российской империи. Ф. Сношения России с Китаем. 1721 г. Д. № 3. ЛЛ. 10–10 об.). Далее: АВПРИ.
54. Из черновых писем митрополита Феодора, оставшихся по смерти его в Тюменском монастыре // Иркутские епархальные ведомости. 1863 г. № 11. Цит. по: *Адоратский Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 75.
55. РКО в XVIII в. Т. 1. С. 291–292. Док. № 167.
56. Иннокентий (Кульчицкий) окончил Киевскую духовную академию и был пострижен в монахи в Киево-Печерской лавре. 1714–1718 гг. — преподаватель философии в Славяно-греко-латинской академии в Москве. С 1718 г. — монах Александро-Невской лавры. 10 мая 1720 г. в канцелярии Сената на совещании сенаторов с духовными иерархами было принято решение направить его в Китай начальником 2-й миссии РДМК. В 1721 г. был посвящен в епископы. Не получив согласия цинских властей, Иннокентий (Кульчицкий) с 1727 г. служил в Иркутском Вознесенском монастыре, где открыл училище для местного населения (Там же. С. 307–308. Док. № 183; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 550–551). Указом императрицы Екатерины I от 15 января 1727 г. об образовании Иркутской епархии Иннокентий (Кульчицкий) был назначен епископом Иркутским и Нерчинским (*Наумова О.Э.* Иркутская епархия. XVIII — первая половина XIX века. Иркутск, 1996. С. 34).
57. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 99–100; *Адоратский Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 85–87.
58. Антоний (Платковский Андрей Германович) (1682? — 1746). В 1701–1710 гг. обучался в киевских школах риторике и другим предметам. В 1710 г. приехал в Москву, где был пострижен в монахи. В 1715–1720 гг. служил неродьяконом в Тобольске, затем был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Иркутского Вознесенского монастыря. В 1720 г. был направлен в Монголию к хутухте, где пробыл 4 месяца. В составе посольства Л.В. Измайлова (1719–1722) побывал в Китае. В 1724 г. снова был определен настоятелем Вознесенского монастыря для организации «монгольской школы». Затем назначен начальником 2-й миссии РДМ в Китае (Подробно об Антонии (Платковском) см.: РКО в XVIII в. Т. 2. С. 543–546; Примеч. 2. к док. № 19).
59. Измайлов Лев Васильевич (1685–1738) — капитан лейб-гвардии Преображенского полка. Во время переговоров стало известно о переходе на территорию России большой группы монголов (700 чел.). Цинская сторона прервала переговоры, Измайлов был вынужден покинуть Китай. Подробно о посольстве Л.В. Измайлова см.: РКО в XVIII в. Т. 1. Статейный список посланника Л.В. Измайлова. С. 195–278. Док. № 151.
60. Ланг Лоренц (Лаврентий Лаврентьевич) (1690-е — 1752), швед, с 1712 г. на русской службе. В 1715–1717 гг. по распоряжению Петра I совершил свою первую поездку в Китай, где принял деятельное участие в налаживании российско-китайских торговых связей. Шесть раз ездил в Китай по разным дипломатическим и торговым делам. В 1719–1722 гг. был направлен в Китай в качестве секретаря посольства Л.В. Измайлова, а в 1725 г. включен в состав посольства С.Л. Владиславича-Рагузинского. Затем неоднократно возглавлял торговые караваны в Пекин. В 1739 г. был назначен вице-губернатором г. Иркутска и одновременно руководил караванной торговлей. Автор нескольких проектов по улучшению российско-китайских отношений.
61. РКО в XVIII в. Т. 1. С. 189. Док. № 142.
62. Инь Чжэнь (1678–1735) — четвертый сын императора Сюань Е. Девиз годов правления Юнчжэнь (1723–1735).
63. Владиславич-Рагузинский Савва Лукич (ок. 1760–1738) — граф Иллирийский, потомок боснийских князей на российской службе, государственный деятель, дипломат. С 1701 г. служил в Посольском приказе в Москве, выполнял дипломатические поручения в Западной Европе. В 1725–1728 гг. возглавил посольство в Цинскую империю для решения вопросов о разграничении в районе Монголии и упорядочении российско-китайской торговли. Несмотря на противодействие цинских властей, российскому послу удалось договорно закрепить принцип равенства сторон, установить добрососедские политические и экономические отношения с Цинской империей, заключив в 1728 г. Кяхтинский договор. 2 января 1728 г. был награжден орденом Александра Невского. 11 июня 2011 г. в Шлиссельбурге был установлен памятник С.Л. Владиславичу-Рагузинскому.
64. *Владиславич-Рагузинский С.Л.* Статейный список. Т. 1 // АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. 1725. Оп. 1. Д. 12а. Л. 450–450 об.

65. РКО в XVIII в. Документы и материалы. Т. 3. 1727 г. С. 189; Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916). М., 2004. С. 44; Русско-китайские отношения, 1689–1916. Официальные документы. М., 1958. С. 19–20.
66. Дунцзяоминьсян — современное название улицы. У Софрония (Грибовского) она именуется Дзянмисян (Указ. соч. С. 44).
67. На плане г. Пекина, составленном в 1725 г. на китайском и русском языках, эти ворота названы Дайцинмынь. (Копию плана г. Пекина см.: Православие в Китае. С. 41).
68. *Софроний (Грибовский)*. Указ. соч. С. 44.
69. Китайская династия Мин («светлая») правила с 1368 по 1644 гг.
70. *Хэ Цютао*. Шофан бэйчэн : [Готовьте боевые колесницы на страну Полуношную]. Пекин, 1882. Т. 2. Цзюань 12. С. 1–1 об.; *Цай Хуншэн*. Элосы гуань цзиши : [Записки о Российской [Духовной] Миссии]. Пекин, 2006. С. 17. По плану Сретенского монастыря и Посольского двора, составленному в 1821 г., число зданий, включая вновь построенные, было значительно меньше. (Копию плана см.: Православие в Китае. С. 45).
71. Журнал пребывания в Пекине курьера В.Ф. Братищева // РКО в XVIII в. Документы и материалы. Т. 6. 1752–1765. С. 170–192. Док. № 62.
72. *Софроний (Грибовский)*. Указ. соч. С. 44.
73. *Адоратский Н.* Указ. соч. С. 114–115; 130–132. Однако эти деньги миссия получила лишь в 1732 г., когда прибывший с торговым караваном Л. Ланг сам привез их.
74. *Софроний (Грибовский)*. Указ. соч. С. 14. *Чин или гин* — китайская мера веса для серебра и золота, равная 0,1 ляна.
75. *Юй Цзе*. Роль Петра I в истории русского китаеведения // Раздвигая горизонты науки. С. 211–224.
76. В официальных цинских документах часто используется ссылка на исторический прецедент. «В практике цинской дипломатии, — поясняет исследовательница Юй Цзе, — под словом “обычай” или “обыкновение” (“ли”) подразумевается тот или иной исторический прецедент, утвердившийся в официальном династийном историописании и тем самым обладавший законностью для тех или иных дипломатических или военных действий (*Юй Цзе*. Место Кяхтинского договора 1728 г. в становлении российского китаеведения // Пробл. Дальнего Востока. 2007. № 4. С. 100).

«Родственные связи утрачены» Сводная биография казачьей семьи Гуровых

© 2015

В.А. Пушкарев

Статья посвящена судьбе амурских казаков — отца и сына Гуровых, которые после Гражданской войны оказались на разных берегах Амура: один на советской территории, другой — в китайской эмиграции. Обоих в новой жизни ждали серьезные перемены. На примере этой отдельно взятой семьи автор стремится показать трагизм русской смуты XX века.

Ключевые слова: Алексей Яковлевич Гуров, Алексей Алексеевич Гуров, амурское казачество, Дальневосточная эмиграция, контрреволюционная организация, репрессии в СССР, методизм.

Главным итогом Гражданской войны в России стал раскол некогда единого народа на «советское общество» и «русское зарубежье». Причем нация дробилась в самом своем основании — на уровне семьи. Навсегда обрывались родственные связи, а одно только упоминание о них грозило жестокими репрессиями. Понимание всей глубины этой национальной трагедии приходит, когда знакомишься с историей каждой отдельной семьи.

Особенно контрастны судьбы казачьих родов. Вырванные из традиционного социально-экономического уклада царской России, утратившие миссию служения, а вместе с ней свою сословную обособленность, казаки оказались в крайне затруднительном положении. Как на чужбине, так и в Отечестве им нужно было заново идентифицировать себя, искать место в новых исторических реалиях.

Одни так и не сумели этого сделать, приняв смерть за верность казачьим традициям. Другие раз и навсегда порвали с казачьим прошлым, переродились для новой жизни, обрели иное служение. Амурские казаки Гуровы — яркий тому пример. Русская смута не просто разметала отца и сына по разным берегам Амура, но далеко развела их в цивилизационном пространстве.

Археолог-любитель — идеолог повстанцев

В научной среде Амурской области имя первого местного археолога Алексея Яковлевича Гурова (1872–1932) хорошо известно. Оно звучит в начале каждой обзорной экскурсии в Амурском областном краеведческом музее, в формировании фондов которого А.Я. Гуров принимал самое деятельное участие.

Родоначальник амурской археологии происходил из простой казачьей семьи, и потому никакого специального образования не получил. Его «университетами» были станичная школа и годовой курс Иркутской учительской семинарии. Отработав пять лет в школах Поярковского станичного округа, в 1901 г. Гуров устроился десятником в Управление вод-

ных путей Амурского бассейна. А с 1914 по 1932 г. заведовал метеорологической станцией в родной Поярковской станице.

Кроме того, как человек грамотный и ответственный, он неоднократно занимал общественные должности. Так, с 1914 по 1920 г. Гурова избирали станичным казначеем, он был секретарем на III съезде Амурского казачьего войска, в 1920-е годы заведовал волостным столом ЗАГСа, был членом Поярковского кооператива и председателем кредитного товарищества.

Но самым любимым занятием Гурова на протяжении всей его жизни неизменно оставалась археология. Увлёкся он ею еще в юности, видимо, познакомившись с этой наукой в Иркутске. В 1889 г. он приступил к изучению археологических памятников на территории Приамурья. В ходе своих экспедиций по области собирал материалы и проводил частичные раскопки. Всего в ходе многолетней работы Гуровым было исследовано 60 археологических памятников.

Найденные им артефакты положили начало археологической коллекции амурского музея, специально для которого неутомимый краевед составил первую археологическую карту берега Амура. Наряду со многими гуровскими находками эта карта и сегодня украшает музейную экспозицию. Крупнейшие советские исследователи дальневосточных древностей А.П. Окладников, А.П. Деревянко, Б.С. Сапунов в своих трудах давали высокую оценку деятельности Гурова¹.

Однако это признание пришло спустя много лет после его смерти. В 1932 г. ученый-энтузиаст был расстрелян как государственный преступник. Впрочем, проблемы с советской властью начались у него значительно раньше.

В 1922 г. Гуров впервые был арестован по подозрению в связях с белогвардейской эмиграцией. Связь действительно существовала — родственная. Дело в том, что сын Алексея Яковлевича служил в армии Колчака, а затем эмигрировал в Китай. Но «преступления» сына были недостаточным основанием для расправы над отцом, поэтому военно-полевой суд его оправдал.

Спустя шесть лет Гуров вновь предстал перед судом. На сей раз его обвиняли в растрате казенных денег. И вновь подсудимый был оправдан. В 1931 г. поярковская коммандатура ОГПУ арестовала его по подозрению в хранении золота. Но, видимо, единственным сокровищем пожилого краеведа были каменные артефакты, поэтому он в очередной раз был освобожден².

23 марта 1932 г. состоялся последний арест Гурова. На этот раз он проходил по делу «контрреволюционной казачьей организации». Всего чекисты «выявили» 28 ее членов — бывших казаков и крестьян сел Дим и Поярково Михайловского района. Они обвинялись в том, что готовили свержение советской власти и создание на Дальнем Востоке казачьего буферного государства при помощи белоэмигрантов и японских интервентов. В начале 1932 г. контрреволюционная организация якобы приступила к оформлению повстанческого отряда, перед которым была поставлена задача — поднять восстание в момент прибытия японской армии, а пока вести разведывательную работу³.

Список обвиняемых был тщательно подобран. Практически все они в ходе Гражданской войны боролись с красными, а ныне не скрывали своего презрения к коммунистам и выражали недовольство коллективизацией. Гурову же вновь припомнили сына-белоземлигранта. Более того, по версии следствия, 60-летний старик являлся основателем и идеологом раскрытой контрреволюционной организации.

На первых допросах он категорически отрицал все предъявленные следователями обвинения. В протоколе, датированном 27 марта, читаем: «В предъявленном мне обвинении по ст. 58-й виновным себя не признаю и утверждаю, что о существовании в селах Михайловского района повстанческой организации, имеющей целью вооруженное выступление, ничего не знаю, и тем более в числе руководителей и учредителей такой организации никогда не состоял»⁴.

Однако после серии подробных допросов и очных ставок с другими «повстанцами» показания Гурова резко изменились. Протокол от 8 апреля начинается словами: «Воспользовавшись предоставленной мне возможностью обдумать мое положение, я решил дать откровенные показания об участии в контрреволюционной организации...»⁵. Эти «откровенные показания» почти дословно повторяют сведения, изложенные в протоколах с другими подписями. В конечном итоге из 28 фигурантов дела полностью свою вину признали 19 человек, частично — 5.

Спустя 27 лет о методах ведения следствия поведал оставшийся в живых Иван Козырев: «Каждую ночь вызывали на допрос и требовали, чтобы я рассказал о какой-то антисоветской организации, в которой якобы состоял. Во время допроса я часто подвергался избиению со стороны следователя. На каждом допросе составлялся протокол допроса, но что в нем писал следователь я не знаю, так как ни один протокол мне читать не давали и не зачитывали. Каждый протокол меня заставляли подписывать и боясь угроз, которые исходили от следователя, я подписывал»⁶.

Следствие длилось всего два месяца. 30 апреля 1932 г. на заседании тройки постоянного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю 22 фигуранта дела, в том числе А.Я. Гуров, были признаны виновными по 58-й и 59-й статьям Уголовного кодекса и приговорены к расстрелу (приговор был приведен в исполнение 5 мая). Оставшиеся шесть обвиняемых получили от 3 до 8 лет концлагерей⁷.

Процесс по делу контрреволюционной казачьей повстанческой организации в Михайловском районе стало первым в череде репрессий, инспирированных органами ОГПУ против казачьего населения Приамурья⁸.

Белогвардейский каратель — пастырь-бессребреник

В рассмотренном уголовном деле при характеристике контрреволюционного прошлого амурского казачества неоднократно упоминалось имя белогвардейца Алексея Алексеевича Гурова (1897–1956): «Особой жестокостью заслужила себе славу Поярковско-Димская карательная сотня под командой офицера А.А. Гурова (сына проходящего по делу инициатора ликвидированной организации А.Я. Гурова), разграбившая и сжегшая дотла все селение Красный Яр, охваченное красно-партизанским движением»⁹.

Сам Алексей Яковлевич дал следующие показания: «Сын мой Алексей, будучи прапорщиком военного времени, служил в армии Колчака, командовал казачьей сотней. Принимал ли участие в карательных экспедициях, мне не известно. В 1920 г. он эмигрировал в Китай и проживал в Харбине, откуда до 1925 г. присылал мне письма. Писал, что служит сторожем методистской церкви. В данное время таковой связи с ним не имею»¹⁰.

Прибыв в Китай, Гуров-младший, видимо, как и многие другие эмигранты перебивался случайными заработками. Вероятно, именно ежедневная нужда в куске хлеба заставляла православного русского офицера устроиться сторожем в методистскую церковь.

К методизму¹¹ в Китае принадлежало большинство виднейших китайцев-христиан, в том числе (с 1930 г.) и глава Китайской Республики Чан Кай-ши. Методистская община являлась богатейшей и наиболее влиятельной среди протестантского китайского населения. Кроме того, здесь действовали старые и богатые английские и американские методистские общины.

Окормлением русского населения занималась, возглавляемая американцами Сибирско-Маньчжурская миссия Методистской епископальной церкви, Юг (СММ). Свою работу в Харбине она начинала «с чистого листа», поскольку русских методистов на тот момент в городе не было. Однако мощная финансовая поддержка других методистских церквей позволила миссионерам широко развернуть здесь свою деятельность.

Официальное открытие русской методистской церкви в Харбине состоялось 1 мая 1923 г. Практически в это же время был учрежден Методистский институт (специальные классы с

вечерней формой обучения), в котором студенты изучали английский язык, стенографию, русскую и английскую машиннопись, бухгалтерию, коммерческую корреспонденцию и другие дисциплины, которые были востребованы на местном рынке труда. Также действовали специальные курсы подготовки к поступлению в вузы США. Для детей из малоимущих семей были открыты две гимназии, в которых делался упор на практическое освоение английского языка.

Методисты открыли и медицинскую клинику, где пациенты за символическую плату получали квалифицированную помощь. Был еще ряд благотворительных проектов, например, по сбору средств на обеспечение сирот, бесплатные столовые для малоимущих и др. Разумеется, вся благотворительность сопровождалась проповедью Евангелия. В условиях тотальной нищеты, неустроенности и глубокой депрессии деятельность методистской общины встречала симпатию у русских эмигрантов.

К 1927 г. в Харбине и на КВЖД действовало уже шесть методистских церквей численностью более 200 человек. Важным условием для развития миссии была подготовка русских служителей. С этой целью в первый же год существования Харбинской церкви был открыт Богословский институт¹². Его возглавил бывший баптистский пастор Никольск-Уссурийска, лидер русского отделения СММ Николай Иванович Пейсти (1892–1948). Будучи талантливым педагогом, он подготовил себе несколько достойных преемников. В их числе и Алексей Алексеевич Гуров.

В ноябре 1923 г. церковный сторож стал студентом методистского Богословского института, а уже в сентябре следующего года Гуров получил право проповеди и был назначен помощником пастора Модягоуской церкви. Продолжая обучаться в Богословском институте, теперь он и сам преподавал в методистской воскресной школе¹³. Бывший бело-

гвардеец так охарактеризовал новую страницу в своей биографии: «Я благодарю и славлю Бога за эту чудную возможность, которую он дал мне, работать для Его Царствия»¹⁴.

В сентябре 1925 г. Гуров был рукоположен в сан диакона и направлен на служение в Цицикар¹⁵. Уже 27 декабря здесь состоялось торжественное открытие Цицикарской методистской церкви. По свидетельству диакона А.А. Гурова, «первая весть о Христе с кафедры Методистской Церкви была принята с благодарностью: многие друзья и посетители поздравляли, приветствовали и благодарили меня за открытие Церкви для проповеди Евангелия»¹⁶.

Как было отмечено ранее, именно в этом году обрывается связь молодого проповедника с оставшимся на советской территории отцом. Трудно сказать, что стало реальной причиной этого разрыва. Возможно, передавать корреспонденцию на советский берег из Цицикара было значительно труднее, чем из Харбина. Но равно можно предположить, что начиная новую жизнь на ниве евангельской проповеди, А.А. Гуров хотел порвать все связи с прошлым. К слову, обращает на себя внимание тот факт, что в показаниях Гурова-отца сын вплоть до 1925 г. оставался лишь сторожем в методистской церкви. О его учебе в Богословском институте и проповеднической деятельности Алексей Яковлевич либо умалчивал, либо вовсе ничего не знал.

Стремительный подъем методистской миссии среди русской колонии в 1927 г. сменился стагнацией. В этом году СММ возглавил новый епископ Уильям Эйнсворт, который отдал распоряжение американским миссионерам свернуть работу с русскими и покинуть Харбин. Русские общины остались без поддержки, что негативно сказалось на их дальнейшем существовании. Другим ударом стал отъезд в Европу Николая Пейсти. В 1930 г. он вернулся в Харбин, но уже как пятидесятник — под эгидой Русской Восточно-Европейской миссии. Его горячая проповедь привела многих методистов в общину пятидесятников¹⁷.

В 1930-е годы в Китае еще существовало пять методистских общин, однако они были весьма пассивны, и многие служители, воспитанные в Богословском институте (Гавриловчук, Ясницкий), вышли из них¹⁸. Гуров же оставался верен Методистской церкви. В эти годы он служил пастором в Шанхае. Однако ему регулярно приходилось приезжать в Харбин, чтобы поддержать местных методистов, оставшихся без духовного наставника¹⁹.

В таких случаях за ним велось агентурное наблюдение, так как японцы и местные деятели фашистского движения опасались его влияния на русскую диаспору. Член Всероссийской фашистской партии Н.Г. Половодов в агентурных целях даже завел с ним тесное знакомство. В 1935 г.²⁰ он сообщал своему руководству об очередном приезде Гурова в Харбин: «Появление на местном сектантском фронте этой личности, покоряющей людские сердца подлинными любовью и участием во имя Христа, я считаю весьма опасным»²¹.

Всякий раз, приезжая в Харбин, Гуров проводил на частных квартирах молитвенные собрания, на которых помимо методистов присутствовали баптисты, пятидесятники, молокане и представители других христианских сект. Пастор пользовался симпатиями даже среди православных. Все признавали его скромность и идейную чистоплотность, веру в то, что руководимое им дело — святое и нужное служение Богу, в котором чем больше терпения, тем лучше.

«Гуров, — отмечал фашистский агент, — является чуть ли не единственной светлой личностью на продажно-расчетливом фронте местного сектантского движения, поддерживаемого длинными американскими долларами. Тихий, скромный, задушевный, всепрощающий, стремящийся жить по заветам Христа, этот фанатик в своей общине пользуется большой любовью и авторитетом, как пастырь-бессребреник, одно появление, один взгляд которого уже вселяет в истрадавшие в житейской борьбе сердца надежду и покой»²².

Сведения о последующей судьбе А.А. Гурова носят фрагментарный характер. Вероятнее всего, он, как и тысячи русских эмигрантов, покинул Китай после окончания Второй мировой войны. Последние годы своей жизни пастор Гуров служил и преподавал в военной школе Монтерей (штат Калифорния, США). 15 апреля 1956 г. американ-

ская газета «Новое русское слово» (№ 15632) опубликовала сообщение о его смерти в Сан-Франциско²³.

Так на другом конце планеты, вдали от Родины, культурной традиции и отеческой могилы завершился жизненный путь бывшего амурского казака — путь нелегкий, полный глубоких потрясений и крутых поворотов. Но вряд ли на родине его ожидала более спокойная и размеренная жизнь. И ожидала ли в принципе? Судьба его несчастного отца дает на этот вопрос вполне очевидный ответ.

1. Холкина Т.А. А.Я. Гуров. Неизвестные страницы биографии // Амурский краевед. Благовещенск. 1992. № 1. С. 10–12.
2. Архив УФСБ Амурской области. Дело № П-79680 «О контрреволюционной повстанческой организации Михайловского района». Л. 84–85.
3. Там же. Л. 499–500.
4. Там же. Л. 86 об.
5. Там же. Л. 369.
6. Там же. Л. 708.
7. Там же. Л. 721–723.
8. Впервые пересмотр этого дела состоялся в 1959 г. Факт существования в Михайловском районе контрреволюционной казачьей организации установить не удалось. Кроме того, было выяснено, что по материалам японских разведорганов ни один из 28 обвиняемых не числился. Таким образом, вина осужденных основывалась только на их признательных показаниях. Тем не менее прокурор Амурской области признал правильным постановление тройки в отношении всех фигурантов дела по причине их контрреволюционной деятельности в период Гражданской войны. Реабилитированы они были только в 1990 г.
9. Архив УФСБ Амурской области. Дело № П-79680. Л. 503.
10. Там же. Л. 87.
11. Методизм — протестантское движение, возникшее в XVIII веке в лоне англиканской церкви. Его основателем считается оксфордский преподаватель Джон Уэсли (1703–1791), который выступал за последовательное и *методичное* соблюдение евангельских предписаний. Считая, что все люди от рождения обладают даром Божественной благодати, особое внимание методисты уделяли миссионерской деятельности и ее новым формам: проповеди под открытым небом, в рабочих домах, тюрьмах и т.п. Упростив вероучение, методисты окончательно отпочковались от англиканской церкви в 1795 г., а в 1881 г. был создан Всемирный методистский совет. Последователями методизма сегодня являются свыше 60 млн человек. Он наиболее распространен в США, Великобритании, Австралии и Южной Корее.
12. Деметьев А. Этапы развития евангельского движения в русскоязычной диаспоре Китая в начале и середине XX века // Традиция подготовки служителей в братстве евангельских христиан-баптистов. История и перспективы: Сборник статей. М., 2013. С. 17, 19–20.
13. Методистский христианский поборник. 1923. № 10. 18 окт. С. 8–12.
14. Бюллетень Сибирско-Маньчжурской миссии методистской Епископальной Церкви, Юг. № 3. Окт. 1925. С. 6.
15. Там же. С. 9.
16. Бюллетень Сибирско-Маньчжурской миссии методистской Епископальной Церкви, Юг. № 5–6. Дек. 1925 — янв. 1926. С. 7, 8.
17. Деметьев А. Указ. соч. С. 20.
18. Там же. С. 22.
19. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 11949. Л. 9.
20. В этом году наиболее авторитетный протестантский проповедник Николай Пейсти уже окончательно покинул Китай.
21. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 11949. Л. 13.
22. Там же. Л. 9.
23. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997 / Сост. В.Н. Чуваков. Т. 2. М., 1999. С. 280.

Первая политическая организация корейцев Сахалина в борьбе за репатриацию на родину

© 2015

Ю.И. Дин

В статье рассматривается одно из малоизвестных событий в корейской общине Сахалина — создание первой политической организации в борьбе за репатриацию на родину после Второй мировой войны. Несколько активистов создали «компартию Корея», главной целью и задачей которой была борьба за возвращение в Корею.

Ключевые слова: сахалинские корейцы, репатриация, общественное движение, коммунистическая партия.

Для корейской диаспоры Сахалинской области¹ история советского периода имеет особое значение. Нынешние корейцы — это потомки шахтеров и рабочих, прибывших на остров во время японского правления Южным Сахалином и доставшихся советской власти «в наследство» вместе с приобретенными по итогам Второй мировой войны территориями. Численность корейского населения в 1945 г. на Южном Сахалине составляла около 23 тыс. человек².

Вопрос о репатриации (возвращении на родину) населения бывших японских владений был одной из проблем послевоенного урегулирования, затронутых на Ялтинской и Потсдамской конференциях. Поскольку Соединенные Штаты осуществляли административный и военный контроль над территориями Японии и южной части Корейского полуострова, а Советский Союз контролировал северную часть Кореи, вопрос о возвращении преимущественно японского и корейского населения Южного Сахалина и Курильских островов подлежал разрешению путем двусторонних советско-американских контактов.

Практически все японское население Южного Сахалина и Курильских островов (272 335 гражданских и 8 303 военнопленных) было переправлено на Хоккайдо в 1946–1949 гг.³ совместными усилиями советского и американского командования (правительство Японии несло материальные издержки). Однако корейцы, бывшие родом с южной части Корейского полуострова, где японское правительство предпочитало вербовать рабочих для Южного Сахалина, выехать не смогли⁴. Этому помешала холодная война.

В 1947 г. у советского правительства существовал проект репатриации корейцев Сахалина в северную Корею⁵, однако ему не суждено было осуществиться. Вызванная репатриацией японцев острая нехватка рабочих в промышленности Сахалина побудила советские власти отложить репатриацию корейцев, а после начала Корейской войны 1950–1953 гг. и вовсе отменить ее. Проводить репатриацию на территорию, где идут военные действия, по техническим (да и гуманистическим) причинам было невозможно. После окончания войны и нормализации обстановки на Корейском полуострове накал советско-

американского противостояния также препятствовал рассмотрению проекта репатриации в Южную Корею, при этом Советский Союз не препятствовал корейцам Сахалина выезжать в КНДР по желанию.

Отстранилась от решения вопроса о репатриации корейцев и противоположная сторона. Соединенные Штаты наотрез отказались решать этот вопрос, несмотря на запросы общественных организаций и южнокорейского правительства⁶.

Республика Корея и Япония периодически предпринимали не слишком активные попытки обратиться по этому поводу к правительству СССР, однако, по заключению в 1965 г. «Договора об основных отношениях между Республикой Корея и Японией»⁷ заняли в этом вопросе равнодушно нейтральную позицию. Япония, исходя из этого договора, посчитала юридическую ответственность перед насильно мобилизованными корейцами ликвидированной, а отстраненное отношение Южной Кореи к этой проблеме объяснялось тем, что все полученные от Японии репарации южнокорейское правительство потратило на экономическое развитие страны, а не на выплату компенсаций своим гражданам.

Таким образом, вопрос о репатриации сахалинских корейцев отказались решать правительства всех вовлеченных стран — СССР, США, Японии и Южной Кореи. КНДР при негласном разрешении Советского Союза предоставляла сахалинским корейцам возможность (и даже проводила активную агитацию) принимать северокорейское гражданство и выезжать с Сахалина, но немногие воспользовались этой возможностью. После окончания Корейской войны в 1953 г. граница между Северной и Южной Кореей была разделена охраняемой демилитаризованной зоной, перейти которую было невозможно.

Однако забыть о возвращении на родину корейцы Сахалина не могли — многие из них, будучи завербованы или мобилизованы Японией только на время, стремились вернуться на родину, где их ждали семьи. О требованиях отправки в Южную Корею периодическая печать и официальные источники умалчивали, но эта информация сохранилась в архивных материалах⁸ и опубликованных воспоминаниях самих корейцев⁹.

Среди сахалинских корейцев началось движение за репатриацию. Несмотря на то, что успехов это движение смогло добиться только после 1991 г., в советский период оно не прекращалось, порой приводя к трагедиям. Так, в 1977 г. несколько корейских семей, устроившие забастовку с требованием репатриации, были насильно выдворены в КНДР как диссиденты¹⁰.

Цель данной статьи — исследовать практически неизвестное событие из истории борьбы за репатриацию сахалинских корейцев. Это событие — создание корейской компартии — имело место в 1951 г. и о нем нам сообщают только опубликованные мемуары одного из корейцев Пак Хен Чжу¹¹ и воспоминания сахалинских старожилов. Долгое время существование компартии многими ставилось под сомнение, а известные исследователи истории сахалинской корейской общины — такие как А.Т. Кузин, Бок Зи Коу, Пак Сын Ы — вовсе не упоминали о нем¹². Поэтому, чтобы пролить свет на происшедшее, в научный оборот впервые вводятся архивные материалы из Государственного исторического архива Сахалинской области (ГИАСО).

Итак, Пак Хен Чжу в своих воспоминаниях пишет следующее: «новое поколение корейцев... потеряв осторожность и переоценив свои силы и возможности, поставило себя под удар. В 1950 г. (на самом деле в 1951 г. — *Прим. авт.*) в Макарове, Горнозаводске, Южно-Сахалинске и Невельске возникла подпольная корейская коммунистическая партия, основателями которой стали преподаватели корейских школ из Горнозаводска, Макарова, Син По Гюн¹³ из Южно-Сахалинска и некий Квон из Невельска. Эта организация, хотя и была подпольной, не занималась антисоветской деятельностью и создавалась исключительно ради того, чтобы помочь корейцам вернуться на родину. Сахалинская корейская коммунистическая партия имела свою программу, цель, задачи и принципы. Весть о ней распространилась в другие города, и постепенно она стала расширяться. Просущест-

вовала организация недолго. В августе 1950 г. на Южно-Сахалинском вокзале сотрудниками областного управления МГБ был задержан Син По Гюн. С сентября по октябрь были арестованы: в Невельске — некий Ким, а в Горнозаводске и Макарове — учащиеся и преподаватели корейских школ. Следом за ними и меня вызвали на допрос в отдел безопасности. Там я встретился с Син Чан У, которого задержали раньше меня... В 1950 г. по 58 статье осудили и отправили на 10 лет в поронайский лагерь Ким Сон Мэ, Син По Гюна и некоего Квона. Освободили их только через шесть лет, в 1956 г.»¹⁴.

Разумеется, автор воспоминаний допускал ошибки, поскольку писал он их через полвека после самих событий. Тем не менее, в ГИАСО хранятся документы, которые подтверждают изложенную Пак Хен Чжу историю о четырех корейцах — Син Чун У, Син Бо Гюн, Квон Мен Сан¹⁵, а также Ким Ен Гван (он же Канасиса Ясикон)¹⁶, которые в 1951 г. создали корейскую компартию на Сахалине.

30 августа 1951 г. Управлением МГБ по Сахалинской области был арестован Син Чун У, в действиях которого следователи заподозрили признаки преступлений, подпадающие под действие статьи 58–10 части I Уголовного кодекса РСФСР¹⁷. 1 ноября 1951 г. по показаниям Син Чун У как участники созданной им нелегальной организации «Компартия Кореи» были арестованы Квон Мен Сан, Син Бо Гюн и Ким Ен Гван¹⁸.

Согласно материалам следствия, Син Чун У, 1927 г. рожд., проживал в г. Макарове Сахалинской области. Син Чун У не имел гражданства, постоянной работы и советского образования. В июле 1951 г. Син Чун У создал нелегальную «националистическую антисоветскую организацию», назвав ее «Компартия Кореи». Син Чун У активно привлекал знакомых корейцев вступать в созданную им партию, а также написал, размножил на гектографе, и активно раздавал всем заинтересованным документы на корейском языке — «Манифест Компартии Кореи», «Устав Компартии Кореи» и первый номер газеты «Объединимся». Главной целью создания партии, Син Чун У назвал борьбу за возвращение в Корею с помощью правительства Японии, Южной Кореи и находящихся на этих территориях американских военных представителей, а также планировал привлечь к решению этого вопроса Организацию Объединенных Наций¹⁹.

Как рассказал сам Син Чун У, он родился в провинции Южная Чолла, в 1934 г. вместе с родителями переехал в г. Чхонан, провинции Южная Чхунчхон (обе провинции находятся в настоящее время в Южной Корее), где в 1935 г. начал обучение в начальной школе. Окончив 5 классов начальной школы в 1940 г., работал разносчиком газет, а через год переехал в Сеул. Еще через год, в 1942 г., вернулся обратно в г. Чхонан, где год проработал у своего дяди на небольшой кондитерской фабрике. В 1943 г. завербовался на работу в Японию, работал на фабрике обогащения алюминия в г. Омати. В 1944 г. сбежал в г. Токио, где работал чернорабочим, а в мае 1945 г. поехал на Южный Сахалин в г. Камиси-сука (п. Леонидово). В июне 1945 г. японская полиция арестовала Син Чун У за призывы к свержению японского империализма и возвращению независимости Кореи. Был освобожден из тюрьмы с приходом Советской армии на Сахалин.

С января по июнь 1946 г. работал переводчиком русского языка для советских военных (по признанию самого Син Чун У, русский язык он выучил за полгода общения с советскими солдатами). С октября 1946 г. по февраль 1947 г. работал учителем начальной школы в п. Леонидово, в 1947–1948 гг. — завучем корейской школы в г. Горнозаводске Невельского района, затем — завучем корейской школы в п. Взморье Долинского района. В 1949 г. поступил на исторический факультет Южно-Сахалинского педагогического института, откуда в ноябре ушел из-за тяжелого финансового положения. Вернулся в Горнозаводск, где сначала работал также учителем корейской школы, а потом техником-контролером инвентаризационного бюро. В январе 1951 г. переехал в г. Макаров, где работал с февраля по май секретарем в районном отделе народного образования, откуда был уволен по причине отсутствия советского гражданства²⁰.

В июне 1951 г. Син Чун У, проживая в г. Макарове, совместно с другими молодыми людьми (он назвал имена 25 человек, которые входили в партию, в основном учеников корейских школ в возрасте от 13 до 17 лет), стал изучать «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса и «Краткий курс истории ВКП(б)». Тогда же у него возникла идея о создании корейской компартии, и в конце июня Син Чун У разработал «Манифест», «Устав» (по аналогии с работой В.И. Ленина 1902–1903 гг.), а также подготовил «Заявление» и первый номер газеты «Объединимся».

2 июля в г. Макарове был проведен I съезд «Корейской коммунистической партии». На съезде тайным голосованием был избран Центральный комитет, Центральный орган (редакция газеты), а также партийный совет. По признанию Син Чун У, все кандидаты в состав ЦК, ЦО и т.д. были выдвинуты лично им, а остальные члены партии их утвердили. Сам же Син Чун У в данные органы не вошел — планировал руководить партией со стороны, для чего и выдвинул в кандидаты своих сторонников²¹. При этом, Син Чун У категорически отрицал, что создаваемая им партия занималась антисоветской деятельностью или же очерняла советское государство. Помимо репатриации. Син Чун У утверждал целями партии распространение среди корейцев концепций марксизма-ленинизма, а также идею борьбы за социалистическое построение государства в случае возвращения в Корею. Можно предположить, что последнее было скорее «жестом вежливости» по отношению к Советскому Союзу и попыткой в будущем заручится его поддержкой, без которой возвращение на родину было невозможно.

Как уже указывалось выше, следом за Син Чун У, 1 ноября 1951 г. были арестованы Син Бо Гюн (1931 г. рожд.), Ким Ен Гван (1926 г. рожд.) и Кwon Мен Сан (1926 г. рожд.). Остальные члены партии были привлечены как свидетели и вскоре отпущены (возможно, по причине юного возраста).

Син Бо Гюн родился в п. Заозерный Макаровского района (на момент ареста ему было 20 лет) и проживал в г. Южно-Сахалинске. Закончил 6 классов японской школы и 2 класса японской гимназии, пытался работать учителем в корейской школе, однако был уволен по причине отсутствия советского гражданства. Работал электромонтером в п. Заозерный, грузчиком на Макаровском бумажном комбинате, а затем в Долинском леспрохозе сначала счетоводом, а затем бухгалтером. В мае 1950 г. был переведен на работу в п. Заозерный, однако, желая продолжить свое обучение, переехал в г. Южно-Сахалинск, чтобы поступить в вечернюю школу²².

Син Бо Гюн встретил Син Чун У в поезде 5 августа 1951 г. Они разговорились и Син Чун У предложил Син Бо Гюну написать заявление о вступлении в партию. Позже они встретились еще раз на квартире Син Бо Гюна в г. Южно-Сахалинске, а, уехав из города, Син Чун У по почте выслал Син Бо Гюну «Манифест» и предложил его хорошо изучить. Син Бо Гюн не слишком активно принимал участие в делах партии, только знал, что цель ее деятельности — возвращение в Корею и борьба за построение коммунистического общества. Его деятельность в партии ограничилась участием в «нелегальных сборищах», получением членского билета и внесением взноса в размере 20 рублей²³. 13 ноября 1951 г. признал себя полностью виновным в ведении антисоветской деятельности²⁴.

Ким Ен Гван (указал также японское имя — Канасиса Ясикон) родился в провинции Северная Кёнсан (Южная Корея) и проживал в г. Невельск. Образование имел 6 классов японской школы. В декабре 1943 г. был мобилизован японскими властями на Южный Сахалин, работал в Горнозаводске на шахте. После прихода Советской армии работал электромонтером сначала в Горнозаводске, а затем в Невельске. Сменив несколько работ, к моменту ареста нигде не работал²⁵. С Син Чун У встречался в сентябре-октябре 1947 г. Долго отрицал свою вину, однако при предъявлении письма, написанного им Син Чун У, признался в своем участии в деятельности партии. 24–25 июля 1951 г. при возвращении домой из г. Поронайска, зашел в г. Макаров для встречи с Син Чун У. В разговоре Син

Чун У заявил, что намерен создать «Коммунистическую партию Кореи» на Сахалине и уже это выполняет. Основной задачей этой организации вдохновитель считал «вопрос объединения корейского населения Сахалина за проведение борьбы в условиях советской действительности за возвращение в Корею»²⁶.

Квон Мен Сан, родился в провинции Южная Хамгён (Северная Корея) и проживал в г. Южно-Сахалинске. На Сахалин приехал в 1939 г. вместе с родителями и с тех пор проживал только в г. Южно-Сахалинске. Закончил японскую школу и торговый техникум, после чего работал товароведом. 20 мая 1945 г. был арестован японскими властями и содержался в тюрьме до 20 августа. Был выпущен полицией, пообещав работать на нее, но практически ничего не сделал. После прихода Советской армии работал учителем в корейской школе, завскладом на бумажном комбинате, кладовщиком в объединении «Сахалинуголь», переводчиком в народном суде, десятником на шахте²⁷.

Квон Мен Сан познакомился с Син Чун У в 1950 г. — тот попросился у него переночевать, когда приезжал в Южно-Сахалинск для поступления в педагогический институт. После этого встречался с Син Чун У несколько раз, пока в 1951 г. последний не предложил Квон Мен Сану вступить в партию «для борьбы за возвращение корейцев в Корею через ООН»²⁸. В ходе следствия признал себя виновным в антисоветской деятельности и создании нелегальной организации в Южно-Сахалинске.

Суд над всеми четырьмя обвиняемыми состоялся в Южно-Сахалинске 18 декабря 1951 г. и вынес приговор: заключение в исправительный трудовой лагерь сроком на 10 лет²⁹. Несмотря на написание подсудимыми кассационных жалоб в Верховный суд РСФСР, приговор остался в силе.

Ситуация для осужденных изменилась после смерти И.В. Сталина. 31 июля 1954 г. Сахалинская областная комиссия по пересмотру уголовных дел постановила Генеральному прокурору СССР опротестовать приговор Сахалинского областного суда за отсутствием в действиях Син Чун У, Син Бон Гюна, Ким Ен Гвана и Квон Мен Сана состава преступления. 13 января 1955 г. Президиум Верховного суда РСФСР отменил приговор и постановил немедленно освободить осужденных из-под стражи. 7 февраля 1955 г. все четверо были освобождены³⁰. В общей сложности они содержались под стражей 3 года 4 месяца 13 дней (Син Чун У) и 3 года 2 месяца и 12 дней — остальные. В апреле 2003 г. Син Чун У, Син Бон Гюн, Ким Ен Гван и Квон Мен Сан были реабилитированы согласно Закону РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г.³¹

О дальнейшей судьбе этих четырех сахалинских корейцев нам известно очень мало. Квон Мен Сан уехал в КНДР 27 октября 1956 г.³² Согласно данным Пак Хен Чжу, Син Чун У также уехал в Северную Корею, где работал переводчиком в посольстве и поступил в университет. Уехал в КНДР и Ким Ен Гван, он работал электриком в г. Вонсане и был награжден орденом за большой вклад в экономическое развитие КНДР³³. Син Бо Гюн остался проживать в Южно-Сахалинске (жил в городе по крайней мере до 1993 г.)³⁴.

В процессе расследования у Син Чун У были конфискованы и переведены с корейского на русский язык ряд любопытных документов. Среди них — «Манифест», «Устав» и номер газеты «Объединимся».

Манифест состоял из пяти частей — «Корейцы», «Корейцы на Сахалине», «Коммунисты из среды корейцев», «Вопросы, связанные с задачами корейских коммунистов и Советской властью», «Призывы всем корейцам, проживающим на Сахалине». После краткого экскурса в историю Кореи, появления корейцев на Сахалине и зарождения коммунистического движения в Корее, Син Чун У в манифесте указывает на цели и задачи своей партии. После необходимого уточнения для советских властей: «то, что коммунисты возглавляют дело возвращения корейцев с Сахалина на родину, не является проявлением сопротивления против Советской власти», Син Чун У пишет: «ближайшей целью на Сахалине является ускорение возвращения корейцев на родину. Для достижения этой цели корейские коммунисты разворачивают движение объединения», «Советскому прави-

тельству нужно отправить корейцев на родину. Все равно на Сахалине корейцы вечно жить не будут», «корейцы Сахалина, не считаясь с вероисповеданием и разногласием политического мнения, полны решимости возвратиться на родину». Заканчивается манифест словами: «Возвращение корейцев с Сахалина на родину самотеком не придет. Это можно завоевать только путем борьбы»³⁵.

«Устав Компартии Кореи» написан четко, организованно и продуманно. Автор внес в него все необходимые положения: порядок принятия и исключения из партии, ее идеологию, цели, задачи, методы борьбы, структуру партии (Центральный комитет, Центральный орган печати, местные комитеты), порядок и организацию выборов. Несомненно, Син Чун У в своей работе использовал сочинения мировых деятелей коммунистического движения — при аресте у него изъяли сочинения В.И. Ленина и И.В. Сталина, «Краткий курс истории ВКП(б)», «Историю дипломатии», «Дипломатический словарь», вырезки из советских газет, а также читательский билет Сахалинской областной библиотеки³⁶. Однако, несмотря на «помощь» классиков, работы Син Чун У вызывают огромное уважение, учитывая то, что закончил он всего лишь начальную японскую школу, а русский язык и прочие предметы изучал самостоятельно.

Интересна для истории и газета «Объединимся», первый (и единственный) номер был написан и напечатан на гектографе в июле 1951 г. В газету вошли: редакторская статья о необходимости издания газеты и целях, которые газета поставила перед собой, статьи Ким Ён Нама «Молодежь, будем участвовать в движении за возвращение на родину!», Ким Тхя Мана «Возвращение на родину осуществится только путем объединенной борьбы», Ким Ен Хи «Задачи корейских женщин» и Син Чун У «Опыт учить».

Красной нитью через всю газету проходит мысль о необходимости борьбы за репатриацию в Корею. «Есть ли хоть один человек из корейцев, проживающий на Сахалине, не думающий о возвращении на родину?... если выбросить из головы вопрос о возвращении на родину, то у корейцев больше ничего не останется. Вопрос о возвращении на родину постепенно впитается в горло и превращается в кровь, в кость. Все тело стало пламенем возвращения на родину»³⁷.

«С разных мест Сахалина от имени отдельных лиц, а также в организованном порядке на имя правительства Корейской Народно-Демократической Республики и Верховных органов Советского Союза мы писали по поводу возвращения на Родину. Однако до сего времени нет никакого ответа. Следовательно, у нас имеется единственный путь. Этот путь заключается в том, чтобы все корейцы, проживающие на Сахалине, объединились и выдвинули своих политических представителей и, если нужно будет, непосредственно послали их в Верховные органы Советского Союза в г. Москву, к правительству Корейской Народно-Демократической Республики в г. Пхеньян, корейскому правительству в г. Сеул, японскому правительству в г. Токио и в Организацию Объединенных Наций в г. Нью-Йорк. Без такой широкой борьбы корейцам возвратиться на Родину почти нет возможности»³⁸.

Все активисты были молодежью корейской общины — Син Чун У было 24 года, Син Бо Гюну — 20 лет, а Ким Ен Гван и Квон Мен Сан исполнилось 25 лет, но несмотря на молодость активисты смогли привлечь на свою сторону других корейцев. В силу того, что партия просуществовала недолго, она не смогла охватить своим влиянием широкие массы корейцев на Сахалине, но ее история сохранилась в среде корейской общины как акт гражданской решимости отстаивать права сахалинских корейцев.

Создание на Сахалине корейской политической организации под названием «Компартия Кореи» является зримым доказательством общественного движения, борьбы за репатриацию среди сахалинских корейцев. В условиях, когда международная обстановка объективно препятствовала осуществлению желаний корейцев, советское правительство нашло нужным подавить эту борьбу в целях сохранения спокойствия и национального согласия. Тем не менее, это была первая, но не последняя попытка исправить

историческую несправедливость по отношению к людям, не по своей воле оказавшимся на территории чужого государства.

1. Сахалинская область была образована в 1947 г. из северной части Сахалина (входил в состав Хабаровского края) и территорий, полученных СССР после Второй мировой войны от Японии, Южного Сахалина и Курильских островов.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9526, оп. 1, д. 509, л. 170.
3. *Подпечников В.Л.* О репатриации японского населения с территории Южного Сахалина и Курильских островов // Вестн. Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 2003. № 10. С. 258.
4. Около 95% корейского населения Южного Сахалина (на Курильских островах корейцев почти не было) приехали на остров с территории современной Республики Корея. Более подробно о формировании корейской диаспоры на Сахалине см.: *Дин Ю.И.* Миграция корейского этнического населения на Южный Сахалин в период японского правления (1905–1945 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток, 2013. № 4(24). С. 34–42.
5. Подробнее об этом: *Дин Ю.И.* Проблема репатриации корейцев Южного Сахалина в 1945–1950 гг. // Вопр. истории. 2013. № 8. С. 72–81.
6. Более подробно о политике США по отношению к проблеме репатриации сахалинских корейцев см.: *Дин Ю.И.* Сэнгосёриннокэрумийкайкэцуномондай: нансахаринтёсэндзинносо: канмондай (1945–1950): [Нерешенная проблема послевоенного урегулирования: репатриация корейского населения Южного Сахалина (1945–1950 гг.)] // Хоккайдо: то: хокусикэнкю:. 2014. № 9. С. 46–57.
7. В соответствии с этим договором Япония выплачивала Южной Корее 300 млн долларов репараций за вред, причиненный в период колониального господства, а Республика Корея в свою очередь отказывалась от любых претензий к Японии от имени всех южнокорейских граждан.
8. Хранящиеся в московских и сахалинских архивах многочисленные доклады и отчеты сообщают о репатриационных настроениях корейцев, например, некий Ким Ден Ен даже написал письмо И.В. Сталину с просьбой разрешить возвращение на родину. См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82, оп. 2, д. 1264, л. 1–2, а также: ГАРФ. Ф. Р-9526, оп. 4, д. 54, л. 416; РГАСПИ. Ф. 17, оп. 122, д. 92, л. 2; Государственный исторический архив Сахалинской области (ГИАСО). Ф. 171, оп. 3, д. 7, л. 122.
9. Единственные опубликованные на сегодняшний день на русском языке мемуары: *Пак Хен Чжу.* Репортаж с Сахалина. Южно-Сахалинск, 2004. 167 с. Воспоминания также содержатся в монографии: *Бок Зи Коу.* Корейцы на Сахалине. Южно-Сахалинск, 1993. 222 с.; в сборниках интервью и воспоминаний, собранных и опубликованных корейскими учеными: *Комынтэрюгыроккылёканчосониндыль:* [Корейцы, отправленные на темный материк]. Сеул, 2006. 351 с.; *Ю Сидук.* Охочхыкыхэи барам: [Ветер Охотского моря]. Сеул, 2013. 216 с. и др.
10. Более подробно об этом см.: *Кузин А.Т.* Исторические судьбы сахалинских корейцев. В 3 кн. Южно-Сахалинск, 2010. Кн. 2. С. 147–148.
11. *Пак Хен Чжу.* Репортаж с Сахалина. Южно-Сахалинск, 2004. 167 с.
12. Нет упоминаний о данном событии в следующих работах: *Кузин А.Т.* Исторические судьбы сахалинских корейцев. В 3 кн. Кн. 1. Иммиграция и депортация (вторая половина XIX в. — 1937 г.). Южно-Сахалинск, 2009. 262 с.; Кн. 2. Интеграция и ассимиляция (1945–1990 гг.). Южно-Сахалинск, 2010. 336 с.; Кн. 3. Этническая консолидация на рубеже XX—XXI вв. Южно-Сахалинск, 2010. 384 с.; *Бок Зи Коу.* Корейцы на Сахалине. Южно-Сахалинск, 1993. 222 с.; *Пак Сын Ы.* Проблемы репатриации сахалинских корейцев на историческую родину // Сахалин и Курилы: история и современность. Южно-Сахалинск, 2008. С. 277–287 и других работах данных авторов.
13. Несмотря на то, что в воспоминаниях Пак Хен Чжу имена приводит с некоторыми искажениями (это было обычным делом на Сахалине, поскольку корейские слова не всегда возможно передать с помощью русского алфавита), они достаточно узнаваемы. По этой же причине мы приняли решение не зашифровывать имена фигурантов дела, уже появившиеся в опубликованной печати.

14. Пак Хен Чжу. Указ. соч. С. 43–44.
15. У Пак Хен Чжу фигурируют соответственно как Син Чан У, Син По Гюн и некий Квон.
16. Предположительно Пак Хен Чжу перепугал имя и имел в виду Ким Сон Мэ.
17. Эти статьи в Советском Союзе назывались «политическими»: Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой — лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс. или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собой высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнание из пределов Союза ССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет. с конфискацией всего или части имущества // Уголовный Кодекс РСФСР. М., 1950. 256 с. С. 42, 37–38.
18. ГИАСО. Ф. 1174, оп. 2, д. 2172, л. 2–2а.
19. Там же, л. 4–5.
20. Там же, л. 22–26.
21. Там же, л. 27–39.
22. Там же, л. 136–137.
23. Там же, л. 128–147.
24. Там же, л. 151.
25. Там же, л. 170–173.
26. Там же, л. 184.
27. Там же, л. 206–208.
28. Там же, л. 213.
29. Там же, л. 448.
30. Там же, л. 479, 485–489.
31. Там же, л. 497–504.
32. Там же, л. 495.
33. Пак Хен Чжу. Указ. соч. С. 45.
34. В 1993 г. написал письмо в МВД с просьбой предоставить документы по своему делу. По имеющимся сведениям Пак Хен Чжу проживал в Южно-Сахалинске и преподавал японский язык // ГИАСО. Ф. 1174, оп. 2, д. 2172, л. 496.
35. ГИАСО. Ф. 1174, оп. 2, д. 2172, л. 341–355.
36. Там же, л. 357–360.
37. Там же, л. 363.
38. Там же, л. 365.

Теории возникновения пейзажной живописи *чингёнсансухва* в Корее

© 2015

Е.А. Хохлова

В статье дан обзор теорий возникновения пейзажной живописи *чингёнсансухва* в Корее XVIII веке, разработанных южнокорейскими исследователями начиная с 1970-х годов. Теории объединены в две группы; рассмотрены основные положения и утверждения наиболее авторитетных искусствоведов в области поздней живописи Чосон.

Ключевые слова: чингёнсансухва, пейзажная живопись, теории возникновения, Чосон, неоконфуцианство, сирхак, Чон Сон.

Направление *чингёнсансухва* — «изображение реальных пейзажей» считается самым ярким явлением в истории корейской живописи. В стилистике направления *чингёнсансухва* комплексно представлено корейское мировоззрение и национальная эстетика. *Чингёнсансухва* — это поворот в истории пейзажной живописи государства Чосон. До начала XVIII века профессиональные художники и *мунины* («художники-интеллектуалы») создавали в основном концептуальные воображаемые пейзажи по китайским образцам. С начала XVIII столетия главной темой пейзажной живописи становятся реальные корейские ландшафты, для изображения которых художники разрабатывают собственные техники.

Профессиональное изучение *чингёнсансухва* в Республике Корея началось в конце 1970-х после того как было преодолено колониальное сознание, сложившееся за годы японской аннексии. В это время *чингёнсансухва* было признано истинно корейской живописью и стало главным объектом исследования южнокорейских искусствоведов. Однако, несмотря на то, что больше половины всех публикаций, вышедших в Республике Корея с конца 1970-х, посвящены *чингёнсансухва*, до сих пор множество вопросов остается без ответов. Главный вопрос, который и сегодня вызывает разногласия среди искусствоведов, связан с причиной формирования нового художественного направления. До сих пор нет единого мнения о том, что стало привело к резкому повороту в истории корейской пейзажной живописи.

Сегодня южнокорейские искусствоведы разделены на две группы: первая группа (Чхве Вансу, Ю Чжунён, Ан Хвичжун, И Тхэхо, Пак Ынсун)^{*} считает, что направление *чингёнсансухва* сформировалось под влиянием внутренних факторов, таких, как полити-

Хохлова Елена Анатольевна, преподаватель Школы востоковедения (НИУ ВШЭ). E-mail: ckhokhlova@hse.ru.

^{*} Здесь и далее корейские имена приведены в авторской редакции. — *Прим. ред.*

ческие, социальные и культурные перемены, происходивших в Чосон в конце XVII — начале XVIII века. Назовем их сторонниками «внутренней» теории. Члены второй группы (Хон Сонпхё, Хан Чжонхи, Ко Ёнхи), напротив, убеждены в том, что стимулом для становления реалистического пейзажа стали внешние факторы и прежде всего влияние Китая, т.е. придерживаются «внешней» теории.

Сторонники «внутренней» теории в свою очередь делятся на две группы: первая во главе с Чхве Вансу считает, что направление *чингёнсансухва* было возвращено *норонами* — объединением интеллектуалов, развивающих корейское неоконфуцианство. А вторая группа во главе с Пак Ынсун и И Тхэхо настаивает на том, что новый пейзаж сложился под влиянием общего «реалистического» настроения эпохи.

Наиболее привлекательной для корейцев представляется теория знаменитого историка, сотрудника Музея Кансон профессора Чхве Вансу. Причина популярности его версии — это утверждение независимости *чингёнсансухва* и его исключительно национальных истоков. По этой же причине теория Чхве Вансу подвергается критике большинства специалистов-искусствоведов. Чхве Вансу посвятил более тридцати лет изучению творчества Чон Сона (1676–1759) — признанного основоположника *чингёнсансухва*. Исследуя биографию и творчество художника, исследователь пришел к выводу, что новый пейзаж не является некой революцией в истории корейской живописи, но есть результат естественного развития *мунинхва* — «живописи интеллектуалов».

Чхве Вансу полагает, что *чингёнсансухва* возникло в процессе развития корейского неоконфуцианства и укрепления среди интеллектуалов из группы *норон* («старая доктрина») представлений о Чосон, как о «маленьком Китае», т.е. как о наследнике традиций покоренной «варварами» династии Мин. Роль «маленького Китая» должна была заключаться в сохранении китайских традиций. Однако в действительности, по мнению Чхве Вансу, падение династии Мин способствовало росту среди корейских интеллектуалов интереса к национальной культуре и обретению уверенности в ее самобытности.

Проследив дружеские отношения Чон Сона с представителями высшей знати, Чхве Вансу доказал, что художник был связан с группой *норон* и под влиянием сторонников «старой доктрины» посвятил себя воспроизведению корейских ландшафтов. Кроме этого, исследователь доказал, что Чон Сон являлся «художником-интеллектуалом», продолжавшим традиции неоконфуцианской живописи. Так Чхве Вансу опроверг общепринятое на момент 1980-х представление о Чон Соне, как о профессиональном художнике. Ранее считалось, что разорившийся аристократ Чон Сон изображал реальные виды природы, симпатизируя борцам за прогрессивное развитие страны и стремясь воплотить в своих работах идеи движения *сирхак* — «за реальные знания». Чхве Вансу в статье «*Чингёнсансухва* Чон Сона» (1988) опроверг мнение о том, что основоположник реалистического пейзажа и его живопись были связаны с движением *сирхак*¹. Переработав огромное количество материала по политическому, социальному устройству Чосон XVIII века, Чхве Вансу показал, что *сирхак* не могло стимулировать развитие *чингёнсансухва*, так как оно выступало против идей неоконфуцианства — основы мировоззрения интеллектуалов, среди которых зародилось новое живописное направление.

Профессор университета Ихва Ю Чжунён, изучая идеологические и культурные предпосылки формирования *чингёнсансухва*, также пришел к выводу, что становление нового художественного направления связано с развитием корейского неоконфуцианства. Согласно Ю Чжунён, истоки нового пейзажа необходимо искать в произведениях на тему *Муикугок* «Девять изгибов гор Уишань», созданных в ранний период Чосон.

Со времен установления неоконфуцианства в качестве государственной идеологии сюжет «Девять изгибов гор Уишань» пользовался популярностью среди интеллектуалов Чосон. Любимые горы Чжу Си считались идеальным местом для уединения. Примером и основой для создания изображений гор Уишань служили работы китайских художников и поэтические описания ландшафтных красот. Во второй половине XVI столетия

корейский философ Ли И (1536–1584) призвал интеллектуалов прекратить мечтать о китайских местах уединения и выстроить свои там, где природа напоминает ландшафты Уишань. Сам Ли И в 1578 г. построил дом в долине Соктам и воспел в стихах красоту корейской природы. На данный момент не обнаружено свидетельство того, что виды долины Соктам были запечатлены в живописи XVI века. Однако известно, что в XVII веке последователи идей Ли И хранили в своих коллекциях свитки, на которых были изображены виды любимых ими корейских мест уединений. Один из таких свитков, работа Чо Сэголь (1635—?) *Когун кугокто* — «Изображение девяти изгибов Когун», по мнению Ю Чжунён, является истоком *чингёнсансухва*. Чо Сэголь нарисовал место уединения неоконфуцианского мыслителя Ким Сучжина².

Пак Ынсун — профессор Женского университета Тонсон, специалист по живописи позднего периода Чосон также настаивает на местном происхождении *чингёнсансухва*. Однако, в отличие от Чхве Вансу и Ю Чжунён, она не связывает становление нового пейзажа с развитием корейского неоконфуцианства. По мнению профессора Пак, причиной формирования *чингёнсансухва* стало общее «реалистическое» настроение эпохи³. С конца XVII столетия, несмотря на проводимую правительством политику закрытости, через Китай в Чосон начало проникать все больше информации о научных и технических достижениях западной цивилизации. Распространение знаний о мире за пределами Китая сделало невозможным дальнейшее поддержание традиционного мировоззрения, основанного на *хваирон* — «представление о Китае как о центральном государстве», и вызвало рост интереса к реальным практическим знаниям и объективности как таковой.

Принятие новых знаний и вместе с ним формирование нового мировоззрения было не в интересах правящего класса Чосон. С целью противостоять влиянию цинского Китая правительство объявило государственной задачей следование традициям династии Мин и отвержение всего «варварского», т.е. цинского. Тем не менее, процветание Китая, социальные изменения и экономическое развитие Чосон подвели интеллектуалов к осознанию необходимости формирования нового мировоззрения и идеологии. В результате в середине XVIII столетия в группе *норон*, в чьих руках находилась политическая власть и которые в целом стремились укрепить положение неоконфуцианства в качестве государственной доктрины, развернулась *иги нонджэи*, «дискуссия о тождестве и различии сущностей человека и природы». *Нанноны* — интеллектуалы из сеульской группы *норон* считали, что сущности человека и природы тождественны. Такая позиция, по мнению Пак Ынсун, сформировалась с осознанием необходимости принятия достижений западной науки и формирования практического мировоззрения. Живопись *чингёнсансухва* и поэзия *чинси*, зародившиеся в среде *наннонов*, являются, по мнению Пак Ынсун, результатом развития «ориентированного на материальную реальность» сознания интеллектуалов в области искусства⁴.

Рассмотрим, как объясняют формирование *чингёнсансухва* исследователи, придерживающиеся «внешней» теории.

Хон Сонпхё, профессор Женского университета Ихва, критикует Чхве Вансу за узость взглядов и настаивает на том, что *чингёнсансухва* — международное художественное направление XVII—XVIII веков. По мнению Хон Сонпхё, *чингёнсансухва* распространилось среди китайских, японских и корейских приверженцев Южной школы и в особенности среди поклонников творчества Дун Цичана (1555–1636) — одного из крупнейших художников, каллиграфов и теоретиков династии Мин. Китайский мастер призывал учиться у древних и самой природы в соответствии с *чхонгирон* — «теорией о небесной пружине».

В Чосон братья — литераторы из группы *норон* — Ким Чханхёп и Ким Чханхып, вдохновившись теорией *чхонгирон*, отказались от продолжения старых традиций и подражания древним в литературе. Братья возглавили новое направление *чинмун*, «подлинная литература», и *чинси*, «подлинная поэзия». Основной задачей творческого процесса про-

возглашалось выражение эмоций и чувств, испытанных во время созерцания исключительных по своей красоте природных ландшафтов. Художник Чон Сон пользовался покровительством братьев Ким, так как умел выразить в живописи их понимание сути и задачи творчества. В результате творческого взаимодействия художника с братьями Ким центральной темой его творчества становятся горы Кымгансан.

Увлечение творчеством Дун Цичана сформировало художественный язык Чон Сона, главной особенностью которого считается совмещение техники Северной и Южной школ. Хон Сонпхё подчеркивает, что характерное для корейского художника гармоничное соединение штрихов *пубёкчун* (кит. *да фу ни цунь*) — «насечки большого топора» и *пхи-маджун* (кит. *чан пи ма цунь*) — «длинная растрепанная конопля» было осуществлено Дун Цичаном. Чон Сон учился живописи по составленному последователями китайского мастера пособию *Кеджавонхваджон* («Слово о живописи из сада с горчичное зерно») — главному учебнику японских и корейских интеллектуалов XVIII столетия. Освоив технику совмещения штрихов, Чон Сон адаптировал ее для изображения корейских ландшафтов. На основании вышеперечисленных фактов, Хон Сонпхё утверждает, что понимание истоков и специфики *чингёнсансхва* невозможно вне международного контекста и призывает специалистов изучать реалистический пейзаж Китая и Японии времен становления *чингёнсансхва* в Корее⁵.

Ко Ёнхи — преподаватель Женского университета Ихва, специализируется на изучении взаимовлияния литературы и живописи Чосон. Она установила, что любимым чтением братьев Ким и их окружения были иллюстрированные записки китайских интеллектуалов, описывающих путешествия по горным ландшафтам Китая. Эти записки, по мнению Ко Ёнхи, стимулировали рост интереса сеульских интеллектуалов к путешествиям с целью испытать эмоциональное возбуждение и запечатлеть их средствами поэзии и живописи. В результате зародилось направление *чингёнсансхва*. Техника Чон Сона и других художников данного направления, как считает Ко Ёнхи, является результатом творческого переосмысления китайских пейзажных техник из пособий и иллюстраций к изданиям китайской поэзии⁶.

Хан Чжонхи, профессор университета Хоник также убежден в том, что причины становления нового направления необходимо искать за пределами Чосон. Исследователь опубликовал сборник статей «Живопись Китая и Кореи» о влиянии китайской живописи на художественную традицию Кореи. Сравнивая живопись Дун Цичана и представителей Южной школы с работами Чон Сона и других корейских художников XVIII века, он показал, что *чингёнсансхва* не могло сформироваться без заимствования приемов китайской живописи позднего периода династии Мин и начала династии Цин. Хан Чжонхи связывает становление нового пейзажа с распространением практических знаний, т.е. движением *сирхак*. Он категорически не согласен с идеей Чхве Вансу о том, что нежелание принимать новую «варварскую» династию Цин заставило *мунинов* отказаться от заимствований культурных традиций цинского Китая. По мнению Хан Чжонхи, не осознание самобытности национальной художественной традиции, но влияние Китая и проникавшее через Китай влияние Запада стимулировали развитие *чингёнсансхва*⁷.

Информация о достижениях западной цивилизации, проникавшая в Чосон через Китай, постепенно подвела *мунинов* к выводу о том, что неоконфуцианство как государственная доктрина не способно отвечать требованиям нового времени. В итоге сформировалось идейное движение *сирхак*. По мнению профессора Хан, в условиях распространения разочарования в неоконфуцианстве последнее едва ли могло стимулировать становление нового направления в искусстве. Новые реалистичные направления в литературе и живописи — это результат возросшего интереса к практическим рациональным идеям, проникавшим через Китай⁸. Таким образом, Хан Чжонхи считает, что идейной базой нового направления в пейзажной живописи стало движение *сирхак*.

Итак, в южнокорейском искусствознании существуют следующие теории, объясняющие возникновение *чингёнсансухва*.

«Внутренняя» теория:

1. Становление *чингёнсансухва* произошло в процессе развития корейского неоконфуцианства (Чхве Вансу, Ю Чжунён).

2. Новый пейзаж сложился под влиянием общего «реалистического» настроения времени (Пак Ынсун).

«Внешняя» теория:

1. *Чингёнсансухва* сложилось в результате развития теории *чхонгирон*, под влиянием китайской литературы и живописи конца династии Мин (Хон Сонпхё, Ко Ёнхи).

2. Идейной базой *чингёнсансухва* является движение *сирхак*, сформировавшееся в Чосон под влиянием Китая и Запада (Хан Чжонхи).

Направление *чингёнсансухва* отличается неоднородностью, оно включает в себя монументальные экспрессивные, свободно интерпретирующие объекты пейзажи Чон Со-на, старательно продуманные и немного условные художественные эксперименты Кан Сэхвана (1713–1791) и Кан Хиона (1710—?), лиричные, реалистичные пейзажи Ким Хондо (1705–1806?). Этим очень разных художников объединяет одно — желание запечатлеть красоту корейских природных ландшафтов, но идейная база у каждого была своя. На одних влияли китайская поэзия и *чхонгирон*, на других — *сирхак* и реалистичная живопись Запада. О разных художественных представлениях мастеров направления *чингёнсансухва* говорит тот факт, что до середины XVIII века для обозначения пейзажей, изображающих реальные ландшафты, использовали понятие *чингён* с иероглифом «грань», а после *чингён* — с иероглифом «вид». Также на различное понимание сути *чингёнсансухва* указывает довольно резкая критика творчества Чон Со-на художниками второй половины XVIII столетия. Каждая из вышеописанных теорий подходит для объяснения творчества отдельных художников, а вернее, одного из этапов развития *чингёнсансухва* в Чосон, длившегося более ста лет. Этапы развития *чингёнсансухва* и их теоретическую основу нам еще предстоит рассмотреть.

1. Пак Ынсун. Чингёнсансухва ёнгу пипханджок комтхо: [Критический анализ исследований *чингёнсансухва*] [Текст] / Пак Ынсун // Хангуксахахвае. 2007. № 28. С. 80.
2. Yi Song-Mi. Artistic Tradition and the Depiction of Reality: True-View Landscape Painting of the Choson Dynasty // Ed. Judith G. Smith. Art of Korea. New York, 1998. С. 339–340.
3. Пак, Ынсун. Цит. соч. С. 89.
4. Там же.
5. Хон Сонпхё. Хангук хвехваса ёнгу: [Изучение живописи Чосон] [Текст] / Хон Сонпхё. Сеул: Мунэчхульпанса, 1999.
6. Ко Ёнхи. Чосонсидэ сансухва: [Пейзаж периода Чосон] [Текст] / Ко Ёнхи. Сеул: Тольпэге, 2007.
7. Хан Чжонхи. Хангукхва чунгук хвехва: [Корейская и китайская живопись] [Текст] / Хан Чжонхи. Сеул: Хаккочже, 1999.
8. Там же.

Культурные традиции китайцев в восприятии дальневосточного писателя-эмигранта: повесть П.А. Северного «Фарфоровый китаец качает головой»

© 2015

И.А. Дябкин

Статья посвящена исследованию художественного восприятия культурных традиций китайцев одним из представителей дальневосточного зарубежья — писателем П.А. Северным. В повести «Фарфоровый китаец качает головой» писатель обращается к тем мифологемам, которые являются основами традиционной китайской ментальности.

Ключевые слова: Дальний Восток, Маньчжурия, традиционная китайская культура, дальневосточный фронтир, «фронтирная мифология», дальневосточная эмиграция, русская литература 1920–1940 гг.

Культура дальневосточного зарубежья — явление уникальное, возникшее в результате исхода русских дальневосточников на территорию Китая в 1920-е годы и сформировавшееся на основе общности русского языка, понимания общности исторической памяти, а также фронтирной ментальности насельников приграничных дальневосточных земель. В «русском Китае» возникла ситуация безвременья, когда русские беженцы вдруг оказались в ситуации возвращения в прошлое — в старорежимную Россию, в старую систему этических, религиозных и этнокультурных координат. Одновременно они погрузились в систему религиозных представлений, определяющих издревле жизнь китайцев и маньчжуров (конфуцианского, даосского, буддийского учений). Безусловно, большие возможности в изучении и художественном освоении русскими Китая дало строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в конце XIX в. В отличие от эстетизирующей петербургской и московской элиты, создающей свои мифологемы «Востока Ксеркса», «панмонголизма» и т.д., здесь интерес к Востоку был напрямую связан с практическими нуждами экономического и политического характера.

Процесс восприятия культурных традиций жителей Восточной Азии сквозь призму художественного сознания сегодня является одной из дискутируемых проблем среди исследователей культуры и литературы дальневосточного зарубежья. У каждого художника-эмигранта существовали свои «сценарии» в процессе вживания в инокультурное пространство. Так, воин-заамурец, путешественник, ученый и писатель-натуралист Н.А. Бай-

Дябкин Игорь Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета.

E-mail: igor-dyabkin@mail.ru.

Публикация подготовлена в рамках гранта РНФ (№ 14–18–00308): «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)».

ков задолго до прибытия художественных сил в Северную Маньчжурию постигал культурные традиции жителей дальневосточного фронта, изучая дебри маньчжурской тайги¹. В постоянной охоте и путешествиях «от Сидеми до Новины» свои жизненные и художественные стратегии выстраивали члены известной семьи Янковских². Путешествуя по Центральной Маньчжурии, изучая язык и собирая китайский фольклор, составил свою научную и писательскую репутацию будущий член ОИМК (Общество по изучению Маньчжурского края), ученый-синолог, писатель П.В. Шкуркин³. Другой поэт и писатель-этнограф В. Март (Матвеев) свое общение с восточной культурой начал с детства как следование фамильным ценностям (его отец — Н.П. Матвеев-Амурский был блестящим знатоком китайского и японского языков, изучал восточную литературу)⁴.

Совершенно по-иному складывался жизненный «сценарий» известного писателя-эмигранта П.А. Северного. Новизна данного исследования заключается в том, что творчество барона Павла Александровича фон Ольбриха (такова настоящая фамилия писателя) — отдельная, еще малозученная страница в истории культурного и литературного процесса дальневосточного зарубежья. Несмотря на то, что в последнее десятилетие современные исследователи проявляют интерес к изучению жизненного и творческого пути писателя (среди таких работ можно выделить, в первую очередь, исследования Л. Черниковой, С. Аюпова, А. Агафонова, В. Черных), несмотря на подвижническую роль живущего ныне сына писателя, Арсения Павловича Северного, в скрупулезном собирании библиографии, издании книг отца, сохранении и популяризации его творческого наследия, все же многие факты его биографии и черты творческого наследия остаются загадками. Более того, среди работ современных ученых доминируют работы, посвященные изучению поэтики произведений, изданных уже в СССР, по возвращении семьи писателя из Шанхая. Внимание отечественных исследователей направлено на выявление художественных особенностей темы России и ее исторического прошлого в творчестве П.А. Северного (романы «Ледяной смех» (1930–1975), трилогия «Сказания о Старом Урале» (1969–1974) и др.) Однако произведения, посвященные образу Китая и китайцев («Фарфоровый китаец качает головой», «Башня безногой», «Озеро голубой цапли», «Черные лебеди» и др.), остаются неизученными. Данная статья представляет собой первый подступ к изучению образа Китая и китайцев в художественном наследии писателя. Культурные традиции китайцев анализируются автором на примере повести «Фарфоровый китаец качает головой», которая еще не являлась объектом исследовательского интереса.

Будучи потомком дворянского рода фон Ольбрих, Павел Александрович Северный родился в селе Верхний Уфалей на Урале 27 сентября 1900 г. В эмиграции оказался после 1921 г., когда с остатками армии Колчака принял участие в Ледяном походе, попал в плен к большевикам, затем бежал из него (эти события позже он опишет в рассказе «Гимн», 1941) в Харбин⁵.

Харбинский период жизни можно назвать этапом становления писательского мастерства, рождения писателя Северного (свой творческий псевдоним П.А. фон Ольбрих избрал как дань ностальгии по Северному Уралу, где прошло детство писателя). Именно здесь он публикует свои первые произведения «Смерть императора Николая II» (1922), «Только мое, а может быть и ваше» (1924), «Свечи монашеского обета» (1931). По утверждению ныне здравствующего сына писателя, Арсения Павловича Северного, уже в Харбине у писателя проявился большой интерес к изучению традиционной культуры китайцев: «Он мог подолгу наблюдать за китайскими народными промыслами, за работой рикш. Что-то тут же зарисовывал»⁶, — вспоминает Арсений Павлович. Добавим к этому случай с посещением буддийского храма в момент совершения таинства посвящения в монахи. «Папе пришлось заплатить настоятелю монастыря, чтобы увидеть это собственными глазами», — пишет А.П. Северный. Результатом впечатлений от увиденного станет рассказ «Свечи монашеского обета», опубликованный в единственном выпуске литературно-художественного сборника «Багульник».

Любовь к Китаю П. Северный пронес через всю жизнь. Россия и Китай стали духовными доминантами, неисчерпаемым источником сюжетов. Однако «любовь к Китаю началась с Шанхая»⁷, — утверждает сегодня сын писателя. Увлечению традиционными культурно-религиозными обычаями китайцев в Харбине препятствовала постоянная нужда и безработица. Арсений Павлович Северный спустя полвека вспоминает: «Сегодня очень трудно понять нашу жизнь в Китае. О Харбине я ничего не помню, отец говорил о нем мало. Про Шанхай помню многое, но могу сказать одно — русская эмиграция была страшно не дружна, завистлива, распускала нелепые слухи, которые нелегко было опровергать, постоянные доносы. Вот в такой среде надо было существовать...»⁸.

После оккупации Маньчжурии японцами, в 1932 г. Северный попадает в Шанхай, совершая пеший поход по маньчжурским сопкам. Результатом этого путешествия становятся все последующие произведения о Китае. В пути писатель познает быт и традиции китайцев, создает эскизы и рисунки (помимо писательского дара, он обладал талантом художника), делает заметки, собирает китайские легенды и предания. «Годы, прожитые в стране, позволили узнать ее историю, — напишет он в своей «Автобиографии», — быт населяющих народностей и всю схоластику конфуцианства, даосизма и буддизма, то есть весь мистический дурман религий, цепко державших разум страны в своей власти. Узнавалось все медленно, до многого приходилось додумываться из-за незнания языка со множеством провинциальных наречий. Меня особенно интересовало прошлое страны... Я старался захватить все, что было для меня необычным»⁹.

Образ Китая в творчестве Павла Северного выступает как художественный и этнокультурный концепт. Источником для вдохновения писателя являлась китайская экзотика. «Необычное прошлое» Китая с его многовековыми традициями становится главным объектом изображения автора в произведениях, вышедших в Шанхае в 1930–1940 гг. Он обращается к изображению традиционной китайской культуры, поэтому образ Китая в прозе Павла Северного облекается в идиллические описания. Хотя к концу 1920-х годов Китай уже не был тем старозаветным, императорским Китаем. Страна была охвачена огнем революции. Для автора важным было показать те многовековые культурно-религиозные традиции, сохранение которых помогает китайцам сохранить свою этничность. По предположению С. Аюпова, отчасти причиной этому были монархические взгляды писателя. Он был противником революционного терроризма, разрушающего любые многовековые традиции¹⁰. Революционные потрясения в современном писателю Китае сопоставлялись им с историческими событиями в России 1920–1930 гг. Образ традиционного Китая в творчестве П. Северного выступает как некий коррелят современному Китаю, объекту волной революционных восстаний.

Повесть «Фарфоровый китаец качает головой» (1937) становится первым произведением, которое писатель создает в Шанхае в эпоху расцвета творчества. В основу повести положены сюжеты мифологических представлений китайцев и других жителей маньчжурской тайги, в центре которых — почитание Священных пространств (гор, лесов, водоемов) и их духов — тигра, женьшеня. В современной отечественной гуманитарной науке подобный комплекс мифологических сюжетов и представлений определяется термином «фронтирная мифология»¹¹.

Что включает в себя данное понятие? Прежде всего, единый, уникальный комплекс традиций, обрядов, образов, появившихся в сознании дальневосточников в результате синкретизации¹² религиозно-мифологических представлений различных этносов, проживающих в дальневосточном регионе. Главным сюжетным комплексом «фронтирной мифологии» стала маньчжурская тайга. Образ тайги способствовал выстраиванию отдельного комплекса религиозных мифологем, синтезирующих даосские, буддийские, христианские представления. Писатели, обращавшиеся в своем творчестве к образу маньчжурской тайги и ее обитателей — тигров, женьшеньщиков, звероловов, выстраивали целый «таежный пантеон». С одной стороны, для жителей Северной Маньчжурии и тайга, и

тигры, и маньчжурские разбойники-хунхузы — это реальность. С другой, писатели-дальневосточники (Н. Байков, В. Янковский, П. Шкуркин, П. Северный и др.) создавали «таежную мифологию» на основе собственного жизненного опыта, соединяя в ней и религиозно-психологические установки жителей дальневосточного фронта, и традиционные религиозно-мифологические представления китайцев.

Тайга в сознании «таежных людей» способствовала выстраиванию особого пантеона, во главе которого стоял тигр — Великий Ван¹³. Услышанные китайские легенды и предания о священном жителе тайги становятся главным источником сюжета повести. В произведении «Фарфоровый китаец качает головой» Павел Северный рельефно изобразил сосуществование разных культурных традиций в современном ему Шанхае: традиционного Китая с его многовековыми традициями и современного Китая, впитавшего в себя культуру западных цивилизаций. Писатель рисует уникальный образ «желтого Вавилона». В повести наглядно изображен эмигрантский Шанхай середины 1930-х гг.: «Шанхай был в Китае городом сказочных возможностей, но надо было знать Шанхай! Тут требовалась своя, шанхайская сноровка! <...> Здесь пользовалось уважением только то, что сохранило свое национальное лицо <...> Но нужно, чтобы это лицо знало себе цену, хранило на себе печать национальной гордости». Читатель погружается и в атмосферу средневекового Китая с его многовековыми традициями: «Жизнь народа шла здесь, как несколько веков тому назад, когда Китаем правили династии императоров. Не менялась жизнь. Отсутствие больших дорог, удаленность от промышленных городов, глушь горных лесов не манила к себе ласточек цивилизации и новой послереволюционной жизни Китая. Здесь жизнь народа всецело зависела от доброты природы»¹⁴.

По сюжету повести, в результате авиакатастрофы в Шанхае оказываются два американца — авиатор Гордон и репортер Дороти, для которой пребывание в многонациональном Шанхае становится этапом на пути к осуществлению ее «американской мечты». Герои являются носителями типичных черт западноевропейской ментальности, они воспринимают Китай как «удивительную страну», в которой «первобытность сохранила еще свои следы»¹⁵. Так, Дороти испытывает мистический страх перед статуей Будды, «глаза которого загадочно улыбаются сумеркам». Магистральной темой лирических отступлений является описание буддийского храма — воплощения «божественных сил природы».

Пожилый китаец Лин, получивший образование в Европе, почитает исконные традиции китайцев. Он считает, что «жизнь Китая должна идти вперед, совершенствоваться и улучшаться, но народ должен достигать своего благополучия, не теряя своей самобытности»¹⁶, поэтому он выступает противником тех, кто разрушает «грандиозный и величественно прекрасный Китай прошлых столетий», уничтожая древности, «сдирая со стен древних храмов редчайшие мудрости и заменяя их надписями из кодексов новых политических идей <...> рекламой мыла и сигарет»¹⁷. Он не является противником Запада, но для него важно сохранить свои этнические корни, а возможно это лишь через почитание религиозно-культурных традиций древности. Иначе говоря, Лин является носителем традиционной китайской ментальности.

Обращение к детальным пейзажным зарисовкам позволяет автору создать образ «грандиозного и сказочного» Шанхая, живущего вопреки революционным событиям. Образ экзотического Китая для П. Северного является благоприятным фоном, на котором оживают сюжеты древних китайских легенд: история о статуэтке фарфорового китайца и его верного хранителя — тигрицы подтверждает мистические верования старого китайца Лина, убежденного, что в статуэтку «знатного мандарина», сделанную в России, переселилась душа его первой возлюбленной — русской красавицы Ксении. Для Лина почитание статуэтки «фарфорового китайца, качающего головой» исходит не только из убеждений о переселении души Ксении, но и из религиозных побуждений — страха нарушить табу перед ее хранильницей — тигрицей.

После смерти русской девушки Ксении даосский монах, посетивший Лина, принес ему маленького тигренка: «По его словам, всесильный Будда явился к нему ночью в сопровождении тигрицы, которая по повелению божества в пасти принесла к порогу убогой кельи своего детеныша. Будда приказал ему отнести тигренка в дом. Фанатично верующий монах уверял меня, что в теле тигренка живет душа умершей женщины. Согласно воле Будды, в течение пяти лет нога ни одной женщины не смеет переступить порог моего дома. Покидая меня, монах приказал не нарушать всесильной божественной воли, сказав также, что в случае насильственной смерти тигрицы мою жизнь на каждом шагу будет подстерегать смерть...»¹⁸.

Влюбленная в Лина китайка Сюнь-хуа не понимает мистической убежденности Лина, для нее фарфоровая статуэтка — лишь напоминание о бывшей возлюбленной, а потому она готова нарушить табу. Сюнь-хуа из ревности пытается разбить статуэтку. В схватке с разъяренной тигрицей погибают и Сюнь-хуа, и священное животное. По иронии судьбы, остается невредимой лишь фарфоровая статуэтка китайца-мандарина: «На полу, придавленная туловищем окровавленной тигрицы, потеряв сознание, лежала китайка. Тигрица была мертва. <...> Полоса лунного света дотянулась до камина, на котором качал головой фарфоровый китаец... Статуэтка китайца была сделана в России, на заводе Кузнецова, потому так ярки и неправдоподобны краски его мандаринской одежды...».

В повести «Фарфоровый китаец качает головой» Павел Северный обращается к тем мифологемам, которые являются основами традиционной китайской ментальности, а многие из них до сих пор живы в сознании современных китайцев — это почитание Священных мест, культ природы, почитание мудрости и др. Писатель убежден в том, что почитание традиционных культурных обычаев позволяет человеку не утратить свои этнические корни. В дальнейшем эта мысль находит развитие в других рассказах и повестях П.А. Северного, посвященных Китаю: «Озеро голубой цапли», «Долина стеклянной Фанзы», «Легенда о таинственном храме жизни» (1938), «Черные лебеди» (1941). К сожалению, не все произведения Северному удалось издать. Неопубликованными остались повести «Башня безногой», «Кровь и фарфор» (1941), незаконченным и неопубликованным «Рассказ о двух влюбленных» (1941). Лишь небольшая часть творческого наследия П.А. Северного издается сегодня, многое по-прежнему хранится в архивных фондах и частных коллекциях. Сбор и публикация архива П.А. Северного — одна из главных целей исследователей его творчества.

1. Об этом см.: *Забияко А.А.* Религиозные традиции дальневосточного фронта в творчестве Н. А. Байкова 1901–1914 гг. // *Религиоведение*. 2015. № 1. С. 179–190; *Забияко А.А.* Женьшень, тигр, священные места: мифологемы дальневосточного фронта в творчестве писателей-эмигрантов // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах / Под ред. А.П. Забияко*. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2010. Вып. 9. С. 336–343.
2. Об этом см.: *Бибик Е.Е.* Фронтальная реальность и жизненные стратегии семьи Янковских (по материалам прозы семьи Янковских) // *Вестн. развития науки и образования*. 2013. № 5. С. 79–81; *Москвитина С.П.* Судьбы Янковских // *Янковские чтения*. Владивосток: Примор. гос. объединенный музей им. В.К. Арсеньева, 1996. С. 28–31.
3. Об этом см.: *Забияко А.А.* Трансформация сюжетов китайской мифологии в творчестве дальневосточных писателей 20–40 гг. XX в. // *Религиоведение*. 2013. № 4. С. 139–156; *Дябкин И.А.* Неомифологизм как этнорелигиозный феномен культуры дальневосточного зарубежья: Дис... канд. филос. наук. Благовещенск, 2015. — 185 с. (защита 17. 02. 2015, утв. 24. 06. 2015).
4. Об этом см., например: *Забияко А.А., Левченко А.А.* Художественная этнография Венедикта Марта: дальневосточный период // *Гуманитар. исслед. в Вост. Сибири и на Дальнем Востоке*. 2014. № 4. С. 150–165; *Левченко А.А.* Художественная этнография В. Марта: Образы китайцев в

- прозе 1920-х годов // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Макро-С, 2013. Вып. 10. С. 219–236.
5. Подробно о творческом пути П.А. Северного см.: *Черникова Л.П.* Мост в прошлое везунчика-барона: (штрихи к портрету русского писателя Павла Северного. Уфа: Вагант, 2011. 43 с.; *Дябкин И. А., Левченко А.А.* «Немец с русской душой»: русские писатели в Китае (стеногр. беседы с А.П. Северным). // Россия и Китай на дальневосточных рубежах / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. Благовещенск: Макро-С, 2015. Вып. 11. С. 232–341.
 6. Переписка И.А. Дябкина с А.П. Северным от 23.02.2015. (Архив источниковедческой лаборатории АмГУ «Центр изучения дальневосточной эмиграции». Ф. 10. Оп. 4. Л. 1.).
 7. Переписка И.А. Дябкина с А.П. Северным от 01.03.2015. (Архив источниковедческой лаборатории АмГУ «Центр изучения дальневосточной эмиграции». Ф. 10. Оп. 5. Л. 3).
 8. Цит. по: *Черникова Л.П.* Указ. соч. С. 68.
 9. *Северный П.А.* Автобиография. (Личный архив А. П. Северного).
 10. *Аюпов С.* «Мила нам добра весть о нашей стороне»: «Тургеневская сказка» Павла Северного // Бельские просторы. 2013. № 10. С. 129.
 11. *Забияко А.А.* «Фронтирная мифология» в художественной рефлексии дальневосточных писателей (20–30 гг. XX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2010. Вып. 9. С. 119–139.
 12. Об этом см.: *Забияко А.П.* Синкретизм религиозный // Религиоведение: Энцикл. слов. / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический проект, 2006. С. 984.
 13. О культе тигра см. также: *Топоров В.Н.* Тигр. // Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1987. Т. 2. С. 511–512.
 14. *Черникова Л.П.* Мост в прошлое Павла Северного // Шире круг. 2010. № 6. С. 52.
 15. *Северный П.А.* Фарфоровый китаец качает головой. Шанхай, 1937. С. 43.
 16. Там же. С. 35.
 17. Там же. С. 43.
 18. Там же. С. 61.

Научная жизнь

VIII международная научно-практическая конференция «Россия — Китай: история и культура» (Казань, 8–11 октября 2015 г.)

В Институте международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета 8–11 октября 2015 г. состоялась VIII международная научно-практическая конференция «Россия — Китай: история и культура». Конференция была приурочена к празднованию 70-летия окончания Второй мировой войны на Дальнем Востоке и во всем мире. Организаторами являлись Институт международных отношений, истории и востоковедения КФУ совместно с Институтом Конфуция на базе Казанского университета.

Доклады участников были сгруппированы в четыре секции:

1. Актуальные вопросы филологии и методика обучения китайскому языку (работала 2 дня);
2. Российско-китайские отношения, внешняя политика КНР (работала 2 дня);
3. История, философия и культура Китая;
4. Секция молодого китаиста.

Кроме того, 9 и 10 октября были проведены публичные лекции Лю Сюна (КНР), А.Г. Сторожука (Санкт-Петербург), А.К. Вагнера (Екатеринбург) и И.В. Саблина (Гейдельберг, Германия), вызвавшие неподдельный интерес участников.

В программе конференции было заявлено 90 докладов. По сравнению с форумом 2014 г. явно наблюдалась тенденция к расширению географии участников. Очень представительным оказался состав Секции молодого китаиста (специалисты из высших учебных заведений Волгограда, Нижнего Новгорода и Элисты прибыли большими делегациями, подготовив несколько серий докладов по смежной тематике).

Конференция была торжественно открыта 8 октября речью проректора Казанского университета по международным связям Л.Н. Латыпова, который высоко оценил число гостей и разнообразие тематики представленных докладов, а также сообщил о возрастающем интересе к науке Казани у гостей из-за рубежа, в частности, Германии. Большой доклад заместителя директора ИМОИВ по научной работе В.А. Летяева был посвящен 70-летию Победы, в том числе вкладу народов России и Китая в победу над нацизмом и японским милитаризмом. Теплые слова приветствия произнесла директор Института Конфуция при КФУ с китайской стороны Ли Ланьни.

На пленарном заседании были заслушаны три доклада. Доктор философских наук А.И. Кобзев (зав. Отделом Китая ИВ РАН) провел обзор сложных перипетий развития советской китаистики в сложнейшие для ее судеб 1930–1950-е гг. на примере взаимоотно-

шений В.М. Алексеева и С.Л. Тихвинского. Профессор А.В. Семенов (Дипломатическая академия МИД РФ) проанализировал формулу китайско-российских отношений, которая используется в официальных документах КНР с начала 1990-х годов. Доклад на стыке дипломатии и текстологии вызвал оживленную дискуссию. Д.и.н., доц. Д.Е. Мартынов напомнил присутствующим, почему конференция проводится именно в Казани, прочитав доклад о судьбах казанского университетского китаеведения в 1837–1854 гг. Тема была подхвачена А.И. Кобзевым, заметившим, что китаеведение развивалось как государственная наука, для которой близость к центральной власти и поддержка с ее стороны совершенно необходимы.

В заседаниях секции «Актуальные вопросы филологии и методика обучения китайскому языку» 9 и 10 октября принимали участие 35 человек, был заслушан 21 доклад. Модератор секции — к.ф.н., доц. А.И. Шакиров. Рабочими языками секции были русский, китайский и английский. География представленных учреждений весьма широка — высшие учебные заведения Киева (Украина), Софии (Болгария), Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Казани, Екатеринбурга и других городов.

В заседании секции обсуждены следующие темы:

- методика обучения китайскому языку;
- фразеология китайского языка;
- фонетика китайского языка;
- теория перевода с китайского языка;
- лексикология китайского языка;
- современное состояние китайского языка.

Особый интерес участников вызвали доклады Н.Н. Власовой (Санкт-Петербург) о формировании и развитии навыков аудирования у студентов на начальном этапе изучения китайского языка, а также доклады представителей Волгоградского государственного социально-педагогического университета Кравцовой А.В., Шмелевой О.Д., Косиновой Л.В. М.Б. Рукодельникова, к.ф.н., зав. кафедрой восточных языков Института лингвистики РГГУ и О.А. Салазанова (Москва) представили проект нового учебника для школ по китайскому языку «Мы говорим по-китайски», который с 2015 г. создается под эгидой Института Конфуция РГГУ (Москва). Участникам секции было предложено принять участие в обсуждении проекта нового учебника и внести свои предложения. Оживленная дискуссия состоялась по докладу к.ф.н., доцента Т.Г. Семеновой (Москва), посвященному проблемам иероглифической письменности в современном китаезычном пространстве; а также по выступлению главного ассистента А.Д. Цанковой (София), представившей полный анализ вариативной частицы *le* в современном китайском языке. В обсуждении докладов приняли активное участие Р.Р. Мухаметзянов (Казань), Н.Н. Власова (Санкт-Петербург), Т.А. Урывская (Казань).

Участники секции предложили организационному комитету конференции продолжить практику объединения докладов с филологической тематикой в одной секции, предусмотреть больше времени для свободной дискуссии. Р.Р. Мухаметзянов (зав. кафедрой китаеведения и стран АТР) предложил провести летнюю школу по востоковедению на учебной базе ИМОИВ КФУ в Булгаре в июле 2016 г.

Секция «Российско-китайские отношения, внешняя политика КНР», модерлируемая д.и.н., профессором, заведующим Высшей школой международных отношений и востоковедения ИМОИВ КФУ Я.Я. Гришиным, также работала два дня — 9 и 10 октября. Задал тон и высокую планку выступлений д.э.п. В.Я. Портяков (зам. директора ИДВ РАН) докладом о месте и роли Шэньчжэня в интеграционных процессах в Южном Китае. Несмотря на разницу в хронологии, доклад А.Л. Верченко о сыне Сунь Ятсена — Сунь Кэ — и его роли в советско-китайских отношениях, был воспринят как продолжение предыдущего. Проф. Я.Я. Гришин, давая этому докладу высокую оценку, обратил внимание аудитории на деятельность советников из СССР в Синьцзяне в 1930-е годы. Одним из них

был уроженец Татарстана А.К. Маликов, он являлся главным военным советником у Шэнь Шицзя. Глава представительной делегации из Нижегородского университета проф. А.И. Лычагин зачитал доклад о современной тайваньской политике КНР на основе некоторых вновь вводимых в научный оборот документов, его почин подхватила коллега и ученица О.И. Бодрова. Ее доклад лежал в русле классической для российского китаеведения проблематики — о влиянии внутрисоветских концепций на внешнеполитический курс современной КНР. Участниками была также отмечена оригинальность подхода, продемонстрированного в докладе М.А. Гулевой (Санкт-Петербург) об отражении отношения к режиму Чан Кайши на страницах сатирического журнала «Крокодил».

Второй день работы секции открылся докладом М. Петрасяк (Университет Лодзи, Польша), посвященный относительно мало известному в отечественной науке понятию парадипломатии. Доклад, посвященный ситуации в российско-китайском пограничье, вызвал множество вопросов. Модератор секции — проф. Я.Я. Гришин, особо выделил доклад М.П. Харченко (Москва), в котором была дана оценка проектам высокоскоростных железных дорог в Китае и России. Для казанских слушателей это особенно актуально в связи с планируемым участием китайских фирм в строительстве ВСМ Москва — Казань. Доклад аспиранта Дипломатической академии МИД РФ Чжан Цзяня был зачитан на английском языке и привлек внимание благодаря откровенной демонстрации «изнутри» китайской позиции по вопросу китайско-российской экономической кооперации и динамики взаимоотношений в данном контексте. Тема доклада к.и.н., доцента ИМОИВ А.В. Белоглазова перекликалась с выступлением М.П. Харченко; здесь шла речь о реализации проекта сопряжения «Экономического пояса Шелкового пути» и Евразийского экономического союза. Также особой оценки удостоилось сообщение Г.Х. Гилазетдиновой о судьбе В.А. Казем-Бека — выпускника Казанского университета, который оказался в Харбине. В связи с этим возникла дискуссия, в ходе которой Я.Я. Гришин сделал добавление о судьбе внука В. Казем-Бека — Александра, жившего в эмиграции, но затем вернувшегося в Советский Союз.

Секция молодого китаиста заседала 9 октября (модератор — д.и.н., доц. кафедры китаеведения и стран АТР Д.Е. Мартынов). Из заявленных 11 докладов были заслушаны 10, их тематика отчетливо делилась на два блока — филологический и историко-международный. География участников также была довольно широка — присутствовали студенты и аспиранты из Элисты, Екатеринбурга, Казани, Москвы (в том числе Российского университета дружбы народов). Присутствовавший на секции проф. А.И. Кобзев, однако, критически оценил заслушанные доклады, о чем также высказался при закрытии конференции. Он заметил, что студенты пытаются излагать уже известное, нет попыток поиска самостоятельных тем. Он посоветовал молодым коллегам развивать «поисковый инстинкт».

Работа объединенной секции «История, философия и культура Китая» под руководством А.И. Кобзева проходила 10 октября. Были заслушаны 10 докладов, тематика которых отличалась исключительным разнообразием. Формой представления материала выделялись доклады коллег из Санкт-Петербурга — А.Г. Сторожука (зав. каф. китайской филологии ВФ СПбГУ), посвященный образу обезьяны в традиционной литературе Китая, и Т.И. Корнильевой — о семантике архитектурных элементов *паошоу* в традиционных китайских крышах. Д.Е. Мартынов в своем докладе об оценке исторического наследия Кан Ювэя представил программу исследований в этой сфере, что сопряжено с пересмотром сложившихся представлений. Доклад Л.С. Веселовой (Санкт-Петербург) о неформальных отношениях *гуанси* в торгово-предпринимательской среде Китая, вызвал дискуссию, в том числе из-за попытки использования понятия «блат» как ближайшего аналога *гуанси* в российском культурном пространстве. Доклады А.Н. Коробовой и С.В. Никольской лежали в сфере, пограничной между литературоведением и культурологическими дисциплинами, поскольку посвящены китайской прозе, как художественной, так и документальной. Много вопросов вызвал доклад Н.Ю. Симоненко (Волго-

град) о китайских нарративных песнях последних десятилетий; аудитория попросила исполнить одну для примера, что вызвало возражение модератора секции, утверждавшего, что научное мероприятие не следует смешивать с культурным. Работа секции завершилась докладом М.С. Миннеевой (Казань) об исследованиях Н.Ф. Катанова в Восточном Туркестане. Символично, что работа секции проходила в актовом зале ИМОИВ, украшенном портретами основателей казанской школы востоковедения, в том числе самого Н.Ф. Катанова.

Итоги конференции подвели Г.Г. Зайнуллин — директор Института Конфуция при КФУ с российской стороны и проректор Хунаньского педагогического университета (КНР) Оуян Яо. Участники констатировали, что конференция стала важным фактором научной жизни Казанского университета. После закрытия А.И. Кобзев дал интервью, опубликованное на сайте Казанского университета (<http://kpfu.ru/imoiv/intervju-s-zavotdelom-kitaya-instituta-160896.html>).

© 2015

*Гришин Я.Я., доктор исторических наук,
Мартынов Д.Е., доктор исторических наук,
Мухаметзянов Р.Р., кандидат исторических,
Шакиров А.И., кандидат филологических наук*

Рецензии

Журавлева В.П. Библиография Китая: Философия и общественно-политическая мысль. Этика. Эстетика. Военная мысль. Мифология. Религия. 1958–2008. М.: ИД «Форум», 2015. 704 с.

В 1990-е годы для книг всего мира начался переходный период, а для библиографов настало трудное время. О включенных уже в электронные каталоги больших библиотек книгах и статьях не всегда можно узнать, работая в другой библиотеке. Иногда дает сбой система обязательных экземпляров, в результате чего многие бумажные книги тоже попадают в «слепое пятно» для библиографов. Расширился объем самого понятия «книга». Распространились во множестве электронные форматы, возникли платные и бесплатные сетевые библиотеки. Многие электронные книги (а в России, по-видимому, вообще большая их часть) остаются неизвестными в библиотечной системе.

Между тем, наука нуждается в постоянной систематической библиографической поддержке. Безусловно, ученые стремятся самостоятельно отслеживать новые публикации по интересующей их тематике, но без работы библиографов и библиотечной системы они столкнулись бы с непреодолимыми трудностями. Российская синология безгранично обязана Петру Емельяновичу Скачкову, составителю двух выпусков «Библиографии Китая»: они охватывают период со второй четверти XVIII в. и до 1958 г. Если еще в конце XVII в. в России вообще не было переводчиков с китайского языка, то уже во второй половине XVIII в. в нашей стране были профессиональные китаеведы, изучавшие и читавшие классические памятники. А в начале XIX в. российская синология вышла на мировой уровень, и число публикаций в этой отрасли науки постоянно увеличивалось.

Многие работы, вышедшие в России во второй половине XIX – начале XX вв. сейчас попали в «слепое пятно» историографии, что иногда ставит современных исследователей в положение «изобретателей велосипеда». Во избежание этого необходимо держать в поле зрения библиографическую работу П.Е. Скачкова. Между тем следует учитывать, что хотя второй

выпуск «Библиографии Китая» ныне вполне доступен, эту книгу по техническим причинам составителю пришлось сократить, и в нее вошли не все работы, описанные в первом выпуске. Это делает желательным и даже необходимым переиздание первого выпуска (1932), поскольку он необходим всем, работающим над историей российского китаеведения.

Книга Валентины Петровны Журавлевой «Библиография Китая» выполняет эту задачу. Валентина Петровна – главный библиограф Синологической библиотеки ИНИОН РАН и единственный специалист в России, владеющий всем объемом данной проблематики.

Поскольку число и частота появления китаеведческих изданий с 1950-х годов возросли, уместить все написанное о Китае в нашей стране за период с 1958 по 2008 гг. в одной книге было невозможно. Таким образом, работы в сфере истории, археологии, экономики, этнографии, социологии и проч. в обзор не вошли. В.П. Журавлева выбирает для обзора достаточно широкую область гуманитарных исследований. В книге П.Е. Скачкова (изд. 1960 г.) она занимает незначительный объем, но положение дел существенно изменилось. Новая книга представляет собой верный слепок с российского китаеведения второй половины XX – начала XXI вв. А этот период был очень непростым.

В 1960 г. был закрыт основанный за четыре года до этого Институт китаеведения, что нанесло советской науке немалый ущерб. Многие китаеведы были вынуждены искать работу не по специальности; несколько лет потеряли молодые специалисты, только закончившие аспирантуру. Рабочих мест не хватало. Число публикаций соответственно упало, что фиксирует «Библиография Китая». Заметную долю китаеведческих публикаций в 1960-е гг. составляют не оригинальные работы, а рефераты. Впрочем, к 1970-м гг. положение в академическом китаеведении улучшилось. В 1966 г. был

создан Институт Дальнего Востока. В 1970 г. в Институте востоковедения был запущен продолжающийся по сей день многолетний проект – конференция «Общество и государство в Китае». Стало выходить больше переводов, и это касается не только художественной литературы. Так, был осуществлен уникальный для мирового Китаеведения перевод «Исторических записок» Сыма Цяня (первый том вышел в 1972 г.).

С конца 1960-х и до начала 1980-х гг. обострение советско-китайских отношений стало в СССР парадоксальной причиной усиления интереса не только к идеологии маоизма, но и к истокам китайской философской мысли как таковой. Сверяясь с новой «Библиографией Китая», мы видим, что рост числа публикаций по этой тематике был «взрывным». Помимо пропагандистских изданий выходили книги и статьи, посвященные серьезному разбору корней идеологических и философских течений современного Китая. Мало того, с конца 1960-х годов осуществлялась большая текстологическая и переводческая работа в области древней и средневековой философии, были переведены ключевые даосские и легистские тексты, в 1970-е годы был сформирован и издан двухтомник «Древнекитайская философия».

Вместе с тем, заметнее, чем ранее, стали плоды методологических недостатков советской науки. Сейчас жаль времени, которое ученые вынужденно тратили на обоснование «неканоничности» маоизма и его антимарксистской сущности или на доказательство материалистического мировоззрения авторов «Дао дэ цзина» и «Ле-цзы». Но это тоже часть истории российского Китаеведения, и она наглядно представлена в «Библиографии Китая» названиями работ, вышедших в этот период.

Другим вызовом, с которым столкнулось наше Китаеведение во второй половине XX в., была малая доступность современной китайской исследовательской литературы вообще и научной периодики в частности. Точно так же весьма ограничен был доступ к западным исследованиям, возможность в полной мере использовать их результаты в собственной работе. Это в полной мере отражено в новой «Библиографии Китая»: несмотря на то, что реферирование западной синологической литературы велось постоянно, рефератов в конечном счете выходило немного, не говоря уже о рецензиях. Со второй половины 1980-х годов ситуация радикально изменилась; появилось больше возможностей для знакомства с западной и китайской наукой, участились международные контакты. Но вместе с освобождением научной

мысли от «оков» марксистской методологии для отечественной синологии возникают новые вызовы. Прежде всего, свобода выбора иногда приводит к тому, что вроде бы избавившиеся от навязанных сверху идеологием ученые продолжают по инерции работать на тех же методологических основах, отказавшись лишь от привычной терминологии. В результате часто возникают ситуации методологической непоследовательности и разнобоя, что затрудняет ведение дискуссий и ход исследований. Это, в частности, привело к наблюдавшемуся в середине 1990-х годов повышенному интересу к рихианству и другим новейшим западным религиозно-философским учениям, из которых иные пытались извлечь методологические основания для исследования восточных религий и философий. Эта тенденция, как и ее постепенное угасание, также отразилась в «Библиографии Китая».

Сравнивая заголовки публикаций на смежные темы, вышедших в начале XXI в., можно заметить, что в целом взаимодействие ученых несколько ослабло, а научные дискуссии стали реже. Тем не менее, несмотря на все сложности переходного для науки периода, работа продолжается. Число изданий растет, тематика исследований расширяется. Ряд тем пользуется неослабевающим вниманием российских синологов; значительно больше стали писать о современной китайской философии. Что касается философии древней, то в последние десятилетия неизменно популярны «Дао дэ цзин», «Чжоу и», «Лунь юй» и даже «Чжуан-цзы». Как и в предыдущие десятилетия, выходит немало работ, посвященных анализу официальной идеологии современного Китая. «Библиография Китая» демонстрирует отрядный факт появления серьезного интереса к теме христианства в Китае, очень мало исследованной в советском Китаеведении. Дореволюционные российские Китаеведы, многие из которых были миссионерами, уделяли этой теме большое внимание, но в СССР она закономерно выпала из числа приоритетных.

Впрочем, то же самое можно сказать о любых исследованиях религий, существовавших или существующих в Китае: в СССР они находились на периферии научного интереса, и даже религиозный даосизм и буддизм не изучались сколько-нибудь подробно.

Современные российские ученые обратились к изучению русской эмиграции в Китае: такие исследования не только проливают свет на особенности механизмов межкультурного взаимодействия, но являются частью работы по изучению историографии отечественного Китаеве-

дения. С середины 1980-х годов появилось немало публикаций, посвященных китайской эмиграции. Большая их часть не попала в новую «Библиографию Китая», поскольку ею не охвачены социологические исследования, но даже небольшой раздел, озаглавленный «Китайские религии и религиозные общины за рубежом», позволяет судить о росте числа соответствующих исследований. Самая ранняя работа в нем помечена 1998 г.! «Библиография Китая» показывает также, что последние десятилетия стали свидетелями возникновения региональных востоковедческих центров и их немалой исследовательской и публикационной активности.

С конца 1980-х годов в стране появляется множество небольших частных издательств; многие из них недолговечны. Синологи, как и другие ученые, получают возможность свободно публиковаться. Но с одной стороны, в частных издательствах книги не всегда попадают в руки квалифицированных редакторов, а тиражи по большей части невелики. Зачастую автору приходится издаваться за свой счет. С другой стороны, прохождения книги через ученый совет и публикации в академическом издательстве зачастую приходится ждать годами, и тогда очень важной становится возможность напечатать ее немедленно. В то же время процесс отбора книг для публикации во многих частных издательствах упрощен и в результате в свет выходят востоковедные сочинения, одни заглавия которых повергают в тягостное недоумение. Эта атмосфера возможностей и ловушек, особенно ошутимая в 1990-е годы, тоже отражена на страницах новой «Библиографии Китая».

В рассматриваемом библиографическом указателе дан подробнейший обзор книг и статей, посвященных общественно-политической мысли Китая, его философии, военной мысли, мифологии и религиям. Несмотря на трудности, встающие перед современным библиографом, в данном случае можно без преувеличения утверждать, что в книгу попало большинство монографий и статей, написанных в России после 1958 г. Перечень переводов также близок к полноте. Составитель широко пользуется материалами электронных каталогов российских библиотек, что является необходимым условием современной библиографической работы. Электронные материалы в книге практически не представлены, но это не более чем особенность нынешнего переходного периода в библиографической сфере: недостаток, который

со временем, вне всякого сомнения, будет исправлен. Кроме того, электронных изданий в области академического востоковедения в России пока что весьма мало.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. российские ученые не только встали перед необходимостью разработки новой методологии, но столкнулись с разрушением существующей классификации научного знания, в том числе гуманитарного. Возникли новые сферы исследований, старые были реформатированы. В качестве временной меры были заимствованы элементы принятых западной наукой классификаций. Так к нам пришли культурная и социальная антропология, религиоведение, культурология, но новой системы гуманитарного знания, создано не было: границы между иными дисциплинами остаются размытыми, а междисциплинарное взаимодействие – затрудненным. Составляя свою библиографию, В.П. Журавлева предприняла попытку создания такого рода классификации. Эта предварительная классификация иногда кажется не вполне логичной (в частности, вызывают вопросы вынесение в отдельные разделы этнической и эстетической мысли; нет раздела, специально посвященного религиозному даосизму, и т.п.). В ее применении есть отдельные накладки (например, большая часть работ, посвященных философии выдающихся представителей *сюаньсюэ* – «учения о сокровенном» – Ван Би и Го Сяна приведена в разделе «Троецарствие», а не в разделе, в заглавии которого, среди прочего, присутствует *сюаньсюэ*). Тем не менее, принятая в книге схема систематизации материала действительно удобна, а упомянутые несовершенства объясняются прежде всего, новаторским ее характером.

Рассматриваемый библиографический труд уникален. Перед составителем стояла задача сбора колоссального объема информации и ее систематизации на нынешнем переходном для науки этапе. Во многом этот проект состоялся благодаря поддержке и помощи Синологической библиотеки ИНИОН РАН и Института Дальнего Востока:

Нельзя не признать новую «Библиографию Китая» одной из тех книг, которые необходимы в библиотеке современного синолога. Следует надеяться, что в будущем она ляжет в основу обширной электронной библиографической базы, общедоступной, подключенной к крупнейшим мировым библиографическим ресурсам и обновляющейся на постоянной основе.

**Чудодеев Ю.В. Советский стажер в Китае: дневниковые записи
о стажировке в университете Фудань (Шанхай) в 1985–1986 гг.
М.: Институт востоковедения РАН, 2014. 346 с.**

Дневниковые записи Юрия Владимировича Чудодеева о его стажировке в Китае середины 1980-х годов — это честное, прямое отражение впечатлений автора о стране, которую он увидел, о ситуациях, в которые попадал, о многих замечательных людях, с кем ему доводилось общаться.

Заметки Юрия Владимировича написаны легко и увлекательно, читатель как бы слушает его интересный рассказ. Поэтому книга не может оставить равнодушными как специалистов, так и обычных читателей, интересующихся Востоком. Для меня она оказалась интересным чтением еще и потому, что описываемый автором период в Китае, 1985–1986 гг., близок по срокам моей первой рабочей поездке в эту страну в 1989 г. Поэтому, читая книгу Юрия Владимировича, часто ловила себя на мысли: насколько мои личные впечатления того периода совпали с наблюдениями и оценками автора.

Очень точно описан быт китайцев того времени — грязь в домах и полное отсутствие какого-либо, даже косметического, ремонта, но одновременно ощущение наступления новых времен: появление в старых домах и в квартирах примет и признаков новой жизни — современной бытовой техники, телевизоров и видеомагнитофонов.

Читатель узнает, как начиналась вестернизация КНР. «Китай — словно ребенок, который проснулся и увидел окружающий мир и потянулся к нему», — пишет автор (с. 74), наблюдая изменения социального и нравственно-психологического порядка, отмечая моменты, когда начиналось размыивание старых постулатов и принципов жизни. И хотя Китай оставался страной весьма традиционной, но и эти пласты начинали подтачивать веяния новых времен.

Кратко, ярко и понятно Юрий Владимирович описывает процесс проникновения западных культурных стандартов в китайскую молодежную среду, а затем и в китайские СМИ. Вспоминая первые представления китайских балетных трупп (традиционный классический балет был для Китая в ту пору абсолютно новым культурным явлением), автор отмечает, что «кордебалет [был] ужасен» (с. 89). Однако сего-

дня, спустя 30 лет балет Китая добился существенного прогресса, и китайские балерины и танцовщики заслуженно считаются гордостью многих театров мирового уровня.

Автор наблюдает, как с середины 1980-х годов в кинотеатрах начинался показ американского боевика «Первая кровь» с участием С. Сталлоне, имевшего бешеный успех, вслед за которым все большее число американских фильмов проникло на китайские экраны.

С юмором описан, к примеру, такой эпизод «культурного взаимодействия», связанный с выступлением дирижера из Минска Г.П. Проваторова и пианистки из Тбилиси Этери Анджaparидзе. «Китайские оркестранты или ввали безбожно, или вступали невпопад — дирижер почти “дрался” с оркестром, грозя ему кулаком» (с. 89). А ныне, по прошествии 30 лет, китайские оркестры великолепно исполняют весь мировой классический репертуар и ведущие мировые дирижеры уже не грозят оркестрантам, а всегда рады и готовы работать по приглашениям из Китая.

1980-е годы — это период, когда советские фильмы в Китае имели не такой оглушительный успех, как фильмы с участием Сталлоне, но тоже пользовались популярностью — «Берег», «Москва слезам не верит», «Вокзал для двоих», «Мама вышла замуж»... Эти киноленты нашли отклик у китайцев, которые после пережитых политических и социальных катаклизмов потянулись к правде в искусстве, к выражению настоящих человеческих отношений и чувств.

Вместе с автором книги мы проходим стадии изменения в Китае отношения к России. Он постепенно осознает, что в глазах китайцев наша страна уже не «дядя» — старший брат, как это было в 1950-е годы. Водитель машины, думая поначалу, что везет американцев, начал ругать советские автомобили, но узнав, что с ним едут русские, осекая и стал хвалить обруганную им прежде «Волгу».

Ю. Чудодеев подчеркивает важность, которую придают китайские власти вопросам технологического совершенствования экономики. Помимо сотрудничества с СССР, Китай с середины 1970-х годов с помощью договоров и

симпозиумов активно расширяет сотрудничество и деловые связи с ЕЭС (с. 55). Именно забота о технологических инновациях в промышленности помогла превратить КНР в одного из передовых производителей практически любых товаров.

Юрию Владимировичу очень повезло — он наблюдал и изучал страну, которая только начинала переход к новой жизни, сжималась, как пружина, перед прыжком, который затем совершила: от страны, где люди крутили педали старых велосипедов и жили на виду друг у друга, к стране, где сыновья и внуки этих китайцев путешествуют по всему миру, имеют приличные доходы и живут в современных многоквартирных небоскребах. Юрий Владимирович наблюдал начало этого прыжка и поделился с нами этими наблюдениями. Поделился честно и открыто: тем его книга и ценна для читателя.

Автор со свойственной ему наблюдательностью подмечает, как изменился китайский крестьянин: «он почувствовал вкус к профиту... Деньги, судя по всему, у них появились, хотя их вид часто далеко не презентабельный» (с. 75). Еще в 1985 г. автор подметил деловитость и главный принцип каждого китайца-бизнесмена: «одурачив белого человека, китаец чувствует себя на вершине успеха» (с. 44). С тех пор мало что изменилось.

Сейчас сотрудничество России с Китаем стремительно набирает обороты, и не столько Россия для Китая, сколько Китай для России — очень важный партнер. Достаточно привести такое сравнение: объем ежегодного товарооборота Китая с Россией на китайских графиках ежегодно составляет всего 4–5%, а товарооборот России с КНР, по российским данным, достигает около 40% в год. Другими словами, для России Китай — это партнер, оборот с которым равен почти половине ее годовой валовой международной торговли.

Все сведения о Китае в книге Ю.В. Чудодеева очень актуальны и нужны — ведь надо хорошо знать страну, с которой мы работаем. И его книга, без сомнения, поможет в знакомстве с Китаем.

Нельзя также не упомянуть дневнико-

вые записи Ю.В. Чудодеева о стажировке в университете Рицумэйкан в Киото в 1991 г. — «Япония глазами россиянина» из той же книги. Впечатления Юрия Владимировича о Японии очень сильно отличаются от впечатлений о Китае.

По сравнению с Китаем того периода Япония — образцово-идеальная страна. На улицах городов стерильная чистота, люди не сорят, не грязнят (с. 287), все дома содержится в полном порядке, в магазинах и кафе красиво и приятно, люди очень вежливы и внимательны к иностранцам. Чувствуется, что это от души, от такта, от внутренней культуры. Автор отмечает при этом высокое чувство собственного достоинства у японцев.

Еще одна важная особенность — в 1991 г. в библиотеке университета Рицумэйкан, куда автор приехал на стажировку, все уже было компьютеризировано. Весь каталог, насчитывающий 1.5 млн единиц хранения, можно было просматривать с помощью компьютеров, которыми могли пользоваться и студенты, и преподаватели.

Какую бы сторону жизни Японии не затрагивал автор, его впечатления исключительно позитивны, но они и правдивы: японцы действительно уважают стариков и по продолжительности жизни страна находится на первом месте в мире. Японцы очень заботятся о чистоте природы — даже промышленные пейзажи не отягощены мрачными красками: из труб почти не идет грязный дым, и в результате города выглядят красиво. За все время жизни в стране автор так ни разу и не увидел на улицах пьяных. При этом он подмечает, что японцы очень тактичны, но не очень общительны. Могут годами жить по соседству, но при встрече обмениваться только вежливыми поклонами.

В Японии Юрий Владимирович встречался со многими коллегами-учеными. Поскольку японское китаеведение — одно из ведущих в мире, автор советуется отечественным китаистам знакомиться с трудами японских китаеведов. Несомненно, это положительно повлияет на результаты наших исследований и может оказаться интересным для японцев.

Юбилей ученого

Юбилей Татьяны Васильевны Лазаревой

Не так часто человек, поступивший на работу в какое-либо учреждение, остается верным ему на всю жизнь. Именно так произошло в судьбе Татьяны Васильевны Лазаревой, которая совсем юной пришла работать в 1967 г. в Институт Дальнего Востока Академии наук СССР. Начав свой трудовой путь в должности научно-технического сотрудника, Татьяна Васильевна прошла все ступени научной карьеры до ведущего научного сотрудника-китаеведа, кандидата исторических наук.

Во время работы Татьяна Васильевна в 1981 г. успешно окончила вечернее отделение исторического факультета МГУ. Изучение китайского языка она продолжала в период стажировки в Пекинском институте иностранных языков в 1988–1989 гг.

Поначалу сферой научных интересов Татьяны Васильевны было изучение положения молодежи и молодежных организаций в Китае. По этой теме ею был подготовлен ряд публикаций. Затем она занялась исследованием национальной политики КНР. Изучение вопросов национальной политики стало ее основным занятием во время учебы в аспирантуре ИДВ РАН и написания диссертации. В 2003 г. Т.В. Лазарева успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Кадровое строительство в национальных районах КНР». Под этим названием была опубликована и ее монография.

В работах Т.В. Лазаревой по проблемам национальной политики КНР исследуется специфика национальных отношений в Китае, источники межнациональных противоречий, претворение в жизнь Закона о районной национальной автономии, пути преодоления бедности в национальных районах и предотвращения таких чувствительных для Китая явлений, как тенденции к сепаратизму, религиозный экстремизм и терроризм. Со статьями и докладами по этим проблемам Татьяна Васильевна регулярно выступает на страницах научных журналов, на международных и ежегодных научных конференциях ИДВ РАН, участвует в обсуждениях научных работ своих коллег. Командировки в КНР по линии научных обменов обогатили знания Т.В. Лазаревой в области национальной политики, что послужило хорошим фундаментом для ее исследовательской работы.

Аналитические записки и справочно-информационные материалы, подготовленные ею, направляются Институтом в директивные органы и Президиум РАН.

За период своей научной деятельности Татьяна Васильевна опубликовала около 100 научных работ, в числе которых статьи и разделы в коллективных монографиях, ежегоднике ИДВ РАН «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура», в журналах «Проблемы Дальнего Востока» и «Азия и Африка сегодня», в периодических изданиях, выходящих в ИДВ.

Нельзя не упомянуть о большой работе, проделанной Татьяной Васильевной в качестве ответственного секретаря Общества российско-китайской дружбы (1998–2006 гг.), где она неизменно демонстрировала свою энергичность, инициативность, и доброжелательность. На этом посту она приобрела большой опыт работы и общения с китайскими коллегами. В 2005 г. эта ее работа была отмечена Почетным знаком Общества российско-китайской дружбы. Ныне Татьяна Васильевна продолжает активно работать в Обществе в качестве члена Центрального правления.

На протяжении 15 лет Т.В. Лазарева является председателем профсоюзной организации ИДВ. Ее деловые качества умелого организатора, чуткость и внимательность к нуждам сотрудников, доброжелательное отношение к людям заслуженно снискали ей авторитет среди коллектива Института.

Поздравляя Татьяну Васильевну со славным юбилеем, руководство ИДВ РАН и коллеги по Институту желают ей дальнейших успехов в научной и общественной деятельности, крепкого здоровья и благополучия в семье.

Ваньши жу и!

*Дирекция и коллектив Института Дальнего Востока РАН,
Редакция и редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Юбилей Елены Александровны Лапшиной

13 ноября 2015 г. отмечает свой юбилей заведующая редакцией нашего журнала Елена Александровна Лапшина. Ветеран Института Дальнего Востока РАН, она пришла в Институт год спустя после его создания по окончании в 1967 г. географического факультета МГУ, где получила подготовку по экономической географии Вьетнама.

Начав работу в Институте с должности стажера-исследователя, а с 1968 г. — младшего научного сотрудника, она прошла в его стенах большой и яркий трудовой путь.

Без отрыва от производства Е.А. Лапшина окончила аспирантуру ИДВ АН СССР. В сфере ее научных интересов находились советская и французская историография Китая, связи КНР с социалистическими странами Востока. Полученные в университете знания французского и вьетнамского языков она использовала в научной работе.

Лапшина Е.А. — автор монографии «Советская историческая литература о Китае 1961–1965 гг.» (1978 г.), многих изданных в ИДВ и Институте научной информации РАН статей по темам ее исследований. Ее работы о французской синологии представляют особый интерес, так как французская историография Китая была малоизвестна в нашей стране. Елена Александровна принимала активное участие в подготовке коллективных трудов тех научных подразделений, где она работала. Среди них — «Новейшая история Китая. 1928–1949 гг.», «Китаеведение США», избранные произведения Ван Мина и др.

В течение многих лет Елена Александровна была референтом Ученого и Диссертационного советов ИДВ. Много сил отдает она журналу «Проблемы Дальнего Востока». Без ее инициативных усилий журнал наверняка лишился бы значительного числа своих подписчиков.

Елена Александровна принимает активное участие в общественной жизни Института, работая в течение многих лет в составе его профкома. Она является деятельным членом Общества российско-китайской дружбы, добросовестно выполняет и разнообразные другие общественные поручения.

Сотрудники Института знают Елену Александровну Лапшину как исключительно общительного и отзывчивого человека, всегда приветливого и позитивного, готового прийти на помощь.

Дирекция и профком неоднократно отмечали производственные успехи и активную общественную работу Е.А. Лапшиной премиями, благодарностями и почетными грамотами

Коллектив Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют Елену Александровну с юбилеем и от души желают ей крепкого здоровья и еще многих и многих лет творческой и общественной активности.

Юбилей Е.В. Бирюлина

Свое 70-летие отмечает в этом году Евгений Васильевич Бирюлин. Окончив в 1967 г. МГИМО МИД СССР, Евгений Васильевич прошел стажировку в Наньянском университете Сингапура (1974–1975 гг.) и Уханьском университете КНР (1990–1991 гг.) В ИДВ РАН он поступил на работу в 1969 г. Сначала основными направлениями его исследований были японо-китайские экономические отношения и японская синология. Затем он перешел к изучению политики Китая в области охраны окружающей среды и природоохранного законодательства КНР. Его перу принадлежит 50 научных публикаций, в том числе монография «Охрана окружающей среды в КНР: экологическая ситуация, политика, право» (1994).

Евгения Васильевича всегда отличали такие качества, как обязательность, пунктуальность аналитический склад ума. По его инициативе велась подготовка хроники текущих событий в Китае, которая затем публиковалась в ежегодниках ИДВ РАН: «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура».

В своих работах Бирюлин Е.В. уделил большое внимание сотрудничеству с Китаем в сфере экологии и экологической дипломатии. Состоянию экологической среды в КНР и природоохранного законодательства посвящены многие его выступления на конференциях различного уровня, а также целый ряд статей и аналитических материалов.

В сфере интересов и научных исследований Евгения Васильевича находится также изучение проблем охраны окружающей среды и социально-демографических исследований на Тайване. Он был первым, кто стал заниматься законодательными аспектами экологической политики КНР. Е.В. Бирюлину принадлежит заслуга в проведении исследований нового направления в китаеведении — изучении политики КНР в области экологии и экологического законодательства. Им осуществлен перевод ряда китайских законодательных актов по этому вопросу. Несмотря на ухудшение состояния здоровья Евгений Васильевич продолжает интенсивно работать по этим темам.

Среди сотрудников Бирюлин Е.В. известен как эрудированный человек с широким кругозором и глубокими знаниями, интересный собеседник. Его знают как хорошего отзывчивого товарища, тепло относящегося к коллегам по работе, всегда готового поддержать своих сослуживцев. На протяжении всех лет работы Евгений Васильевич пользуется заслуженным уважением в коллективе.

Дирекция ИДВ и коллеги Евгения Васильевича Бирюлина от души поздравляют его с юбилеем, желают здоровья, долголетия, творческих успехов. К этим поздравлениям с удовольствием присоединяются Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока».

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2015 год

ДОКУМЕНТЫ

- Совместное коммюнике 13-й встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индия и Китайской Народной Республики..... № 2
- Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества..... № 3
- Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и экономического пояса Шелкового пути № 3
- Приветствие Президента России В.В. Путина участникам и гостям российско-китайской конференции «Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне» № 3
- Приветствие Председателя КНР Си Цзиньпина участникам и гостям российско-китайской конференции «Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне»..... № 3
- Информационное сообщение по итогам заседания Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (г. Уфа, 9–10 июля 2015 года) № 4

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Я. Бергер.* Об эволюции оценок совокупной национальной мощи государств..... № 1
- В. Портяков.* Эволюция и особенности международных отношений Китая в Восточной Азии..... № 6

ПОЛИТИКА

- В. Балакин.* Восточноазиатский регионализм: политическая мотивация участников интеграции № 5
- А. Волошина.* Китайско-японские отношения в XXI веке: проблемы и перспективы № 3
- А. Волошина.* Северо-Восточная Азия в современной внешнеполитической стратегии Китая № 6
- Д. Графов.* Китайский лоббизм в США № 6
- Л. Захарова, К. Асмолов.* Евразийская инициатива президента Республики Корея Пак Кын Хе № 1
- В. Кистанов.* Внешняя политика Японии в 2015 году: куда пойдет перезагрузка? № 3
- А. Курмазов.* Арктическая политика Японии и интересы России № 3

<i>Я. Лексютина.</i> Экономическая дипломатия Китая в XXI веке	№ 2
<i>Г. Локишин.</i> Идеи Хо Ши Мина во внешней политике Вьетнама	№ 3
<i>А. Мокрецкий.</i> Основные направления китайской дипломатии.....	№ 1
<i>В. Петровский.</i> Россия и азиатско-тихоокеанская экономическая интеграция: в поисках «точки входа»	№ 5
<i>Е. Румянцев.</i> Некоторые тенденции внутривосточного развития Китая на фоне 4-го пленума ЦК КПК 18-го созыва	№ 1
<i>М. Титаренко, А. Ломанов.</i> Политические и культурные аспекты стратегии становления Китая как великой державы.....	№ 3
<i>С. Уянаев.</i> Китайский проект «Один пояс — один путь»: концепция, план, сотрудничество с Россией.....	№ 4
<i>С. Уянаев.</i> Трехстороннее взаимодействие «Россия—Индия—Китай»: десять лет после Владивостока (К итогам 14-й академической конференции РИК).....	№ 5
<i>В. Шабалин.</i> Упущенный шанс	№ 2
<i>Ю. Шелепова.</i> Дракон и кондор: развитие чилийско-китайских отношений на современном этапе	№ 6
<i>Ян Юйхэн.</i> Договор 2001 г. как правовая основа российско-китайского стратегического партнерства	№ 4

ЭКОНОМИКА

<i>М. Александрова.</i> Политика возрождения старой промышленной базы Северо-Восточного Китая.....	№ 3
<i>В. Балакин.</i> Нарастание Китаяем совокупной национальной мощи: американский фактор	№ 3
<i>О. Борох.</i> «Новая нормальность» с китайской спецификой.....	№ 3
<i>Т. Горчакова.</i> Инновационная деятельность КНР (по оценкам западных и китайских экспертов за 2014 г.).....	№ 2
<i>С. Иванов.</i> Инвестиции компаний провинции Хэйлуцзян в России: особенности роста в условиях господдержки	№ 5
<i>Н. Каледенкова, А. Палеев.</i> Китайско-латиноамериканское экономическое сотрудничество	№ 3
<i>А. Куцов, Е. Куцова.</i> Проблемы разведки и добычи углеводородов в странах АСЕАН	№ 5
<i>Д. Лебедева.</i> Эволюция макроэкономического планирования в КНР: поиск оптимального соотношения между планом и рынком	№ 6
<i>Е. Левицкая.</i> Экономика Южной Кореи на перепутье: вызовы и шансы	№ 6
<i>П. Мозиас.</i> Экономический рост в Китае в 2014 г. и прогноз на 2015 г.....	№ 1
<i>Л. Новоселова.</i> Реформирование налоговой системы КНР.....	№ 5
<i>В. Перминова.</i> «Японский фактор» модернизации Тайваня	№ 6
<i>М. Романов.</i> Владивосток, Ляньюньган и евразийские трансконтинентальные экономические оси	№ 2
<i>С. Сазонов, Е. Кудрявцев, У Цзы.</i> Транспортная составляющая проектов сопряжения Европейского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути».....	№ 2
<i>С. Цыплаков.</i> Девальвация юаня: причины и последствия	№ 5
<i>В. Чуванкова.</i> Роль и место малого предпринимательства в экономике КНР на новом этапе экономической реформы.....	№ 4
<i>Ю. Шиганова.</i> Особенности регионального развития Китая на примере провинции Гуандун	№ 6

- Д. Щербаков.* Энергетический сектор Китая: структура и проблематика № 2
П. Эм. Влияние развития метрополитена на качество жизни и равномерность размещения населения в столичной агломерации Республики Корея № 6

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

- Н. Прохорова.* О стратегии освоения китайских рек № 2
Н. Прохорова. Политика КНР по изменению структуры естественного распределения внутренних водных ресурсов № 5

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- П. Гудев.* Охотское море: успех или уступка? № 6
В. Засяев. Чукотка: новая модель развития Дальнего Востока? № 4
А. Савченко. Между «желаемым и возможным»: особые экономические зоны на Дальнем Востоке в 1987–2015 гг. № 6

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» В ИДВ РАН

- Отношения КНР и США на современном этапе: состояние, перспективы и вызовы для России № 4
 Проблемы экономической безопасности и сотрудничества в Восточной Азии № 1
 Соглашение о создании зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом № 5

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- Е. Гамерман.* Влияние украинского кризиса на региональную безопасность в Северо-Восточной Азии № 1
А. Картунова. Некоторые замечания по вопросу интерпретации истории революционного процесса в Китае 20-х годов XX века № 1
А. Крушинский. К проблеме древнекитайской логики: исторический перелом и ретроспектива № 2
Ху Аньган. Путь китайской модернизации (1949–2014) № 4

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

- А. Шлындов.* Сухопутные войска Народно-освободительной армии Китая на пути модернизации № 4

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- Ю. Грачева.* Положение народа наси в КНР в первое десятилетие политики реформ и открытости № 6
О. Завьялова. Лингвистические новации и внешняя политика Китая № 6
А. Карнеев. «Гласность с китайской спецификой»: некоторые современные тенденции в китаезычном информационном пространстве № 3
А. Королев. Реагирование политического режима КНР на базовые нужды населения № 2
В. Портяков. Шэньжэнь: социальные процессы и проблемы № 3
О. Почагина. Одинокие матери в современном Китае: статус и проблемы № 4
И. Чубаров. «Урбанизация нового типа» — новый этап развития городской системы КНР № 5

ИСТОРИЯ

- Б. Горбачев.* Внешняя помощь Китаю в годы войны с Японией (1937–1945 гг.)..... № 3, 4
- В. Дацышен.* Великая Отечественная война и советское китаеведение № 2
- Ю. Дин.* Первая политическая организация корейцев Сахалина в борьбе за репатриацию на родину № 6
- О. Дьякова.* К истории формирования корпуса письменных источников о государстве Бохай..... № 2
- А. Ипатов.* «То дело зело изрядно...». К 330-летию православия в Китае и 300-летию основания Российской Духовной Миссии в Пекине..... № 6
- Д. Кузнецов.* «Аресту подлежат все»: политические репрессии в СССР и судьба так называемых «харбинцев»..... № 3
- Е. Наземцева.* Правовой статус русской военной эмиграции в советско-китайских отношениях 1929–1931 гг..... № 5
- В. Пушкарев.* «Родственные связи утрачены». Сводная биография казачьей семьи Гуровых № 6
- С. Смирнов.* «Один за всех и все за одного»: Союз русских «мушкетеров» в Северо-Восточном Китае..... № 1
- А. Хисамутдинов.* Основатель школы корееведения Г.В. Подставин № 1
- И. Чернышев.* Операции Красной Армии против Квантунской армии в 1945 г. (по материалам газеты «Амурская правда»)..... № 4
- Шэнь Чжисихуа, А. Тагирова.* 88-я бригада и советско-китайско-корейские трехсторонние отношения — взгляд на объединенный антифашистский фронт во время войны против Японии..... № 5

ФИЛОСОФИЯ

- А. Крушинский, А. Ломанов, Л. Переломов.* «Китайская мечта» и категории традиционной китайской мысли..... № 5
- А. Старостина.* Дискуссии о конфуцианской этике..... № 1
- А. Титов.* Философия жизни и эвдемонизм Ян Чжу..... № 5

КУЛЬТУРА

- А. Верченко.* Китайский Новый год в исторической ретроспективе..... № 1
- Е. Войтишек, Л. Червинская.* Концептуальное искусство в Китае: социально-политический аспект..... № 4
- Е. Ганьшина.* Роль организационных структур Российской Федерации в продвижении русского языка в Китае..... № 1
- И. Дябкин.* Культурные традиции китайцев в восприятии дальневосточного писателя-эмигранта: повесть П.А. Северного «Фарфоровый китаец качает головой»..... № 6
- Е. Иконникова.* Советский Сахалин в русской литературе конца 1920-х – 1930-х годов № 2
- Е. Хохлова.* Теория возникновения пейзажной живописи *чингёнсансхва* в Корее..... № 6

РЕЛИГИЯ

- Л. Афонина, Д. Петровский.* Органы государственно-партийного регулирования религиозной сферы в КНР № 1
- С. Горбунова.* Настоящее и будущее религий Китая в научных трудах последних лет на английском языке..... № 2

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Хуан Лилян. Память о войне и победе священна № 4

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- VIII международная научно-практическая конференция «Россия – Китай: история и культура» (Казань, 8–11 октября 2015 г.) № 6
- К 100-летию со дня рождения Юй Гуаньюаня № 5
- А. Аликберова, Д. Мартынов.* VII международная научно-практическая конференция «Россия – Китай: история и культура» № 1
- Бао Оу.* Юй Гуаньюань и китайская школа диалектики природы № 5
- О. Борох.* Экономические воззрения Юй Гуаньюаня и реформы в Китае № 5
- Всероссийский круглый стол № 3
- Выступление Почетного председателя Общества российско-китайской дружбы академика С.Л. Тихвинского на конференции «Роль СССР и Китая в достижении Победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне» № 3
- Л. Захарова.* «Сотрудничество России с государствами Восточной Азии» (II Международная научная конференция молодых востоковедов в ИДВ РАН) № 1
- Корея: 70 лет после освобождения. XIX научная конференция корсеевдов России и стран СНГ № 5
- Научная конференция Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН «Китай на новом этапе экономической реформы» № 3
- Научная конференция ЦПИП ИДВ РАН № 4
- О российско-китайской международной конференции «Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне» № 3
- В. Портяков.* О некоторых научных конференциях в Китае в 2014 г. № 1
- Содержание журнала «Форум Северо-Восточной Азии» (КНР) за второе полугодие 2014 г. № 2
- Содержание журнала «Форум Северо-Восточной Азии» (КНР) за первое полугодие 2015 г. № 4
- И. Тимонина.* Японоведение в России: исследования молодых ученых (обзор диссертаций за 20 лет) № 2

РЕЦЕНЗИИ

- А. Алексанян, С. Горбунова.* Чжан Япин. Православие и российское общество № 1
- Е. Баялиева.* Советский стажер в Китае: дневниковые записи о стажировке в Университете Фудань (Шанхай) в 1985–1986 гг. № 6
- А. Волошина.* Восточноазиатское стратегическое обозрение 2014 г. № 2
- С. Горбунова.* Основные направления и проблемы российского китаеведения № 5
- П. Каменнов, Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В.* Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР № 3
- Я. Лексютина.* Сложности внутреннего и внешнего развития Китая сквозь призму европейского восприятия № 2
- А. Ломанов.* Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем: современное состояние, проблемы и предложения № 1

<i>А. Лукьянов, В. Майоров.</i> Возрождение святыни. Успенский храм на территории российского посольства в Пекине.....	№ 2
<i>В. Мясников.</i> Проверенный историей диалог культур. Самойлов Н.А. Россия и Китай в XVII — начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия	№ 3
<i>А. Панцов.</i> Юркевич А.Г. Москва — Кантон, 1920-е: помощь СССР Гоминьдану и две стратегии объединения Китая	№ 2
<i>А. Старостина.</i> Журавлева В.П. Библиография Китая: Философия и общественно-политическая мысль	№ 6
<i>Ю. Чудодеев, Головачев В.Ц., Молодяков В.Э.</i> Тайвань в эпоху японского правления	№ 3

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

75-летие А.А. Козлова.....	№ 3
Павлу Борисовичу Каменову – 80 лет	№ 2
Николаю Петровичу Тебину – 80 лет	№ 1
Николаю Сергеевичу Тихонову – 80 лет	№ 2
Александрю Игоревичу Салицкому — 60 лет	№ 3
Юбилей Е.В. Бирюлина	№ 6
Юбилей Галины Вениаминовны Куликовой.....	№ 2
Юбилей Татьяны Васильевны Лазаревой.....	№ 6
Юбилей Елены Александровны Лапшиной.....	№ 6
Юбилей Натальи Леонидовны Мамаевой.....	№ 5

IN MEMORIAM

Памяти академика О.Т. Богомолова.....	№ 5
Contents.....	№ 1–6
Summary	№ 1–6
Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2015 год.....	№ 6

Contents

THEORY AND METHODOLOGY

V. Poruyakov. The Evolution and Characteristics of China's International Relations in East Asia

POLITICS

A. Voloshina. Northeast Asia in the Modern Chinese Foreign Policy

D. Grafov. Chinese Lobbying in the US

Yu. Shelepova. Dragon and Condor: Current State of Chinese-Chilean Relations

ECONOMY

Yu. Shiganova. The Characteristics of the Regional Development in China Based on the Example of Guandong Province

D. Lebedeva. The Evolution of Macroeconomic Planning in PRC: Searching for the Optimum Balance between the Plan and the Market

E. Leviitskaya. South Korean Economy at the Crossroads: Challenges and Chances

V. Perminova. "Japanese Factor" in Modernization of Taiwan

P. Em. The Subway Development Influence on the Quality of Life and Population Distribution in the Capital Agglomeration of the Republic of Korea

RUSSIAN FAR EAST

A. Savchenko. Between Desire and Possibility: Special Economic Zones in the Far East (1987–2015)

P. Gudev. The Sea of Okhotsk: Success or Concessions?

STATE AND SOCIETY

Yu. Gracheva. The Situation of the Naxi Nationality in the PRC during the First Decade of Economic Reforms and Opening-Up Policy

O. Zavyalova. Innovations in Chinese Linguistics and China's Foreign Policy

HISTORY

A. Ipatova. The 330th Anniversary of Orthodoxy in China and the 300th Anniversary of Foundation of the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing

V. Pushkaryov. "Family Ties Are Lost." Sum-Up Biography of Cossack Family Named the Gurovs

Yu. Din. The First Political Organization of Sakhalin Koreans in the Fight for Repatriation to the Homeland

CULTURE

E. Khokhlova. Theories of Landscape Painting Chin'gyongsansu in Korea

I. Dyabkin. Chinese Cultural Traditions in the Perception of Far Eastern Émigré Writer: "Chinese Porcelain Shakes His Head" Story by P. Severny

SCIENTIFIC EVENTS

The VIII International Scientific and Practical Conference "Russia – China: History and Culture" (Kazan, 8–11 October, 2015)

BOOK REVIEW

A. Starostina. V. Zhuravleva. Bibliography of Chinese Philosophy and Socio-Political Sciences

E. Bayaliev. Yu. Chudodeev. Soviet Trainee in China: the Diaries of Traineeship at the University of Fudan (Shanghai) in 1985–1986

SCHOLAR JUBILEE

Jubilee of Tatiana Vassilievna Lazareva

Jubilee of Elena Alexandrovna Lapshina

Jubilee of E.V. Biryulin

Far Eastern Affaires Contents for 2015

Contents

Summary

Summary

V. Portyakov. The Evolution and Characteristics of China's International Relations in East Asia

On the basis of methodology proposed by scientists from the Institute of Modern International Relations at Tsinghua University the evolution of China's relationship with leading countries of East Asia is considered. The forecast is made for possible shifts in the nature of interaction between China and Vietnam, the US, Japan, Russia, the Republic of Korea for the period of tenure of the fifth leadership generation of the PRC headed by Xi Jinping.

Key words: China, international relationship, USA, Japan, Russia, Republic of Korea, Vietnam, quantitative estimates, evolution.

A. Voloshina. Northeast Asia in the Modern Chinese Foreign Policy

The article examines main features of the modern Chinese foreign policy towards Northeast Asia. The author emphasizes importance of the region in the matter of successful development of China. She considered the format of bilateral and multilateral relations of China with the countries of the region and analyzed the main challenges faced by PRC in the implementation of its foreign policy objectives in Northeast Asia.

Key words: China, strategy, North East Asia, territorial disputes, cooperation, diplomatic balancing.

D. Grafov. Chinese Lobbying in the US

The article analyzed the lobbying of American interests in the PRC and vice versa. Particular attention is paid to mutual links of these interests and to the tools used by Chinese authorities for influence on political decisions taken in the US Congress and Presidential Administration. The author made a few examples of interaction between American and Chinese lobbies.

Key words: USA, PRC, Chinese lobby, the US Congress, US Presidential Administration, lobby campaign, groups of interests.

Yu. Shelepova. Dragon and Condor: Current State of Chinese-Chilean Relations

This article presents political and economical relations between China and Chile, key areas of collaboration, short history of their relationship and problems of bilateral cooperation, as well as their mutual ties with regional unions.

Key words: international relations, China, stratagems, Chile, Asia Pacific Region, trade turnover.

Yu. Shiganova. The Characteristics of the Regional Development in China Based on the Example of Guandong Province

A spatial polarization is one of the most serious problems in the development of China. Drastic unbalances of its coastal and inner regions, determined by geographical, historical and political factors, continue to exist after the start of reforms and opening-up policy in 1978. Today there are substantial differences in the development levels between the regions of

developed provinces as well. They demand additional resources and have negative impact on economic growth of leading regions. The article reviews and compares the regions of one of the major China provinces — Guangdong.

Key words: regional development, Guangdong province, spatial polarization, the Pearl river delta.

D. Lebedeva. The Evolution of Macroeconomic Planning in PRC: Searching for the Optimum Balance between the Plan and the Market

The article deals with the Chinese experience in the field of governmental economic regulation and macroeconomic planning during the period starting from the foundation of the PRC up to nowadays. The author analyzes five-year plans of social and economic development in China, describes the main points for choosing direction of development of macroeconomic planning system in China.

Key words: macroeconomic planning, five-year plans, state planned economy, governmental economic regulation, economic reforms.

E. Levitskaya. South Korean Economy at the Crossroads: Challenges and Chances

After the first decade of the XXI century Republic of Korea found itself before a difficult choice. Despite the success of its "economic miracle" and seemingly robust position in the global market the country is facing challenges that can dramatically change its economic paradigm.

Key words: Republic of Korea, Park Geun-Hye, the ageing of the population, small and average business, innovative economy.

V. Perminova. "Japanese Factor" in Modernization of Taiwan

The article analyzes the characteristics of Japanese policy towards Taiwan during half-century colonial period (1945–1995) and in the decades that followed the defeat of Japan in World War II. It follows the process of transformation of Japan-Taiwanese economic relations at different stages marked by the profound impact of "Japanese factor" on Taiwanese economy.

Key words: Taiwan, Japan, colonialism, modernization, economic development.

P. Em. The Subway Development Influence on the Quality of Life and Population Distribution in the Capital Agglomeration of the Republic of Korea

An attempt was made to compare the quality of life and distribution of the population in the capital agglomeration of the Republic of Korea before and after the subway system was launched.

Key words: capital urban agglomeration of the Republic of Korea, urbanization stages, subway, quality of life.

A. Savchenko. Between Desire and Possibility: Special Economic Zones in the Far East (1987–2015)

The article is devoted to the unsolved so far problem of effective organization of special economic zones in the Russian Far East. Special attention is paid to political aspect of this issue. Based on the new archival sources, author shows that periodic come-backs to the projects of creation various special economic regimes in this region are closely related with center-periphery relationship and deficit of financial resources.

Key words: Far East, special economic zones, territories of priority development.

P. Gudev. The Sea of Okhotsk: Success or Concessions?

In 2015 the Russian Federation completely extended its rights on the continental shelf area in the central part of the Okhotsk Sea, located beyond the exclusive 200-mile economic zone. This process took place in full accordance with the rules and provisions of the 1982 UN Law of the Sea Convention by appealing to the Commission on the Limits of the Continental Shelf. However, this development has led to significant reduction of the legal status of the Sea of Okhotsk, especially in comparison with what was assigned in domestic legal doctrine previously. A critical analysis of what has happened and how this event should be considered due to Russian national interest, is given in this review.

Key words: The Sea of Okhotsk, 1982 United Nations Law of the Sea Convention, Commission on the Limits of the Continental Shelf, exclusive economic zone, internal historical waters.

Yu. Gracheva. The Situation of the Naxi Nationality in the PRC during the First Decade of Economic Reforms and Opening-Up Policy

The situation of minorities in multinational States is relevant in the modern world. The problems of intrastate conflicts, national identity, preservation of national minorities' diversity of material and spiritual culture belong to the issue of relations between State, titular nation and national minorities. The article deals with this issue using the example of relationship between the Chinese State represented by titular nation of the Han and the Naxi minority. This article describes main processes which were taking place in the PRC during the 1980-s in the public policy towards national minorities, that began to change the life of the Naxi after a series of shocks they had experienced during the previous decades.

Key words: the Naxi, national minorities of China, ethnic policy in the PRC.

O. Zavyalova. Innovations in Chinese Linguistics and China's Foreign Policy

Language policy, which comprises not only internal but also external constituents, was revived by China at the beginning of the XXI century. Starting from 2004, Standard Mandarin and Chinese culture have been promoted around the world through the chain of Confucius institutes. In 2013 a set of new research guidelines was proposed by Chinese linguists. It is based on Xi Jinping's "One Belt, One Road" strategy and for the first time in the history of Chinese linguistics has been oriented primarily to the studies of the most important languages of the neighboring countries, as well as of the cross-border languages of the national minorities of China.

Key words: China's language policy, "One Belt, One Road" strategy, languages of the neighboring countries, peoples and languages of China, cross-border languages, Silk Road, Xinjiang.

A. Ipatova. The 330th Anniversary of Orthodoxy in China and the 300th Anniversary of Foundation of the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing

The article highlights the background and circumstances that led to appearance of the Russian Orthodox community in Beijing and offers the analysis pertaining to the Decree of June 18, 1700 by Peter the Great on proliferation of Orthodoxy in China (seen by him as important for Russia's rapprochement in China), to the role of the King-Reformer in the establishment of the Russian Ecclesiastical Mission (REM) — Beijing Mission in China; the expanded outline of events connected with the REM first mission's stay and activities in Beijing, and specified dating of a number of facts in its history. Particular emphasis is made on the role played by the Treaty of Kyakhta of 1728 in formalization of the REM status in Qing China.

Key words: Russia, Qing China, Albazin, the Treaty of Nerchinsk (1689), The Treaty of Kyakhta (1728), Peter the Great, S.L. Vladislavich-Raguzinsky, Emperor Xuanyue (Kangxi), Lifanyuan, Qing Dynasty.

V. Pushkaryov. "Family Ties Are Lost." Sum-Up Biography of Cossack Family Named the Gurovs

The article is devoted to the fate of the Amur Cossacks — father and son the Gurovs by name, who were split by the Civil War and lived on opposite sides of the Amur river: one on the Soviet territory, the other in Chinese emigration. In their new live both of them had faced serious changes. By this example of a single family the author strives to show the tragedy of Russian turmoil in the XX century.

Key words: Alexey Yakovlevich Gurov, Alexey Alexeevich Gurov, Amur cossacks, Far-Eastern emigration, counter-revolutionary organization, repression in the USSR, methodism.

Yu. Din. The First Political Organization of Sakhalin Koreans in the Fight for Repatriation to the Homeland

The article deals with one of recondite events in the history of Sakhalin Koreans — the initiation of the first political organization during the fight for their coming back to Korea. Few Korean activists established the "Communist Party of Korea" the main goal of which was the fight for repatriation.

Key words: Sakhalin Koreans, repatriation, public movement, communist party.

E. Khokhlova. Theories of Landscape Painting *Chin'gyongsansu* in Korea

This article gives an overview of the main theories developed by South Korean art historians since 1970-s on the origins of *chin'gyongsansu* — "true-view landscape painting of Joseon" of XVIII century. All the theories are combined in two groups. The main points and arguments of the most authoritative art historians in the field of paintings of the late Joseon period were discussed.

Key words: chin'gyongsansu, landscape painting, Joseon, neo-Confucianism, Chinese pictorial tradition.

I. Dyabkin. Chinese Cultural Traditions in the Perception of Far Eastern Émigré Writer: "Chinese Porcelain Shakes His Head" Story by P. Severny

The article is devoted to the artistic perception of the cultural traditions of the Chinese by one of the representatives of Far Eastern countries — writer P. Severny. In his story "Porcelain Chinese shakes his head" the author refers to the mythology, which is based on traditional Chinese mentality.

Key words: Far East, China, Manchuria, traditional Chinese culture, the Far Eastern frontier, «frontier mythology», Far Eastern emigration, Russian literature in 1920–1940.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
<http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с требованиями Министерства образования и науки РФ все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

Подписной индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной (тел.: 8 (499) 124–02–15).

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки www.elibrary.ru.

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.
Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.*

Подписано к печати 25.11.2015 г. Дата выхода в свет 20 четв. Формат 70x100 1/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отг. 8,6 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 470 экз. Зак. 731. Цена свободная.

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2015 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, «Типография «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Общие требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция принимает к рассмотрению только не опубликованные ранее рукописи: статьи, переводы, документальные источники, обзоры, рецензии и др.

Материалы должны соответствовать тематике журнала (вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики Китая, Японии, государств Корейского полуострова, других стран АТР, а также российского Дальнего Востока); отражать собственный вклад автора в разработку научной проблемы; обладать актуальностью и научной новизной; соответствовать принятым в журнале техническим требованиям по оформлению рукописей.

Требования к оформлению материалов

1. Рукописи принимаются в электронном виде в формате doc (Word 1997–2003).
2. Объем статьи – не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов).
3. Статья должна сопровождаться аннотацией на русском и английском языках с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).
4. Статья должна иметь список ключевых слов (не более восьми) на русском и английском языках.
5. К статье должны быть приложены сведения об авторе с указанием ФИО, ученой степени, месте работы, должности и контактных данных, включая номер телефона и/или адрес электронной почты.
6. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.
7. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.
8. Японские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Поливанова.
9. Сноски даются в конце статьи.

Оформление сносок

Книги:

- а) На русск. яз.
Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...
- б) На кит. яз.
Автор. Транслитерация китайского названия книги : [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: издательство, год издания. С. ...
- в) На англ. яз.
Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи:

- а) Из печатных изданий
Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...
- б) Из Интернета
Автор статьи. Название статьи. URL: Полный электронный адрес.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.